

М. БОБРЖИНСКІЙ.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ ПОЛЬШИ.

(DZIEJE POLSKI)

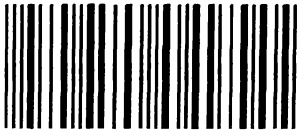
Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакціей профессора
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. КАРЪЕВА.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.
1891.

2007110498

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, 27.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ ПОЛЬШИ.

ОТЪ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА.

Русскій переводъ перваго тома польской исторіи Бобржинскаго появился въ печати три съ половиною года тому назадъ. Замедленіе съ выходомъ въ свѣтъ перевода настоящаго тома произошло вслѣдствіе того, что вопреки ожиданіямъ третье изданіе втораго тома подлинника было выпущено авторомъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Къ сожалѣнію, одинъ изъ переводчиковъ вдобавокъ еще заболѣлъ, и пришлось передать работу въ другія руки, что было также причиною небольшого промедленія (I-ый т. былъ переведенъ А. М. Гриневецкимъ и В. Д. Цвѣтницкимъ, II-ой—В. А. Мякотинымъ и В. Д. Цвѣтницкимъ). Редактируя переводъ настоящаго тома, я держался того же правила, которымъ руководствовался и при редакціи перевода первой части, т. е. наблюдалъ за возможно большею точностью въ передачѣ мыслей и даже выраженій автора, не позволяя себѣ ни въ томъ, ни въ другомъ никакихъ измѣненій. Весьма желалъ бы, чтобы появленіе этой части труда Бобржинскаго на русскомъ языкѣ не вызвало такихъ нареканій, какими, къ сожалѣнію, сопровождался выходъ въ свѣтъ перевода первой части.

Н. Карѣвъ.

24 ноября 1891 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Періодъ третій отъ конца XV до конца XVIII вѣка. Польша новыхъ временъ.

	стр.
Литература третьяго періода	1
I. Альбрехтъ и Александръ преобразовываютъ Польшу при помощи шляхты (1492--1506)	4
§ 64. Великіе планы Альбрехта	6
§ 65. Борьба Александра съ можновладствомъ	17
§ 66. Преобразование государства	20
II. Слабая и близорукая политика Сигизмунда I губить историческое призваніе народа и производитъ анархію. (1506—1548)	27
§ 67. Первые реформы Сигизмунда	30
§ 68. Отреченіе во внѣшней политикѣ	35
§ 69. Общественный перевѣсъ шляхты	43
§ 70. Новое движеніе шляхты	48
§ 71. Другія реформы Сигизмунда	53
§ 72. Куриная война. Анархія	55
III. Реформація. Шляхта терпитъ пораженіе въ своей борьбѣ съ анархіей изъ-за реформы Рѣчи Посполитой (1548—1575).	58
§ 73. Реформація въ Польшѣ	61
§ 74. Программа Рѣчи Посполитой	68
§ 75. Первый періодъ борьбы изъ-за реформы Рѣчи Посполитой (1548—1559)	73
§ 76. Война изъ-за Лифляндіи	80
§ 77. Второй періодъ борьбы изъ-за реформы Рѣчи Посполитой (1562—1572)	83
§ 78. Третій періодъ борьбы изъ-за реформы Рѣчи Посполитой. Первое безкорольевье (1572—1574).	101
IV. Возвращеніе къ католичеству. Сигизмундъ III губить плоды великой дѣятельности Стефана Баторія (1575—1608)	113
§ 79. Избраніе Стефана Баторія. Его политика (1575—1608).	116
§ 80. Война (1577—1582).	121
§ 81. Іезуиты	125
§ 82. Внутреннія реформы	132

§ 83.	Замойскій остается господиномъ положенія въ безкорольевъ (1587—1588 гг.)	138
§ 84.	Политика Сигизмунда III.	141
§ 85.	Бунтъ Зебржидовскаго.	156
§ 86.	Золотая свобода	161
	V. Ошибочная внѣшняя политика доводитъ Польшу до потери политическаго значенія въ Европѣ. (1608—1655).	169
§ 87.	Войны Сигизмунда III-го.	170
§ 88.	Польша въ тридцатилѣтнюю войну	176
§ 89.	Дальнѣйшее внутреннее разстройство.	180
§ 90.	Владиславъ IV (1632—1648) сохраняетъ нейтралитетъ Польши въ тридцатилѣтней войнѣ.	186
§ 91.	Янъ Казимиръ (1648—1668). Козачкія войны.	197
§ 92.	Шведскія нападенія	204
	VI. Ошибочная внѣшняя политика дѣлаетъ напрасными усилія подняться изъ упадка (1655—1717).	206
§ 93.	Отраженіе шведскихъ нападеній	208
§ 94.	Мятежъ Любомірскаго уничтожаетъ первую попытку реформы, предпринятой французской партіей	215
§ 95.	Избраніе Михаила Вишневецкаго—второе пораженіе французской партіи	219
§ 96.	Янъ Собѣскій (1674—1696) обманываетъ надежды французской партіи	221
§ 97.	Австрійскій союзъ уничтожаетъ планы реформы Собѣскаго.	224
§ 98.	Августъ II (1637—1738). Его планы государственнаго переворота въ союзѣ съ Россіей (до 1717 г.)	233
	VII. Перевѣтъ Россіи. Полная анархія кончается первымъ раздѣломъ страны (1717—1773).	241
§ 99.	Картина паденія	243
§ 100.	Планы Потоцкихъ	254
§ 101.	Покушеніе на переворотъ со стороны Чарторыйскихъ.	257
	VIII. Возрожденіе въ упадкѣ.	273
§ 102.	Постоянный совѣтъ.	276
§ 103.	Эдукаціонная комиссія.	282
§ 104.	Четырехлѣтній сеймъ (1788—1791).	289
§ 105.	Второй и третій раздѣлы Рѣчи Посполитой (1792—1795).	302
	Генеалогическая таблица династіи Вазъ.	307
	Общіе выводы	309
	Свѣдѣнія по политической географіи новѣйшей Польши	328

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ

ОТЪ КОНЦА XV ДО КОНЦА XVШ ВѢКА.

ЛИТЕРАРА ТРЕТЬЯГО ПЕРІОДА.

Дѣятельность издателей историческихъ источниковъ, развившаяся у насъ въ послѣдніе годы, обратилась главнымъ образомъ на источники средневѣковые уже по тому одному, что ихъ сохранилось меньше и что каждый изъ нихъ даетъ что-нибудь новое и долженъ быть основательно изученъ. Источниковъ этихъ опубликовано сравнительно такъ много, что историкъ, пишущій о среднихъ вѣкахъ, имѣя подъ руками печатный матеріалъ, можетъ безъ архивныхъ изысканій предпринимать на основаніи его труды, обнимающіе цѣлый періодъ или значительные его отдѣлы. Начиная съ XVI вѣка, число дошедшихъ до насъ источниковъ возрастаетъ почти безъ конца, такъ что о напечатаніи ихъ во всемъ объемѣ не можетъ быть и рѣчи, и историкъ всегда будетъ принужденъ обращаться къ помощи архивовъ. Къ тому же изданіе источниковъ новой нашей исторіи не велось рационально. Издано довольно много отрывковъ изъ источниковъ дипломатическихъ, изданіе которыхъ относительно менѣе всего необходимо и которыхъ, именно благодаря ихъ громадности, никогда нельзя будетъ издать полностью; источниковъ же для внутренней исторіи издано слишкомъ мало. Довольно сказать, что у насъ нѣтъ еще опубликованныхъ въ полномъ составѣ источниковъ для исторіи хотя бы одного изъ болѣе значительныхъ городовъ, хотя бы одной деревни, нѣтъ дневниковъ сеймовъ, королевскихъ указовъ и т. п. При отсутствіи же этихъ источниковъ трудно писать о внутреннихъ отношеніяхъ этого

очеркъ ист. польши. т. II.

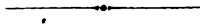
періода и представить все ихъ развитіе въ продолженіе трехъ послѣднихъ столѣтій. Нашъ взглядъ на исторію внутреннихъ отношеній третьяго періода мы принуждены выяснитъ себѣ съ большимъ трудомъ изъ монографій, которыя, выходя часто за предѣлы своего предмета, бросаютъ свѣтъ на предыдущія и послѣдующія отношенія. Мы приведемъ перечень ихъ въ литературѣ отдѣльныхъ главъ.

Уже здѣсь мы можемъ однако указать нѣсколько сочиненій, которыя, побѣждая всѣ указанные затрудненія, охватываютъ въ представленіи внутреннихъ отношеній, если не весь періодъ, то по крайней мѣрѣ значительную часть его. Къ такимъ мы причисляемъ прежде всего выдающіеся и единственные въ своемъ родѣ труды Адольфа Павинскаго: «Финансы въ Польшѣ и ихъ исторія при Стефанѣ Баторіи» («Skarbowosc w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego». Warszawa. 1881) и «Сеймиковое правленіе въ Польшѣ, изображенное на основаніи отношеній куявскихъ воеводствъ» («Rzady sejmikowe w Polsce natle stosunków województw kujawskich». Warszawa. 1888). Первый изъ нихъ, основываясь главнымъ образомъ на источникахъ временъ Баторія, объясняетъ однако всю финансовую политику Польши послѣдняго періода, такъ какъ въ этой области наименѣе произошло измѣненій и они носили наименѣе рѣшительный характеръ. Второй объяснилъ намъ, правда, только съ 1572 г., главную пружину польскаго парламентаризма, находившуюся въ сеймикахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ намъ подробное изображеніе автономіи воеводствъ. Можетъ быть другіе авторы превышаютъ Павинскаго проницательностью сужденія или блескомъ изложенія, но несомнѣнно, что никто изъ нихъ не обогатилъ до сихъ поръ нашей исторіографіи такимъ рядомъ фактовъ и наблюденій высокой важности.

Вторымъ трудомъ съ болѣе широкой задачей является сочиненіе Станислава Тарновскаго: «Политическіе писатели XVI вѣка». («Pisarze polityczni XVI wieku». 2 tt. Krakow 1886 г.). Оно дополняетъ и собираетъ въ одно цѣлое рядъ работъ этого автора и многихъ другихъ новѣйшихъ историковъ, относящихся къ развитію политической литературы и реформъ въ XVI столѣтіи. Сочиненіе это не только важно вслѣдствіе многихъ заключающихся въ немъ фактическихъ подробностей, но не менѣе любопытно еще и тѣмъ, что въ немъ приведены въ нѣкоторое равновѣсіе высказанные другими историками нерѣдко противорѣчивые взгляды на внутреннюю исторію XVI вѣка.

Къ этимъ же временамъ относится добросовѣтный трудъ Освальда Бальцера: «Генезисъ короннаго трибунала». («Geneza trybunału koronnego». Warszawa. 1886.), который кромѣ генезиса трибунала представляетъ намъ на основаніи источниковъ картину польскаго судопроизводства въ XV и XVI вѣкахъ.

Наконецъ здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о сочиненіи Оаддея Корзона: «Внутренняя исторія Польши въ царствованіе Стинислава Августа». («Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta». 4 tt. Kraków. 1882—1886). Изслѣдованіе это слишкомъ неравномѣрно и въ нѣкоторыхъ частяхъ неумѣло, но поражаетъ зато громадностью матеріала, добытаго изъ архивовъ, и даетъ намъ столь подробное изображеніе внутреннихъ отношеній второй половины XVIII вѣка, что предшествующія времена должны будутъ еще долго ожидать подобнаго.

Альбрехтъ и Александръ преобразовываютъ Польшу при помощи шляхты.

(1492—1506).

Л И Т Е Р А Т У Р А .

Францискъ Черный: «Царствованіе Альбрехта и Александра» («Rapanie Olbrachta i Alexandra», Kraków 1872) и Сбигиѣвъ Княземуцкій: «Янъ Альбрехтъ, король польскій, въ первые годы своего правленія» («Johann Albert König von Polen in seinen ersten Regierungsjahren», Leipzig 1875) находятся еще подъ вліяніемъ стараго взгляда, представляя шляхту, какъ зрѣлый политически элементъ, который въ борьбѣ съ королями ограничиваетъ ихъ и законами 1505 г. отнимаетъ у нихъ власть.

Новый взглядъ на внутреннюю исторію, основанный на неизвѣстныхъ рукописныхъ источникахъ, проводитъ работа Михайла Бобржинскаго: «Польскіе сеймы при Альбрехтѣ и Александрѣ» («Sejmy polskie za Olbrachta i Alexandra». Ateneum, 1876, №№ 4 и 5) и его же: «Станиславъ Заборовскій», эскизъ изъ польской литературы («Stanislaw Zaborowski», studyum z literatury polskiej, Przewodnik naukowy, Lwów, 1877), представляя дѣло такъ, что Альбрехтъ и Александръ правили съ помощью шляхты вопреки можновладству. Съ этимъ основнымъ взглядомъ соглашается и Шуйскій (въ рецензій моей «Исторіи» и въ чтеніяхъ: Возрожденіе и реформація («Odrodzenie i reformacja», 1880), но законъ 1505 г. онъ считаетъ стѣсненіемъ королевской власти, о чемъ подробнѣе будетъ сказано въ примѣчаніяхъ.

Бостля, Фердинанда: «Zakaz Miechowity» (Przewodnik naukowy, Lwów 1884) цѣнно, какъ разборъ источниковъ, его же: «Избраніе Александра» (Elekcyja Alexandra, Przewodnik nauk., Lwów 1887).

Лукаса, Станислава: «О мнимомъ походѣ на турокъ 1497 г.» («O rzekomej wyprawie na Turka w r. 1497», Album Kraszewskiego, Lwów, 1879)

работа, написанная съ большою проницательностью, его же: «Разборъ послѣднѣ-длугошевской части хроники Бернарда Ваповскаго» («Rozbiór podługoszowej części kroniki Bernarda Warowskiego», Rozprawę wydz. hist. Akademii. Kraków 1879, t. X и XI) заключаетъ въ себѣ подробный критическій разборъ источниковъ.

Пуласкаго, Казимира: «Менгли-Гирей, ханъ перекопскихъ татаръ» («Mendligirej, chan Tatarów perekopskich». Przewodnik nauk. Lwów 1879, также подъ заглавиемъ: Stosunki Polski z Tatarszczyzna od połowy XV wieku. Tom I. Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów perekopskich». Warszawa 1881).

Яблоновскаго, Александра: «Волошскія дѣла при Ягеллонахъ» («Sprawy woloskie za Jagiellonów», Źródła dziejowe, t. X. Warszawa 1878), работа, произведенная въ широкихъ размѣрахъ и пополнившая большой пробѣлъ въ нашей исторіографіи; его же: «Подолія въ концѣ 15-го вѣка» («Podole u schyłku XV wieku», Ateneum. Warszawa. 1880).

Гиршберга, Александра: «Коалиція Франціи съ Ягеллонами въ 1500 г.» («Koalicya Francyi z Jagiellonami w r. 1500». Przewodnik nauk. Lwów 1882).

Лиске, Ксаверія: «Крестоносцы въ Польшѣ» («Krzyżacy w Polsce», Przewodnik nauk. Lwów. 1875).

. Бостля, Фердинанда: «Неизвѣстная сеймовая конституція 1501 г.» («Nieznana konstytucya sejmowa z r. 1501», Kwartalnik hist. Lwów 1889).

Его же: «Временной радомскій законъ 1505 г.» («Tymczasowa ustawa radomska z r. 1505». Kwartalnik hist. Lwów 1889).

Г. Карпова: «Исторія борьбы московскаго государства съ польско-литовскимъ». Москва. 1867.

Обширную обработку исторіи времени съ 1481—1506 г. далъ въ послѣднее время Яковъ Каро: «Исторія Польши» («Geschichte Polens». Fünfter Theil, zweite Hälfte. Gotha. 1888). Мое изображеніе внутреннихъ отношеній этого времени онъ упрекаетъ, правда, въ анахронизмъ, но, насколько я могу судить, самъ слѣдуетъ ему и ни въ чемъ болѣе важномъ не исправляетъ его.

Воликіе планы Альбрехта.

(1492—1501).

Казимиръ Ягеллонъ не довершилъ дѣла, надъ которымъ трудился всю жизнь съ такой настойчивостью. Въ моментъ его смерти (7 іюня 1492) страны, подчиненныя скипетру Ягеллоновъ: Польша, Литва, Пруссія, Чехія, Венгрія и Валахія, не были еще соединены настолько тѣсно, какъ объ этомъ мечталъ величайшій изъ Ягеллоновъ; не была создана новая внутренняя организація, которая должна была обезпечить правильное развитіе государства и большую внѣшнюю силу въ будущемъ. Никто однако не оставлялъ своимъ наслѣдникамъ наслѣдства больше и богаче. Занявъ престолъ послѣ пораженія при Варнѣ, онъ соединилъ Польшу болѣе тѣсною связью съ Литвою, возвратилъ Пруссію, привелъ въ вассальную зависимость Валахію, распространилъ господство династіи на Чехію и Венгрію. Занявши престолъ государства, взволнованнаго вельможами, онъ возстановилъ авторитетъ монаршей власти, уничтожилъ привилегіи и на мѣсто эгоизма сословій поставилъ идею общественнаго блага. Послѣ него остались два политическіе принципа, которые онъ прививалъ въ сердцахъ и умахъ народа: смѣлый починъ во внѣшней политикѣ и союзъ короля съ массою «шляхты»—во внутренней. Самымъ дорогимъ однако для народа наслѣдствомъ послѣ Казимира Ягеллона были его пять сыновей (шестой: Казимиръ святой умеръ преждевременно въ 1483 г. *), которымъ онъ вмѣстѣ

* Владиславъ Ягеллонъ, первый сынъ Казимира и Елисаветы, род. въ 1455 г., избранъ королемъ чешскимъ въ 1471 г., венгерскимъ въ 1490, умеръ въ 1516 г., оставивъ сына Людовика. Казимиръ, второй сынъ, родился въ 1458, умеръ 1483, причисленъ къ лику святыхъ въ 1520. Янъ Альбрехтъ, третій сынъ, родился 1459, избранъ польскимъ королемъ въ 1492 г., умеръ бездѣтнымъ 8 іюня 1501 г. Александръ, четвертый сынъ, род. въ 1460 г.,

съ своей женою, а ихъ матерью, Елисаветою Австрійской, женщиной рѣдкаго ума и характера, далъ прекрасное воспитаніе и завѣщалъ свою вполне династическую политику. Королевскіе сыновья учились у такихъ учителей, какъ историкъ Длугошъ и Филиппъ Буонакорси, извѣстный во всей Европѣ подъ псевдонимомъ Каллимаха гуманистъ; въ тайны веденія государственныхъ дѣлъ они были посвящаемы подъ непосредственнымъ руководствомъ отца и уже принимали въ нихъ дѣятельное участіе. Однако это не изгладило выдающихся различій, которыя нетрудно было замѣтить въ ихъ характерахъ. Фридрихъ, любящій весело пожить, по своей слабохарактерности болѣе всего былъ похожъ на самаго старшаго брата, Владислава, совершенно неспособнаго короля Чехіи и Венгріи; Сигизмундъ отличался храбростью, ласковостью въ обращеніи и безукоризненною нравственностью; въ характерѣ Александра выдавалось чисто литовское упорство, соединявшееся съ наружнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ. Одинъ только Янъ Альбрехтъ пропикся самодержавной политикой отца и, казалось, во всемъ превосходилъ братьевъ; онъ же сталъ во главѣ ихъ и первый взялъ въ свои руки дѣло отца.

Сейчасъ же послѣ смерти Казимпра подняла голову аристократическая анархія, подавлявшаяся его желѣзной рукой. Литовскіе «паны», не спрашиваясь Польши, провозгласили своимъ великимъ княземъ Александра и заставили заплатить себѣ за это избраніе большими привилегіями; у польскихъ «пановъ», собравшихся на выборы въ Петровѣ и выдвигавшихъ разныхъ кандидатовъ, даже князей мазовецкихъ, очевидно былъ на умѣ такой же торгъ. Альбрехтъ, видя это, приводитъ въ Петровѣ вооруженный отрядъ и силой заставляетъ признать и короновать себя. Нельзя было рѣзче возобновить традицію отца и болѣе открыто бросить перчатку «можновладству», во главѣ котораго стоялъ двоюродный братъ Сбигнѣва Олесницкаго, тоже Сбигнѣвъ и тоже архіепископъ гнѣзненскій. Противъ возможнаго съ этой стороны сопротивленія Альбрехтъ обезпечиваетъ себя немедленно заключеннымъ въ 1492 г. договоромъ въ Буда-Пештѣ съ братомъ

вступилъ на литовскій престолъ въ 1492 г., избранъ на польскій престолъ въ 1501 г., умеръ 19 августа 1506 г. въ Вильнѣ. Отъ жены Елены, дочери московскаго князя Ивана Васильевича, потомства не оставилъ. Сигизмундъ, пятый сынъ, впоследствии король, см. ниже. Фридрихъ род. въ 1468 г., сдѣланъ епископомъ краковскимъ въ 1488 г., съ 1493 также и архіепископомъ гнѣзненскимъ, съ 1495 г. кардиналомъ, умеръ въ 1503 г.

Владиславомъ, въ силу котораго оба брата общаются другъ другу помощь противъ нарушителей внутренняго порядка. Но болѣе дѣйствительную опору своему правленію молодой король нашелъ въ традиціонномъ союзѣ со «шляхтою». Первые годы своего царствованія онъ посвящаетъ удовлетворенію ея интересовъ, такъ долго остававшихся въ пренебреженіи. На двухъ великихъ сеймахъ 1493 и 1496 гг., происходившихъ въ Петровѣ, обезпечена была ей опека закона, упорядочены суды земскіе и гродскіе, ограничена компетенція судовъ церковныхъ, строгими постановленіями обузданы разбои и насилія и наконецъ отмѣнены законы, стѣсняющіе благосостояніе «шляхты». Въ этомъ дѣлѣ Альбрехтъ зашелъ слишкомъ далеко, онъ дозволилъ «шляхтѣ» захватить всѣ церковныя должности въ ущербъ интеллигенціи, образующейся изъ низшихъ сословій; забывая, что когда-нибудь и города и простой народъ могутъ сдѣлаться необходимой опорой государства, онъ не удержалъ шляхты отъ вступленія на тотъ путь, который велъ къ упадку городовъ и неволѣ народа, и позволялъ ей эксплуатировать весь народъ. Но шляхта не забыла о королѣ. Огромные налоги, вотиrowанные сеймами и падавшіе безъ всякихъ исключеній на шляхту, пановъ, духовенство и города, наполнили казну; поддержка шляхты принудила вельможъ къ невиданному до того времени повиновенію и покорности. Двѣ высшія должности, которыя до сихъ поръ занимали вожди можновладства въ борьбѣ съ королемъ—епископство краковское и архіепископство гнѣзненское, въ 1493 г. занялъ и совмѣстилъ братъ короля, Фридрихъ, искренно ему преданный. Послѣ «можновладства» пришла очередь коронныхъ вассаловъ. Въ 1494 г. король пріобрѣлъ покупкою княжество заторское и присоединилъ его къ государству, какъ интегральную часть. Княжество плоцкое послѣ бездѣтной смерти князя Януша II въ 1495 г. вернулось къ коронѣ; послѣдній же изъ мазовецкихъ Пястовъ, Конрадъ III, оставленный въ восточной Мазовіи, долженъ былъ признать полную свою зависимость отъ польскаго короля. Тевтонскому ордену угрожала идея перенесенія его въ Подолю для борьбы съ татарами и турками, нашедшая вліятельнаго послѣдователя въ епископѣ Вармійскомъ, совѣтникѣ Альбрехта, Лукѣ Ватцельроде. Поэтому магистръ ордена Іоаннъ Тиффенъ не только прекратилъ вражду къ Польшѣ, но даже лично, по призыву короля, отправился со своими рыцарями въ походъ 1497 г. Итакъ Польша пользовалась внутреннимъ спокойствіемъ и безопасностью, какъ никогда прежде, и могла на-

править всё свои огромныя силы въ ту сторону, гдѣ ей предстояло выполнить великую историческую миссію. Эта миссія представлялась ей на Востокѣ, для котораго долгое царствованіе Казимпра Ягеллона не прошло безъ значительныхъ слѣдовъ.

Казимиръ сдерживалъ слишкомъ далеко заходившія стремленія поляковъ по отношенію къ Литвѣ съ той только цѣлью, чтобы сплнѣе упрочить унію ея съ Польшей и открыть болѣе широкій путь мирному вліянію польской цивилизаціи въ Литвѣ. Поэтому въ 15-мъ вѣкѣ Литва, несмотря на городельскую унію, остается отдѣльнымъ государствомъ и ревниво оберегаетъ свою самостоятельность, но, развиваясь по образцу и при помощи Польши, она все болѣе къ ней приближается и все болѣе дѣлается на нее похожей. Польская политическая организація (воеводства, каштелянства), ограничивавшаяся первоначально собственно Литвою (Вильно, Троки), постепенно распространяется на ея восточныя, русскія области; судебная организація развивается на польскихъ образцахъ; города по примѣру Польши принимаютъ колонистовъ и общинное нѣмецкое устройство, а вмѣстѣ съ ними промышленность и торговлю Запада. Населеніе возрастаетъ количественно, возрастаютъ благосостояніе и просвѣщеніе, духъ свободы, вѣющій изъ Польши, потрясаетъ феодализмъ и распространяется и въ низшихъ слояхъ народа. Большимъ шагомъ впередъ по этому пути была для Литвы привилегія Казимира Ягеллона 1457 г., которая освобождала «шляхту» отъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, давала ей личную свободу въ отношеніяхъ семейныхъ и имущественныхъ, обезпечивала отъ произвола правителей и отдавала въ ея власть деревенское населеніе. Литовское можновластво достигаетъ по примѣру польскихъ пановъ такой самостоятельности, что послѣ смерти Казимира Ягеллона не только, не ожидая новаго польскаго короля, избираетъ своимъ великимъ княземъ Александра, но при этомъ удобномъ случаѣ вынуждаетъ его дать грамоту, въ которой великій князь обѣщаетъ не измѣнять собственной властью постановленій, принятыхъ имъ въ совѣтѣ литовскихъ пановъ, и тѣмъ самымъ допускаетъ можновластво къ законному участию въ правленіи.

Литовскій элементъ, несмотря на принятіе католицизма, стоитъ однако на второмъ планѣ по отношенію къ русскому, который господствуетъ въ устной рѣчи и въ письменности даже въ правительственныхъ сферахъ и при великокняжескомъ дворѣ и имѣетъ свой центръ тяжести въ Вильнѣ. Все это однако относится только

къ Бѣлой Руси, такъ какъ Русь южная, лежащая ниже Припечи, развивалась совѣмъ особымъ путемъ.

Она состояла изъ двухъ большихъ областей, изъ которыхъ одну образовала Волинь, другую—Червоная Русь. Эта послѣдняя вмѣстѣ съ землею Белзкою (присоединенною въ 1462 г.) и Подоліей (занятою въ 1430 г.) составляла интегральную часть польскаго государства и грамотами Казимира Ягеллона 1456 г. была совершенно сравнена въ отношеніи правъ и порядка управленія съ другими областями Рѣчи-Посполитой. Вторая половина XV вѣка была рѣшительнымъ моментомъ для Червоной Руси и Подоліи. Усердная хозяйственная дѣятельность, поддерживаемая непрерывной польскою колонизаціей и нѣмецкими поселеніями въ городахъ, превращаетъ русскіе пустыри въ страну населенную, богатую, счастливую, текущую молокомъ и медомъ. Многочисленные польскіе роды, переселившіеся въ эту страну: Одровонжи, Ходецкіе, Ярославскіе, Бучацкіе, занимая высшія должности на Руси, приобрѣти тамъ большія имѣнія, вполне сжились съ мѣстными условіями, можно сказать, сдѣлались ея гражданами и, соединившись многочисленными узами съ русской шляхтою, привлекали ее къ католицизму и полонизму. Католическая іерархія распространяется на Червоной Руси въ эти времена болѣе, чѣмъ когда бы-то и было прежде, благодаря мудрому хозяйству, особенно архіепископа львовскаго, Григорія изъ Санока, приобрѣтаетъ себѣ сильную матеріальную опору и не только присвоиваетъ себѣ надъ русской іерархіей первенство, но даже нѣкоторое вліяніе и власть. Начиная съ конца XV вѣка, Червоная Русь и Подолія становятся провинціями до такой степени польскими, что шляхта ихъ вмѣстѣ съ остальною польскою шляхтою стремится къ участію въ общественной жизни, въ сеймѣ и сеймикахъ, а тѣмъ самымъ стремится уже не къ униі, а къ большей и большей централизаціи.

Особенное положеніе занимаетъ Волинь, которая еще до 1452 г. имѣла въ лицѣ Свидригайлы своего отдѣльнаго князя. Послѣ его смерти Волинь удерживаетъ въ своемъ владѣніи Литва (§ 59); великій князь литовскій назначаетъ волинскихъ чиновниковъ, сановники волинскіе засѣдаютъ въ литовскомъ сенатѣ, литовскіе законы распространяются и на Волинь, доходы съ Волини поступаютъ въ литовскую казну. При всемъ томъ однако Литва, видя, что взоры поляковъ непрерывно обращаются на Волинь, принуждена предоставить ей самоуправленіе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Знатные русскіе роды, поселившіеся

на Волыни: Сангушки, Острожскіе, Чарторыйскіе, держатъ въ своихъ рукахъ ея судьбы. Однако волынскіе русины, трудясь для развитія своей страны и имѣя выборъ между польской и литовской цивилизаціей, очевидно обращаются къ болѣе сильной, т. е. къ первой, и заимствуютъ изъ нея щедрой рукой все, что только возможно взять: политическое и судебное устройство, законы и обычаи; принимая польскія вольности въ большей степени, чѣмъ Литва, они вырабатываютъ у себя среднее шляхетское сословіе, котораго почти совершенно еще не было въ Литвѣ. Соединенная политически съ Литвой, Волынь въ концѣ XV вѣка, въ отношеніи своего развитія и характера жизни, является польскою, или по крайней мѣрѣ полу-польскою областью, естественнымъ посредникомъ между Польшей и Литвой.

На все это столь сильное развитіе Литвы и Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на культурное движеніе Польши на востокъ оказало сильное вліяніе въ XV вѣкѣ новое событіе, въ высшей степени важное. Пораженіе Витовта при Ворсклѣ въ 1422 г. не позволило стремленію Польши и Литовской Руси къ востоку достигнуть своихъ естественныхъ границъ—Чернаго моря и большихъ степей, отдѣляющихъ Европу отъ Азіи.

Къ тому же тотчасъ на этихъ границахъ появляются, или, по крайней мѣрѣ, усиливаются и вступаютъ въ новый фазисъ жизни политическія организациі, которыя кладутъ преграду дальнѣйшему движенію Польши и Русн на востокъ, а вскорѣ начинаютъ угрожать этому движенію даже въ его точкахъ отправления. Это—Москва, Крымъ и Валахія.

Не всю Русь подчинилъ своей власти великій князь литовскій Гедиминъ; остались еще на сѣверѣ два торговые города, граничившіе съ Литвою и имѣвшіе республиканское устройство: Новгородъ и Псковъ, осталось еще нѣсколько княжествъ, дальше другихъ выдвинутыхъ къ востоку: Рязань, Суздаль, Тверь и Москва. Княжества эти находились подъ страшнымъ игомъ монголовъ, которое своимъ дикимъ, варварскимъ вліяніемъ задерживало ихъ естественное развитіе и разрывало ихъ связи съ цивилизованнымъ міромъ. Однако монгольское иго развилось въ этой части русскаго народа ту силу тихаго сопротивленія и выносливости, которая сдѣлалась самой выдающейся его чертой и факторомъ его величія впослѣдствіи. Татарскіе ханы, желая въ этихъ крайнихъ владѣніяхъ своего обширнаго государства обезпечить себѣ порядокъ, правильную уплату дани и доставленіе военныхъ вспомогательныхъ отрядовъ, поддерживали власть кня-

зей надъ подчиненнымъ имъ народомъ, способствовали ея росту, завоеванію сосѣднихъ чудскихъ и финскихъ племенъ, соединенію отдѣльныхъ, разрозненныхъ княжествъ въ рукахъ одного владѣтеля, пока такой владѣтель не начиналъ казаться имъ самимъ слишкомъ могущественнымъ и опаснымъ. Тогда ханъ призывалъ его къ себѣ и устранялъ посредствомъ жестокаго приговора, или же въ случаѣ неповиновенія высылалъ противъ него грозныя полчища, подавлялъ бунтъ и возводилъ на княжескій престолъ другого претендента. Въ такомъ ужасномъ кругу вращалась исторія Сѣверной Руси въ XIII и XIV вѣкахъ. Въ эти то времена московскіе князья пріобрѣли рѣшительный перевѣсъ надъ сосѣдними князьями, создали въ Москвѣ центръ политической и религіозной жизни этой части Руси, наконецъ провозгласили даже идею низверженія монгольскаго ига. Уже Дмитрій Донской, великій князь московскій, побѣдоносной битвой на Куликовомъ полѣ въ 1380 г. доказалъ, что могущество татаръ не есть ничто несокрушимое. Одно сраженіе не могло однако рѣшить всего дѣла. Тѣмъ временемъ соединеніе Литвы съ Польшей еще усилило значеніе Москвы, такъ какъ создало въ ней точку опоры для тѣхъ сосѣднихъ русиновъ, которые съ недовольствомъ переносили господство Литвы и опасались возрастающаго вліянія Польши и ея католической церкви. Церковная флорентинская унія, непопулярная среди многихъ, увеличила обаяніе московскаго митрополита, который остался вѣренъ восточной церкви. Наконецъ въ 1462 г. на великокняжескій престолъ вступилъ Іоаннъ III, называемый Великимъ, который открылъ новую эру въ исторіи Сѣверной Руси.

Побѣдивши въ кровопролитной борьбѣ и присоединивши къ своему государству Новгородъ, Тверь, Ростовъ и Ярославль и укрѣпивъ такимъ образомъ свои силы, онъ обратилъ ихъ противъ татаръ, въ 1480 г. окончательно свергнулъ ихъ иго и началъ наступательную борьбу съ ханами казанскихъ татаръ. Одновременно съ этимъ Іоаннъ предпринялъ планъ еще болѣе смѣлый — соединить всю Русь подъ своимъ скипетромъ. Съ этой цѣлью, для успленія своего обаянія, онъ въ 1472 г. вступилъ въ бракъ съ Софіей, дочерью послѣдняго Палеолога, и этимъ призналъ себя наследникомъ Византійской имперіи; призывалъ къ своему двору грековъ и даже италіанцевъ, работалъ усиленно при содѣйствіи ихъ надъ поднятіемъ цивилизаціи въ странѣ, надъ улучшеніемъ военнаго и политическаго устройства и народнаго хозяйства, ввелъ великое княжество московское въ связь съ Западомъ и всюду завелъ дипломатическія сношенія.

Такимъ образомъ стали другъ противъ друга двѣ грозныя силы, стремившіяся къ одной цѣли—объединенію Руси, но каждая въ особомъ направленіи. Великій князь московскій создавалъ изъ нея одно самостоятельное, отдѣльное православное цѣлое. Литва съ поддерживающей ее Польшей сближала занятія ею русскія области съ католическимъ западомъ и распространяла въ нихъ ассимилирующее вліяніе польской цивилизаціи. Между такими двумя прямо противоположными направленіями необходимо должна была возникнуть вѣковая борьба, которая могла разрешиться только окончательнымъ пораженіемъ и сокрушеніемъ одной изъ сторонъ. Борьба эта уже началась въ царствованіе Казимира Ягеллона, когда Іоаннъ отнялъ у Литвы захваченное некогда Витовтомъ верховенство надъ Новгородомъ и Псковомъ, когда же литовцы послѣ смерти Казимира получили особаго государя въ лицѣ Александра и временно потеряли поддержку Польши, сейчасъ же начались кровавыя войны, во время которыхъ побѣдитель Іоаннъ уже въ 1492 г. на счетъ Литвы выдвинулъ свои границы далеко на югъ вплоть до рѣки Десны.

На первыхъ порахъ болѣе грознымъ врагомъ для Польши сдѣлался Крымъ. Часть великой орды монгольской заняла Перекопъ на Крымскомъ полуостровѣ и образовала въ XV вѣкѣ отдѣльную орду подъ главенствомъ особой династіи Гиреевъ. Находясь постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ съ Золотой ордой, т. е. съ татарами заволжскими, крымскіе татары искали сначала помощи въ Литвѣ, но когда въ 1469 г. во главѣ ихъ сталъ Менгли-Гирей, то онъ нашелъ болѣе подходящаго союзника въ Москвѣ, рѣшившей свергнуть иго заволжскихъ татаръ, и тѣмъ самымъ сдѣлался врагомъ Польши и Литвы, воюющей съ Москвой. Слѣдовательно, обстоятельства сложились такимъ образомъ, что Москва въ союзѣ съ Крымомъ выступала противъ Польши и Литвы, соединяющейся съ Золотой ордой, и, дѣйствуя наступательно, получала тѣмъ болѣшую выгоду, что Польша, занятая прусскими и чешскими дѣлами, не могла рѣшительно обратить своихъ силъ на востокъ. Дикія татарскія полчища бросались на недавно еще возникшія селенія Волыни и Подоліи, все, чего нельзя было забрать съ собою, уничтожали огнемъ и мечемъ, населеніе забирали въ неволю и уходило съ добычею въ свои далекія кочевья. Благодаря этому колонизаціонная и хозяйственная дѣятельность на Волыни и Подоліи нуждалась въ постоянной оборонѣ, плугъ долженъ былъ побрататься съ оружіемъ. Возникла особая система защиты южно-русскихъ земель. Тамъ, гдѣ

оганчивалась дикая степь, отдѣлившая русскія селенія отъ татарскихъ кочевьевъ, начинался рядъ укрѣпленныхъ замковъ, идя по линіи Кіева, Винницы, Брацлава и Бара. За однимъ рядомъ шелъ другой до Луцка, Львова и Каменца (Каменецъ Подольска). Въ этихъ «городахъ» при извѣстїи о нашествїи собирались окрестные жители съ своимъ имуществомъ и защищались, пока татары не обращались въ бѣгство при приближенїи войска. Однако такая система защиты не могла быть достаточной. Пока собиралась вооруженная рать для отраженія нашествия, уже цѣлые округа подвергались грабежу и опустошенїю, котораго нельзя было поправить, разбивъ настигнутую татарскую орду и отобравъ плѣнниковъ и добычу.

Борьбу съ татарами затруднила начавшаяся въ то же время борьба съ Валахїей и стоявшей за ней Турціей. По склонамъ Карпатскихъ горъ, въ бассейнахъ Днѣстра, Серета и Прута, простираясь до береговъ Чернаго моря, лежала страна малонаселенная, еще того менѣе цивилизованная, пзвѣстная подъ именемъ Молдавіи или Валахїи. Польша столкнулась съ ней уже во времена Казимира Великаго, въ моментъ занятїя Червонной Руси. Валашскіе воеводы находили для себя выгоднымъ покровительство Польши, поэтому со временъ Владислава Ягеллы они признавали себя ея вассалами и, обезпечивая этимъ себя отъ враждебныхъ сосѣдей: венгровъ, татаръ и турокъ, искали въ союзъ съ Польшей торговыхъ и, культурныхъ выгодъ. Между тѣмъ турки послѣ побѣды, одержанной на поляхъ Варны, послѣ завоеванїя Константинополя въ 1453 г., отброшенные отъ границъ Венгріи оружіемъ Гуниадовъ, обратились къ Черному морю и завладѣли его берегами, завоевавъ послѣднюю генуэзскую факторїю въ Крыму и захвативъ Килїю и Бѣлгородъ, два города, запирающіе устья Дуная и Днѣстра. Валашскимъ господаремъ былъ тогда Стефанъ IV, человекъ дикаго, но хитраго и настойчиваго характера, который помышлялъ достигнуть полной независимости и стремился къ ней, возбуждая вражду между сосѣдями: Польшей, Венгріей и Турціей, и перекидываясь отъ одной стороны къ другой.

Итакъ на восточной границѣ Рѣчи Посполитой накопилась масса трудныхъ и залутанныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, требовавшихъ рѣшительныхъ и хорошо направленныхъ дѣйствїй. О томъ, какъ и гдѣ слѣдовало нанести первый ударъ, совѣщался Альбрехтъ со своимъ совѣтникомъ Каллимахомъ, объ этомъ же держалъ онъ совѣтъ съ братьями на съѣздѣ въ Левочи въ 1494 г.,

а потомъ еще въ 1496 г. съ братомъ Александромъ въ Парчовѣ. Какіе тамъ составлялись проекты и планы, никто не смогъ узнать, теперь же намъ приходится съ трудомъ только догадываться объ этомъ. Фактически несомнѣнно то, что старались отъвернуть столкновение съ Москвою или, по крайней мѣрѣ, отсрочить его. Такъ великій князь Литовскій Александръ въ 1494 г., заключивъ миръ съ Иваномъ Васильевичемъ, старался упрочить его, женившись на его дочери Еленѣ. Путемъ значительныхъ уступокъ успокоивали одну сторону, чтобы съ тѣмъ большей силою ударить на другую, туда, гдѣ были самые насущные интересы какъ Польши, такъ и Литвы. Самымъ важнымъ факторомъ ихъ благосостоянія была торговля, въ которой онѣ играли роль посредницъ между далекимъ Западомъ и Востокомъ, владѣя двумя великими торговыми путями, соединяющими Черное море съ Балтійскимъ. Одинъ изъ этихъ путей выходилъ изъ Крыма и черезъ Кіевъ и Вильно шелъ къ Кролевецу (Кенигсбергу) и Ригѣ. Началомъ второго былъ Бѣлгородъ, дальнѣйшими этапными пунктами—Сучава, столица Молдавіи, Львовъ и Краковъ, гдѣ путь этотъ развѣтвлялся къ западу на Вроцлавъ и къ северу по направленію къ Гданску (Данцигу). Татары и турки, занявъ Крымъ и Бѣлгородъ, перерѣзали эти пути—самыя жизненные артеріи благосостоянія и развитія Польши и Литвы. Отстаивая ихъ, нужно было отвоевать ихъ вплоть до береговъ Чернаго моря, добыть для одного изъ нихъ Крымъ, а для другого—Бѣлгородъ.

На первыхъ порахъ ограничились этой послѣдней задачею. Дорога въ Бѣлгородъ шла однако черезъ Валахію, которую турки могли занять каждую минуту и изъ которой они могли сдѣлать себѣ укрѣпленные ворота для нападений на всю Русь и Польшу. Итакъ братья Ягеллоны, заключая тѣсный союзъ въ Левочи, совѣтовались о завоеваніи Валахіи. На Валахскомъ престолѣ долженъ былъ сѣсть Сигизмундъ, не получившій еще никакой короны.

Слѣдовательно, огромный походъ въ Молдавію въ 1497 г. подъ личнымъ предводительствомъ Альбрехта былъ великимъ народнымъ предпріятіемъ. Къ сожалѣнію, предпріятіе это не удалось. Прежде всего подвели Альбрехта братья, удерживаемые своими собственными подданными. Александръ выслалъ ему на помощь только незначительный отрядъ, самъ же со всѣми силами Литвы сталъ въ Брацлавѣ, удерживая татаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ не спуская глазъ съ Москвы. Неспособный Владиславъ

Венгерскій не только не доставилъ вспомогательнаго войска, но даже не удержалъ венгровъ отъ оказанія помощи Валахи, которую они всегда ревниво оберегали отъ поляковъ. Польское войско осадило столицу Молдавіи Сучаву, но, когда осада затянулась, а болѣзнь Альбрехта, недостатокъ провіанта и партизанская война, которую велъ Стефанъ съ помощью турокъ и венгерцевъ, вызвали волненіе въ лагерѣ, было рѣшено отступить черезъ буковинскій лѣсъ самымъ краткимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ труднымъ путемъ. Во время печальнаго отступления пала значительная часть польскаго рыцарства, такъ какъ метительные валахи избивали всѣ отстававшіе отъ главнаго войска отряды.

Вслѣдъ за этой неудачей на Польшу сейчасъ же обрушилось два большихъ нашествія турокъ, которыхъ съумѣлъ поднять противъ нея валашскій воевода. Губительныя полчища турокъ заходили въ 1498 г. даже за Сандоміръ, пока суровая зима не принудила ихъ къ непріятному возвращенію. Народное ополченіе («посполитое рушеніе»), собиравшееся медленно и недисциплинированное, не смогло предупредить опустошенія страны, захвата плѣнниковъ и добычи. Хуже всего было то, что исчезло обаяніе, которое имѣло польское оружіе до тѣхъ поръ въ этихъ странахъ; съ этого времени стали свирѣцствовать татарскія нашествия, ангелъ опустошенія парилъ надъ Волиныю, Русью и Подоліей, и много здѣсь погибло плодовъ вѣковаго колонизаціоннаго и просвѣтительнаго труда.

Первой задачей короля сдѣлалось теперь отвращеніе отъ страны ужаса турецкихъ нашествій. Съ этой цѣлью предпринимаются многочисленныя дипломатическіе переговоры съ Венгеріей, съ Римомъ, съ Венеціей, Германіей и даже съ Франціей, съ которой Ягеллоны въ 1500 г. заключаютъ союзъ. Обезпечивъ себя такимъ образомъ съ востока, Альбрехтъ обращаетъ все свое вниманіе на дѣла Тевтонскаго ордена, новый магистръ котораго Фридрихъ, князь саксонскій отказывался принести королю вассальную присягу. Съ какой рѣшительностью принялся король за дѣло, окончательною цѣлью котораго должно было быть присоединеніе земель ордена къ коронѣ, и какой поддержкой шляхты пользовался и это дѣло, и вообще политика короля, несмотря на предшествовавшія неудачи,—лучшимъ доказательствомъ всего этого былъ сеймъ 1501 г. Это единственный сеймъ, который ограничилъ въ пользу короля собственныя прерогативы, признавъ за королемъ право созывать «посполитое рушеніе» (народ-

ное ополченіе) безъ разрѣшенія сейма. Внезапная смерть короля прервала эти проекты и заставила обратить вниманіе опять на востокъ, на Литву и Русь.

Буковинское пораженіе повело однако и къ благопріятнымъ для Польши результатамъ. Южная Русь, отрѣзанная отъ моря татарами и турками, лишенная своихъ сплавныхъ путей: Днѣстра, Буга и Днѣпра, а тѣмъ самымъ и вывоза своихъ произведеній, утратила основы своего матеріальнаго развитія, могла ихъ искать только въ Польшѣ и, не будучи въ состояніи думать о самостоятельности, должна была какъ можно тѣснѣе соединиться съ Польшей. Точно также становившіяся все болѣе смѣлыми нападенія Москвы принуждали литовскихъ можновладцевъ оглядываться на Польшу, которою они уже воспользовались для усиленія своего личнаго положенія, которой они старались во всемъ подражать при Казимірѣ Ягеллонѣ, но отъ которой они до сихъ поръ сторонились, опасаясь ея перевѣса и вліянія. Теперь, когда упорный и настойчивый врагъ сильно тѣснилъ ихъ, они, не имѣя другого исхода, спѣшили заявить свою пріязнь къ полякамъ. Поэтому въ 1499 г. они возобновили унію, видя, что бракъ Александра на Еленѣ, дочери Ивана Васильевича, не помѣшаетъ новой войнѣ. Когда же Брянскъ, Путивль и Дорогобужъ попали въ руки побѣдоноснаго Іоанна, а гетманъ литовскій Константинъ Острожскій проигралъ битву при Ведрошѣ (1500), въ Польшѣ по смерти Альбрехта послѣдовало избраніе королемъ великаго князя Александра, минуя любимаго всѣми Сигизмунда, и новое подтвержденіе уніи въ 1501 г. въ Мельникѣ. Заключено было обязательство сообща выбирать короля польскаго и вмѣстѣ великаго князя литовскаго, собирать общіе сеймы и вести сообща войны. Послѣ коронаціи и установленія податей Александръ немедленно выѣхалъ съ польскими подкрѣпленіями въ Литву, чтобы успѣшнѣе вести войну съ Москвой.

§ 65. Борьба Александра съ можновладствомъ. (1501—1506).

Важныя и трудныя задачи ожидали Александра и въ самой Польшѣ. Предшественникъ его Янъ Альбрехтъ сломилъ значеніе можновладства и низвелъ прежніе сѣзды сановниковъ, во всемъ, даже во внутренней политикѣ, стѣснявшіе короля, до значенія своей приближенной Рады (сената), которую онъ созывалъ, когда хотѣлъ, и которой слушалъ настолько, насколько хотѣлъ. Король

сдѣлалъ это при помощи сеймиковъ и посольской избы, иначе говоря, при помощи шляхты, которой онъ пользовался такъ искусно и которой подтвердилъ поэтому Нешавскія привилегіи, а въ числѣ ихъ и постановленіе, санкціонирующее существованіе сеймиковъ ¹⁾.

Добившись чего хотѣлъ, т. е. фактической власти, получая всегда отъ шляхты то, въ чемъ нуждался, т. е. подати и войско, онъ не заботился о законодательномъ опредѣленіи новаго порядка вещей, но бросился въ великую войну, будучи увѣренъ, что, возвратившись изъ нея побѣдителемъ, укрѣпить свой монаршій авторитетъ и установить почти неограниченную власть. Этотъ расчетъ былъ вполнѣ вѣренъ, но только на случай побѣды. Буквинское поражение, а еще болѣе смерть самого Альбрехта предоставили опять королевскую власть, до сихъ поръ точно не опредѣленную, покушеніямъ со стороны можновладства, которыя могли возобновиться при первомъ удобномъ случаѣ.

Избраніе Александра и его отсутствіе въ странѣ дали польскимъ панамъ этотъ желанный случай подняться изъ упадка, въ который ихъ повергъ союзъ Альбрехта со шляхтой, и завладѣть вождѣльнымъ правленіемъ. На этотъ разъ однако они хотѣли упрочить свою власть закономъ и обезпечить себя отъ возможныхъ нападеній со стороны короля. Они могли ставить условія избираемому королю и дѣйствительно принудили Александра передъ коронаціей подтвердить пресловутую привилегію 1501 г. въ Мельникѣ, оставлявшую польское правительство только по имени королевскимъ, а въ сущности вводившую полную аристократію. Король долженъ былъ быть только президентомъ сената, который самъ судилъ своихъ членовъ, самъ постановлялъ рѣшенія во всѣхъ дѣлахъ, не только о новыхъ законахъ, но также о всей админни-

¹⁾ Шуйскій приписываетъ Альбрехту планъ уничтоженія посольской избы и управленія съ помощью сеймиковъ, основываясь на томъ обстоятельстве что въ законахъ сейма 1496 г. рѣчь идетъ только о сеймикахъ. По моему мнѣнію, это предположеніе ошибочно, такъ какъ: 1) законы 1496 г. не что иное, какъ только санкція привилегій 1454 г., въ которыхъ еще не было рѣчи о посольской избѣ; 2) посольская изба возникла до 1496 г., но существовала въ качествѣ конгресса делегатовъ отдѣльныхъ сеймиковъ, за которыми было признано въ принципѣ право давать разрѣшеніе на сборъ податей и войска, а объ этомъ принципѣ говорятъ законы 1496 г. и 3) при Альбрехтѣ мы видимъ многочисленные слѣды дѣятельности посольской избы, но не находимъ почти ни одного слѣда фактической дѣятельности сеймиковъ, кромѣ выбора пословъ.

страціи, чиновники должны были подниматься на высшія должности по строгой очереди, а старосты обязаны были слушаться приказаній не короля, а сенаторовъ. Сеймики и послы не были совершенно устранены, но окончательное рѣшеніе было представлено старшимъ панамъ Рады, т. е. сенаторамъ. Итакъ, выѣхавши въ Литву, Александръ оставилъ сенаторамъ совершенно свободныя руки, а президентомъ въ свое отсутствіе назначилъ своего брата Фридриха. Оказалось однако, что сенаторы умѣли давать много совѣтовъ, умѣли критиковать и жаловаться, но не въ состояніи были осуществить энергическаго управленія, не умѣли выйти изъ тѣсной сферы привилегій и частныхъ своихъ интересовъ, хотѣли править, но скупились на средства управленія—подати. Въ этотъ разъ ясна, чѣмъ когда либо, выказалось, что аристократія въ Польшѣ уже совершенно пережила себя и могла проявляться только въ видѣ можновладческой анархіи. Среди общаго беспорядка войска, выставленнаго для обороны Руси, не получая жалованья, расходились по домамъ, грабя окрестности, а ужасные набѣги татаръ опустошали восточныя области. Весь народъ призывалъ короля, безъ котораго все разстроилось; не помогли и постановленія сейма 1513 г., путемъ которыхъ можновладство занесивало у шляхты, жертвуя ей, еще болѣе, чѣмъ это дѣлали короли, интересами городовъ и сельскаго населенія; сами сенаторы должны были убѣждать Александра скорѣй возвратиться изъ Литвы.

Александръ и возвратился, но, пользуясь общимъ недоброжелательствомъ къ можновладству, онъ по примѣру своего брата Альбрехта вступилъ въ союзъ со шляхтой, собралъ въ 1504 и 1505 гг. два большіе сейма, уничтожилъ мельницкую привилегію и законодательнымъ путемъ опредѣлилъ новую форму правительства. Душою и творцомъ этихъ реформъ былъ, homo novus, человекъ съ большою энергіей и еще болѣе честолюбіемъ, Янъ Ласкій, возвышенный Александромъ на должность канцлера.

Начали съ реформы финансовъ или, вѣрнѣе, со спасенія остатка коронныхъ имѣній, подвергавшихся полной растратѣ. Законъ 1504 г. положилъ предѣлъ щедрости королей, которой до сихъ поръ пользовались сильные паны, и постановилъ считать не имѣющимъ силы всякое отчужденіе или обложеніе коронныхъ имѣній, произведенное безъ согласія сейма. Теперь было трудно и даже невозможно думать объ абсолютномъ правленіи, которое бы опиралось на многочисленный шляхетскій классъ. Непреобо-

римымъ препятствіемъ на пути къ этому стояла для короля мельничная привилегія, легально установившая правленіе сената. Александръ долженъ былъ считаться съ духовнымъ и свѣтскимъ можновладствомъ, долженъ былъ допустить его къ соучаствію въ правленіи и удовлетвориться тѣмъ, что въ качествѣ третьяго сильнаго дѣятеля допустилъ къ этому правленію шляхту и въ посольской избѣ искалъ противовѣса сенату. Основной законъ 1505 г., начинавшійся словами: «*nihił powi*», объявлялъ, что король не постановитъ ничего новаго безъ согласія сената и посольской избы. За королемъ оставалась вся исполнительная и судебная власть, которую онъ освободилъ пзъ-подъ вліянія сената и которой поэтому пользовался безраздѣльно.

Польскіе паны пытались такъ или иначе оторвать Александра отъ этой законодательной и реформаторской дѣятельности и силою своего вліянія на католическихъ литовскихъ пановъ подняли въ Литвѣ замѣшательства, цѣлью которыхъ сдѣлался русскій князь Михайлъ Глинскій, довѣренный помощникъ Александра въ Литвѣ. Однако Александръ не далъ сбить себя съ своего пути; онъ внезапно отправился въ Литву, лишилъ воеводства троцкаго главу литовскихъ недовольныхъ, Яна Забржезинскаго, другихъ удалилъ изъ своего совѣта и, возвратившись въ Польшу, съ сильнымъ раздраженіемъ противъ пановъ окончилъ намѣченную реформу. Для полнаго же ея окончанія Александръ поручилъ канцлеру Ласкому собрать и напечатать всѣ прежніе законы, сохранившіеся только въ немногихъ рукописяхъ. Выполненный Ласкимъ сборникъ законовъ былъ напечатанъ въ 1506 г. и сильно распространилъ въ народѣ знакомство съ польскимъ законодательствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ, какъ судамъ, такъ и сеймамъ, королю и его чиновникамъ надежнымъ указаніемъ однообразнаго способа дѣйствій.

Глинскій же отблагодарилъ короля блестящей побѣдой, одержанной имъ въ 1506 г. надъ татарами подъ Клецкомъ, но король получилъ извѣстіе объ ней уже на смертномъ одрѣ и вскорѣ умеръ.

§ 66. Преобразование государства.

Краткія царствованія Альбрехта и Александра изобиловали богатыми послѣдствіями для Польши, такъ какъ втеченіе ихъ совершилось великое преобразование прежняго политическаго строя

польскаго народа. Развиваясь не на угрюмомъ фонѣ схоластическаго знанія, но въ блескѣ «возрожденія» Польша начинаетъ собирать все свои силы, чтобы участвовать въ борьбѣ за высшія стремленія человѣчества. Центромъ такого стремленія становится вновь возникшій организмъ, общій («вальный») сеймъ королевства. Сеймъ слагался изъ трехъ факторовъ: короля, сената и представителей народа.

Король выступалъ здѣсь, окруженный своимъ совѣтомъ, получившимъ названіе сената. Это былъ тотъ же самый съѣздъ сановниковъ, какой съ давнихъ временъ созывали короли, только теперь съузившійся. Отъ него отпали все нисшіе чиновники, остались только епископы, воеводы, каштеляны и канцлеръ, подканцлеръ, коронный и надворный маршалокъ и подскарбій. Сенатъ этотъ составлялъ приближенный совѣтъ короля и чаще всего такъ и назывался (*Rada J. K. Msi*); собирался онъ по каждому призыву короля, во время-ли сейма или тогда, когда сейма не было, засѣдалъ подъ личнымъ предѣдательствомъ короля и совѣщался о томъ, относительно чего король хотѣлъ узнать его мнѣніе, будь это законодательство, внутреннее управленіе страны или веденіе войны и дипломатическихъ переговоровъ. Но мнѣніе сената стѣсняло короля согласно закону 1505 г. только въ тѣхъ вопросахъ, которые были предоставлены рѣшенію сейма.

Народъ—шляхта выступалъ въ сеймѣ въ лицѣ своихъ представителей или уполномоченныхъ, пословъ, выбранныхъ на сеймикахъ и засѣдавшихъ въ особой посольской избѣ подъ предѣдательствомъ избраннаго ими посольскаго маршалка. Здѣсь постановлялись рѣшенія, которыя однако лишь въ томъ случаѣ становились закономъ, если король, справившись съ мнѣніемъ сената, также соглашался на нихъ. Это происходило на общихъ засѣданіяхъ сейма, на которыя посольская изба приходила къ королю, окруженному сенатомъ. На такихъ засѣданіяхъ король устами канцлера или подканцлера, а въ важныхъ случаяхъ и самъ лично сообщалъ свою волю посольской избѣ, указывая ей дѣла, которыя надлежало рѣшить (такъ называемыя предложенія «*прогозусуе*») и затѣмъ выслушивалъ рѣчь, которую отъ имени пословъ и съ ихъ совѣта произносилъ посольскій маршалокъ или иной посоль-ораторъ, уполномоченный на это избою. Въ важнѣйшихъ вопросахъ король приказывалъ сенаторамъ вотировать публично, т. е. объявлять свое мнѣніе по порядку старшинства для свѣдѣнія присутствующихъ пословъ. Въ сферу дѣятельности сейма входило только: 1) установленіе экстра-орди-

нарныхъ податей и 2) измѣненіе существующихъ законовъ. Собирался сеймъ на короткое время обыкновенно ежегодно и притомъ зимою по призыву короля.

Не былъ ли санкціонированный такимъ образомъ польскій парламентаризмъ явленіемъ преждевременнымъ для этой поры, когда всѣмъ средневѣковымъ народамъ нужна была еще жесткая школа абсолютнаго правительства, гарантировавшаго ихъ внѣшнюю силу, приучавшаго къ дисциплинѣ и облегчавшаго смѣлыя и прогрессивныя внутреннія реформы? Несомнѣнно. Но при всемъ томъ законъ 1505 г. нельзя считать фактомъ исключительно отрицательнымъ. Въ немъ заключалась прежде всего та выгода, что онъ давалъ королю противовѣсъ для испорченнаго анархическаго можновладства въ шляхтѣ, элементъ еще не изжившемся и свѣжемъ, который долженъ былъ поддерживать и дѣйствительно поддерживалъ короля, такъ какъ не могъ и не умѣлъ выступать въ самостоятельной роли и только отъ короля могъ ожидать защиты и поддержки своихъ жизненныхъ интересовъ ¹⁾). Сверхъ того законъ 1505 г., слишкомъ лаконичный и не ясно формулированный, давалъ королю возможность обращать его въ свою пользу и увеличивать съ помощью шляхты свою власть; для энергическихъ же королей, если они дѣйствительно замыслили абсолютное правленіе, онъ вовсе не былъ неустрашимымъ препятствіемъ, даже при антагонизмѣ шляхты, духовенства и можновладства ²⁾). Какимъ могущественнымъ средствомъ могло сдѣлаться въ рукахъ короля право объясненія и дополненія существующихъ законовъ, такъ какъ король не могъ только измѣнять законовъ безъ сейма!

Не въ этомъ однако, не въ новой формѣ правительства заключался рѣшительный переходъ изъ среднихъ вѣковъ въ новое время. Одновременно происходили измѣненія гораздо болѣе важныя.

¹⁾ Шуйскій утверждаетъ, что шляхта охотнѣе шла за можновладствомъ, чѣмъ за королями. По моему мнѣнію, вся исторія двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ доказываетъ, что шляхта тогда только пошла на приманку вельможъ, когда ее оттолкнули короли.

²⁾ Шуйскій, жалѣя, что вмѣсто абсолютизма возникло парламентское правленіе, рѣшительно осуждаетъ законъ 1505 г. и порицаетъ въ немъ даже его неясность, дававшую возможность обратить его въ пользу шляхетской анархіи. Но, судя исключительно на основаніи позднѣйшихъ фактовъ, онъ забываетъ, по моему мнѣнію, что въ XVI вѣкѣ легче было эксплуатировать этотъ законъ королямъ, которые въ то же время на Западѣ обращали вѣдь въ свою пользу гораздо болѣе ясныя парламентскіе статуты. Доказательства въ царствованіи Сигизмунда.

Законъ «*nihil novi*», ставя сеймъ надъ множествомъ частныхъ сеймиковъ, былъ тяжелымъ ударомъ для господствовавшей до тѣхъ поръ отдѣльности земель и воеводствъ. Изъ слабо связанной федераціи мелкихъ государствъ Польша становилась однимъ цѣльнымъ государствомъ. Это еще не касалось Пруссіи и Литвы, но мы уже видѣли, что могущественное централизационное движеніе сообщило и Литвѣ, вырвало ее изъ прежней обособленности и неразрывно соединило съ короной. Создалась наиболѣе прекрасная идея новой Польши: идея униі не только династической, какъ въ среднихъ вѣкахъ, но народной.

Слабою стороною «сейма» было несомнѣнно то, что на немъ, именно въ посольской избѣ, не имѣли своихъ представителей ни духовенство, ни мѣщанство (за исключеніемъ Кракова), что шляхта исключительно завладѣла посольской избой. Вслѣдствіе этого шляхта не могла однако ограничиваться защитой своихъ сословныхъ интересовъ и привилегій, но должна была на сеймѣ заботиться о дѣлахъ всего народа и государства. Если же мы вспомнимъ, что въ средневѣковомъ польскомъ государствѣ отношеніе короли къ сословіямъ опредѣлено было привилегіями, которыхъ король не могъ измѣнять по своей волѣ, что король не могъ требовать податей и мѣшаться во внутреннія дѣла какого бы то ни было сословія, то должны будемъ признать, что «сеймъ» не только легально не ограничилъ прежней королевской власти, но напротивъ увеличилъ ее, давая возможность производить всякія, даже самыя коренныя, измѣненія въ общественномъ и политическомъ строѣ. Передъ сеймомъ, передъ согласною волей короля, сената и пословъ, представлявшихъ весь народъ, ни одно сословіе, ни одна единичная личность не могли защищаться привилегіями; сеймъ имѣлъ право нарушить и измѣнить всякую привилегію, всякій законъ, сеймъ постановлялъ подати, которымъ долженъ былъ подчиниться каждый, независимо отъ тѣхъ льготъ, какихъ онъ добился передъ этимъ. Благодаря этому прекращалась прежняя обособленность сословій въ податномъ и законодательномъ отношеніяхъ и начало вырабатываться понятіе государственнаго гражданства, такъ какъ съ этихъ поръ сеймъ и государство должны были давать высшую опеку и помощь всякому гражданину, независимо отъ того, былъ ли онъ духовнымъ, мѣщаниномъ или шляхтичемъ.

Итакъ польское государство перестало быть средневѣковымъ (родовымъ), а дѣлалось государствомъ новымъ (такъ назыв.

правовымъ) и на этой новой основѣ должно было развиваться въ новомъ періодѣ своей жизни ¹⁾.

Организація этого государства могла еще быть незаконченной (въ западной Европѣ это дѣло совершила только французская революція), въ немъ могло еще удержаться много средневѣковыхъ остатковъ, такъ какъ въ исторіи ничто не дѣлается съ одного раза, но всѣ внутреннія и внѣшнія условія измѣнились до такой степени, что только новое государство могло обезпечить Польшѣ существованіе и развитіе (см. § 61); но народъ, или по крайней мѣрѣ, политически образованные его классы впитали уже въ себя сознаніе, что они могутъ и должны энергически работать только на измѣненномъ основаніи. Съ иной точки зрѣнія оцѣнивали уже тогда и оцѣниваемъ теперь мы всякое проявленіе общественной жизни. То, что могло годиться въ XV вѣкѣ, что согласовалось съ тогдашними условіями, что могло считаться легальною защитой сословныхъ правъ и интересовъ, въ XVI вѣкѣ представляется уже преступленіемъ противъ отечества, политическимъ заблужденіемъ, проявленіемъ анархіи. Въ виду этой-то радикально измѣнившейся точки зрѣнія мы начинаемъ новый періодъ въ исторіи Польши съ начала XVI вѣка. Отъ быстрого окончанія новой организаціи зависѣло теперь несомнѣнно все. Реформу въ этомъ направленіи и начали сеймы уже въ первое десятилѣтіе своего существованія.

На сеймѣ 1504 г. Александръ опредѣлилъ подробнѣе обязанности своихъ чиновниковъ и сферу ихъ дѣйствій, особенно королевскихъ министровъ, такъ называемыхъ великихъ коронныхъ и надворныхъ сановниковъ и ихъ взаимныя отношенія. Коронный, а при отсутствіи его надворный, маршалокъ завѣдывалъ всѣмъ королевскимъ дворомъ, предводительствовалъ придворнымъ отрядомъ, родомъ гвардіи, и въ знакъ уваженія къ особѣ короля отправлялъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился король, уголовную юрисдикцію съ немедленнымъ исполненіемъ. Коронный, или замѣняющій его надворный, подскарбій съ приданной къ нему контрольной комиссіей завѣдывалъ королевскими имѣніями, чаще получавшими теперь названіе коронныхъ, собиралъ всѣ постоянные доходы и установленные сеймомъ экстраординарные налоги и

¹⁾ Шуйскій, опускаая всѣ эти преобразованія или не приписывая имъ такого важнаго значенія, видитъ въ началѣ XVI вѣка въ Польшѣ только перемѣну формы правительства и поэтому начинаетъ новую эпоху лишь съ 1572 г. по другимъ соображеніямъ, которыя мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ.

удовлетворялъ изъ нихъ нужды короля и государства. Наконецъ королевская канцелярія, во главѣ которой стоялъ коронный канцлеръ, и съ нимъ подканцлеръ, главный секретарь и множество писшихъ чиновниковъ, вела всю администрацію и дипломатическія сношенія. Ей принадлежали и заботы о войскѣ, пока Сигизмундъ I не установилъ гетмановъ и не поручилъ имъ этого дѣла.

Но важнѣйшей, рѣшительной реформой была та, которая подъ девизомъ «финансы и войско» появляется уже въ концѣ XV вѣка и, какъ вопросъ первостепенной важности, не сходитъ со сцены вплоть до паденія Рѣчи Посполитой. Большой шагъ впередъ въ этомъ отношеніи сдѣлали Альбрехтъ и Александръ въ сеймовыхъ постановленіяхъ, налагавшихъ подати такъ называемыхъ универсалахъ поборовыхъ. Янъ Альбрехтъ установилъ два рода податей: 1) «генеральная циза», такъ называли подать, взимавшуюся съ купли и продажи самыхъ разнообразныхъ произведеній и товаровъ: хлѣба, сыра, перцу, льну, коноплю, пива, меду, вина, соли, свинцу, сукна, шелковыхъ тканей, шкуръ, мѣховъ, рыбы, смолы, золы, скота, лошадей и т. п., смотря по количеству и стоимости предмета.

2) Личная подать (поголовная). Владѣлецъ имѣнія съ каждой деревни платилъ по гривнѣ, семья его и все обитатели деревни— по грошу съ головы. Въ городахъ платилось два гроша съ гривны по оцѣнкѣ имущества, а съ остальныхъ жителей—по грошу съ головы, евреи платили по золотому, и по двѣнадцати грошей съ каждаго члена семьи или прислуги. Мельники, пивовары, владѣльцы соловаренъ, овцеводы и ростовщики платили особо.

Подробнѣе распредѣлилъ эти подати Александръ: 1) «лановая», уплачивавшаяся въ извѣстномъ, каждый разъ опредѣлявшемся размѣрѣ съ каждаго обработаннаго лана земли; ее платили кметы или крестьяне, независимо отъ того, сидѣли они на королевскихъ, церковныхъ или шляхетскихъ земляхъ; такимъ образомъ были уничтожены привилегіи, которыми раньше пользовались церковныя имѣнія, и равнымъ образомъ обложены были податю и королевскія имѣнія, принципъ, который удержался уже до конца Рѣчи Посполитой. Господскихъ земель, обработывавшихся при помощи челяди или путемъ крестьянскихъ работъ, эта подать не касалась, но въ то время ихъ было еще немного, причиною же такого освобожденія была наложенная на шляхту военная служба. Мелкая шляхта, не имѣвшая кметей, солтысы,

мельники, корчмари и пивовары облагались податью съ лана земли, мельничнаго постава, котла и т. п.

2) «Шось» налагался на мѣщанъ по оцѣнкѣ ихъ движимаго и недвижимаго имущества.

3) «Чиншевую» подать платили всѣ, получавшіе какіе бы то ни было чинши, будь это оброки съ крестьянъ, поселенныхъ въ имѣніяхъ, проценты съ капиталовъ или доходы съ церковныхъ бенефицій. Этой подати подлежали преимущественно король, духовенство и шляхта.

4) «Чоповое», платившееся съ горячихъ напитковъ, т. е. пива, меда и вина, такъ какъ водка только съ половины XVI вѣка вошла въ употребленіе и подверглась обложенію. Платили чоповое какъ отъ производства, такъ и отъ продажи.

5) Ввозныя и вывозныя пошлины, при взиманіи которыхъ также уничтожены были всѣ льготы.

Всѣ эти подати взаимно пополняли другъ друга и составляли систему для того времени совсѣмъ не плохую, раскладывавшую тяжесть податей на всѣхъ жителей края безъ исключенія. Отрицательной стороной этой системы было то обстоятельство, что при ней подати налагались на одинъ разъ, имѣли экстраординарный характеръ, а обыкновенно король и государство оставались при доходахъ съ коронныхъ имѣній, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могло быть достаточно. Добрый примѣръ былъ однако данъ и теперь все заключалось въ томъ, чтобы удержать въ силѣ уничтоженіе податныхъ привилегій, все чаще проводить черезъ сеймы подати и понемногу придать имъ характеръ постоянныхъ. Отъ этого зависѣла, въ этомъ вопросѣ заключалась вся будущность Рѣчи Посполитой.

П.

Слабая и близорукая политика Сигизмунда I губить историческое призваніе народа и производитъ анархію.

(1506—1548).

Л И Т Е Р А Т У Р А .

Царствованіе Сигизмунда Старого до сихъ поръ не нашло своего историка ни въ одной изъ трехъ нашихъ историческихъ школъ. Въ руководствахъ мѣсто историческаго сужденія занимаетъ апологія Сигизмунда. Впрочемъ лучший изъ нихъ, Шуйскаго, (т. II, 156—250) сообщаетъ сравнительно наибольшее количество фактовъ. Новѣйшіе авторы занялись тогдашними дипломатическими отношеніями, изображая ихъ на основаніи недавно напечатаннаго сборника актовъ временъ Сигизмунда I т. н. «Tomiszanów» (собиралъ ихъ Станиславъ Гурскій по порученію подканцлера Томицкаго) и собственныхъ архивныхъ изысканій.

Сюда относятся: Лиске, Ксаверій: «Этюдъ изъ исторіи 16-го вѣка» («*Study z dziejów XVI-go wieku*» Poznań. 1867; въ нихъ заключаются разсужденія: *Kongres wiedeński z r. 1515. Stosunek dworu polskiego do elekcji Karola V, cesarza niemieckiego. Konfederacya magnatów węgierskich w r. 1519. Dyplomacya polska w r. 1526, przyczynek do sporu o tron węgierski po śmierci Ludwika w bitwie pod Mohaczem*). «Польская дипломатія въ 1527 г.» (*Dyplomacya polska w roku 1527*). Biblioteka Ossolińskich, tom XII, Lwów. 1869).

«Съѣздъ въ Познани въ 1510 г.» («*Zjazd w Poznaniu r. 1510*». *Rozprawę wydz. hist. fil. Akad. Kraków. 1875, tom III*).

«Импереское избраніе 1519 г.» («*Elekcya w Rzeszy r. 1519*». Niwa, Warszawa. 1877, № 1).

Смолька, Станиславъ: «Польша и Австрія въ 1526 и 1527 гг.»

«Polska i Austria w latach 1526 i 1527». Przewodnik naukowy. Lwów. 1877, V).

Гиршбергъ, Александръ: «О жизни и сочиненіяхъ Юста Людовика Деціяса». («O życiu i pismach Justa Ludwika Decyusza». Przewodnik naukowy. Lwów. 1873, II).

«Янъ Ласкій, архіепископъ гнѣзненскій, въ качествѣ союзника турецкаго султана» («Jan Łaski arcybiskup gnieźnieński sprzymierzeńcem sułtana tureckiego». Lwów. 1879).

«Первые 10 лѣтъ царствованія Сигизмунда I» (Dziesięć pierwszych lat panowania Zygmunta I». Przewodnik naukowy. Lwów 1874, I).

«О польской дипломатіи при Сигизмундѣ I» («O dyplomacyi polskiej za Zygmunta I». Sprawozdanie zakł. Ossolińskich. Lwów 1880).

«Союзы съ Франціей въ 1524 г.» («Przymierze z Francją w r. 1524». Lwów 1882. Przewod. naukowy). «Иеронимъ Ласкій» («Hieronim Łaski». Lwów 1888).

Лукасъ, Станиславъ: «Присоединеніе Мазовіи къ польской коронѣ» (Przyłączenie Mazowsza do Korony polskiej». Przewodnik naukowy. Lwów. 1875, III).

«Эразмъ Цѣлѣкъ» («Erasm Ciołek» Bibl. warsz. 1877, IV, 1878, I).

«Разборъ послѣ-длугошевской части хронки Бернарда Ваповскаго» («Rozbiór podługoszowej części kroniki Bernarda Warowskiego». Rozprawę wydz. hist. fil. Akad. Kraków 1879, X, XI).

Мышльскій, Юрій: «Кандидатура Гозія на вармійское епископство въ 1548—9 г.» («Kandydatura Hozyusza na biskupstwo warmińskie w r. 1548—9». Przegląd Polski. 1881).

Рёмеръ, Казиміръ: «О жизни и сочиненіяхъ Юста Людовика Деція» (De Jodoci Lodovici Decii vita scriptisque». Vratislaviae 1874).

Варнка, Станиславъ: «О возстаніи князя Михаила Глинскаго» (De ducis Michaelis Glinscii rebellione». Berolini 1868).

Цейсбергъ, Генрихъ: «Янъ Ласкій, архіепископъ гнѣзненскій, и его завѣщаніе». (Johannes Łaski Erzbischof von Gnesen und sein Testament». Wien 1874. Оттискъ изъ Sitzungsberichte der k. k. Akad. der Wiss. LXXVII Bd.).

Кс. Корытковскій, Янъ: «Янъ Ласкій» («Jan Łaski», Gniezno. 1880).

Маронскій, Ст. «Янъ Ласкій» («Jan Łaski». Bibl. warszawska. 1884).

Финкель, Людовикъ: «Посольство Яна Дантышка» («Poselstwo Jana Dantyszka». Lwów. 1879).

Лёркевичъ, Антоній: «Данцигскій бунтъ 1525 г.» («Bunt gdański w roku 1525». Przewodnik naukowy. Lwów. 1880).

Пулавскій, Казиміръ: «Война Сигизмунда съ молдавскимъ воеводой

Богданомъ въ 1509 г.» («Wojna Zygmunta z Bohdanem wojew. moldawskim w r. 1509». Bibl. warsz. 1877. I).

«Эпизодъ изъ избранія Сигизмунда» («Przyczynek do elekcji Zygmunta». Bibl. warsz. 1876, II).

«Хозяйство королевы Боны на границахъ» («Gospodarka królowej Bony na kresach». Bibl. warsz. 1878, I).

Труды эти освѣтили множество подробностей изъ первой половины царствованія Сигизмунда I, но тѣмъ не менѣе они не бросаютъ надлежащаго свѣта на тогдашнюю политику, главнымъ образомъ потому, что, обнимая только отдѣльные эпизоды внѣшнихъ сношеній независимо отъ всего хода событій, они не обращаютъ вниманія на внутреннія отношенія. Болѣе общій взглядъ на внѣшнюю политику даютъ только работы:

Лиске: «Замѣчанія на исторію Польши Бобржинскаго» («Uwagi nad dziejami Polski Bobrzyńskiego», Kraków. 1879. Przegląd Polski).

Гиршберга: «Политическія партіи въ Польшѣ при Сигизмундѣ I», («Stronnictwa polityczne w Polsce za Zygmunta I», Lwów 1879).

Анонима: «Бобржинскій и Лиске о Сигизмундѣ I» («Bobrzyński i Liske o Zygmuncie I». Kraków 1879. Przegląd polski).

и остроумное изслѣдованіе Лукаса: «О польской дипломатіи при Сигизмундѣ I» («O dyplomacyi polskiej za Zygmunta I» Ateneum 1881).

Глубоко проникаетъ въ царствованіе Сигизмунда и во внутреннемъ отношеніи Шуйскій какъ въ рецензіи на мою книгу, такъ и въ лекціяхъ: «Возрожденіе и реформація» («Odrodzenie i reformacja», 1880), причемъ онъ однако расходится со мной въ двухъ основныхъ вопросахъ: въ оцѣнкѣ гуманизма и политическаго движенія шляхты, о чемъ подробнѣе въ примѣчаніяхъ. Ближе другихъ къ моему взгляду стоитъ Винцентій Закръжевскій въ своемъ трудѣ: «Семья Ласкихъ въ 16-мъ вѣкѣ. I. Янъ Ласкій архіепископъ гнѣзненскій». («Rodzina Łaskich w XVI-tym wieku. I. Jan Łaski arcybiskup gnieźnieński». Ateneum. 1881, II. Warszawa), гдѣ могучая фигура примаса впервые изображена надлежащимъ образомъ.

Спорный вопросъ разбираетъ Ромуальдъ Вшетечка (Wśetecka): «Совѣты Калимаха» («Rady Kalimachowe». Kraków 1887. Pamiętnik słuchaczy uniwersytetu.).

Важный вопросъ разсматриваетъ Альфредъ Блюменштогъ: «Планы реформъ финансовъ и войска въ первой половинѣ царствованія Сигизмунда Стараго» («Plany reform skarbowo-wojskowych w pierwszej połowie panowania Zygmunta Starego». Lwów. 1888. Оттискъ изъ Przewod. nauk).

Л... «Три главы изъ исторіи и финансовъ Польши 1507 — 1532» («Trzy rozdziały z historii i skarbowości w Polsce 1507—1532», Kraków 1868), работа, богатая почерпнутыми изъ источниковъ свѣдѣніями, но страдающая отсутствіемъ критики.

Къ исторіи гуманизма и нравовъ, кромѣ упомянутой работы Шуйскаго и сочиненій Тарновскаго «Политическіе писатели» («Pisarze polityczni») и «Янъ Кохановскій» («Jan Kochanowski», Kraków 1888), относятся изъ новѣйшихъ:

Вислоцкаго, Владислава: «Объ изданіи liber diligentiarum краковскаго философскаго факультета за 1487—1563» («O wydawnictwie liber dignitiarum krakowskiego fakultetu filozoficznego z lat 1487—1563». Pamiętnik Akademii, tom VI, 1886). Подъ этимъ заглавіемъ скрывается замѣчательное изслѣдованіе, произведенное на основаніи источниковъ и освѣщающее ростъ гуманизма и причины паденія Ягеллоновскаго университета въ 16 вѣкѣ.

Моравскаго, Казимира: «Андрей Патрицій Нидецкій, его жизнь и сочиненія» («Andrzej Patrycy Nidecki, jego życie i dzieła». Część I. Kraków 1884), изслѣдованіе, написанное съ талантомъ и знаніемъ предмета, но къ сожалѣнію неоконченное.

Его же: «Изъ исторіи возрожденія въ Польшѣ» («Z dziejów odrodzenia w Polsce», Przegląd polski, Kraków 1884).

«Въ трехсотлѣтнюю годовщину Яна Кохановскаго» (W trzechsetletnią rocznicę Jana Kochanowskiego». Przegląd polski, Kraków, sierpień 1884).

Кс. Польковскаго, Игнатія: «Жизнь Николая Коперника» («Żywot Mikołaja Kopernika» Gniezno, 1873) сообщаетъ обширную библиографію этой темы.

Пржездзѣцкаго, Александра: «Польскія Ягеллонки въ 16 вѣкѣ» («Jagiellonki polskie w XVI wieku», 1868—1878) сообщаетъ очень цѣнныя указанія, преимущественно относительно тогдашнихъ обычаевъ.

§ 67. *Первыя реформы Сигизмунда **).

Вступленію Сигизмунда I на польско-литовскій тронъ по смерти Александра предшествовала слава благоразумнаго, спра-

*) Сигизмундъ I, пятый сынъ Казимира Ягеллона и Елизаветы Австрійской, род. 1469 г., князь Глоговскій съ 1478 г. и Опавскій съ 1500 г., избранный королемъ польскимъ въ 1506 г., умеръ въ 1548 г. У него было 2 жены: 1) Варвара Запольская, дочь воеводы седмиградскаго, вышедшая за него въ 1511 г., ум. 1515. Отъ нея были у него дочери: Софія, выданная въ 1535 г. за Іоахима, электора бранденбургскаго, и Анна. 2) Бона, дочь миланскаго, князя Іоанна Сфорцы, род. 1493 г., вышедшая замужъ 1518, ум. 1557 г. Отъ нея были дѣти: Изабелла, выданная за Іоанна Заполію, Сигизмундъ Августъ, Софія, выданная за князя брауншвейгскаго Генриха, и Анна и Екатерина Ягеллонки, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

ведливаго и бережливаго правителя, какимъ онъ выказался въ данномъ ему отъ брата Владислава опавско-глоговскомъ княжествѣ въ Силезіи. Казалось бы, такого государя и нужно было Польшѣ, которая за время своего предшествовавшего развитія создала уже изъ различныхъ народовъ и государствъ одну большую силу, поднялась подъ вліяніемъ гуманизма на высокую степень культуры, превосходила сосѣдей количествомъ своего населенія и богатствомъ, была опасна для нихъ сознаниемъ своего историческаго призванія, но не успѣла еще окончательно завершить своего великаго внутренняго преобразованія, не загѣчила послѣдствій потрясеній, соединенныхъ съ этимъ преобразованіемъ, и потому очевидно не могла выполнить великихъ задачъ своей внѣшней политики. Въ законахъ Александра были уже намѣчены основы новаго государства, нужно было ихъ осуществить. Законодательство возшло уже на нормальный путь, но исполнительная власть, признанная исключительно за королемъ, страдала отсутствіемъ трехъ важнѣйшихъ двигателей, организованныхъ въ новомъ духѣ: финансовъ, войска и бюрократіи.

Реформа войска не могла быть отдѣлена и вполнѣ зависѣла отъ реформы финансовъ, такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что посполитое рушеніе, сильное своей численностью и пригодное для отраженія какого-нибудь большого набѣга, но вмѣстѣ съ тѣмъ не дисциплинированное, тяжелое на подъемъ и неустойчивое въ полѣ, не могло служить ни для защиты границъ страны, ни для веденія сколько-нибудь продолжительной наступательной войны и достиженія прочныхъ пріобрѣтеній. Тринадцатилѣтняя война съ Пруссіей при Казимірѣ Ягеллонѣ выказала уже его неудобства, а буковинское пораженіе при Альбрехтѣ должно было отнять всякое довѣріе къ его пригодности въ виду новыхъ условій. Поэтому уже при Александрѣ постоянно пользовались наемными солдатами, преимущественно для защиты Руси отъ постоянныхъ татарскихъ нападений. Казна условливалась относительно количества наемниковъ, жалованья имъ и времени ихъ службы съ предводителями, а послѣдніе, люди извѣстные своимъ мужествомъ, занимались вербовкой и вооруженіемъ солдатъ и начальствовали надъ ними. Но предводители эти съ каждымъ разомъ ставили все болѣе тяжелыя условія, а въ случаѣ промедленія въ платѣ условленнаго жалованія они не въ состояніи уже были поддержать дисциплины среди солдатъ, начинавшихъ тогда безъ разбора грабить королевскія, церковныя и частныя имѣнія. Поэтому, если Польша хотѣла исполнить свою важнѣйшую задачу, т. е.

обеспечить свое наступление на востокъ, завладѣть берегами Чернаго моря и открыть черезъ свои предѣлы путь торговлѣ съ Востокомъ, она должна была поставить на русскихъ границахъ хотя бы менѣе многочисленную, но постоянную и хорошо обученную армію, состоящую на жалованьѣ, армію, которая могла бы не только отражать татарскія нападенія, но и подвигать все далѣе въ «дикія поля» линію укрѣпленныхъ замковъ и наконецъ окружить и запереть спланными крѣпостями устья Дняпра, Буга и Днѣстра. Образование постоянной арміи сдѣлалось условіемъ существованія Польши. Но для набора и содержанія такой арміи не хватало доходовъ съ коронныхъ имѣній, которыми распоряжался король, нужны были постоянныя и разложенныя на всѣ сословія подати. Сеймъ несомнѣнно имѣлъ право установить ихъ, и вопросъ заключался въ томъ, захочетъ-ли онъ это сдѣлать, выполнитъ-ли онъ то, къ чему его призывалъ законъ 1505 г.

Въ первые годы царствованія Сигизмунда такую задачу и попытался выполнить виновникъ этого закона, человекъ выдающійся и пользовавшійся популярностью среди шляхты, канцлеръ, а съ 1510 г. примасъ Янъ Ласкій. Подробности его проектовъ до сихъ поръ не извѣстны, мы знаемъ только, что онъ пропагандировалъ мысль постоянной казны и постоянныхъ податей. Проектъ этотъ однако окончился ничѣмъ и самая важная, самая необходимая реформа не была осуществлена.

Ощутительнымъ результатомъ этихъ усилій былъ только законъ 1512 г. о новой военной организаціи. Вся страна (безъ Пруссіи и Литвы) дѣлится на пять округовъ и шляхта каждого округа по очереди втеченіе пяти лѣтъ отправляетъ военную службу на восточныхъ границахъ. Предполагалось установить общее положеніе, съ какимъ количествомъ людей каждый долженъ служить, смотря по его доходамъ. Всякій самъ оцѣниваетъ свое имущество, комиссія наблюдаетъ за оцѣнкой и повѣряетъ ее. Кто не служитъ въ войскѣ, платитъ подать, а уклоняющійся отъ этого наказывается конфискаціей имѣнія. Въ случаѣ опасности король созываетъ посполитое рушеніе, поэтому производится осмотръ шляхты, готова-ли она явиться на призывъ и снабжена-ли оружіемъ. Это былъ уже не проектъ, а обязательный законъ. И однако онъ не вошелъ въ исполненіе; на половину осуществленный, онъ палъ. Кто же его уничтожилъ? Отвѣтить на это приходится: вельможи. Когда болѣе бѣдная шляхта въ сознаніи своей гражданской обязанности требовала на сеймѣ 1514 г., происходившемъ въ отсутствіи короля осуществленія военной

организацин, духовные и свѣтскіе вельможи, привыкшіе уклоняться отъ всякихъ налоговъ и недоброжелательно смотрѣвшіе на всякую болѣе сильную организацію, укрѣпляющую положеніе короля, оказали рѣшительное сопротивленіе оцѣнкѣ имѣній и увлекли своимъ примѣромъ и самую шляхту.

Для Сигизмунда наступила рѣшительная минута. Опираясь на обязательный законъ, онъ не съумѣлъ опереться на шляхту и выступить противъ вельможъ для достиженія цѣли, отъ которой зависѣла вся будущность страны. Ни въ чемъ не похожій на своего отца и братьевъ, онъ не сдѣлалъ этого, ему не доставало энергіи и рѣшительности поставить на своемъ, безъ чего самое разумное правительство обращается въ несчастіе народа. Кончилось тѣмъ, что король съ помощью краковскаго банкира Яна Бонара выкупалъ заложенные коронныя имѣнія, путемъ хорошаго хозяйства увеличивалъ доходы съ нихъ, а въ случаѣ опасности обращался къ сейму съ просьбою постановить по старой системѣ экстраординарныя подати. Сверхъ того и въ этихъ податяхъ произошло одно коренное и невыгодное измѣненіе. Вышла изъ употребленія подать съ чиншей и влѣдствіе этого самая богатая часть общества освободилась отъ государственныхъ налоговъ. Шляхта оправдывалась обязанностью военной службы въ посполитомъ рупеніи, духовенство же въ случаѣ сильной опасности давало добровольныя пожертвованія, т. е. *subsidium charitativum*.

Сигизмундъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые ясно видятъ зло, умно обдумываютъ средства для его уничтоженія, но, когда дѣло доходитъ до рѣшительной борьбы, всегда отступаютъ и оправдываются передъ своей совѣстью тѣмъ, что они сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее. Была еще и другая причина, препятствовавшая королю энергично выступить противъ вельможъ. Постоянный до изгнѣшества, Сигизмундъ чувствовалъ отвращеніе къ союзу со шляхтой, казавшейся ему людьми ненадежными и незрѣлыми, которыхъ легко можно взволновать ¹⁾. Но, опасаясь шляхты, онъ оперся на еще болѣе ненадежномъ

¹⁾ По мнѣнію Шуйскаго, король не могъ опереться на шляхтѣ, такъ какъ она постоянно обращалась противъ него и держалась съ вельможами. Въ видѣ доказательства этого Шуйскій даетъ примѣры только изъ второй половины царствованія Сигизмунда, когда оттолкнутая королемъ шляхта пала уже въ анархію. И однако эта же шляхта на сеймахъ 1512 и 1527 гг. приняла предложенныя королемъ реформы, и это лучше всего доказываетъ, что она долго поддерживала короля.

элементъ, на вельможахъ. Ему казалось, что путемъ разумнаго подбора людей и хорошаго примѣра онъ успѣетъ образовать себѣ просвѣщенный, опытный и патриотическій сенатъ. Къ сожалѣнію это оправдывалось только на единичныхъ личностяхъ. Большинство членовъ сената заботилось только о своихъ фамилльных интересахъ, питало взаимную зависть другъ къ другу и всегда соединялось въ сопротивленіи королю. Старая аристократія уже пачезла, а новые люди, которыхъ вводилъ въ ея составъ Сигизмундъ съ тѣмъ, чтобы освѣжить ея, перенимали ея недостатки, не усвоивая себѣ ея старыхъ доблестей, самая память о которыхъ совершенно исчезла. Плохое и испорченное учрежденіе портило и людей. Несчастливая это была мысль, изъ чиновниковъ, обязанныхъ слушаться приказовъ короля и исполнять ихъ, образовывать сенатъ—учрежденіе, которое должно было ему совѣтовать, а въ сущности всегда пыталось ограничивать и контролировать его. Чиновникъ, дѣлаясь сенаторомъ, переставалъ быть чиновникомъ и для подкрѣпленія проявляемой имъ въ сенатѣ оппозиціи злоупотреблялъ своей должностію. Сверхъ того должности чиновниковъ-сенаторовъ, т. е. воеводъ, каштеляновъ и министровъ, были пожизненныя, и даже въ томъ случаѣ, когда кто изъ этихъ послѣднихъ проявлялъ самую сильную оппозицію политикѣ короля, король не могъ лишить его должности, если только онъ не совершилъ явнаго преступленія.

До сихъ поръ существовалъ еще въ Польшѣ одинъ разрядъ чиновниковъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ короля и пользовавшихся полицейской и военной властью, именно городскіе старосты, подчинявшіеся въ каждой области главнымъ генераль-старостамъ. На нихъ опиралось сильное правительство короля XIV и XV в., увеличивая все болѣе кругъ ихъ дѣятельности и выдвигая ихъ въ качествѣ противовѣса сенаторской іерархіи. Уже съ 1454 г. существовалъ мудрый законъ о несовмѣстимости (такъ-назыв. *incompatibiliów*) постановлявшій, чтобы ни одинъ сенаторъ не могъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ старостой, и тѣмъ самымъ стремившійся совершенно высвободить старость изъ подвлянія анархіи вельможъ. Строго придерживаясь этого закона, въ чемъ не было никакихъ затрудненій, король могъ создать въ Польшѣ сильную и дѣльную чиновническую машину—бюрократію, — безъ которой не можетъ существовать ни одно новое государство и безъ которой самые благодѣтельные законы и реформы, постановленные на сеймахъ, должны были оставаться мертвой буквой. Но Сигизмундъ вмѣсто того, чтобы усилить

старость или, по крайней мѣрѣ, оставить ихъ въ старомъ положеніи, отдавалъ эти должности сенаторамъ и, возвышая значеніе сената, довелъ до того, что старосты потеряли свое значеніе и съ тѣхъ поръ болѣе слушали вельможъ, чѣмъ короля. Еще хуже было то нововведеніе, что старосты, до тѣхъ поръ смѣшавшіеся по волѣ короля, обратились въ пожизненныхъ. Мертвой буквой оставались и многочисленные законы, грозившіе наказаніемъ лѣнивымъ и непослушнымъ чиновникамъ. Удивительная и непонятная милость или, вѣрнѣе, слабость Сигизмунда доходила въ этомъ отношеніи до того, что онъ прощалъ каждому чиновнику всякую провинность и тѣмъ въ конецъ уничтожилъ дисциплину. Не въ сеймѣ, не въ законѣ 1505 г., а въ этой распущенности исполнительной власти видимъ мы руководящую нить, объясняющую намъ все царствованіе Сигизмунда.

Генераль-старосты пользовались до тѣхъ поръ властью надъ наемными солдатами, защищавшими Рѣчь Посполитую, а въ случаѣ войны одному изъ нихъ король обыкновенно повѣрялъ и главное предводительство. Теперь это было измѣнено и во главѣ всей вооруженной силы всталъ новый чиновникъ: гетманъ. Первымъ гетманомъ былъ великій вождь Янъ Тарновскій. Пользуясь неограниченной властью надъ наемнымъ войскомъ, онъ сумѣлъ придать ему образцовую организацію на время войны, вдохнуть въ него отвагу и поддержать дисциплину. Несомнѣнно ему обязана была Польша введеніемъ той военной тактики, которая еще много лѣтъ спустя давала полякамъ перевѣсъ надъ всякимъ неприятелемъ, наступавшимъ съ востока. Сравнительно небольшое войско окружало себя рядами своихъ возовъ и защищалось изъ-за нихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ—артиллерія уже играла при этомъ роль,—а въ удобную минуту тяжело вооруженная конница, выѣзжая черезъ оставленные въ обозѣ ворота, опрокидывала неприятельскіе ряды. Но и наилучшая военная тактика недостаточна была тамъ, гдѣ не хватало войска плч, по крайней мѣрѣ, гдѣ это войско можно было набрать и содержать короткое время только въ случаѣ нужды.

§ 68. Отреченіе во внешней политикѣ.

Паденіе великой финансовой и военной реформы и побѣда анархіи вельможъ чувствительно отразились на отношеніяхъ Польши ко всемъ ея сосѣдямъ.

На восточныхъ своихъ границахъ Польша принимаетъ исклю-

чительно оборонительную систему. Николай Каменецкій, Константинъ Острожскій и Янъ Тарновскій, благодаря безусловному преимуществу военной тактики и мужеству своихъ солдатъ, отражаютъ всѣ татарскіе и волошскіе набѣги, въ частности Тарновскій одерживаетъ въ 1531 г. блестящую побѣду надъ волошскимъ господаремъ Іоанномъ при Обертинѣ, но они не въ состояніи на всегда обезпечить страну отъ дальнѣйшихъ нападеній. Благодаря этимъ побѣдамъ снова поднимается Подоля и Волынь, граница отодвигается въ глубь степей, но о прочномъ обезпеченіи этого колонизаціоннаго движенія, о занятіи береговъ Чернаго моря нѣтъ уже рѣчи. Татарамъ Польша неоднократно платитъ даже дань, лишь бы избѣгнуть ихъ набѣговъ.

Болѣе серьезная опасность угрожала со стороны великаго князя московскаго Васплія. Но если прежнія войны Москвы съ Русью велись собственно между русинами въ Литвѣ и русинами въ Москвѣ, если въ нихъ дѣло шло о томъ, Вильна или Москва должна быть центромъ тяжести для Руси, то теперь характеръ борьбы измѣнился. На поприще ея выступаютъ постоянно и польскія подкрѣпленія. Спигизмундъ не съумѣлъ обуздать русскаго элемента въ Литвѣ, во главѣ котораго стояла могущественная семья Глинскихъ и на который опирался Александръ. Въ 1508 г. началась война, во время которой Глинскій, поднявши знамя бунта, перешелъ на сторону Васплія и своей храбростью, а еще болѣе опытными совѣтами энергично поддерживалъ его. Перевѣсь въ вооруженіи, въ военномъ искусствѣ, въ талантѣ такого вождя, какъ Константинъ Острожскій, былъ на сторонѣ литвиновъ и поляковъ, въ дисциплинѣ же, численности и неутомимой настойчивости—на сторонѣ ихъ противниковъ.

Россія вела наступательную войну, Польша могла только обороняться, и хотя Острожскій въ 1508 и 1514 гг. одержалъ блестящія побѣды при Оршѣ и спасъ Литву, но послѣ пораженія однихъ отрядовъ Васплія на ихъ мѣсто являлись другіе, и взятаго ими въ 1513 г. Смоленска не удалось уже отнять. Постоянный миръ былъ невозможенъ, такъ какъ цари не хотѣли отступить отъ разъ принятаго плана завладѣть всей Русью, и взаимное утомленіе вызвало только заключеніе въ 1523 г. болѣе продолжительнаго перемирія. Смоленскъ остался за Москвой.

Московская война не была впрочемъ обособленнымъ фактомъ: она входила въ систему, выработавшуюся въ международныхъ отношеніяхъ всѣхъ европейскихъ государствъ въ началѣ XVI в. и опредѣлившую новое направленіе ихъ дипломатіи. Къ этому

времени уже окончательно исчезло средневѣковое вліяніе папской и императорской власти, которая въ качествѣ верховнаго посредника и судьи между государствами, образовывавшими такъ называемую христіанскую республику, наблюдала за ихъ братскимъ согласіемъ. Зато вслѣдствіе общаго развитія сношеній выросли стремленія и силы отдѣльныхъ государствъ и, столкнувшись на одномъ и томъ же поприщѣ, вступили въ смертельную борьбу. Въ борьбѣ этой ни одно государство не могло удержаться самостоятельно; желая выйти изъ нея побѣдителемъ, оно должно было искать себѣ союзника. Такимъ образомъ противъ всякаго излишне выросставшаго могущества образовывались для поддержанія равновѣсія прочные и естественные союзы угрожаемыхъ государствъ и соединенными силами предпринимали энергическую борьбу путемъ оружія и дипломатіи. Эту новую систему справедливо называютъ поэтому системой европейскаго равновѣсія. При Сигизмундѣ I Польша должна была занять въ ней первенствующее, предрѣшающее будущее мѣсто. Всѣ ея важнѣйшія внѣшнія дѣла: война съ Москвой, окончательное покореніе Тевтонскаго ордена, овладѣніе берегами Балтійскаго моря, отраженіе татаръ и волоховъ и водвореніе на берегахъ моря Чернаго, наконецъ дѣло Ягеллонскаго наслѣдства въ Чехіи и Венгріи, могли быть рѣшены только въ рамкахъ и съ помощью этой системы равновѣсія.

Вступивши на тронъ, Сигизмундъ первоначально какъ въ дѣлѣ внутреннихъ реформъ, такъ и во внѣшней политикѣ держался направленія Ласкаго и потому ояъ обратился противъ Тевтонскаго ордена, пользовавшагося поддержкой германскихъ императоровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ задумывалъ поддержать значеніе Ягеллоновъ въ Чехіи и Венгріи, которому угрожали непомерно выросшія притязанія Габсбурговъ. На тронѣ этихъ государствъ сидѣлъ въ то время дряхлый и слабый Владиславъ Ягеллонъ. Сынъ его, еще ребенокъ, былъ такого слабого сложенія, что ему не пророчили долгой жизни и уже во всякомъ случаѣ не ждали отъ него потомства. Поэтому право наслѣдства должно было по всей вѣроятности перейти къ дочери Владислава, Аннѣ, и императоръ Максимилианъ I рѣшилъ женить на ней одного изъ своихъ внуковъ и тѣмъ самымъ по крайней мѣрѣ одной ногой встать на венгерскомъ и чешскомъ тронѣ и уничтожить ихъ избирательность. Габсбурги, упрочившись уже путемъ счастливыхъ браковъ на тронахъ Бургундіи и Испаніи, хотѣли такимъ же образомъ приобрести еще Чехію и Венгрію, и тогда они приобрѣли-бы

могущество, опасное для всей Европы, но прежде всего, конечно, для ближайшей их сосѣдки, Польши. Ласкій оцѣнилъ эту опасность и, желая уничтожить планы Габсбурговъ, устроилъ въ 1512 г. бракъ Сигизмунда на прекрасной Варварѣ Запольской, сестрѣ одного изъ самыхъ могущественныхъ венгерскихъ магнатовъ, Иоанна Заполіц, который самъ стремился занять тронъ и былъ смертельнымъ врагомъ Габсбурговъ. Началась любопытнѣйшая дипломатическая борьба.

Максимиліанъ, видя союзъ Польши съ Заполіей, началъ ловко пугать Сигизмунда, возбудилъ къ войнѣ съ нимъ московскаго князя, подговаривалъ Тевтонскій орденъ отказаться отъ подданства и явно кичился заключеніемъ коалиціи противъ Польши. Чтобы уничтожить эти происки, Ласкій, въ качествѣ польскаго прпмаса (съ 1510 г.), отправился на Латеранскій соборъ въ Римъ, но, прежде чѣмъ онъ добился своего, Сигизмундъ, несмотря на побѣду при Оршѣ, испугался угрозъ Максимиліана, а противная Ласкому партія воспользовалась его отсутствіемъ. Во главѣ этой партіи стояли подканцлеръ Крыштофъ Шндловецкій и честолюбивый королевскій секретарь, а впоследствии подканцлеръ Петръ Томицкій. Помощь перваго была дорого куплена Габсбургамъ, второй же путемъ оппозиціи Ласкому стремился сдѣлать карьеру, и благодаря имъ польская полптика неожиданно приобрѣла дружелюбный по отношенію къ Австріи характеръ. Въ 1515 г. состоялся Вѣнскій конгрессъ, на которомъ императоръ Максимиліанъ выдалъ свою внучку Марію за сына Владислава Ягеллона, Людовика, а внука своего Фердинанда женилъ на дочери Владислава, Аннѣ, и такимъ образомъ обезпечилъ Габсбургамъ несомнѣнное наслѣдство на чешскомъ и венгерскомъ тронахъ въ случаѣ безпотомственной смерти Людовика. Сигизмундъ I не только согласился на все это, но и самъ пріѣхалъ на Вѣнскій конгрессъ и своимъ присутствіемъ осяятилъ триумфъ Максимиліана и габсбургской династіи надъ ягеллонской. Еслибы онъ сдѣлалъ это съ тѣмъ, чтобы обратить всѣ польскія силы на Москву, еслибы за такое рѣшительное отреченіе отъ правъ Ягеллоновъ и отъ славянскаго единства съ Чехіей онъ получилъ отъ Максимиліана рѣшительную поддержку въ прусскомъ дѣлѣ, то еще можно было бы понять и объяснить участіе его въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Но Сигизмундъ продалъ наслѣдіе Ягеллоновъ за чечевиичную похлебку. Императоръ, обѣщая нейтралитетъ и посредничество въ московской войнѣ и въ дѣлѣ подданства Пруссіи, оставлялъ однако за собою вліяніе и верховенство надъ орденомъ и, дѣлаясь посред-

никомъ въ отношеніяхъ Польши къ крестоносцамъ, удерживалъ первую и впредь въ зависимости отъ себя.

Тѣмъ временемъ возвратился съ Латеранскаго собора Янъ Ласкій и употреблялъ все усилія къ тому, чтобы уничтожить пагубныя послѣдствія конгресса. Въ тайномъ совѣтѣ короля закипѣла ожесточенная борьба между нимъ и Томицкимъ. Сигизмундъ склонялся на сторону Томицкаго, но по временамъ слушалъ и Ласкаго, позволялъ обоимъ имъ вести полптику, одному—оффиціальную, другому—неоффиціальную, и потому польская дипломатія въ теченіе слѣдующихъ годовъ, несмотря на цѣлый рядъ способныхъ дипломатовъ (Эразмъ Целекъ, Кржицкій, Дантышекъ) представляетъ полное отсутствіе послѣдовательности, рѣшительности и одной руководящей мысли. Подъ вліяніемъ Томицкаго овдовѣвшій король въ 1518 г. женился на родственницѣ императора Бонѣ Сфорца. Эта итальянская княгиня принесла ему въ приданое владѣніе (кн. Барское), лежавшее въ Италіи. Изъ-за него велись безпрестанные споры, и такъ какъ эти споры только при помощи императоровъ могли рѣшиться въ пользу Сигизмунда, то король тѣмъ самымъ поддадалъ въ еще бѣольшую зависимость отъ Габсбурговъ. Поистинѣ съ трудомъ можно повѣрить, что были годы, когда польская дипломатія занималась преимущественно Баромъ, пренебрегая самыми существенными польскими интересами.

Но ни въ чемъ слабость Сигизмунда такъ не повредила Польшѣ, какъ въ прусскомъ дѣлѣ. Оставленные въ 1466 г. въ восточной Пруссіи крестоносцы хотя и были уже совершенно безсильны, но не могли еще забыть прежняго своего могущества и нѣмецкой гордости, искали помощи въ Германіи, у императора и папы, отказывали въ подданствѣ и причиняли постоянныя хлопоты Польшѣ. Но это были уже послѣдніе порывы, предвѣстники неминуемаго паденія, и при Сигизмундѣ внутреннее разстройство ордена приняло уже такіе размѣры, населеніе Пруссіи такъ громко заявляло желаніе жить подъ польскимъ владычествомъ, что Польшѣ оставалось только сорвать съ дерева созрѣвшій плодъ. Въ 1510 г. умеръ гротмейстеръ Фридрихъ Саксонскій, и на его мѣсто былъ избранъ племянникъ Сигизмунда, сынъ сестры его Софіи, Альбрехтъ Бранденбургскій. Это былъ опасный выборъ, обезпечивавшій ордену помощь сосѣдняго и всегда враждебно относившагося къ Польшѣ Бранденбурга и въ то же время усиливавшій значеніе послѣдняго. Однако Сигизмундъ послѣ нѣкотораго колебанія пропустилъ Альбрехта съ войскомъ въ Пруссію. Альбрехтъ

же рѣшительно отказалъ въ вассальной присягѣ и, вербуя подкрѣпленія въ Германіи, началъ даже сношенія съ Москвой противъ Польши. Послѣ долгихъ споровъ въ 1520 г. вспыхнула война съ орденомъ, давно уже ожидавшаяся во всей Польшѣ и Пруссіи, война популярная, для которой одинъ сеймъ за другимъ постановлялъ громадныя подати; польскія войска въ первый же годъ дошли до стѣнъ новой столицы крестоносцевъ, Крелевца, а явившіяся изъ Бранденбурга подкрѣпленія были уничтожены подъ Гданскомъ. Несмотря на то, что король не выказалъ слишкомъ большой энергіи и уже въ 1515 г. согласился на перемиріе, положеніе Альбрехта сдѣлалось отчаяннымъ. Поморскій и мекленбургскій князья и датскій король заключили союзъ съ Сигизмундомъ въ 1524 г.; папа отвернулся отъ Альбрехта, видя, что въ Пруссіи укоренился не задолго передъ тѣмъ возникшій протестантизмъ и находилъ себѣ ревностныхъ приверженцевъ среди ордена. Со всѣхъ сторонъ поляки окружали Альбрехта, сеймъ въ 1524 г. постановилъ собрать большую подать на войну; нужно было выждать еще короткое время и опасное гнѣздо крестоносцевъ пало-бы само собой. Для достиженія этой цѣли, для рѣшенія самаго важнаго для Польши дѣла нужно было слѣдовать памявному примѣру Локетка, Ягайла и Казимира Ягеллона. Исторія простила-бы Сигизмунду и потерю Смоленска, и уступки, сдѣланныя Габсбургамъ, еслибы знала, что результатомъ этихъ уступокъ было присоединеніе Пруссіи и окончательное уничтоженіе Ордена и того нѣмецкаго могущества, знамя котораго поднималъ послѣдній въ самомъ сердцѣ Польши и Литвы.

Покореніе Пруссіи не было впрочемъ для Польши только дѣломъ мщенія или чести. Съ того момента, когда Ягеллоны отказались на югѣ, въ Чехіи и Венгріи, отъ своей полтики въ пользу Габсбурговъ и дозволили образоваться новой Австрійской монархіи, съ этого важнаго момента Польша должна была думать о приобрѣтеніи естественной границы на сѣверѣ, о приобрѣтеніи береговъ Балтійскаго моря на всемъ ихъ протяженіи. Нужно было уже предвидѣть, что около этого моря сконцентрируется вся политика сѣверной Европы, къ которой принадлежала теперь и Польша, вытѣсненная изъ Чехіи и Венгріи. Съ тѣхъ поръ, какъ на западѣ Европы вслѣдствіе открытія новыхъ міровъ возникла торговля черезъ океаны и благодаря ей пробудилась новая умственная и экономическая жизнь, Балтійское море приобрѣло для сѣверной Европы неизвѣстное до тѣхъ поръ значеніе, сдѣлалось единственной большой дорогой, соединяющей ее съ Западомъ

и его цивилизаціей. Не подлежало сомнѣнію, что завладѣть этимъ моремъ попытаются всѣ сосѣдніе съ нимъ народы: Швеція, Данія, Германія и Россія, что государства эти вступятъ въ смертельную борьбу изъ-за обладанія Балтійскими берегами. Не должна-ли была Польша приготовиться къ этой борьбѣ, занять устье Нѣмана и тѣмъ самымъ навсегда обезпечить себѣ и устья Вислы? Или она должна была отдать ихъ нѣмцамъ и упрочить ихъ власть надъ моремъ, лишаясь сама воздуха, свѣта и движенія? И однако произошло именно послѣднее.

Польша начала держаться болѣе смѣлой политики относительно Ордена именно въ ту минуту, когда противъ грознаго могущества Габсбурговъ выступила въ борьбу Франція и, всюду отыскивая себѣ союзниковъ, въ первый разъ постаралась завязать болѣе близкія отношенія съ Польшей. Сигизмундъ, не получивъ ожидавшихся выгодъ отъ союза съ Габсбургами въ прусскомъ дѣлѣ, временно подчинился вліянію ихъ упорнаго врага Яна Ласкаго и въ 1524 г. заключилъ союзъ съ Франціей, но вскорѣ, снова испугавшись Габсбурговъ и возможности ихъ союза съ Москвой, отступилъ передъ смѣлостью своего намѣренія. Болѣе всего онъ любилъ спокойствіе и потому, несмотря на сопротивленіе Ласкаго и значительной части сената, довольствуясь однимъ одобреніемъ людей, поддакивавшихъ ему, какъ Томицкій, онъ подалъ руку примиренія побѣжденному Альбрехту, возвратилъ занятые города, позволилъ ему сбросить орденскую одежду, принять протестантизмъ и объявить себя наслѣдственнымъ герцогомъ Пруссіи подъ верховенствомъ Польши. Мѣсто выродившагося Ордена, ненавидимаго населеніемъ, занялъ наслѣдственный князь, съумѣвшій вскорѣ приобрести расположеніе этого населенія и сдѣлавшійся представителемъ самостоятельности Пруссіи. Въ 1525 г. Альбрехтъ принесъ торжественную присягу Сигизмунду на Краковскомъ рынкѣ, а три его брата, Юрій, Казиміръ и Іоаннъ Бранденбургскіе, получили право наслѣдства на прусскомъ тронѣ въ случаѣ прекращенія линіи непосредственныхъ потомковъ Альбрехта. Для Польши оставалась теперь только надежда, что эта многочисленная династія ея вассала когда-нибудь можетъ вымереть, и тогда она завладѣетъ герцогской Пруссіей и присоединитъ ее къ себѣ. Такъ ради временной выгоды и удобствъ мира былъ подписанъ позорный трактатъ, служившій какъ-бы признаніемъ, что Польша уже не въ состояніи предпринять и осуществить никакого великаго дѣла.

Въ 1526 г. по примѣру Владислава, Людовикъ Венгерскій по-

гибъ въ геройской битвѣ съ турками подъ Могачемъ. Фердинандъ Австрійскій, пользуясь полной апатіей Сигизмунда, завладѣлъ обоими тронами, чешскимъ и венгерскимъ. Но въ Венгріи противная Фердинанду партія выбрала королемъ Іоанна Заполю и между двумя соперниками началась ожесточенная борьба. Сигизмунду представился теперь случай совершенно парализовать дѣйствія Австріи, оказавъ поддержку Заполіи, или же пріобрѣсти себѣ искреннее ея расположеніе, совершенно оставивъ послѣдняго. Въмѣсто этого польскій король играетъ роль пассивнаго и нерѣшительнаго посредника между борющимися сторонами. Разбитый подъ Токаемъ, Заполія находитъ убѣжище у Яна Тарновскаго въ Тарновѣ и тамъ вмѣстѣ съ Ласкими составляетъ планы возвратить себѣ тронъ. Видя безуспѣшность всѣхъ стараній въ Польшѣ и при другихъ граничныхъ дворахъ, Іеронимъ (Ярославъ) Ласкій, племянникъ архіепископа, обращается къ помощи султана Солimana, который дѣйствительно въ 1529 г. и возвращаетъ Заполіи венгерскій тронъ подъ своимъ покровительствомъ. Ласкіе велп свою политику не безъ вѣдома короля, хотя, конечно, и зашли въ ней слишкомъ далеко. Навлекши на себя гнѣвъ императора, Сигизмундъ старался умилостивить его полной покорностью и отреченіемъ отъ Ласкихъ. Перевѣсъ же, который въ это время пріобрѣлъ Карлъ V надъ папою Климентом VI, далъ возможность возбудить противъ примаса Ласкаго процессъ, въ которомъ апостольская столица выступила противъ него, какъ «союзника султана». Глубоко оскорбленный этимъ, Ласкій умеръ въ 1531 г., оставшись единственнымъ выдающимся государственнымъ челоувкомъ за время царствованія Сигизмунда. Но и его способности не принесли никакой пользы, благодаря мягкости характера короля ¹⁾. Дружба съ австрійскимъ дворомъ, ознаменованная бракомъ молодого Сигизмунда Августа на дочери Фердинанда, Елизаветѣ, въ 1543 г. не помѣшала напр. Сигизмунду выдать въ 1539 г. собственную дочь Изабеллу за Іоанна Заполю. Такимъ образомъ выработывалась та внѣшняя политика Польши, которая впоследствии перешла въ традицію. Никто не

¹⁾ Лиске видитъ въ царствованіи Сигизмунда борьбу двухъ политическихъ партій, во главѣ которыхъ стоятъ Ласкій и Томицкій: Гиршбергъ отрицаетъ существованіе партій, сводя антагонизмъ Ласкаго и Томицкаго къ личнымъ обидамъ и приписывая имъ эгоистическія побужденія, мнѣніе, преувеличеніе котораго очевидно. Наилучшее объясненіе даетъ Шуйскій, говоря, что король сидѣлъ на двухъ стульяхъ и велъ двуличную политику

могъ на нее рассчитывать, никто не могъ ей довѣрять, и въ концѣ концовъ всѣ стали пренебрегать ею и оставили ее.

Въ то время, когда отъ грома оружія дрожала вся Европа, когда поднимались и падали троны, а новѣйшая дипломатія опутывала весь свѣтъ сѣтью обмановъ и интригъ, одинъ Сигизмундъ обучалъ нравственности европейскихъ монарховъ, разсылалъ письма съ увѣщаніями сохранять миръ и отвѣчалъ молившему о поддержкѣ Заполіи, что Польша привыкла помогать христіанству для мира, а не для войны! Эти прекрасныя слова, которыя, еслибы за ними стояли вооруженныя войска, способны были-бы умирить человѣка, нарушающаго миръ, въ устахъ монарха, втеченіе сорокалѣтняго царствованія отстранившаго, а отчасти и безповоротно нарушившаго всѣ великія задачи, поставленныя Польшѣ его же собственными предками, оставались пустой фразой, такъ какъ этотъ монархъ могущественнаго, для всѣхъ грознаго государства никому не внушалъ страха.

§ 69. *Общественный перевѣсъ шляхты.*

Казиміръ I Великій купилъ миръ для Польши путемъ большихъ уступокъ, но тогда это было необходимостью, такъ какъ Польша его времени, небольшая по своему объему, истощенная и изнуренная, сильно нуждалась въ спокойствіи. Теперь, послѣ приобрѣтенія Поморья и присоединенія Литвы, послѣ столѣтней работы надъ внутреннимъ устройствомъ, народъ достигъ апогея своего развитія и могъ страдать скорѣе избыткомъ, чѣмъ недостаткомъ силъ. Въ томъ случаѣ, еслибы силы эти не были организованы, еслибы имъ не было указано великой и привлекательной для нихъ цѣли, они должны были волноваться внутри страны и тратиться въ бесполезныхъ раздорахъ. Казиміръ Великій, заключивши миръ съ Орденомъ и Чехіей, зналъ, съ какой цѣлью онъ дѣлаетъ это, съумѣлъ направить всю свою энергію на внутреннія дѣла и достигъ въ нихъ громадныхъ результатовъ. Сигизмундъ-же, отстраняя отъ народа его великое призваніе, и въ дѣлѣ внутренней реформы точно также отступалъ передъ всякимъ болѣе смѣлымъ шагомъ и жертвовалъ всѣмъ ради спокойствія.

Относясь недоброжелательно къ шляхтѣ, не довѣряя ей на поприщѣ политики, король въ то же время не имѣлъ силы удержать ее въ ея пагубномъ стремленіи подчинить себѣ другіе общественные классы, до сихъ поръ успѣвшіе сохранить нѣкоторую

самостоятельность. Уже въ концѣ XV вѣка шляхта, не встрѣчая сопротивленія въ короляхъ, уничтожила самостоятельность духовенства. Законъ 1496 г., возобновленный въ 1504 г., запретилъ принимать въ кафедральные капитулы не шляхтичей, за исключеніемъ пяти каноничествъ, которые были предоставлены докторамъ богословія, права и медицины и могли быть заняты и плебеями. Законъ 1505 г. предоставилъ епископства и прелатства исключительно шляхтичамъ. Обращая такимъ образомъ церковныя должности въ доходныя мѣста для своихъ сыновей, шляхта сдѣлала церковь отголоскомъ своихъ стремленій и желаній. Теперь очередь дошла до сельскаго населенія и городовъ.

Съ городами дѣло пошло легче, такъ какъ они были заселены нѣмцами и любовь къ отечеству слабо была развита въ нихъ; опираясь на своихъ средневѣковыхъ привилегій, они отстранялись отъ новой политической жизни и ея тягестей, отъ военной службы и податей. Когда Александръ призывалъ и поощрялъ ихъ къ участію въ сеймахъ, они держались въ сторонѣ и дошли до того, что не имѣли своего представителя на сеймѣ, не отстояли за собой голоса, безспорно имъ принадлежавшаго. Царствованіе Сигизмунда составило наконецъ для нѣмецкихъ городовъ Польши моментъ, рѣшившій ихъ колонизацію. Подъ вліяніемъ постоянныхъ мирныхъ сношеній съ окрестнымъ польскимъ населеніемъ, подъ вліяніемъ королевскаго двора, къ которому тѣснились болѣе зажиточные мѣщане, наконецъ подъ вліяніемъ возродившагося классическаго просвѣщенія, поднявшаго уровень польской цивилизаціи и сдѣлавшаго ее модной и прогрессивной сравнительно съ средневѣковой нѣмецкой, города сперва бросили свой официальный нѣмецкій языкъ и приняли на его мѣсто латинскій, а затѣмъ начали поспѣшно учиться по-польски и вводить польскій языкъ въ свою общественную, церковную и административную жизнь. Но этотъ польскій патріотизмъ пробудился въ городахъ слишкомъ поздно и не могъ уже помочь имъ приобрести политическое вліяніе; шляхта уже завладѣла исключительно сеймами, давала имъ чувствовать свое преобладаніе и начала ради своихъ выгодъ вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, въ интересы ихъ промышленности и торговли. Мѣщане имѣли еще немалое вліяніе внѣ своихъ стѣнъ, владѣли множествомъ имѣній, держали массу солтыствъ. Къ несчастію они не сумѣли воспользоваться этой громадной силой; устранившись отъ военной службы, они тѣмъ самымъ постановили смертный приговоръ самимъ себѣ. Шляхта въ 1496 г. выставила принципъ,

что кто не отправляетъ военной службы, не имѣетъ права владѣть поземельными имѣніями, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорной борьбы въ 1538 г. достигла того, что однихъ мѣщанъ принудила продать имѣнія, другимъ же закрыла доступъ къ нимъ. При этомъ шляхта употребила очень ловкое средство. Сознавая могущество краковскихъ мѣщанъ, ихъ значительныя богатства, образованіе и вліятельное положеніе при дворѣ, види, что Краковъ, ставши во главѣ другихъ городовъ, можетъ оспаривать у нея перевѣсъ, она сдѣлала исключеніе для краковскихъ мѣщанъ, позволивъ имъ и владѣть имѣніями, и высылать пословъ на сеймъ, и это ничего не значившее исключеніе охладило Краковъ къ интересамъ другихъ городовъ и сдѣлало его сторонникомъ шляхты. Краковскіе патриціи: Бонары, Бетманы, Пипаны, Шембеки, Морштыны, на этой скользкой почвѣ даже совсѣмъ отрывались отъ города, приобретали обыкновенно за границей дворянское достоинство и переходили на сенаторскія кресла, въ ряды вельможъ, вмѣсто того, чтобы стоять во главѣ мѣщанства и энергически предводительствовать имъ въ борьбѣ со шляхтой.

Между тѣмъ шляхта, исключая города изъ политической жизни, начала борьбу и съ экономическимъ ихъ положеніемъ. Многіе законы были направлены къ тому, чтобы сломить городское самоуправленіе и передать воеводамъ рѣшительную власть надъ всею промышленностью и торговлей. Пали цеховыя и купеческія привилегіи, иностраннымъ купцамъ открывали доступъ въ страну, чтобы понизить цѣну заграничныхъ товаровъ, а шляхта приобрѣла за то уже въ 1504 г. право вывоза своихъ произведеній безъ уплаты пошлины. Сельскому населенію препятствовали переходить въ города, а въ 1505 г. отношеніе мѣщанъ къ шляхтѣ было опредѣлено такимъ образомъ, что шляхтичъ, отдающійся мѣщанскимъ занятіямъ, въ силу того самаго теряетъ шляхетство. Но для осуществленія этой намѣченной въ законахъ программы нужно было болѣе продолжительное время, такъ какъ города, не обращая вниманія на сеймовыя конституціи, сохраняли свои права внутри своихъ стѣнъ, а реформируя ихъ въ новомъ духѣ, успѣвали даже добиваться ихъ подтвержденія королемъ и готовились къ болѣе серьезной борьбѣ со шляхтой.

Еще труднѣе городовъ было шляхтѣ подчинить себѣ сельское населеніе. Населеніе это имѣло свои вѣчныя аренды, съ которыхъ платила небольшие дани и чинши и обладало собственнымъ судомъ и собственной организаціей, охранявшимися наследственнымъ солтысомъ, стоявшимъ во главѣ каждаго поселенія. Рядомъ

съ этими крестьянскими селами, населенными и богатыми, очень скромно выглядѣли шляхетскіе фольварки, гдѣ хозяйство велось при помощи дворской челяди или посредствомъ выговоренной по контракту работы поселенныхъ въ деревнѣ кметей и гдѣ часто, когда шляхтичъ отправлялся въ военный походъ, прекращалась даже запашка полей. Этотъ рѣзкій контрастъ, какъ мы уже упоминали, вызывалъ въ шляхтѣ чувство зависти къ крестьянину и желаніе вполне овладѣть имъ. Поэтому, чѣмъ большаго вліянія достигала шляхта, тѣмъ болѣе стремилась она къ осуществленію этого желанія; пріобрѣти рѣшающій голосъ въ сеймѣ, она охотно оставляла королю управление политическими дѣлами, а сама схватилась за социальный вопросъ, имѣвшій для нея наиболѣе жизненное значеніе. Его вызывалъ и общій для всей Европы переворотъ экономическихъ отношеній. Въ XV в., какъ мы уже говорили выше, развилась въ широкихъ размѣрахъ торговля и сбытъ хлѣба и вообще сырыхъ продуктовъ за-границу и въ силу этого явилась возможность обращать въ деньги произведенія хозяйства, превышающія домашнюю потребность. Для шляхтичарыцаря явилось искушеніе бросить оружіе и взяться за плугъ. Военная служба утратила прежнюю привлекательность и значеніе, исключая развѣ того случая, когда она производилась за особое жалованіе, занятіе же земледѣліемъ пріобрѣло особенную важность и сдѣлалось для шляхты главнымъ, если не единственнымъ призваніемъ.

Желая осуществить его, нужно было однако совершенно измѣнить средневѣковую деревню. Прежде всего взялись за солтысовъ, этихъ естественныхъ стражей крестьянской свободы, и шляхтѣ дозволено было скупать солтыства, т. е. принуждать солтысовъ за извѣстное вознагражденіе оставлять свои мѣста. Путемъ присоединенія принадлежавшихъ солтысамъ земель шляхетскіе фольварки увеличивались и могли увеличиться еще болѣе, благодаря разработкѣ пустошей и корчеванію лѣсовъ. Но для этого нужна была рабочая сила и слѣдовательно являлась нужда въ сокращеніи свободы крестьянъ. Съ тѣхъ поръ, какъ шляхтичъ, владѣлецъ деревни, самъ дѣлался солтысомъ, для крестьянскаго населенія исчезало самое прочное ручательство его самоуправленія, не было человѣка, который бы могъ и рѣшился защищать его права, обусловленные нѣкогда контрактомъ съ владѣльцемъ, послѣдній навязывалъ свою волю суду крестьянскихъ лавниковъ и налагалъ все болѣе тяжелыя повинности и дани. Крестьяне начали бѣгать, начали толпами переселяться на Русь, гдѣ, бла-

годаря не прекращавшейся колонизаціи, имъ представлялись болѣ легкія условія жизни. Шляхта приходила въ негодование, и сеймы 1496, 1503, 1510 и 1520 гг. по очереди постановляютъ все болѣ строгія запрещенія крестьянамъ оставлять свои мѣста и даютъ шляхтѣ право преслѣдовать и возвращать бѣглецовъ. Не имѣя опеки государственнаго закона, крестьянинъ терялъ самое дорогое свое право—личную свободу. Послѣ долгой, тихой, но тяжелой социальной борьбы шляхта при Сигизмундѣ I окончательно прикрѣпила крестьянина къ землѣ. Готовясь къ прусской войнѣ, она вытребовала у короля на сеймахъ, происходившихъ въ 1520 г. въ Торнѣ и въ 1521 г. въ Быдгощѣ, позорные законы, по которымъ каждый крестьянинъ, независимо отъ прежнихъ его правъ и привилегій, обязанъ въ знакъ подданства работать на панской землѣ по крайней мѣрѣ одинъ день въ недѣлю. Такъ была создана принудительная работа, которая съ тѣхъ поръ постоянно увеличивалась и привела сельское населеніе къ неволѣ. Кметы подавали жалобы королю, но Сигизмундъ Старый призналъ себя не компетентнымъ разрѣшать ихъ и тѣмъ самымъ передалъ полную судебную власть надъ крестьянами владѣльцамъ: духовнымъ и шляхтѣ. Такимъ образомъ только въ коронныхъ имѣніяхъ крестьяне сохранили опеку монаршей власти. Вообще господскій судъ, принудительная работа, усиленіе предписаній о преслѣдованіи бѣжавшихъ кметей и возобновлявшіяся запрещенія принимать ихъ въ города придали санкцію крѣпостной зависимости сельскаго люда и теперь только обычай и религія могли умѣрять и смягчать ее.

Для оправданія польской шляхты здѣсь нужно сказать, что подобный переворотъ происходилъ тогда на всемъ Западѣ и Польша въ этомъ отношеніи не составляла исключенія. Поэтому крѣпостная зависимость сельскаго люда не мѣшала Польшѣ сохранять политическое существованіе, какъ не мѣшала она въ этомъ Германіи или Франціи. Была только одна разниця: на Западѣ дворянинъ, поработившій крестьянина, самъ въ то же время подчинялся власти своего монарха. Въ Польшѣ шляхтичъ объявлялъ себя полнымъ господиномъ въ своей деревнѣ, но въ то же время торжественно протестовалъ противъ абсолютной власти своего короля. Въ этомъ заключалось противорѣчіе. Свобода наверху не имѣла естественной основы внизу, была только предлогомъ и становилась средствомъ къ тому, чтобы тѣмъ прочнѣе установить абсолютную власть надъ сельскимъ людомъ.

§ 70. *Новое движеніе шляхты.*

Благодаря тяжелому труду сельскаго люда, теперь поднялись и расширились панскіе фольварки, увеличились доходы, появились пышныя усадьбы и такимъ образомъ рядомъ съ можновладствомъ всталъ многочисленный классъ зажиточной шляхты, которая, освободившись отъ заботъ обыденной жизни, могла уже теперь дать волю своему честолюбію и прежде всего подумать о большемъ образованіи.

До сихъ поръ только духовенство и аристократическая молодежь получали высшее образованіе, теперь же вся шляхта имѣла средства отправлять своихъ сыновей въ высшія школы, въ Краковъ или за границу, преимущественно въ Италію, и свѣтъ науки, раньше ограниченный небольшимъ кружкомъ, разлился теперь по всему народу. Это не была уже заскорузлая схоластическая средне-вѣковая наука, къ которой стремилось большинство, но возродившаяся древняя литература, міръ грековъ и римлянъ, полный чарующей прелести, полный свободы и поэзіи, цѣликомъ построенный на ощущеніи законченной классической красоты. Утонченное цicerоновское краснорѣчіе, свободная, не знающая никакихъ путей, философія, истинная, проникающая въ глубочайшіе тайники общественной и политической жизни исторія, безсмертныя поэтическія произведенія, недосыгаемыя созданія древней скульптуры и архитектуры, все это, открытое изъ забвенія и пыли вѣковъ, распространяемое путемъ книгопечатанія, проникшаго въ Польшу уже въ послѣднія десятилѣтія XV вѣка, входитъ въ сознаніе и чувство, дѣйствуетъ на воображеніе, привлекаетъ и ослѣпляетъ умы. Въ академію, равно какъ и въ ея многочисленныя колоніи и въ высшія школы, содержавшіяся нѣкоторыми епископами и городами, пріѣзжали на мѣста профессоровъ изъ-заграницы гуманисты, поляки и чужеземцы, у которыхъ не было недостатка въ энтузіазмѣ и знаніяхъ для борьбы съ схоластическимъ невѣжествомъ. Рядомъ съ высшими учебными заведеніями: въ Познани (здѣшнее училище сравнительно съ другими особенно расцвѣло благодаря стараніямъ епископа Любранскаго), Пултускѣ, Львовѣ, Торнѣ, Эльблонгѣ и Гданскѣ, возникаетъ множество нисшихъ школъ, монастырскихъ и приходскихъ, печатается множество учебныхъ книгъ, составленныхъ въ новомъ духѣ, и такимъ образомъ распространяется просвѣщеніе въ нисшихъ классахъ народа. Люди, занимающіе выдающееся общественное

положеніе (подканцлеръ Томицкій, познанскій епископъ Любранскій, воевода краковскій Кмита), выступаютъ въ роли меценатовъ возродившейся науки и литературы. Всякій сановникъ поддерживаетъ многочисленныя сношенія съ заграницей, для него важно, чтобы его корреспонденція своимъ изысканнымъ латинскимъ стилемъ свидѣтельствовала о его гуманитарномъ образованіи, чтобы посвящаемыя ему произведенія поэзи и литературы распространяли его славу. Онъ ищетъ поэтому способныхъ и образованныхъ частныхъ секретарей, ищетъ поэтовъ и писателей, не забываетъ и объ учителяхъ-гуманистахъ для своихъ дѣтей.— Втеченіе первыхъ десятилѣтій XVI вѣка польскій народъ измѣнился до неузнаваемости. Исчезла грубая мужиковатость обычаевъ, въ обществѣ стали придавать громадное значеніе свѣтскому доску, состязались въ прекрасномъ классическомъ стилѣ въ публичныхъ рѣчахъ и въ письмѣхъ, исчезъ средневѣковый мистицизмъ, и на его мѣсто пробудилось художественное чувство, свобода мысли и слова. Сношенія съ центромъ этой новой цивилизаціи, Италіей, издавна бывшія оживленными, еще увеличились благодаря супружеству Сигизмунда на миланской княгинѣ Бонѣ Сфорца; королевскій дворъ сдѣлался истиннымъ центромъ и школой гуманизма, наряду съ латинскимъ языкомъ при немъ въ качествѣ языка моднаго появился и итальянскій, и множество итальянцевъ, художниковъ, ученыхъ, купцовъ и ремесленниковъ, пріѣзжало въ Польшу. Поднимались промышленность и торговля, строились и передѣлывались въ стилѣ Возрожденія великолѣпныя храмы и зданія, начиная съ королевскаго замка и Сигизмундовской часовни въ предмѣстьѣ Кракова — Вавелѣ. Царствованіе Сигизмунда прославили три поэта, писавшіе по-латыни: Андрей Кржицкій, извѣстный своимъ зlostнымъ юморомъ, и Янъ Дантышекъ, оба употреблявшіеся въ дипломатическихъ дѣлахъ и подъ конецъ занявшіе епископскія кафедры, и болѣе ихъ выдававшійся, извѣстный во всей Европѣ по поэтическому таланту и художественной формѣ своихъ произведеній, увѣнчанный въ Римѣ, но къ сожалѣнію слишкомъ рано умершій, Яницкій. Издавна процвѣтавшія въ Польшѣ математическія науки произвели тогда же геній Николая Коперника, своимъ сочиненіемъ о движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ (1543 г.) толкнувшаго человѣческую мысль на новые пути и открывшаго ей неизмѣримое пространство.

Итакъ гуманизмъ, когда онъ вполне уже развился въ Польшѣ, принесъ съ собою неисчислимыя выгоды. Поднимая въ культурномъ отношеніи общество, придавая ему яркій блескъ, онъ сбли-

жалъ Польшу съ Западомъ, отъ котораго она начала было уже отдаляться, благодаря слишкомъ долго продолжавшемуся схоластическому направленію. Неразрывно связывая поляковъ съ Западомъ, гуманизмъ сверхъ того давалъ имъ въ руки свѣточъ знанія, съ которыми они смѣло могли идти на Русь и Литву. Прежняя схоластическая наука только съ трудомъ могла бороться съ господствовавшей въ Литвѣ русской цивилизаціей. Краковская академія, въ которой существовала особая коллегія для литвиновъ, высылала, правда, извѣстное количество ксендзовъ въ ту Литву, которая приняла католичество, но этимъ должно было и ограничиваться все ея вліяніе въ XV вѣкѣ. Только гуманизмъ начинаетъ отвращать литовскихъ пановъ отъ русской культуры и сблизать съ польскимъ обществомъ, его языкомъ и цивилизаціей. Множество ученыхъ поляковъ ѣздитъ въ Литву и живетъ тамъ, дворъ Сигизмунда въ Литвѣ дѣлается центромъ гуманизма и вмѣстѣ польской культуры, возникаютъ первыя высшія училища съ гуманистическимъ направленіемъ. Подъ вліяніемъ гуманистической науки римскаго права совершается кодификація литовскихъ законовъ, утвержденная Сигизмундомъ I въ 1530 г. Литовскій статутъ, представляющій громадный шагъ въ развитіи Литвы, переноситъ въ нее множество польскихъ учреждений и пишется уже не только на русскомъ и латинскомъ языкахъ, но и на польскомъ.

Но наряду съ хорошими результатами гуманизмъ привелъ въ польскомъ обществѣ и къ дурнымъ. Дѣйствуя главнымъ образомъ путемъ возрожденія древней литературы, онъ приводилъ къ рабскому почитанію ея, къ образованію, для котораго являлась слишкомъ трудной самостоятельная работа. Такой недостатокъ могло устранить направленіе, исходящее сверху отъ ученаго учрежденія, которое предприняло бы научную работу на новой почвѣ, но предприняло бы серьезно; нужны были университеты, организованные въ новомъ духѣ. Этому мѣшала краковскій университетъ: его магистры, защищая свой кусокъ хлѣба и свое значеніе, отстаивали какъ схоластику, такъ и ту монополию науки для всей Польши, кака была признана за ними привилегіей. Уже въ концѣ XV вѣка гуманизмъ подъ вліяніемъ Калимаха начинаетъ ярый штурмъ стѣнъ университета, на время добываетъ себѣ въ немъ вліяніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ противъ себя сильную реакцію и оказывается вынужденнымъ отступить. Приглашенный изъ-заграницы въ качествѣ реформатора университета, славный гуманистъ Цельтесъ оставляетъ Польшу и ѣдетъ въ Вѣну испол-

нить эту великую задачу. При Сигизмундѣ I борьба повторяется. На сторонѣ реформы стоитъ самъ король, стоятъ приглашенные имъ гуманисты, Іоаннъ Сильвій—сициліянецъ, и Гарсія—испанецъ, стоитъ просвѣщенный епископъ краковскій и канцлеръ университета Конарскій, но университетъ подъ предводительствомъ печальной памяти схоластика Николая изъ Быстржикова апеллируетъ къ соборамъ и къ папѣ и побѣждаетъ ¹⁾. Сигизмундъ I забылъ, что онъ сынъ Казимира Ягеллона. Въ бесполезной борьбѣ, которую могло пресѣчь одно слово короля и одинъ гродскій староста, тратятся лучшія силы университета, и онъ, парализируя все, самъ быстрыми шагами идетъ къ полному упадку. Упадокъ этотъ яснѣе всего проявляется въ отстраненіи отъ университета того общественнаго класса, который занималъ первенствующее положеніе въ народѣ, шляхты. Большинство профессоровъ и студентовъ, за рѣдкими исключеніями, сыновья мелкихъ мѣщанъ и крестьянъ и самый университетъ замыкается въ мѣщанской сферѣ и внѣ ея не оказываетъ рѣшительнаго вліянія. Въ связи съ пониженіемъ научнаго уровня въ университетѣ и отсутствіемъ къ немъ опеки и центра для истинной науки стоитъ и то, что гуманистическое образованіе въ Польшѣ дѣлается все болѣе бесплоднымъ и энциклопедическимъ. Такой характеръ просвѣщенія проявляется на поприщѣ литературы. Произведенія заграничной литературы пользуются у насъ широкимъ сбытомъ, польскіе ученые поддерживаютъ близкія сношенія и корреспонденцію съ самыми славными представителями иностранной науки, мы встрѣчаемъ напечатанныя въ Польшѣ изданія древнихъ авторовъ, сталкиваемся съ искусными подражателями классической поэзіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ такіе жалкіе историки, какъ Ваповскій или Дециусъ, недостойны и приблизиться къ Длугошу, а вмѣсто могучихъ по своей мысли политическихъ сочиненій въ родѣ записки Остророга, политическая литература представляетъ только безчисленный рядъ сатирическихъ стихотвореній и насмѣшливыхъ пасквилей. Королевскій шутъ Станчикъ, который не увлекся наружнымъ блескомъ и настойчиво бросалъ въ глаза королю и сильнымъ панамъ горькую правду, приобрѣлъ себѣ большую славу и перешелъ въ народное преданіе.

¹⁾ Шуйскій защищаетъ краковскихъ схоластиковъ, предполагая, что они вели борьбу въ защиту религіи, которой угрожалъ гуманизмъ. Мнѣ кажется, однако, что трудно дѣлать героями людей, которые были всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ этого.

Изъ всѣхъ гуманистическихъ наукъ польской шляхтѣ больше всего нравилось право, которое могло ее подготовить къ судо-производству, къ исправленію должностей и къ политической жизни. Родное польское право не было еще научно обработано, поэтому брались, какъ и прежде, за науку римскаго и каноническаго права, но за науку возродившуюся, отбросившую уже схоластическую форму; при помощи этой науки, путемъ ея метода начали разсматривать польскіе законы, заключавшіеся въ сборникѣ Ласкаго, объяснять ихъ, реформировать и кодифицировать эти законы на сеймахъ, и шляхетскіе умы приобрѣли то юридическое направленіе, ту юридическую окраску, какія остались характерной ихъ чертой уже до конца Рѣчи Посполитой. Къ несчастью юридическій умъ не есть еще умъ политическій, который ясно видитъ положеніе, отыскиваетъ спасительныя средства и не останавливается передъ личными жертвами. Наука римскаго права, еслибы хорошо былъ понятъ основной принципъ ея, что государь стоитъ выше закона, могла бы, правда, спасительно повліять на умы шляхты, но большинство этой шляхты, довольствуясь энциклопедическимъ образованіемъ, не вникало, какъ это дѣлала аристократическая молодежь XV вѣка, достаточно глубоко въ науку римскаго права, чтобы дойти до убѣжденія, что сила правительства была главною основой древняго права и государства. Изъ греческой и римской литературы гораздо легче усваивались понятія и фразы о губительныхъ слѣдствіяхъ «тиранніи», о гражданскомъ равенствѣ и свободѣ, чѣмъ понятія обязанностей по отношенію къ власти и послушанія ей, выбиралось только то, что легко могло служить для оправданія тогдашняго направленія шляхты: существовавшимъ въ Римѣ и Греціи рабствомъ оправдывали угнетеніе польскаго крестьянина; гражданскимъ равенствомъ въ Спартѣ, Афинахъ и Римѣ объясняли свою зависть къ можновладству. Если же и возникала мысль о томъ, что свобода легко можетъ выродиться въ своеволие, то на помощь являлся аргументъ изъ Цицерона: откуда же въ такомъ случаѣ гражданскія добродѣтели? Характерной подробностью является то, что у насъ не печатали сборниковъ римскаго права, но зато втеченіе царствованія Сигизмунда I два раза была издана книга Цицерона о гражданскихъ добродѣтеляхъ (*De officiis*) и четыре раза подобная же книга Сенеки.

Другимъ несомнѣнно вреднымъ послѣдствіемъ гуманизма было ослабленіе въ народѣ религіозности и послѣдовавшая затѣмъ порча нравственности. Изъ вновь открытой древней литературы средне-

вѣковыя общества брали не только прекрасное и возвышенное, но и все то, что въ нихъ было дурнаго и уродливаго. Жизнь гуманистовъ была распутная. Но если на Западѣ государи пользовались этимъ отсутствіемъ твердыхъ нравственныхъ убѣжденій для усиленія своей власти, и политика ихъ воспитывала людей испорченныхъ, но ловкихъ и смѣлыхъ, то въ Польшѣ при недостаткѣ такого направленія сверху выступили только невыгоды этой испорченности безъ ея временныхъ удобствъ. Духовное и свѣтское можновладство все сильнѣе стало гнаться за богатствомъ, не питая уже широкаго политическаго честолюбія; среди политическихъ дѣятелей появился не прикрытый никакими предлогами подкупъ, среди нихъ стало господствовать отсутствіе принциповъ и истиннаго политическаго честолюбія. Разительнымъ примѣромъ перваго былъ Шидловецкій, втораго — Томицкій. И однако изъ воспитанныхъ Сигизмундомъ политиковъ они были, пожалуй, еще самыми выдающимися.

§ 71. Другія реформы Сигизмунда.

Измѣнившееся экономическое положеніе, и измѣнившееся подъ вліяніемъ гуманизма направленіе образованія и мыслей не въ состояніи были толкнуть шляхты на тотъ фатальный путь, по которому она пошла втеченіе трехъ слѣдующихъ вѣковъ. Для этого нужна была еще крупная ошибка, полный разрывъ съ здравой традиціей прошлаго. Такую ошибку и сдѣлалъ Сигизмундъ. Сдѣлавъ свою внѣшнюю политику исключительно пассивной, отрекшись отъ Чехіи и Венгріи, сдѣлавъ позорныя уступки въ Пруссіи и отступивъ передъ турецкой и московской войнами, онъ уничтожилъ самую мысль о какихъ-бы то ни было наступательныхъ дѣйствіяхъ государства, отстранилъ отъ народа, шляхты, тѣ великія цѣли, къ которымъ она до тѣхъ поръ стремилась съ большими жертвами, на которыхъ она воспитывалась и благодаря которымъ сохраняла свою крѣпость. Обрекая ее на бездѣятельность, онъ порвалъ одновременно и съ другой традиціей своихъ предшественниковъ, оттолкнулъ отъ себя шляхту, отнялъ у нея свое руководство и отдалъ ее въ добычу можновладству. Нѣтъ ничего удивительнаго, что шляхта, незрѣлая въ политической жизни, шла на приманку хитрыхъ, но испорченныхъ пановъ и поддерживала ихъ какъ во взаимныхъ ихъ столкновеніяхъ, такъ и въ оппозиціи королю, которую паны съумѣли ловко раздуть. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что, когда король, наученный грустнымъ опытомъ послѣднихъ

лѣтъ, въ 1527 г. вторично приступилъ къ внутреннимъ реформамъ, онъ не нашелъ уже въ шляхтѣ такого покорнаго и добродетельнаго орудія, какъ при первыхъ реформахъ.

Легче всего было еще склонить шляхту къ новой военно-финансовой реформѣ, которая, регулируя эти дѣла, обезпечивала равную раскладку государственныхъ податей. Сеймъ 1527 г. дѣйствительно и согласился на такую реформу безъ всякихъ препятствій. Отдѣльныя комиссіи, составленныя изъ воеводы, каштеляна и двухъ делегатовъ шляхты, должны были произвести добросовѣстное опредѣленіе доходовъ всѣхъ имѣній, городовъ и мѣстечекъ, и оцѣнка эта должна была послужить основой справедливой раскладки податей. Сборщики податей были подчинены надлежащему контролю и имъ назначено было постоянное жалованье, чтобы разъ на всегда положить конецъ вопіющимъ кражамъ. Кромѣ того, король съ гетманомъ назначалъ въ каждомъ повѣтѣ поручика, который выбиралъ изъ среды шляхты вопновъ подъ свою хоругвь, отводилъ ихъ на указанное мѣсто, отвѣчалъ за дисциплину и регулярно выплачивалъ жалованье.

И однако эта реформа, создававшая постоянную армію и дававшая ручательство въ томъ, что установленныя сеймомъ подати будутъ дѣйствительно собраны со всѣхъ и обращены на предложенную цѣль, снова разбилась о сопротивленіе możnowładцевъ, уклонившихся отъ несенія тяжести государственныхъ обязанностей. Сигизмундъ не сумѣлъ сломить это сопротивленіе и довершить на-половину проведенную оцѣнку, не сумѣлъ опять-таки по недостатку энергіи и настойчивости. Позднѣе, въ 1544 г., подъ угрозой опасности со стороны турокъ дѣло окончилось болѣе подробнымъ опредѣленіемъ порядка посполитаго рушенія — на бумагѣ, такъ какъ объ исполненіи законовъ никто уже серьезно не думалъ.

Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ шляхта утратила вѣру въ короля и съ величайшимъ недовѣріемъ приступила къ задуманной имъ реформѣ на попріщъ кодификаціи законовъ. Сборникъ законовъ Ласкаго (1505 г.), составленный въ хронологическомъ порядкѣ, распространилъ, правда, знакомство съ законами, но не вполне удовлетворялъ существовавшей потребности. Помѣщенные въ немъ законы, возникшіе на протяженіи почти двухсотъ лѣтъ, заключали въ себѣ множество пробѣловъ и противорѣчій. Нужно было заполнить эти пробѣлы, устранить противорѣчія, выяснить сомнительныя мѣста и слить все законы въ одно систематическое цѣлое. О такой кодификаціи думалъ уже въ пер-

вую половину правленія Сигизмунда, многіе принципы польскаго права были исправлены подъ вліяніемъ пробудившагося изученія римскаго права, въ 1523 г. былъ проведенъ на сеймѣ знаменитый кодексъ польскаго процесса, но только сеймъ 1532 г. взялся за коренную реформу. Назначенная имъ коммиссія, состоявшая изъ самыхъ извѣстныхъ юристовъ (между ними былъ Николай Ташицкій), выработала проектъ такъ называемой корректуры законовъ, т. е. общаго кодекса. Однако шляхта, послушавшись враждебныхъ подговоровъ, именно Кмиты и Зборовскихъ, на сеймѣ 1534 г. высказалась противъ предложеннаго ей проекта. Это была неизмѣримая потеря, такъ какъ кодексъ отличался строго систематическимъ порядкомъ, уничтожалъ злоупотребленія и господствовавшій раньше безпорядокъ. Сигизмундъ при первой оппозиціи отступился отъ дѣла кодификаціи.

Изъ всего грустнаго царствованія Сигизмунда мы можемъ найти только два утѣшительные факта. Однимъ изъ нихъ было присоединеніе остатка Мазовіи послѣ бездѣтной смерти послѣдняго изъ мазовецкихъ Пястовъ Януша въ 1526 г., другимъ — избраніе десятилѣтняго Сигизмунда Августа польскимъ королемъ, произведенное въ 1530 г. при жизни отца и обезпечившее страну отъ жестокихъ бурь безкоролевья. Мазовецкаго наслѣдства просили сестры умершаго князя, но король не удовлетворилъ ихъ желанія подъ вліяніемъ Боны, которая въ многочисленныхъ княжескихъ имѣніяхъ Мазовіи получила обезпеченіе и своего приданнаго. Мазовія же, обусловивъ себѣ отдѣльность своихъ законовъ и кодифицировавъ ихъ въ 1529 г., охотно вошла въ качествѣ особаго воеводства въ составъ Короны и приняла дѣятельное, мы еще увидимъ, насколько выгодное, участіе во всей ея политической жизни, особенно же въ парламентской. Вообще малодушная политика Сигизмунда Стараго обезпечила, правда, Польшу во второй половинѣ его царствованія безусловное спокойствіе, прерванное только непродолжительной московскою войною (1534—1536), но зато пренебреженіе указаннымъ народу призваніемъ бросило его въ омутъ страшнаго внутренней анархіи, именно въ ту минуту, когда всѣ окрестныя государства лихорадочно организовались и вооружались.

§ 72. Куриная война. Анархія.

Хуже всего повліяли на настроеніе шляхты интриги, которыя начались при самомъ дворѣ старѣвшагося и все болѣе дряхлѣвшаго короля. Вымпрали прежніе его совѣтники: примасъ Янъ

Ласкій, канцлеръ Крыштофъ Шидловецкій, подканцлеръ Петръ Томицкій; ихъ замѣнили, правда, гетманъ Янъ Тарновскій и епископъ краковскій Самуиль Мацѣевскій, но надъ ними возвышалось вліяніе Боны и ея наушниковъ. Хитрая птальянка извратила тѣ принципы искренности и благородства, какими до тѣхъ поръ отличалась полтика Сигизмунда, окружила себя подлыми креатурами, которыхъ возвышала на высшія должности: Гамратомъ, Собоцкимъ, Держговскимъ, съумѣла привлечь на свою сторону храбраго маршалка Петра Кмиту, завидовавшаго вліянію и славѣ Тарновскаго, и захватила правленіе въ свои руки. Средствомъ этого правленія, основою дальнѣйшихъ плановъ, а отчасти и цѣлью сдѣлалось собраніе громаднаго пмущества на личными деньгами. Ни одинъ способъ, ведущій къ этой цѣли, не казался болѣе плохимъ. Хорошее хозяйство въ коронныхъ пмѣніяхъ заслуживало благодарности, но продажа должностей вела за собой деморализацію, а передача постановленныхъ для войны поборовъ въ частную казну королевы и вынужденіе податей страхомъ выдуманныхъ нападений не только лишало страну защиты, но и пробуждало справедливое недовѣріе въ шляхтѣ, причало сеймы къ пагубному сопротивленію въ установленіи податей. Эти уголья, бросаемые въ толпы шляхты, подготовили матеріаль для вспышки, окрещенной печальнымъ именемъ «курпной войны». Бона волновала шляхту противъ правленія гетмана Тарновскаго, но еще лучше умѣла волновать ее поссорившейся съ Боной Кмиты. Созванная въ 1537 г. въ экспедицію противъ волоховъ шляхта, не видя передъ собой непріятеля и будучи убѣждена, что ее собрали только съ цѣлью доставленія доходовъ въ карманъ Боны, собралась на сходку въ лагерь и начала судить и ридить со всей присущей ей тогда риторикой.

Всѣ шляхетскіе голоса сходились въ одинъ хоръ жалобъ на политику Сигизмунда. Требованіе реформы, громкое негодованіе противъ сенаторовъ и духовенства вытекали изъ убѣжденія шляхты, но въ рѣчахъ ораторовъ проявлялись и ловкіе подговоры Боны, направленные противъ недоброжелательныхъ ей сенаторовъ, а надо всѣмъ господствовала интрига Кмиты, который рѣшилъ выказать Бонѣ все свое могущество. Громко требовали, чтобы возвращеніе незаконно розданныхъ королевскихъ пмѣній, такъ называемая экзекуція имѣній, начатая Боню, происходила не въ судахъ придворныхъ, но въ государственныхъ; у короля вынудили смиренное заявленіе, что онъ будетъ созывать посполитое рушеніе только по зрѣломъ размышленіи, при наличности важ-

ныхъ причинъ, и прежде всего отказали въ требовавшихся Боною податяхъ. Вся эта куриная война не имѣла никакого другого результата и только убѣдила Европу, что въ великомъ и цвѣтущемъ государствѣ исчезъ авторитетъ трона, палъ благодаря испорченности сенатъ, а шляхта не имѣла собственной программы и шла за демагогами.

Современники уважали Сигизмунда, какъ человѣка, который никакою страстью не запятналъ своего высокаго положенія и съ наилучшими намѣреніями работалъ для блага народа. Мы, также уважая въ Сигизмундѣ человѣка, должны однако осудить въ немъ монарха, который растратилъ все цѣнное наслѣдство, полученное имъ отъ прошлаго.

Онъ засталъ народъ здоровымъ, оставилъ его больнымъ, засталъ государство въ бурномъ, но сильномъ развитіи, оставилъ его клонящимся къ упадку. Поэтому, ставя царствованіе Сигизмунда на фонѣ всеобщей исторіи, видя, что другіе народы всѣмъ своимъ развитіемъ обязаны только сильной инициативѣ и предприимчивости тогдашнихъ своихъ монарховъ, мы должны сложить значительную часть отвѣтственности съ нашего народа на плечи добродѣтельнаго, но неспособнаго Сигизмунда ¹⁾).

¹⁾ Историки сильно расходятся въ оцѣнкѣ Сигизмунда. Калинка рѣшительно осуждаетъ только его внѣшнюю политику: «онъ оставилъ Чехію и Венгрію, чтобы свободно дѣйствовать противъ Москвы, пренебрегъ Москвою, чтобы покончить съ крестоносцами, и окончилъ съ ними всего печальнѣе, всего вреднѣе для Польши». Впрочемъ «не его вина, что прежней аристократіи XV вѣка въ его время уже не было». (Зачѣмъ-же онъ опирался на нее?). Шуйскій, также рѣшительно осуждая его за вѣнскій конгрессъ и секуляризацию Пруссіи, половину вины складываетъ на шляхту, такъ какъ «можно требовать отъ короля, чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь изъ готовыхъ элементовъ, но трудно требовать, чтобы онъ сдѣлалъ что-либо изъ неготовыхъ и незрѣлыхъ». (Однако Казиміръ, Альбрехтъ и Александръ дѣлали нѣчто съ этими элементами, а на Западѣ короли сами образовывали эти элементы и вводили ихъ въ кругъ своей политики). Лиске не только оправдываетъ Сигизмунда, но даже считаетъ вѣнскій конгрессъ и секуляризацию Пруссіи дѣломъ мудрой политики въ виду тѣхъ трудностей, съ какими ему приходилось считаться. На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Внѣшнія и внутреннія препятствія несравненно увеличились къ концу XVI в., и однако при всѣхъ худшихъ условіяхъ чего не сдѣлалъ за десять лѣтъ своего правленія Баторій при нѣкоторой силѣ, воли и энергіи? Развѣ заграничные государи не встрѣчали такихъ же самыхъ и еще большихъ препятствій, чѣмъ польскіе?

Любопытна также полемика между Гиршбергомъ, защищающимъ тогдашнюю польскую дипломатію, и Лукасомъ, указывающимъ полный недостатокъ въ ней одной руководящей мысли.

III.

Реформація. Шляхта терпитъ поражение въ своей борьбѣ съ анархіей изъ-за реформы Рѣчи Посполитой.

(1548—1575).

Л И Т Е Р А Т У Р А .

По недостатку ли печатныхъ источниковъ, или по щекотливости предмета, но свѣдѣнія наши о царствованіи Сигизмунда Августа до недавняго времени были такъ ничтожны, что мы не имѣли почти никакого представленія о польской исторіи эпохи реформаціи. Школа Нарушевича коснулась этого времени только въ литературномъ отношеніи (Оссолннскаго: «Историко-критическія свѣдѣнія» — «Wiadomości hist. kryt.»), школа Лелевелевская много разсуждала о немъ въ руководствахъ, но поверхностно, безъ знакомства съ источниками, и не сумѣла даже воспользоваться пмъ для своего ученія.

Голэмбѣвскаго, Северина: «Времена Сигизмунда Августа» («Czasy Zygmunta Augusta», 2 tt. Wilno, 1851), несмотря на громкое названіе, представляетъ только собраніе разрозненныхъ свѣдѣній. Первую болѣе полную обработку этого времени мы находимъ только въ «Исторіи» Шуїскаго («Dzieje», t. II. 1862). Появились и монографіи, перѣдко очень цѣнныя, но лишенные болѣе широкаго взгляда на тогдашнія отношенія.

Балинскаго, Михаила: «Историческія сочиненія» («Pisma historyczne», tt. 4. Warszawa. 1843; заключаютъ въ себѣ: «Pamiętniki o królowej Barbarze», изданные отдѣльно въ 1837 г. и «Zycie Andrzeja Wolana»); его же: «Историческія изслѣдованія» («Studia historyczne». Wilno. 1856).

Шайнохи, Карла: «Барбара Радзивиллъ» («Barbara Radziwiłłówna. Szkice historyczne).

Малиновскаго, Николая: «Научные и дипломатическіе труды Станислава Ласкаго» («Stanisława Łaskiego prace naukowe i dyplomatyczne». Wilno. 1854)

Эйхгорна, Антонія: «Вармійскій епископъ и кардиналь Станиславъ Гозій» («Der ermländische Bischof und Cardinal Stanislaw Hosius», tt. 2. Mainz. 1854—1855); его же: «Вармійскій епископъ Мартинъ Кромеръ» («Der ermlaendische Bischof Martin Kromer». Braunsberg. 1868).

Валевскаго, Кипріяна: «Мартинъ Кромеръ» («Marcin Kromer». Warszawa. 1871); его же «Янъ Ласкій» («Jan Łaski». Warszawa. 1872).

Неринга, Владислава: «О польскихъ историкахъ XVI вѣка». («O historykach polskich XVI-go w.». 3 cz. Poznań. 1860—1862).

Романовскаго, Яна: «Война Сигизмунда Августа съ Ливонскимъ орде-номъ въ 1557 г.» («Wojna Zygmunta Augusta z Zakonem inflanckim r. 1557». Rocznik Tow. przyj. nauk poznańskiego. Poznań. 1860) и «Otia Cornicensia». Poznań. 1861, первая работа, затронувшая парламентскую борьбу временъ Сигизмунда Августа.

Де Ноайля, Эммануила (Emanuel de Noailles): «Генрихъ Валуа и Польша» («Henri Valois et la Pologne», tt. 3. Paris. 1868).

Но первымъ, кто взялся за важнѣйшій вопросъ исторіи того времени, а именно за политическую сторону реформаціи, обработалъ его на основаніи большаго количества источниковъ и тѣмъ самымъ далъ толчокъ къ болѣе глубокому изслѣдованію и пониманію этого періода, былъ Винцентій Закржевскій—въ книгѣ: «Возникновеніе и ростъ реформаціи въ Польшѣ» («Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce». Lipsk. 1870). Къ этому же предмету возвратился онъ еще въ трудѣ: «Семья Ласкихъ въ 16-мъ вѣкѣ. II. Племянники примаса: реформаторъ Янъ Ласкій и его братья Геронимъ и Станиславъ» («Rodzina Łaskich w XVI-tym wieku. II. Synowie prymasa: reformator Jan Łaski i jego bracia Hieronim i Stanislaw». Ateneum. 1882. III. Warszawa. Тамъ же и литература, относящаяся къ Яну Ласкому). Самая большая работа того же автора: «Послѣ бѣгства Генриха» («Po ucieczce-Henryka». Kraków. 1878), рассматривая въ широкихъ размѣрахъ исторію безкоролевій, бросаетъ свѣтъ на весь XVI вѣкъ.

Съ противоположнымъ во многихъ отношеніяхъ взглядомъ на реформацію и на политическое движеніе шляхты выступалъ Шуйскій въ упоминавшемся уже раньше трудѣ: «Возрожденіе и реформація» («Odrodzenie i reformacja». Kraków. 1880).

Среднее положеніе въ этомъ вопросѣ занимаетъ Тарновскій въ сочиненіи: «Политическіе писатели» («Pisarze polityczni». 1886, тамъ же перечислены сочиненія о политическихъ писателяхъ).

Написанная на основаніи источниковъ работа Н. Любовича: «Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи». Варшава. 1883, значительно обогатила наши свѣдѣнія относительно внутренняго развитія протестантизма, преимущественно въ Малой Польшѣ.

Важное приобрѣтеніе представляетъ также сочиненіе Бронислава Дем-

бинскаго: «Die Beschickung des Tridentinums durch Polen und die Frage von Nationalconcil». Breslau. 1883 и его же: «Начало реформации въ Польшѣ» («Początki reformaty w Polsce». Ateneum. Warszawa. 1884).

Какъ прежде сторонились отъ исторіи реформации, такъ теперь путемъ изданія источниковъ, обработки важнѣйшихъ вопросовъ и попытокъ составленія общаго взгляда мы ищемъ именно въ ней ключа къ разъясненію загадки позднѣйшей судьбы Рѣчи Посполитой. Перечислимъ здѣсь работы:

Красинскаго, Владислава: «Къ исторіи дипломатіи въ Польшѣ» («Przyczynek do historyi dyplomacyi w Polsce». Kraków. 1872).

Пилпнскаго, Ѡаддея: «Безкорольеве послѣ Сигизмунда Августа» («Bezkrólewie po Zygmuncie Auguście». Kraków. 1872. Оттискъ изъ Przeglądu polskiego).

Шуїскаго, Иосифа: «Дипломатическія сношенія Сигизмунда Августа съ Австріей» («Stosunki dyplomatyczne Zygmunta Augusta z Austrya». Przegląd polski. 1864 и Rozprawę i roztrząsania» 1877); его же: «Характеристика Сигизмунда Августа» («Charakterystyka Zygmunta Augusta», Rozprawę) кажется намъ, впрочемъ, скорѣе поэтической, чѣмъ исторической; его же: «Послѣдніе годы Сигизмунда Августа и Анна Ягеллонка» («Ostatnie lata Zygmunta Augusta i Anna Jagiellonka». Kraków. 1878).

Карвовскаго, Станислава: «Присоединеніе Лифляндіи къ Литвѣ и Польшѣ 1558—1561». («Wcielenie Inflant do Litwy i Polski 1558—1561». Poznań. 1873).

Кентржинскаго, Войцѣха: «О польской народности въ западной Пруссіи во время крестоносцевъ» («O narodowości polskiej w Prusiech zachodnich za czasów Krzyżaków». Pam. hist. filoz. Akad. 1874).

Яблоновскаго, Александра: «Ревизія замковъ волинской земли въ половинѣ 16-го вѣка» («Rewizya zamków ziemi wołyńskiej w połowie XVI-go w.». Warszawa. 1876).

Д-ра Антонія I.: «Подольскіе замки на молдавскихъ границахъ» («Zameczki podolskie na kresach młtańskich». 3 tt., wyd. 2. Warszawa. 1880).

Павинскаго, Адольфа: «Положеніе герцогской Пруссіи при Сигизмундѣ Августѣ» («Sprawy Prus książęcych za Zygmunta Augusta». Warszawa. 1879).

Бостеля, Фридриха: «Перенесеніе прусскаго лена на электоровъ бранденбургскихъ» («Przeniesienie lenna pruskiego na elektorów brandenburskich». Przewodnik naukowy. Lwów. 1883).

Сутовича, I., «Переходъ герцогской Пруссіи въ домъ бранденбургскихъ электоровъ» («Przejście Prus książęcych w dom elektorów brandenburskich». Tarnów. 1881).

Финкеля: «Характеристика Сигизмунда Августа» («Charakterystyka Zygmunta Augusta». Lwów. 1888).

Кантецкого, Климента: «Неаполитанскія суммы» («Sumy neapolitańskie». Przewodnik nauk. Lwów. 1879).

Вержбовскаго, Теодора: «Попытки императора Максимилиана къ овладѣнію польской короной 1565—1576» («Zabiegi cesarza Maxymiliana o koronę polską 1565—1576». Ateneum. Warszawa. 1879).

§ 73. Реформація въ Польшѣ.

Въ моментъ общей слабости, овладѣвшей обществомъ и государствомъ при Сигизмундѣ Старомъ, появилось новое историческое движеніе, потрясшее до основанія весь народъ, вырвавшее его изъ бездѣйствія, поставившее ему великія и трудныя задачи и воодушевлившее и толкнувшее его къ достиженію этихъ задачъ. Эту роль сыграла въ тогдашней Польшѣ реформація, религиозное движеніе, для котораго давно уже собирались матеріалы во всей Европѣ и къ выпышкѣ котораго подалъ сигналъ Мартинъ Лютеръ въ Германіи (1517 г.).

Мы говорили уже о томъ сильномъ религиозномъ разложеніи, нравственномъ и умственномъ, которое проявилось къ концу среднихъ вѣковъ, какъ неизбежное послѣдствіе схоластической системы. Великіе соборы, Пизанскій, Констанцскій и Базельскій происходившіе втеченіе XV вѣка, доказываютъ намъ, что въ рамкахъ этой системы и при помощи ея средствъ не могли быть осуществлены не только дальнѣйшій прогрессъ человѣчества, но даже и необходимая реформа церкви. Мы видѣли затѣмъ послѣдствія гуманизма, который принесъ съ собой свободу человѣческой мысли, открывалъ ей новые взгляды, доставлялъ новыя средства, но въ то же время, отвращая человѣчество отъ христіанства, потрясалъ самыя основы его нравственнаго здоровья, вызывалъ распущенность мысли и бесплодность дѣйствій. Наихудшія проявленія этого средневѣковаго разложенія и пспорченности естественно представляло учрежденіе, въ которомъ до тѣхъ поръ концентрировались высшія культурныя задачи человѣчества, т. е. церковь, а латеранскій соборъ, происходившій въ 1512 г. въ моментъ наибольшаго расцвѣта гуманизма, проявилъ полное свое безсиліе въ дѣлѣ реформы.

Только крайніе размѣры соблазна и зла вызвали естественную и спасительную реакцію, возвращеніе къ христіанству, къ

религии, къ Богу. Возвращеніе къ христіанству отъ языческаго гуманизма составляетъ положительную сторону «реформаціи», понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Великое религиозное движеніе старалось на христіанской основѣ исправить то, что издавна испортилось, поднять упавшее и, выдѣливъ изъ гуманизма то, что въ немъ было прекраснаго и хорошаго, неразрывно связать это съ христіанской цивилизаціей и воспользоваться имъ для дальнѣйшаго развитія. Это движеніе было общимъ историческимъ явленіемъ среди обществъ, воспитанныхъ въ цивилизаціи римской церкви и затронутыхъ гуманизмомъ, было стремленіемъ тѣмъ болѣе великимъ, что въ концѣ концовъ оно достигло своей цѣли. Оно пробудило угасшее уже религиозное чувство и съ нимъ другіе высокіе и благородные порывы, вдохнуло въ общество энергію воли и дѣйствія, возвратило ему здоровье.

Великія историческія задачи разрѣшались только послѣ долгой борьбы и многихъ ошибокъ, но безъ борьбы никогда не бываетъ прогресса, а дорога къ истинѣ всего чаще ведетъ черезъ ошибки. Внутреннія междоусобія, нерѣдко разрушительныя и кровавыя, были проявленіемъ болѣе глубокой мысли, убѣжденія, возвышавшагося до фанатизма, энергія, доходившей до величайшаго самопожертвованія и напряженія. Ошибки объяснить легко. Человѣчество слишкомъ долго ожидало реформы легальной, исходящей сверху, и, потерявъ терпѣніе, взялось за нее само, взялось смѣло и дерзко. Отдѣльные народы, области, общины и даже единичныя личности пытались на свой ладъ исправить церковь, ея ученіе и организацію. Это происходило тѣмъ легче, что гуманизмъ создалъ полную свободу всѣхъ проявленій мысли и чувства. Благодаря этому всеобщему вѣянію пробудилась однако къ новой дѣятельности и католическая церковь, и легальныя ея представители уже не запlesenѣвшимъ оружіемъ схоластики, но съ помощью новаго оружія гуманизма и реформаціи совершили на Тридентскомъ соборѣ великую внутреннюю реформу и разрѣшили тѣ вопросы, безъ рѣшенія которыхъ христіанское общество не могло уже далѣе успѣшно развиваться. Эта легальная реформа наступила однако отчасти слишкомъ поздно, такъ какъ многіе народы и государства, совершивши реформу собственными средствами, не хотѣли признать легальной и надолго отпали отъ единства съ церковью ¹⁾).

¹⁾ Въ исторической литературѣ господствуютъ самыя разнообразныя сужденія о реформаціи, главнымъ образомъ потому, что большинство истори-

Помимо религиозной и культурной реформація имѣла и свою политическую сторону. Католическая церковь въ средніе вѣка была стражемъ правъ и свободы какъ единичныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ обществъ передъ своеволіемъ монарховъ и ихъ гнетущимъ перевѣсомъ. Церковь постоянно защищала тотъ принципъ, что папа, какъ намѣстникъ Христовъ, получилъ всю власть на землѣ непосредственно отъ Бога. Монархи же получаютъ часть этой власти, т. е. свѣтскую, только изъ вторыхъ рукъ, отъ папы; поэтому церковь всегда и вездѣ занимала первое мѣсто въ борьбѣ сословій съ государями изъ-за самоуправленія и привилегій. Поэтому то теперь протестанты, видя, что сила церкви не сломлена, и сознавая, что сами они не могутъ съ ней сладить, выставили принципъ, что каждый государь получаетъ власть непосредственно отъ Бога, что онъ можетъ рѣшать въ своей странѣ вопросъ о вѣрѣ подданныхъ (*cujus regio, illius religio*) и, стремясь къ разрыву съ Римомъ, ставили королей и князей во главѣ народныхъ

ковъ оцѣниваетъ ее односторонне, только съ церковной и религиозной точки зрѣнія. Съ этой цѣлью протестантскіе и католическіе писатели отождествляютъ ее съ протестантизмомъ, умалчивая объ ея связи съ легальной реформой церкви и ея общемъ культурномъ и политическомъ значеніи, и первые, конечно, хвалятъ ее, какъ протестантизмъ, а вторые порицаютъ и осуждаютъ. И тѣ и другіе съ своей точки зрѣнія правы, но точка зрѣнія эта не историческая. Ея придерживается въ критикѣ моей книги всендѣз Валеріанъ Калинка.

Шуйскій въ своихъ чтеніяхъ: „Возрожденіе и реформація“ безусловно порицаетъ реформацію на томъ основаніи, будто она путемъ религиозныхъ войнъ, полемики разновѣрцевъ и фанатической ярости уничтожила прекраснѣйшіе плоды прогресса новаго времени, и между этими плодами называетъ также: „воскресеніе классической древности!“ Я не понимаю такой непослѣдовательности. Кто такъ безусловно и съ такимъ преувеличеніемъ, какъ г. Шуйскій, осуждаетъ гуманизмъ, для кого эпоха гуманизма представляется моментомъ полного паденія и разстройства человѣчества, тотъ долженъ былъ возвысить значеніе реформаціи, какъ великой во всякомъ случаѣ христіанской реакціи противъ гуманизма, о чемъ однако г. Шуйскій упоминаетъ только мимоходомъ. Читая его работу, невольно спрашиваешь себя, что же могла разрушить реформація, если уже раньше гуманизмъ совершилъ дѣло разрушенія? Или г. Шуйскій дѣйствительно хочетъ выкинуть изъ исторіи гуманизмъ и реформацію на томъ основаніи, что эти два великія историческія движенія не обошлись безъ потрясеній и замѣшательствъ? Тогда нужно доказать, что человѣчество могло продолжать развиваться на средневѣковыхъ основаніяхъ, нужно не вѣрить, что человѣчество черезъ всѣ перевороты и бури стремится въ концѣ концовъ къ развитію, что дорога, по которой оно идетъ къ этой цѣли, указана мудрымъ и предусмотрительнымъ промысломъ.

церквей. Въ этомъ заключался мудрый расчетъ, что тѣ, кто издавна желалъ освободиться отъ власти Рима и своего духовенства, не стануть теперь сопротивляться искушенію рѣшать вопросы вѣры, что они не замедлятъ воспользоваться возможностью такъ легко увеличить свою власть и въ силу этого самаго введуть народныя церкви, въ которыхъ имъ предоставлялось первое мѣсто. Въ виду такой опасности и католическая церковь измѣнила прежнюю свою точку зрѣнія и охотно жертвовала своими привилегіями и политическимъ значеніемъ, лишь бы государи поддержали ее и охранили отъ полнаго пораженія. Религіозное дѣло выступало на первый планъ, устраняя на долгое время всякія другія стремленія, во всякомъ народѣ образовывались двѣ партіи: католическая и протестантская, а религіозная ревность доходила до такой степени, что всякая партія давала государю безусловную поддержку и абсолютную власть, лишь бы онъ за эту цѣну унизилъ и сломилъ противную партію. Начались страшныя религіозныя войны, среди этихъ войнъ безвозвратно исчезли привилегіи отдѣльныхъ личностей и общественныхъ классовъ, и государь, который послѣ кровавой борьбы одерживалъ побѣду со своей партіей, дѣлался абсолютнымъ владыкой и легко могъ употребить свою власть на уничтоженіе возможнаго сопротивленія собственной партіи. Тому, кто рѣшалъ вопросъ о вѣрѣ народа, никто не смѣлъ отказать въ правѣ рѣшенія земныхъ дѣлъ и задачъ его, никто не могъ помѣшать въ построеніи сильной правительственной власти. Такимъ образомъ на дымящихся развалинахъ религіозныхъ войнъ и преслѣдованій достраивалась сильная администрація новаго государства, которая, собравъ въ своихъ рукахъ всѣ силы народа, обращала ихъ на поддержку дальнѣйшаго всесторонняго его развитія. Такъ воспользовались реформаціей для образованія сильной правительственной власти князья саксонскіе и бранденбургскіе, Христіанъ въ Даніи, Густавъ Ваза въ Швеціи, Генрихъ VIII и Елизавета въ Англіи. Точно также послужила реформація для образованія сильной правительственной власти тѣмъ, которые рѣшительно воспротивились разрыву съ Римомъ и кровью заглушили протестантизмъ, какъ Флиппъ II въ Испаніи, а Фердинандъ II въ Чехіи, Венгріи и Австріи, и не что иное, какъ смертоносныя войны гугенотовъ укрѣпили окончательно абсолютизмъ французскихъ монарховъ. Такая же задача ожидала реформацію и въ Польшѣ.

Издавна соединенная съ церковью и цивилизаціей Запада, переживавшая всѣ движенія, путемъ которыхъ эта цивилизація шла

впередъ, Польша не могла остаться чуждой и запереться передъ религіознымъ потрясеніемъ, заключавшемся въ реформаціи. Она должна была пройти черезъ него, должна была его пережить и извлечь изъ него выгоды для дальнѣйшаго своего развитія. Иначе она порывала связь съ Западомъ и сближалась или прямо падала въ объятія Востока. Вопросъ заключался слѣдовательно въ томъ, успѣетъ ли Польша и какимъ именно образомъ воспользоваться реформаціею?

Реформація появилась у насъ въ правленіе Сигизмунда Старога вскорѣ послѣ первой вспышки своей въ Германіи и нашла благоприятныя для себя обстоятельства и въ сильной испорченности духовенства, особенно епископовъ, и въ присутствіи густаго нѣмецкаго населенія въ польской Пруссіи и въ городахъ Польши, и въ памяти гусситскихъ симпатій, которыя еще не за-долго передъ тѣмъ церковная іерархія только съ большимъ трудомъ успѣла подавить въ шляхетскомъ обществѣ. Самымъ же сильнымъ союзникомъ новаго движенія были споры изъ-за десятинъ и изъ-за церковной юрисдикціи, которые уже съ XIII в. велись въ Польшѣ между шляхтой и духовенствомъ и въ которыхъ духовенство не хотѣло и не умѣло умѣрить своихъ притязаній и отступить во время. Всего этого однако недостаточно было для того, чтобы вызвать грозный взрывъ или переворотъ. Къ концу второго десятилѣтія XVI вѣка гуманизмъ не охватилъ еще и не проникъ достаточно большинство шляхты и не подготовилъ тѣмъ самымъ почвы для реформаціи. Польское земледѣльческое, а потому и спокойное, общество, какъ раньше, такъ и теперь не оказалось само по себѣ способнымъ къ болѣе глубокому и страстному отношенію къ политическимъ, а тѣмъ менѣе религіознымъ вопросамъ. Поэтому нужно считать заслугою Сигизмунда Старога, что, рѣшительно выступивъ противъ разрозненныхъ реформаціонныхъ попытокъ, онъ охранилъ страну отъ беспорядковъ. Ему впрочемъ не трудно и досталось уничтоженіе «новшествъ», приходившихъ изъ-заграницы; онъ издалъ строгіе указы (безъ сейма) противъ иновѣрцевъ, но не нуждался въ исполненіи ихъ, такъ какъ зло не принимало болѣе широкихъ размѣровъ. Разъ только король употребилъ суровое наказаніе, именно въ 1525 г. противъ Гданска, но въ этомъ случаѣ дѣло было скорѣе въ подавленіи соціальныхъ и политическихъ замѣшательствъ, чѣмъ религіозныхъ. Только во второй половинѣ царствованія Сигизмунда, когда гуманизмъ уже распространился среди шляхты и пробудилъ въ ней болѣе живое умственное движеніе, реформація

начинаетъ дѣйствовать на ея воображеніе. Молодежь, несмотря на запрещенія, все чаще и чаще выѣзжаетъ въ заграничныя университеты, особенно въ нѣмецкіе, зараженные протестантскимъ духомъ, протестантскія книги появляются въ странѣ, продаются во дворахъ краковскаго университета, разбираются нарасхватъ, и не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ вся польская шляхта, мѣщанство и даже значительная часть духовенства начали склоняться къ новому направленію.

Однако и теперь не было повода къ суровому обузданію новаго движенія, которое проявлялось на попримѣ у бѣднѣйшихъ и чувствъ и за рѣдкими исключениями не переходило въ область дѣйствій, т. е. насильственнаго измѣненія существующихъ церковныхъ учреждений; къ тому же это движеніе во многихъ отношеніяхъ оказывало благотворное вліяніе, обращало польское общество отъ гуманистическаго язычества къ христіанству, отъ испорченности къ исправленію нравственности, отъ невѣрія и отсутствія принциповъ къ религіи и глубокимъ убѣжденіямъ. Оживленное великимъ и труднымъ дѣломъ, новое поколѣніе поднималось изъ помѣщичьей апатіи и анархіи, въ какую впало прежнее поколѣніе при Сигизмундѣ Старомъ, соединялось, вступало въ союзы для проведенія церковной реформы. Большинство шляхты не касалось основъ католической вѣры и опасалось нарушить ихъ, не пылало нѣмецкой ненавистью къ духовенству и желало сохранить прежнюю церковную іерархію въ лицѣ епископовъ, и прежде всего католическій обрядъ, такой поэтической и такъ живо говорившей ея чувствамъ и воображенію. Но это большинство издавна привыкло считать апостольскую столицу чуждою и тяжелою властью, находившеюся въ рукахъ итальянцевъ, и потому теперь точно такъ же, какъ и во времена Сбигиѣва Олесницкаго, желало извѣстной независимости для польской церкви и охотно представляло себѣ высшею церковною властью въ государствѣ польскій церковный соборъ подъ предсѣдательствомъ короля. Слѣдовательно въ польскомъ реформаціонномъ движеніи не было первоначально бурныхъ анархическихъ элементовъ. Никто не думалъ о свободѣ вѣроисповѣданія, о терпимости, желали и впредь церкви единой, господствующей безусловно, поддерживаемой государствомъ и карающей отступниковъ рукою свѣтской власти. Много разсуждали о догматахъ вѣры, такъ какъ во время Тридентскаго собора до окончанія его работы не было никого, кто бы не говорилъ и не думалъ объ этомъ; но задуманную реформу въ Польшѣ представляли себѣ совершающеюся

только на легальномъ пути, чрезъ посредство польскаго духовенства и правительства, съ участіемъ и согласіемъ, насколько это возможно, апостольской столицы. Въ лонѣ самой церкви на общемъ соборѣ не рѣшился еще вопросъ: пойдетъ-ли дальнѣйшее ея развитіе путемъ автономіи народныхъ церквей или же путемъ церковной централизаціи; поэтому проявившіяся въ Польшѣ требованія реформы казались не только не противными католической вѣрѣ, но и легко осуществимыми въ предѣлахъ католицизма и организаціи католической церкви. Это религиозное стремленіе шляхты тѣмъ смѣлѣе вообще могло развиваться въ Польшѣ, что къ нему съ недвусмысленной благосклонностью относилось и духовенство. Наибольшаго сопротивленія можно было еще ожидать отъ епископскихъ капитуловъ, которые, постоянно ссорясь съ епископами, искали противъ нихъ защиты въ Римѣ и потому стремились къ увеличенію его власти, но нисшее духовенство составляло одинъ лагерь со шляхтой, а тогдашніе епископы, креатуры Боны, не имѣвшіе никакого духовнаго призванія, смотрѣли на народную церковь съ точки зрѣнія своихъ личныхъ выгодъ. Эта церковь освобождала ихъ изъ-подъ тяжелаго контроля Рима, вручала имъ почти самостоятельную власть, обезпечивала доходы, и не должны-ли были они поэтому желать ея и стремиться къ ней? Къ тому же въ рукахъ шляхты находилось весьма дѣйствительное средство противъ епископовъ и тогдашняго духовенства, погрязшаго въ страшномъ матеріализмѣ: отказъ въ десятинахъ, одномъ изъ важнѣйшихъ доходовъ церкви. Шляхта перестанетъ ихъ платить, старосты перестанутъ исполнять церковные приговоры, и такъ цѣною признанія и возвращенія десятины надѣялись склонить къ мысли о народной церкви наиболѣе упорныхъ духовныхъ. Шляхту поддерживало въ этомъ направленіи и можновладство, магнаты, какъ Гурко и Фирлей, Тарновскій и Кмита, Радзивиллы и Ходкевичи, частью по убѣжденію, частью для того, чтобы пріобрѣсти себѣ большую популярность въ народѣ и никакимъ образомъ не дать превзойти себя соперничавшимъ до той поры съ ними епископамъ ¹⁾.

¹⁾ Истолкователемъ довольно распространеннаго у насъ взгляда на реформацію въ Польшѣ выступилъ въ рецензіи моей книги кс. Калинка. Осуждая реформацію вообще, онъ осуждаетъ ее безусловно и въ Польшѣ, отказывая ей даже въ политическихъ выгодахъ. Въ Польшѣ склонялись къ реформаціи будто-бы только изъ эгоистическихъ, матеріальныхъ побужденій, дѣлали это люди безчестные, производя беспорядокъ и анархію и дѣлаясь сами между собою на безчисленное количество сектъ. Такому преувеличенію про-

§ 74. *Программа реформы Речи Посполитой.*

Народъ однако въ задуманной церковной реформѣ оглядывался только на короля, которому принадлежало послѣднее слово. Чѣмъ же склонить короля? Дозволить ему захватить церковныя имѣнія, какъ это дѣлали сосѣдніе государи, было невозможно, такъ какъ это значило побудить все духовенство къ отчаянному сопротивленію. Нашелся другой способъ. Главнымъ доходомъ королей былъ до тѣхъ поръ доходъ съ громаднхъ коронныхъ имѣній. Однако Сигизмундъ I, несмотря на торжественное запрещеніе сеймоваго закона 1504 г., необыкновенно уменьшилъ эти имѣнія. Одни изъ нихъ онъ самовольно раздавалъ, склоняя на свою сторону сильныхъ пановъ, другія закладывалъ на военные нужды, когда установленныя сеймомъ подати шли въ казну Боны. Сигизмундъ пытался уже, но безуспѣшно, провести мысль о возвращеніи не-

творѣчать однако факты, если только не брать ихъ изъ тѣхъ моментовъ, когда реформація, проигравши въ Польшѣ свое дѣло, уже догорала; въ это время и мы ее безусловно осудимъ, какъ факторъ разложенія. Но остается фактомъ, что религиозное движеніе охватило все, что въ народѣ было честнаго, интеллигентнаго и доступнаго религиозному чувству, остается фактомъ, что изъ среды этого движенія вышла единственная политическая программа, единственная солидарная партія, какія только существовали въ новой исторіи Польши до самаго четырехлѣтняго сейма. Сектаторство возникло позднѣе, когда пало дѣло господствовавшей церкви. Можно говорить о людяхъ, поклонявшихся реформаціи, о тѣхъ, которые измѣнили вѣроисповѣданіе, что они заблуждались, но нельзя отрицать, что большинство дѣлало это по убѣжденію, нельзя говорить, что это были люди нечестные. Въ XVII вѣкѣ старались совершенно вычеркнуть реформацію изъ нашей исторіи и отрицали самое существованіе ея. Теперь идти этимъ путемъ невозможно. Теперь мы не можемъ ограничить ее стремленіями къ народной церкви и къ религиозной полемикѣ и отказать ей въ политической программѣ и пробужденіи литературы, не можемъ, хотя бы уже по тому одному, что въ такомъ случаѣ мы не знали-бы, какому же дѣятелю мы должны приписать эти заслуги. Не одному же гуманизму, политическіе и научные плоды котораго мы видѣли при Сигизмундѣ Старомъ! Поэтому мы можемъ признать реформацію заблужденіемъ, можемъ дать себѣ отчетъ въ ея опасностяхъ въ нашей исторіи и указать ея плохія стороны, но не нуждаемся въ томъ, чтобы чернить ее и скрывать ея хорошія стороны. Этому не позволяютъ не только требованія исторіи, но и народная гордость. Если уже остается фактомъ, что мы въ извѣстное время прибѣгли къ реформаціи, то для насъ же лучше, если изъ добросовѣстныхъ историческихъ изслѣдованій окажется, что мы сдѣлали это вообще говоря, по благороднымъ побужденіямъ, что мы старались извлечь изъ реформаціи какъ можно большія выгоды для своего развитія. Это не значитъ однако, что историкъ мечтаетъ теперь о народной церкви или о протестантизмѣ.

законно розданныхъ имѣній; теперь шляхта выставила ее съ полной рѣшительностью и, требуя исполненія статута 1504 г., или такъ называемой экзекуціи имѣній, не только соглашалась, но прямо требовала отъ короля, чтобы онъ немедленно и безъ всякаго вознагражденія отобралъ все коронныя имѣнія, не обращая вниманія на крики и жалобы ихъ владѣльцевъ. Это была социальная революція, разрушавшая много можновладческихъ состояній, по это соображеніе могло только поощрять шляхту къ тѣмъ болѣе громкимъ требованіямъ. Съ возвращеніемъ имѣній соединилась необходимая реформа финансовъ, войска и администраціи, цѣлый рядъ требованій и жалобъ на господствовавшій до тѣхъ поръ беспорядокъ, обнимавшихся однимъ названіемъ «исправленія государства или Рѣчи Посполитой». Между этими требованіями много было преувеличенныхъ или несообразныхъ, но были также удачныя и справедливыя и всю шляхетскую реформу Рѣчи Посполитой оживляло одно требованіе, безъ котораго не могла удасться никакая реформа: уничтоженіе можновладческой анархіи *королемъ*. Шляхта желала, чтобы король принялъ ея программу, формулировалъ и провелъ ее, и это было наилучшимъ пунктомъ всей ея программы, который въ рукахъ энергическаго монарха могъ повести къ самымъ благотворнымъ послѣдствіямъ. Сперва шляхта еще много разговаривала о свободѣ, думала, что беспорядокъ удасться задержать идеей закона, кодификаціей политическаго права, въ чемъ сказывалось вліяніе платоновской философіи, введенной къ намъ вмѣстѣ съ греческой литературой реформаціей, и имѣла слабое понятіе объ употребленіи неизбежной силы принужденія, хотя бы съ ущербомъ для свободы. Позднѣе, по мѣрѣ растущихъ препятствій развивалось и политическое стремленіе шляхты и приобрѣтало болѣе содержанія. Шляхта убѣдилась, что осуществленіе народной церкви далеко не есть легкая задача, ея вожди видѣли уже, что въ рѣшительную минуту Римъ соберетъ все силы, выступить люди, держащіеся вмѣстѣ съ Римомъ, одни по принципу и убѣжденію, другіе по шаткости мнѣній и изъ страха, найдется сопротивленіе, а сопротивленіе необходимо будетъ безусловно сломить. Для этого, точно такъ же, какъ и для побѣды надъ можновладствомъ, нужна была сила, а потому слѣдуетъ доставить ее королю, помочь ему въ образованіи сильной правительственной власти. Религіозное движеніе пустило все болѣе глубокіе корни, увлекало шляхту и соотвѣтственно этому слабѣли теоріи свободы, а въ предвидѣнія близкой борьбы

рождалось сознание необходимости сильного предводительства и одной власти.

Такимъ образомъ церковная реформа вызвала и въ Польшѣ реформу политическую и неразрывно переплелась съ нею. Въмѣстѣ съ тѣмъ съ ними соединилась однако и третья великая идея: окончательное осуществленіе литовской и прусской уніи. Несмотря на различныя выгоды уніи, связь, соединявшая до сихъ поръ Литву и Пруссію съ Польшей, была чисто династическая. Литва именно обладала совершенно отдѣльнымъ правительствомъ и составляла отдѣльное государство. Польская цивилизація, польскія общественныя и политическія учрежденія проникли уже это громадное пространство восточныхъ земель, но въ политическомъ отношеніи они еще рѣзче отдѣлили его отъ Польши. Литовское жновладство опасалось всякаго болѣе близкаго общенія съ Польшей и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, съ тѣхъ поръ, какъ польская шляхта стала политическимъ дѣятелемъ и начала соединяться съ королями противъ пановъ. Литовскіе и русскіе магнаты хорошо знали, что настоящая унія съ Польшей пробудитъ усыпленное и подавленное ими рыцарство на Литвѣ и Русіи къ новой политической жизни, и видѣли своими глазами, что это рыцарство отъ души ненавидитъ ихъ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ той минуты, когда оно соединится и сравняется съ польской шляхтой. Поэтому они старались какъ можно болѣе отѣнить и обусловить отдѣльность литовскаго государства, а Сигизмундъ I былъ настолько неблагоразуменъ, что торжественно осяятилъ и подтвердилъ это стремленіе въ статутѣ 1529 г., кодифицировавшемъ литовскіе законы, въ самомъ его началѣ. Польская шляхта, конечно, смотрѣла на это съ сожалѣніемъ и, хорошо зная, что на литовскихъ пановъ сильно опираются и польскіе, поставила унію третьимъ пунктомъ своей великой программы. Унія эта должна была уничтожить государственную самостоятельность Пруссіи и Литвы, сравнять ихъ совершенно съ Польшей, сломить господствовавшую въ Литвѣ феодальную систему, совершенно освободить литовское рыцарство и ввести одно правительство для вѣхъ странъ, входящихъ въ составъ одной великой Рѣчи Посполитой. Сопротивленіе магнатовъ король долженъ былъ сломить вооруженнымъ ополченіемъ польской шляхты въ соединеніи съ литовскимъ рыцарствомъ ¹⁾).

¹⁾ Шуйскій критикуетъ подробности шляхетской программы, упрекая ее въ томъ: 1) что она во многихъ пунктахъ не могла быть осуществлена; 2) что шляхта желала сильнаго правительства не въ силу необходимости

Вотъ главные пункты политической программы, выставленной польской шляхтой въ шестнадцатомъ столѣтїи. Наиболѣе слабой ея стороною, скрывавшей въ себѣ наиболѣе опасностей, грозившей наибольшимъ потрясеніемъ, былъ вопросъ, составлявшій ея исходный пунктъ, требованіе народной церкви. Зато литовская и прусская унія, какъ ее теперь поставила шляхта, была увѣнчаніемъ культурнаго покоренія, уже втеченіе двухъ вѣковъ производившагося на востокѣ, въ сильномъ же королевскомъ правительствѣ, опирающемся на массѣ шляхты съ подчиненіемъ можновладческой олигархіи, поставлена была форма правительства, наиболѣе пригодная для управленія польскимъ обществомъ.

Программа эта во всѣхъ своихъ подробностяхъ составляла плоть отъ плоти и кровь отъ крови всего шляхетскаго общества, но если мы спросимъ, кто сознательно поставилъ ее, то исторія укажетъ намъ не толпы шляхты, но болѣе узкій кружокъ шляхетской интеллигенціи, цвѣтъ ея, собиравшійся въ сеймовой польской избѣ за время царствованія Сигизмунда Августа. Число пословъ не превышало нѣсколькихъ десятковъ. Люди, обладавшіе настоящимъ образованіемъ, зажиточные настолько, что могли быть независимыми, занимавшіе обыкновенно нисшія земскія должности, не выше подкоморства, они выработали себѣ большое знакомство съ практикой парламентской жизни и втеченіе двадцати слишкомъ лѣтъ царствованія Сигизмунда Августа настолько

такого правительства для государства, по для того, чтобы оно провело религиозную реформу, ослабило вельможъ и облегчило ей подати путемъ возвращенія коронныхъ имѣній; 3) что шляхта не выступила съ достаточной рѣшительностью противъ можновладства и напротивъ даже приняла его помощь въ дѣлѣ церкви и уніи. На эти упреки можно отвѣтить: 1) что политическія программы, исходящія отъ самыхъ извѣстныхъ парламентскихъ партій, всегда въ значительной степени непрактичны и имѣютъ только заслугу инициативы передъ правительствомъ и обеспечиваютъ ему поддержку въ извѣстномъ направленіи. Формулировать и осуществить практическую программу можетъ только правительство, и въ этомъ заключается его задача. Шляхта, желая осуществить реформу Рѣчи Посполитой не иначе, какъ черезъ правительство, обеспечивая ему свою помощь и давая указанія, но не ставя ихъ неизмѣннымъ догматомъ, сдѣлала все, чего можно было отъ нея требовать; 2) что ни одинъ народъ въ мірѣ не жертвовалъ свободой потому, что теорія государства требуетъ сильнаго правительства. Всюду образовывали сильное правительство и помогали его образованію съ тою цѣлью, чтобы при его помощи легче провести свои принципы или стремленія; 3) что для шляхты не было ни возможности, ни разумной цѣли отталкивать можновладцевъ тамъ, гдѣ они стремились къ общему съ ней намѣренію.

овладѣли умами шляхты, что приобрѣли для себя, а чрезъ это и для посольской избы безусловную независимость и перевѣсъ надъ сеймиками. Въ сущности посольская изба была только съѣздомъ уполномоченныхъ шляхты, избранныхъ отдѣльными сеймиками и снабженныхъ подробными инструкціями для своего поведенія. При Сигизмундѣ Августѣ послы освободились изъ-подъ власти сеймиковыхъ инструкцій и приобрѣли полное, неограниченное полномочіе, а незначительное меньшинство должно было всегда уступать солидарно дѣйствовавшему большинству. Сеймовые послы могли поэтому съ неутомимой настойчивостью и послѣдовательностью поддерживать разъ выставленную программу. Между ними не было истинно великихъ людей, такъ какъ такія царствованія, какъ Сигизмунда Стараго, не создаютъ великихъ людей, а царствованіе Сигизмунда Августа совершенно не позволяло всплыть наверхъ крупнымъ талантамъ, но зато они обладали громадной силой, заключающейся въ единствѣ ихъ убѣжденій и стремленій. Были и между ними нѣкоторые отгѣнки: краковскіе послы, Иеронимъ Оссолинскій, а позднѣе Шафранецъ, составляли крайній отгѣнокъ, съ ними вмѣстѣ держался Рафаэль Лещинскій, который ради посольства отказался отъ должности брестскаго воеводы, но дѣйствительную окраску всей посольской избѣ придавали послы русскихъ земель, наиболѣе подвергавшихся нападеніямъ непріятелей, а потому и наиболѣе патріотическихъ и проникнутыхъ духомъ реформы, и особенно многолѣтній маршалокъ посольской избы Николай Сѣвницкій.

Шляхта знала, что не Сигизмундъ Старый будетъ тѣмъ королемъ, который рѣшится на великое предпріятіе и совершитъ реформу. Всѣ ея надежды сосредоточивалъ на себѣ молодой Сигизмундъ Августъ ¹⁾, уже при жизни отца въ 1530 г. на десятомъ году своей жизни избранный королемъ и наследникомъ. Извѣстно было его выдающееся образованіе, знали, что онъ охотно окружаетъ себя учеными и именно самыми ревностными сторонниками реформаціи и ведетъ религіозные диспуты, ни для кого не было тайной, что онъ совершенно освободился изъ-подъ

¹⁾ Сигизмундъ Августъ, сынъ Сигизмунда Стараго и Боны, род. 1520 г., избранъ королемъ и коронованъ 1530 г., вступилъ на тронъ 1548 г., умеръ 1572 г. Женатъ былъ 3 раза: 1) на австрійкѣ Елизаветѣ, дочери императора Фердинанда I, вышедшей за него въ 1543 г., умершей 1545; 2) на Варварѣ Радзивиллъ, вышедшей за него 1547 г., умершей 1551 г.; 3) на австрійкѣ Екатеринѣ, дочери Фердинанда I, вышедшей замужъ въ 1553 г., умершей въ Линцѣ въ 1572 г.

вліянiя матери, всѣми ненавидимой Боны; а его упорство, проявлявшееся съ дѣтства въ самыхъ мелкихъ вещахъ, считали предвѣщаніемъ силы характера и воли, предвѣщаніемъ энергiи въ проведенiи великихъ плановъ, къ какимъ предназначала его шляхта. Эти планы рисовались только въ туманныхъ очертанiяхъ; ихъ формулировка, окончательное рѣшеніе и осуществленіе, все это предоставлялось молодому королю. На сеймахъ уже слышались голоса, чтобы дряхлый король добровольно уступилъ тронъ сыну, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали той минуты, когда Сигизмундъ Августъ приметъ правленіе послѣ отца и подастъ сигналъ къ общему перевороту.

§ 75. *Первый періодъ борьбы изъ-за реформы Речи Посполитой.*
(1548—1559).

Но когда весной 1548 г. разнеслась по странѣ вѣсть о смерти стараго короля,—шляхту какъ громомъ поразила и другая вѣсть, что молодой Сигизмундъ уже годъ назадъ заключилъ супружескій союзъ со своею любовницей, вдовою Гаштольда, женщиною чудной красоты, но не особенно лестной репутаціи, и что эту Варвару Радзивиллъ онъ, послѣдній потомокъ Ягеллоновъ, рѣшился по смерти отца публично провозгласить въ Вильнѣ своей супругой и королевой. Въ одну минуту рухнуло волшебное представленіе о Сигизмундѣ, созданное въ буйномъ воображенiи шляхты. Король, въ такую рѣшительную для государства и народа минуту выдвигавшій впередъ свое личное дѣло, къ тому же такое грязное и оскорбительное для величiя королевскаго сана, король, путемъ брака на Радзивиллъ соединившійся съ могущественнымъ аристократическимъ домомъ Литвы, не могъ уже быть тѣмъ королемъ шляхты, который долженъ былъ съ ея помощью уничтожить губительный перевѣсъ вельможъ.

Совершенно естественное и понятное негодованіе возникло во всей странѣ, и этимъ негодованіемъ съумѣли ловко воспользоваться паны, враждебные Радзивилламъ и опасавшіеся ихъ восходящаго могущества. Во главѣ этихъ пановъ сталъ Петръ Кмита, хотя-бы уже по тому одному, что король не ему, но Яну Тарновскому повѣрилъ замыселъ брака и задумалъ опереться въ Польшѣ не на немъ, а на гетманѣ. Кмита тѣмъ легче побудилъ шляхту къ оппозиціи королю, къ громкимъ требованіямъ удалить Варвару, что епископы брались дать разводъ.

Сеймъ 1548 г. окончился ничѣмъ, и Сигизмундъ Августъ, преодолевъ крики и поставивши на своемъ, только почувствовалъ отвращеніе къ шляхтѣ. Этого только и хотѣли паны, а сами они позволили смягчить себя. Лестное слово короля, пожалованіе высшей должности, а болѣе всего щедрая раздача коронныхъ имѣній проложили Варварѣ въ 1550 году путь къ коронаціи, которую и совершили епископы взаменъ за подтвержденіе велюнскаго эдикта 1424 года. Но, когда Петръ Кмита, помирившись съ королемъ, приобрѣлъ большую его милость и съ великой пышностью принималъ короля и его супругу въ своемъ замкѣ въ Висничѣ, Тарновскій оказался не въ состояніи спокойно смотрѣть на это. Великій гетманъ, но въ то же время и магнатъ, выше всего ставящій свое честолюбіе, онъ переходитъ въ оппозицію и стремится показать королю, что онъ еще лучше Кмиты сумѣетъ взволновать шляхту. Эти раздоры можновладцевъ имѣли сверхъ того и болѣе далекую цѣль, въ стремленіи къ которой соединялись Радзивиллы, Тарновскій и Кмита. Они должны были совершенно уничтожить возможность реформы Рѣчи Посполитой, ожидаемой шляхтой, но опасной для можновладцевъ, такъ какъ она измѣняла ихъ политическое положеніе и чувствительно ослабляла ихъ имущества. Никакой положительной политической программы паны не выставили, но они соединялись въ одну большую партію анархіи всякій разъ, какъ имъ грозила реформа и хотя мельчайшее измѣненіе къ лучшему существующаго строя Рѣчи Посполитой. Къ счастью шляхта, наученная долготѣннымъ опытомъ, въ дѣлѣ Варвары возбужденная панами и потомъ оставленная ими, наконецъ прозрѣла, увидѣла, къ чему ведутъ ее можновладцы, и съ негодованіемъ отстранилась отъ нихъ.

Памятнымъ сталъ сеймъ 1550 года. Послы выступили на немъ, рассчитывая исключительно на собственныя свои силы, предали забвенію дѣло брака короля на Варварѣ, прекратили бесплодныя жалобы и крики и сами поставили программу внутренней реформы Рѣчи Посполитой подъ лозунгомъ «исполненія законовъ» («execuciі praw»). Это слово наилучшимъ образомъ характеризовало путь, избранный шляхтой. Она справедливо рассуждала, что въ хорошихъ законахъ у Польши нѣтъ недостатка, такъ какъ важнѣйшіе изъ нихъ постановлены уже при Альбрехтѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ Старомъ; но эти законы, относительно коронныхъ имѣній, податей, войска, униі и чиновниковъ, до сихъ поръ не могли быть осуществлены благодаря сопротив-

ленію вельможъ. Сигизмундъ Августъ, присягнувшій при коронаціи, что будетъ уважать и исполнять существующіе законы, долженъ и можетъ изъ всего множества законовъ выбрать тѣ, которые должны быть обязательными, обязанъ окончательно выяснитъ возможные сомнѣнія и противорѣчія въ этихъ законахъ и затѣмъ съ полной рѣшительностью ввести ихъ въ жизнь.

Дѣйствительно-ли сеймовые послы обладали полнымъ сознаниемъ той цѣли, къ которой они, казалось, стремились, т. е. успѣнія королевской власти, дѣйствительно-ли шляхта готова была нести большія, но неизбѣжныя для достиженія этой цѣли жертвы? Этого сомнѣнія и вопроса мы не можемъ исключить. Несомнѣннымъ остается однако, что выступленіе шляхты значительно облегчало королю образованіе сильнаго правительства, что передъ королемъ становился самъ народъ-шляхта и, указывая ему на обязательные, но поруганные анархіей законы, взывалъ къ нему: возстанови ихъ и выполняй, правъ и приказывай!

Что же дѣлаетъ Августъ? Наружность часто сильно обманываетъ. Сигизмундъ Августъ превышалъ своего отца неоспоримымъ талантомъ. На мѣсто благородной, но добродушной откровенности Сигизмунда Стараго онъ наследовалъ отъ матери итальянскую страстность и скрытность. Никто лучше него не зналъ людей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, никто не умѣлъ лучше воспользоваться ими для своихъ цѣлей, никто такъ мало не задумывался надъ средствами, ведущими къ цѣли. Къ сожалѣнію, король умѣлъ съ несравненнымъ мастерствомъ играть только на грязныхъ, фальшивыхъ струнахъ человѣческаго сердца, но никогда не могъ воспользоваться чистыми, благородными струнами, не могъ пробудить ихъ изъ временнаго оцѣпененія, какъ будто бы сомнѣвался въ ихъ существованіи. Его искусство управленія, пригодное для основанія великолѣпнаго двора въ какомъ-нибудь маленькомъ княжествѣ, не могло быть примѣнено въ огромной Рѣчи Посполитой. Королевскій дворъ никогда не могъ здѣсь поглотить великаго народа и государства. Мелкія интриги, уловки и увертки теряли все свое значеніе въ виду громаднхъ религиозныхъ, общественныхъ и политическихъ задачъ. Рѣшить такія задачи могъ только человѣкъ съ широкимъ взглядомъ, съ возвышеннымъ честолюбіемъ, умѣющій воодушевить массы и энергически вести ихъ къ намѣченной цѣли, обладающій той нравственной силой, тѣмъ умственнымъ могуществомъ, которыя возбуждаютъ и влекутъ къ великимъ цѣлямъ. Этой то нравственной силы и не хватало прежде всего Августу, и его отвѣтственность передъ

исторіей увеличивааетъ только то обстоятельство, что онъ зналъ, чего нужно странѣ, предсказывалъ ея упадокъ, но никогда не могъ рѣшительно дѣйствовать благодаря слабости своей души. Онъ, кого бракъ съ Варварой поставилъ въ зависимость отъ милости и немилости пановъ, къ которымъ по очереди управляли Ымита, Тарновскій и возвышавшійся надъ ними обоими Николай Черный Радзивиллъ, не сумѣлъ сразу воплотить оцѣнить шляхетскую программу, не далъ себѣ отчета въ томъ, что онъ легко можетъ употребить польскую шляхту для образования абсолютной власти, повѣрилъ наговорамъ пановъ и считалъ всю посольскую избу возмутителями и своими врагами. Паны совѣтовали ему обратиться къ массѣ шляхты и открыто обвинить передъ нею сеймовыхъ пословъ. Они думали, что путемъ своего вліянія они возстанутъ противъ послѣднихъ сеймики и безповоротно уничтожатъ выставленную послами программу.

Для сеймовыхъ пословъ приближалась тяжелая минута. Предстояло рѣшеніе вопроса, будетъ-ли править страню сеймъ, составленный изъ пословъ, людей самостоятельныхъ и образованныхъ, или же толпы шляхты на сеймикахъ, всегда доступныя вліянію можновладцевъ. Послѣднія и теперь доставили не мало хлопотъ посламъ, возвращающимся на сеймъ, но наученныя ими, въ чемъ дѣло, возстановленныя противъ пановъ во имя шляхетскаго равенства, увлеченныя смѣлыми, краснорѣчивыми рѣчами своихъ пословъ, онѣ снова передали имъ неограниченное полномочіе и торжественно подтвердили выставленную послами программу реформы Рѣчи Посполитой, какъ программу всего народа. Сеймовые послы приобрѣли полный перевѣсъ надъ сеймиками, изъ которыхъ они вышли, и, тѣсно соединившись между собою, встали передъ королемъ и сенатомъ съ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ авторитетомъ. Два знаменитые ученые развили программу шляхты въ обширныхъ сочиненіяхъ. Яковъ Пржилускій, юристъ, написалъ проектъ кодекса (1553 г.), въ которомъ изложилъ новое общественное и политическое устройство и подробно мотивировалъ его. Андрей Фрычъ Модржевскій, моралистъ и политикъ, охватилъ его съ двухъ другихъ сторонъ въ сочиненіи о реформѣ Рѣчи Посполитой (1551 и 1555 гг.) и, дополнивъ его во многихъ отношеніяхъ, особенно указывалъ на необходимость улучшеній въ судьбѣ сельскаго люда. Теперь нельзя уже было игнорировать программы реформы Рѣчи Посполитой, обоснованной наукой и принятой всею шляхтой, нельзя было дольше трактовать, какъ возмутителей, такихъ пословъ, какъ Николай Сѣвницкій,

Геронимъ Оссолинскій, Рафаилъ Лещинскій, которые, отвращая сеймъ и шляхту отъ всякихъ насильственныхъ шаговъ, упорно стоя за короля, надѣялись своею стойкостью и послѣдовательностью лучше расположить его къ себѣ и наконецъ склонить на свою сторону. Однако эта тактика не оказала никакого вліянія на Сигизмунда Августа. Августъ призналъ, что реформа Рѣчи Посполитой нужна и необходима, но рѣшительно заявилъ, что самъ онъ не признаетъ за собой права выбирать и объяснять тѣ законы, которые надлежало выполнить, и потому пусть самъ сеймъ займется этимъ дѣломъ, соберетъ и объяснитъ законы, и тогда можно будетъ приступить къ ихъ выполнению. Объ униі, которой враждебны были Радзивилы, король не хотѣлъ и слышать, въ дѣлѣ реформы воспитанія сохранялъ возмутительное равнодушіе. Въ религіозномъ дѣлѣ никто не могъ отгадать его дѣйствительныхъ намѣреній. Шляхта переходила въ другія вѣроисповѣданія, задерживала слѣдующія церкви десятины, сопротивлялась исполненію церковныхъ приговоровъ. Епископы, въ значительной части склонявшіеся на сторону реформаціи въ томъ предположеніи, что и король выскажется за нее, думали только о томъ, чтобы въ старой или новой церкви имъ не утратить своего мѣста и своихъ доходовъ, и въ 1551 г. прекратили свое судопроизводство, чтобы не раздражать шляхты противъ себя, пока не выяснится больше дѣло вѣры. Со всѣхъ сторонъ убѣждали короля взять рѣшеніе этого дѣла въ свои руки. Августъ началъ переговоры о народной церкви съ Римомъ и, получивши отрицательный отвѣтъ, прекратилъ дальнѣйшія попытки, но съ году на годъ манилъ шляхту обѣщаніемъ созвать народный соборъ. Самое исполненіе законовъ перешло на поприще долгихъ парламентскихъ разсужденій, съ котораго его съ самаго начала старались столкнуть послы; и всякій разъ, какъ послѣ долгихъ переговоровъ между посольской избой и сенатомъ дѣло доходило до окончательныхъ заключеній и король долженъ былъ рѣшить ихъ, всякій разъ даже, когда нужно было утвердить согласныя заключенія сената и посольской избы, Сигизмундъ Августъ откладывалъ дѣло до завтра и постепенно совсѣмъ заглушалъ его. Такимъ образомъ король, прозванный «завтрашникомъ» («dojutrkiem») совершенно уничтожилъ десятилѣтнюю работу сеймовъ и самыхъ благородныхъ усилія народа. Комедія, которую онъ разыгрывалъ съ сеймами, имѣла только ту цѣль, чтобы не раздражить ихъ и склонить къ установленію податей. Подати были нужны, такъ какъ паны до конца разобрали королевскія имѣнія, а Бона, давно уже поссо-

рившаяся съ сыномъ, которымъ не могла руководить, въ 1556 г. уѣхала изъ Польши со своими сокровищами, и Августъ, неразсудительно отпустивши ее, увидѣлъ себя безъ всякихъ доходовъ.

Это была рѣшительная минута для шляхты въ смыслѣ вооруженнаго насильственнаго выступленія, въ смыслѣ поддержки этимъ путемъ программы, которая не могла быть осуществлена путемъ легальнымъ. Во всей странѣ говорили о вооруженной конфедераціи, но ограничились разсужденіями и криками. Въ земледѣльческомъ народѣ, который, самъ владѣя обширною страной, еще безпрестанно тратилъ свои силы на колонизацію и цивилизацію громаднѣхъ пространствъ востока, убѣжденія еще не обострились, страсти не разгорѣлись до такой степени, чтобы онъ могъ во имя своихъ принциповъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ и выставить на произволъ судьбы свое домашнее спокойствіе и земледѣльческую лѣнь.

Дойдя до конца перваго періода правленія Сигизмунда Августа и желая окончательно оцѣнить его поведеніе, мы должны предварительно поставить еще одинъ вопросъ: развѣ король, миная всѣ выгоды союза со шляхтой, теперь уже политически зрѣлой, не имѣлъ передъ собою другого пути, кромѣ того, какимъ онъ пошелъ? Несомнѣнно имѣлъ. Исторія другихъ народовъ учитъ насъ, что короли достигали главной цѣли, организаціи сильнаго правительства и уничтоженія анархіи, также и путемъ рѣшительнаго и стойкаго сопротивленія протестантизму. Сигизмундъ Августъ могъ воспользоваться пробужденнымъ реформаціей религіознымъ движеніемъ въ интересахъ католичества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государства. Онъ могъ сдѣлать это изъ глубокаго католическаго убѣжденія, а такъ какъ такового онъ не имѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, изъ политическихъ видовъ. Выступивъ сразу и рѣшительно противъ всякой самовольной реформы церкви, высказавшись со всѣмъ авторитетомъ своей власти за Римъ, король отнималъ у идеи народной церкви всякую надежду на успѣхъ и тѣмъ самымъ лишалъ ее значительнаго количества сторонниковъ. Духовенство, хотя и очень испорченное, ради сохраненія своего положенія должно было стать за короля, болѣе здоровые его элементы сдѣлали бы это и по убѣжденію, а вліяніе апостольской столицы посредствомъ перваго нунція докончило бы остальное. Большинство свѣтскаго общества, всегда колеблющееся и неувѣренное, перешло бы на сторону короля и духовенства и дало бы ему въ руки власть для подавленія упорнаго меньшинства, точно такъ же, какъ это дѣлала побѣдоносная

реформація для разрыва съ Римомъ. Безъ борьбы, безъ репрессивныхъ мѣръ дѣло не обошлось бы, конечно, какъ не обходилось оно безъ этого во всѣхъ другихъ государствахъ, въ Польшѣ же, благодаря мягкому характеру народа, эти мѣры не приняли бы даже особенно широкихъ размѣровъ, какъ не приняли онѣ ихъ предъ вступленіемъ на тронъ Сигизмунда Августа. Такъ или иначе нужно было извлечь выгоду изъ великаго историческаго движенія—реформаціи—для блага народа и государства.

Но ничего этого не сдѣлалъ Сигизмундъ Августъ. Онъ не пошелъ съ Римомъ точно такъ же, какъ не пошелъ съ народной церковью. Для перваго онъ издавалъ эдикты безъ исполненія, въ интересахъ второй отправлялъ посольства въ Римъ. Шляхту онъ оттолкнулъ окончательно, но, охотно поддерживая сношенія съ иновѣрцами, принимая видъ сторонника реформаціи, сурово обращаясь съ нунціемъ Липпоманомъ (1555 г.), онъ самымъ дѣятельнымъ образомъ помогалъ усиленію реформаціи, поставилъ духовенство въ самое фальшивое положеніе и собиралъ бурю, которой не хотѣлъ или не умѣлъ успокоить ¹⁾.

Въ Поморьѣ распространилось лютеранство и, создавши себѣ главный центръ при дворѣ прусскаго герцога Альбрехта, забросило свои сѣти въ великую Польшу. Но это вѣроисповѣданіе, специально нѣмецкое, не пробуждало къ себѣ симпатій въ поль-

¹⁾ Шуйскій, критикуя съ большимъ пессимизмомъ стремленія шляхты и утверждая, что король не могъ на ней опереться, не щадитъ критики духовнаго и свѣтскаго можновладства, думаетъ, что въ немъ королю также нельзя было искать пункта опоры и утверждаетъ, что Сигизмундъ Августъ не могъ сдѣлать ничего другого, кромѣ того, что сдѣлалъ, т. е. выжидать и не допускать до столкновенія противоположныхъ элементовъ. Я совершенно несогласенъ съ этимъ и къ причинамъ, сообщеннымъ въ текстѣ, прибавлю: 1) во вторую половину своего правленія при гораздо худшихъ условіяхъ Сигизмундъ Августъ отчасти, какъ мы увидимъ, соединился со шляхтой и при ея помощи осуществилъ два великія дѣла, унію съ Пруссіей и Литвой и квартаное войско. Почему же онъ не сдѣлалъ этого при условіяхъ во сто разъ лучшихъ? 2) я понялъ бы восхваленіе выжидательной политики, еслибы она въ послѣдніе годы правленія Августа и по его смерти не проявила своихъ результатовъ, т. е. полнаго безсилія и анархій.

Поскольку наконецъ Шуйскій въ своихъ выводахъ идетъ дальше и дѣлаетъ изъ Сигизмунда Августа героя католицизма, въ силу глубокаго убѣжденія, дѣйствующаго въ интересахъ католичества и на пользу его путемъ выжидательной политики передъ реформаціонной бурей, я вынужденъ протестовать противъ такого представленія дѣла прямо на основаніи источниковъ, которые не только не даютъ никакихъ указаній для такого опозтязированія фигуры послѣдняго Ягеллона, но всюду и вездѣ даютъ совершенно обратное мнѣніе о королѣ.

скихъ умахъ, которымъ гораздо болѣе нравился кальвинизмъ. Кальвинисты соединились съ бѣжавшими изъ Чехіи моравскими братьями и въ 1556 г. пригласили въ Польшу прославившагося уже заграницей реформатора, Яна Ласкаго (племянника примаса). Дружелюбно принятый Сигизмундомъ Августомъ, Ласкій энергически старался привести все протестантскія секты къ единенію, выработать одно исповѣданіе вѣры и такимъ образомъ облегчить задачу короля, отъ котораго ожидали, что онъ скоро возьметъ реформу церкви въ свои руки. Тѣмъ временемъ занимали католическія церкви, обращая ихъ въ протестантскіе соборы, основывали школы съ яркимъ протестантскимъ направленіемъ, и вся эта реформа происходила подъ защитой имени короля. Народъ терялъ единство своей религіи и церкви, а государство не получало отъ этого никакой выгоды.

§ 76. *Война изъ-за Лифляндіи.*

Никогда Польша не имѣла менѣе непріятелей, какъ при Сигизмундѣ Августѣ. Побѣдившая ее въ борьбѣ изъ-за тронъ Чехіи и Венгріи Австрія не переварила еще своей недавней добычи, а уже, запутавшись въ борьбу съ партией Заполій въ Венгріи и подвергаясь величайшей опасности со стороны Турціи, дрожала на своихъ основаніяхъ и, съ тревогой поглядывая на Польшу, искала себѣ въ ней союзника. Турція, обратившая все свои силы противъ Австріи, возобновила прежній миръ съ Польшей. Крымскіе татары, разбивши завожскую орду и не нуждаясь уже въ помощи Москвы, получили бѣольшую свободу движеній и чаще уже нападали на прежняго своего союзника, чѣмъ на Польшу, которая впрочемъ старательнѣе стерегла свои границы и приобрѣла сильную помощь въ козакахъ (см. § 79). Опасная прежде Валахія теперь благодаря внутреннимъ междоусобіямъ такъ упала, что польскіе паны: Сѣнявскіе, Ласкіе, Мелецкіе нѣсколько разъ на собственные средства совершали въ нее вооруженные походы, поддерживая своихъ кандидатовъ. Германія благодаря реформаціи была слишкомъ занята у себя, чтобы могла думать о возобновленіи своего движенія на востокъ. Вассальный герцогъ прусскій, которому не простилъ еще его секуляризаціи не только папа, но и германскій императоръ, искалъ защиты и покровительства противъ нихъ подъ крыльями Польши. Поэтому единственная опасность могла грозить съ востока.

На сѣверъ отъ Пруссіи и Жмуди, у береговъ Балтійскаго моря и устья Двѣны лежала страна, называемая Лифляндіей, которую уже съ XIII вѣка заняли и колонизовали нѣмцы, привлеченные сюда и организованные орденомъ меченосцевъ. Лифляндія испытывала общую судьбу съ Пруссіей, такъ какъ меченосцы находились въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ крестоносцами. Послѣ секуляризаціи Пруссіи орденъ меченосцевъ утратилъ поэтому послѣднюю свою защиту и быстрыми шагами приближался къ паденію. Проявленіемъ этого паденія былъ прежде всего долгій споръ съ рижскими архіепископами, стремившимися освободиться изъ-подъ тяжелой зависимости отъ ордена. Послѣ долгихъ раздоровъ вспыхнула наконецъ въ 1556 году междоусобная война и, потерпѣвъ въ ней пораженіе, архіепископъ просилъ помощи у Сигизмунда Августа. Король двинулся въ Лифляндію во главѣ ста тысячъ войска, остановился лагеремъ у Позволя, и магистръ ордена, Фюрстенбергъ, въ виду такой силы вынужденъ былъ покориться, не поднимая оружія, помирился съ рижскимъ архіепископомъ и заключилъ съ Польшей наступательный и оборонительный союзъ.

За этими домашними дѣлами Лифляндіи скрывалось однако дѣло гораздо болѣе важное. Почти одновременно съ Сигизмундомъ Августомъ въ 1548 году молодой Иванъ IV, прозванный Грознымъ, избавившись отъ опекуновъ и лично взявшись за кормило правленія въ Москвѣ, оставилъ титулъ великаго князя и провозгласилъ себя царемъ. Не имѣя уже соперниковъ въ удѣльных князьяхъ, повелѣвая въ качествѣ единственнаго и всемогущаго владыки огромнымъ государствомъ, Иванъ подавлялъ своеволие и гордость знатныхъ бояръ, завоевалъ въ 1552 и 1554 гг. Казань и Астрахань и снова ухватился за мысль соединенія всѣхъ русскихъ земель подъ своимъ скипетромъ. Долголѣтнее перемиріе помогло, правда, Москвѣ собрать свои силы и создать усиленную военную организацію, но не дало ей особенно большой вѣры въ эту организацію. Иванъ отлично чувствовалъ, что его государство не успѣетъ развиваться, что оно, несмотря на свое абсолютное правительство, не сможетъ равняться съ западными сосѣдями, пока, не добудетъ себѣ доступа къ западной цивилизаціи и военному искусству. Этотъ доступъ могла ему открыть только отдѣлявшая до тѣхъ поръ Москву отъ Балтійскаго моря Лифляндія со своими портами: Нарвой, Ревелемъ и Ригой. Поэтому Иванъ вѣрно разсудилъ, что всякой войнѣ съ Литвой должно предшествовать пріобрѣтеніе Лифляндіи, и съ тѣхъ поръ обратилъ всѣ

свои усилія въ эту сторону. Поэтому, когда Польша путемъ союза съ орденомъ меченосцевъ достигла устья своей великой литовской рѣки, Двины, тотчасъ же послѣ этого въ 1558 г. армія Ивана бросилась на Лифляндію и завоевали Нарву, Дерптъ и много другихъ, менѣе значительныхъ городовъ и замковъ. Такимъ образомъ начался первый актъ великой борьбы изъ-за Балтійскаго моря, борьбы, для участія въ которой Сигизмундъ Старый отнялъ у Польши все главные средства и способы допущеніемъ секуляризаціи Пруссіи. Болѣе него проникательный Сигизмундъ Августъ проникъ планы Ивана и поставилъ отраженіе Москвы отъ Лифляндіи цѣлью всей своей внѣшней политики; такимъ образомъ Лифляндія сдѣлалась яблокомъ раздора между двумя государствами. Въ 1559 году угрожаемый Иваномъ новый магистръ ордена Кеттлеръ позволилъ Польшѣ занять южную часть Лифляндіи, а подѣ страхомъ военныхъ успѣховъ Ивана въ 1561 г. вмѣстѣ съ лифляндскими сословіями подчинился польскому королю. Орденъ меченосцевъ былъ уничтоженъ, Кеттлеръ удержалъ Курляндію въ качествѣ наследственнаго вассальнаго герцогства по образцу герцогской Пруссіи, Лифляндія же вошла въ составъ Польши и Литвы, оговоривъ себѣ свое аугсбургское вѣроисповѣданіе и внутреннее самоуправленіе, административное и судебное. Нѣсколько позднѣе, въ 1566 году, новая область заключила торжественную унію съ Литвой, согласно которой лифляндское дворянство должно было высылать своихъ пословъ на литовскіе сеймы, а въ Лифляндіи долженъ былъ править особый губернаторъ.

Этотъ политическій триумфъ нужно было однако удержать силою меча и охранить отъ опасныхъ соперниковъ. Важность пріобрѣтенія Лифляндіи Польшей понималъ не только царь Иванъ, но и два другіе прибалтійскія государства: Швеція и Данія, которыя поэтому и выступили также со своими притязаніями и дѣятельно вмѣшались въ войну. Шведскій король Эрихъ XIV занялъ въ 1561 году Эстонию и Ревель, датскій же королевичъ Магнусъ — епископство эзельское и пильтенское. Такъ возгорѣлась первая великая лифляндская война изъ-за обладанія Балтійскимъ моремъ, любопытная особенно тѣмъ, что все четыре претендента боролись другъ съ другомъ. Августу удалось однако склонить на свою сторону Данію и обратить ее противъ Швеціи; затѣмъ же, выдавъ свою сестру Екатерину Ягеллонку за герцога финляндскаго Іоанна, вассала Швеціи, а съ 1568 года короля шведскаго, онъ примирился и съ этимъ своимъ ближайшимъ сосѣдомъ и продолжалъ борьбу уже съ од-

нимъ Иваномъ. Побѣда подъ Невлемъ въ 1561 году и двѣ побѣды около Улы, одержанныя въ 1564 году Николаемъ Радзивилломъ Рыжимъ, а въ 1568 году—Романомъ Сангушкой, отвратили грозную опасность, но не помогли возвратить Полоцкъ, который Иванъ въ 1563 году завоевалъ въ Литвѣ, и тѣмъ мѣнѣе отнять у него Нарву. Втеченіе этой войны проявилось характерное вліяніе Польши и Литвы на внутреннія отношенія московскаго государства. Польскія вольности пробуждали въ московскихъ князьяхъ и боярахъ зависть и глубокую ненависть къ суровому правленію Ивана, они начали убѣгать въ Польшу, между прочимъ славный князь Курбскій, и стали даже въ соглашеніи съ Польшей вести козни противъ Ивана въ Москвѣ. Въ 1568 году Сигизмундъ Августъ отправился съ многочисленнымъ войскомъ на Москву, ожидая въ ней бунта, но Иванъ жестоко усмирилъ недовольные элементы, а польскій король, простоявши долгое время лагеремъ подъ Радошковицами, не предпринялъ никакихъ дѣйствій. Иванъ достигъ главной цѣли своихъ усилій: порта на Балтійскомъ морѣ, черезъ который онъ вошелъ наконецъ въ соприкосновеніе съ Западомъ и взаменъ за сырыя произведенія своей страны получалъ заграничные товары, орудія, вооруженіе и ремесленниковъ. Теперь онъ могъ спокойно ждать и въ 1571 году заключилъ перемиріе съ Польшей съ тѣмъ, чтобы лучше приготовиться къ слѣдующей войнѣ.

§ 77. *Второй періодъ борьбы изъ-за реформы Речи Посполитой.*
(1562—1572).

Только московская война открыла Сигизмунду глаза на внутреннія отношенія страны, рѣшительно убѣдила его, что самовластво далеко не такой элементъ, на который можно безопасно опраться, и ясно указала, что оно отстраняется отъ государственныхъ обязанностей и заботится только о собственной выгодѣ. Польскіе сеймы не безъ причины медлили съ поддержкою Литвы, какъ скоро Литва желала образовать отдѣльное государство; сеймы медлили съ постановленіемъ податей, разъ отъ ихъ уплаты освобождались паны и епископы, и этотъ послѣдній аргументъ, отказъ въ податяхъ, въ первый разъ оказалъ вліяніе на умъ слабаго короля. Расхищенные имѣнія, пустая казна, вторгающійся въ границы Литвы непріятель, попрытавшіеся по угламъ паны, такое положеніе наконецъ убѣдило Августа и толкнуло его въ объятія шляхты, которую онъ съ презрѣніемъ отдалялъ отъ себя

втеченіе четырнадцати лѣтъ. Въ 1561 году начался второй періодъ борьбы изъ-за реформы Рѣчи Посполитой, въ которомъ король всталъ на сторонѣ шляхты и ея политической программы, принимая однако изъ послѣдней только нѣкоторые пункты.

На первомъ мѣстѣ стало возвращеніе коронныхъ имѣній; его окончательно совершилъ сеймъ 1566 года въ извѣстныхъ, стѣсненныхъ, впрочемъ, границахъ. Коронныя имѣнія были отобраны въ пользу государственной казны и раздѣлены на двѣ категоріи: одни изъ нихъ, такъ называемыя королевскія столовые имѣнія, должны были служить на содержаніе королевскаго двора, другія, раздѣленные на староства, король раздавалъ въ аренду людямъ, отличившимся заслугами отечеству, и три четверти уплачиваемаго съ нихъ чинша обращалъ на государственные расходы, а одна четверть, такъ называемая кварта, предназначалась на содержаніе такъ называемаго квартянаго войска. Такимъ образомъ казна получала нѣкоторые небольшіе, но постоянные доходы, и на границахъ страны поставлено было немногочисленное, но постоянное войско, обезпечивавшее ее, по крайней мѣрѣ на первое время, отъ неожиданныхъ татарскихъ нападеній.

Вся эта военно-финансовая реформа имѣла однако еще и другое значеніе для будущаго. На мѣсто хозяйства, ведшагося въ коронныхъ имѣніяхъ королевскими чиновниками, влодарями и прокураторами, установили систему отдачи этихъ имѣній въ пожизненную аренду. Арендаторы назывались старостамп, но не обладали никакою властью, не были чиновниками, какъ ихъ соименники, старосты гродскіе. Эта система арендъ не была бы безусловно вредной, еслибы имѣнія отдавали тому, кто предлагалъ самый высокій чиншъ. Но доходы имѣній оцѣнивались очень низко, чиншъ не возвышался соотвѣтственно имъ, и этотъ чиншъ принималъ такіе ничтожные размѣры сравнительно съ дѣйствительными доходами, что аренда коронныхъ имѣній была подаркомъ и благодѣяніемъ для того, кто ее получалъ. Шляхта, во что-бы то ни стало, желала отъ государства щедрыхъ наградъ и, не довольствуясь должностями, придумала себѣ доходныя аренды. Съ этихъ поръ староства играютъ громадную роль въ общественной жизни, всякій старается добыть себѣ староство, ради нихъ одни прислуживаются королю, другіе видятъ лучшее средство въ рѣшительной оппозиціи, которая вынуждаетъ короля смягчить оппонента староствомъ. Вещь, которая должна была служить для награжденія дѣйствительныхъ заслугъ, обращается въ средство политическаго подкупа.

Экономическая реформа на этихъ сеймахъ не окончилась однако королевскими имѣніями, но приняла болѣе широкіе размѣры и прежде всего измѣнила прежнее положеніе городовъ, исполнивъ тѣ желанія, которыя шляхта проявляла уже съ XV вѣка, но до сихъ поръ напрасно.

Шляхта не ошибалась, считая Польшу земледѣльческой страной, видя все свое богатство въ сырыхъ произведеніяхъ и не допуская никакихъ ограниченій въ торговлѣ этими произведеніями. Вывозъ хлѣба, коней, рогатаго скота и вообще сырыхъ произведеній, не стѣсняемый никакими пошлинами, принялъ дѣйствительно громадныя размѣры. Висла и Нѣманъ составляли главные пути этого вывоза, Гданскъ и Крелевецъ—главныя мѣста сбыта и склада. Шляхта не заботилась однако о томъ, чтобы удержать и эксплуатировать у себя тѣ милліоны, которые этотъ вывозъ приносилъ въ страну, ихъ какъ можно скорѣе возвращали за границу и притомъ съ щедрой придачей за предметы удобства и роскоши. Съ каждымъ годомъ уменьшалось богатство народа, а шляхта, приписывая это исключительно роскоши, стала издавать на сеймахъ законы противъ роскоши, которые, само собой, не могли быть осуществлены. Зло коренилось въ чемъ-то другомъ.

Прежде всего въ полномъ упадкѣ домашней промышленности. Промышленность страны земледѣльческой никогда не можетъ соперничать съ промышленностью тѣхъ странъ, которыя занимаютъ ею преимущественно и обладаютъ соответственными условіями для ея развитія. Польская промышленность, чтобы не пасть совершенно вслѣдствіе соперничества съ западной, нуждалась въ разумной охранѣ; тѣ произведенія, фабрикація которыхъ на мѣстѣ могла быть осуществлена также легко и дешево, нуждались въ протекціонныхъ пошлинахъ на соответственныя заграничныя произведенія. Этого спасительнаго принципа не могла однако или не хотѣла понять польская шляхта. Для нея дѣло заключалось только въ томъ, чтобы имѣть возможность получить все, что ей было нужно, по самымъ дешевымъ цѣнамъ, и, не заботясь о родной промышленности, проникнутая презрѣніемъ и завистью къ мѣщанамъ, которые до тѣхъ поръ не разъ ее эксплуатировали, она устранила всѣ пошлины и осуществила принципъ полной и безусловной свободы торговли съ иностранными государствами. Это уничтожило всю польскую промышленность, нѣкогда такую цвѣтущую, и довело до того, что все, включительно до самыхъ простыхъ и необходимыхъ произведеній, поляки при-

возли изъ-заграницы, становясь въ зависимость отъ ея милости и вывозя всѣ деньги.

Но и этого недостаточно. Шляхтѣ, заботившейся о дешевизнѣ нужныхъ ей предметовъ, безпрестанно казалось, что купеческое сословіе въ городахъ эксплуатируетъ ее и обогащается путемъ ея обмана. Поэтому, разрушая промышленность, она начала ограничивать и народную торговлю. Такое средство, какъ требованіе отъ купцовъ присяги, что они не будутъ брать со своихъ товаровъ прибыли больше той, какая была назначена закономъ, было только смѣшнымъ. Но другія средства повели къ самымъ вреднымъ результатамъ. Воеводамъ врученъ былъ непосредственный надзоръ надъ внутренней администраціей городовъ, а въ особенности право и обязанность установленія обязательныхъ цѣнъ товаровъ, право, изъ котораго они, конечно, дѣлали широкое употребленіе въ пользу землевладѣльческаго сословія. Шляхтѣ, поселяющейся въ городахъ, и мѣщанамъ, владѣющимъ поземельными имѣніями, запрещено было «мѣрить локтемъ и квартой», т. е. заниматься мелкой промышленностью и торговлей, и такимъ образомъ послѣднія передавались въ руки элемента, все болѣе богатѣвшаго—евреевъ.

Происходило же это въ то время, когда торговое положеніе польскихъ городовъ было уже сильно поколеблено вслѣдствіе другихъ причинъ. Оно втеченіе среднихъ вѣковъ основывалось на великомъ европейскомъ торговомъ пути, который проходилъ черезъ Польшу, соединяя Западъ съ Чернымъ моремъ и Востокомъ. Завоеваніе Константинополя Турками въ 1453 году и занятіе береговъ Чернаго моря татарскими ордами пресѣкло и уничтожило эту дорогу и отвратило отъ Польши торговлю, которая тѣмъ временемъ открыла новые міры, обогатила западные народы, неслыханно подняла ихъ, открыла ихъ промышленности новыя, неизвѣстныя области и оставила польское торговое и ремесленное населеніе за предѣлами этого развитія и движенія. Такъ расшатывались основы экономическаго положенія Польши, а польскіе сеймы, вмѣсто того, чтобы по мѣрѣ возможности мѣшать этому и думать о помощи залу, замыкались въ интересахъ шляхетской касты и въ непонятномъ ослѣпленіи запрещали польскимъ купцамъ ѣздить за товарамъ за границу. Шляхта желала получать ихъ болѣе дешево изъ первыхъ рукъ и предпочитала допустить въ страну чужихъ купцовъ и предоставить имъ первенство передъ своими. Такъ одинъ за другимъ слѣдовали удары, которые, убивая польскую промышленность и торговлю, подкапывали

экономическое положеніе городовъ. Паденіе ихъ было уже неизбежно, и мѣщанскій элементъ, который могъ и долженъ былъ сыграть роль въ польской общественной и политической жизни, былъ съ этихъ поръ потерянъ для Польши.

Вторымъ пунктомъ реформы, который принялъ Августъ, была унія всѣхъ странъ, принадлежавшихъ къ великому организму Рѣчи Посполитой; послѣ многихъ переговоровъ онъ выполнилъ ее окончательно на памятномъ люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Легче всего пошло эта дѣло съ Пруссіей, такъ какъ столѣтняя связь съ Польшей неразрывно переплела ея интересы съ польскими. Много польскихъ семей поселилось въ королевской Пруссіи, другія, онѣмеченныя нѣкогда во время правленія крестоносцевъ, возвратились къ прежней своей національности, наконецъ множество нѣмецкихъ дворянъ и мѣщанъ добровольно перенимало польскій языкъ и обычаи. Только въ большихъ городахъ держался еще нѣмецкій элементъ, но такъ какъ все ихъ экономическое положеніе покоилось на торговлѣ съ Польшей по Вислѣ, то и они должны были поддерживать свою связь съ Польшей. Къ тому же пруссаки не имѣли отдѣльнаго правительства и вопросъ заключался только въ томъ, чтобы они сажались на польскомъ сеймѣ вмѣстѣ съ поляками. По королевскому приказанію прусскіе сенаторы и послы пріѣзжали на сеймы, пропеходившіе въ Петровѣ, Варшавѣ и Люблинѣ, и если тѣмъ не менѣе отказывались садиться на однихъ скамьяхъ съ поляками и защищали свою отдѣльность, то это было дѣломъ исключительно прусскихъ знатныхъ господъ и большихъ городовъ. Первые, признавая себя поляками, опасались, чтобы вслѣдствіе уніи не потребовали и отъ нихъ возвращенія коронныхъ имѣній; вторые боялись, чтобы польская шляхта не примѣнила и къ нимъ своей пагубной экономической политики. Тѣмъ сплѣнѣ должны были зато желать парламентской уніи прусское дворянство и менѣе значительные города. Дворянство прусское, втеченіе долгаго времени угнетавшееся вельможами, теперь, ближе познакомившись на сеймахъ съ польской шляхтой, быстро пріобрѣло смѣлость, сбросило съ себя ярмо можновладцевъ и высказалось за парламентскую унію, и такимъ образомъ король на люблинскомъ сеймѣ 1569 года простымъ декретомъ установилъ эту прусскую унію, какъ выполненіе акта инкорпораціи 1454 года.

Одновременно регулированы были и дѣла герцогской Пруссіи. Въ 1563 году Сигизмундъ Августъ далъ право наслѣдованія въ прусскомъ ленѣ отдаленнымъ родственникамъ герцога Альбрехта, именно электору бранденбургскому Іоахиму и его мужскимъ потомкамъ. Это былъ шагъ въ высшей степени неблагоприятный, такъ какъ онъ отдалялъ въ безконечное будущее присоединеніе герцогской Пруссіи къ Польшѣ и усиливалъ самостоятельность первой путемъ передачи ея въ руки могущественныхъ электоровъ. Какъ бы для исправленія этого шага король старался затянуть узелъ зависимости прусскаго герцога отъ польской короны, дѣятельно вмѣшивался въ раздоры между герцогомъ и его подданными и, принимая послѣднихъ подъ свою защиту въ качествѣ верховнаго сюзерена, выслалъ въ 1566 году въ Кралевецъ своихъ комиссаровъ, которые устранили и наказали совѣтниковъ прусскаго герцога, побуждавшихъ его къ образованію абсолютной власти, и, примиривъ герцога съ сословіями, принудили его подтвердить ихъ права и привилегіи. Съ тѣхъ поръ прусскія сословія должны были, защищая себя, оглядываться на Польшу и противодѣйствовать враждебнымъ Польшѣ намѣреніямъ прусскихъ герцоговъ. Въ 1569 году сынъ и наслѣдникъ Альбрехта, молодой Альбрехтъ Фридрихъ, принесъ торжественную вассальную присягу Сигизмунду въ Люблинѣ, въ которой, между прочимъ, значилось, что отъ приговоровъ прусскаго герцога допускается апелляція къ польскому королю, благодаря чему постоянно напоминалась и усиливалась связь прусскаго населенія съ Польшей. Эта связь была тѣмъ прочнѣе, что одновременно съ тѣмъ въ 1566 году совершилось присоединеніе Лифляндіи, благодаря которому Польша на всемъ своемъ протяженіи соприкасалась съ Балтійскимъ моремъ, а прусское ленное герцогство, со всѣхъ сторонъ окруженное землями Рѣчи Посполитой, совершенно исчезало въ ея массѣ.

Но самымъ существеннымъ пунктомъ въ дѣлѣ общей уніи была унія Литвы съ Короной. Она созрѣла окончательно въ правленіе Сигизмунда Августа. Мы познакомились уже со многими причинами, которыя издавна дѣйствовали въ пользу уніи, а теперь приобрѣли удвоенную силу. Литовскія и русскія земли сближались съ Польшей прежде всего ихъ экономическій интересъ, такъ какъ только при помощи Польши онѣ могли возвратить основы матеріальнаго своего развитія: на сѣверѣ устья Нѣмана и Двины въ Лифляндіи и Пруссіи, на югѣ устья Днѣпра и Днѣстра. Ихъ сближало съ Польшей и интересъ культурный, такъ какъ только

этимъ путемъ онѣ могли воспринимать и усвоивать себѣ благо-
дѣянiя западной цивилизаціи. Ихъ сближалъ наконецъ съ Польшей
и интересъ свободы, такъ какъ только путемъ болѣе тѣснаго
сближенiя съ Польшей и принятiя польскихъ учрежденiй литов-
ское и русское общество могло освободиться изъ-подъ угнетав-
шихъ его до тѣхъ поръ тяжестей и добыть себѣ вполнѣ поли-
тическія права и гражданскую свободу. Подъ вліяніемъ болѣе,
чѣмъ столѣтняго дѣйствiя этихъ трехъ сильныхъ причинъ въ
Литвѣ и Руси совершалась медленная и бессознательная ассими-
ляція высшихъ общественныхъ классовъ съ польскимъ элементомъ.
Элементъ, господствовавшій въ Литвѣ, не могъ въ своихъ высшихъ
слояхъ противиться дѣйствію гуманизма, а затѣмъ и реформаціи,
которая, какъ мы увидимъ, создавши польскій литературный
языкъ, провела его на Востокъ вмѣстѣ съ религіозными «нов-
шествами». Въ Литвѣ уже печатались польскія книги. Еще болѣе
прочными узами соединялись съ Польшей южныя, т. е. мало-
русскія провинціи литовскаго государства благодаря вѣковой,
теперь при Сигизмундахъ еще усилившейся польской колонизаціи.
Новыя области выросли изъ земли подъ ея благотворнымъ
вліяніемъ. На границѣ Мазовіи область прежнихъ Ятвяговъ,
Польсье, заселилась польскими колонистами и, оставаясь за ли-
товскомъ государствомъ, добилаь однако при Сигизмундѣ Старомъ
привилегіи на всѣ польскія учрежденiя, а въ особенности на то
же самое польское право, какое существовало и въ краковской
землѣ. Колонизація же распространила такъ сильно границы
Волини, что Кіевъ и Брацлавъ, окруженные передъ этимъ одними
пустынями, сдѣлались теперь центральными пунктами воздѣлан-
ныхъ и населенныхъ земель и были въ состоянiи образовать
особыя воеводства.

Теперь время было поддержать и обезпечить это обществен-
ное единеніе болѣе тѣснымъ политическимъ соединеніемъ. Литвѣ
и Коронѣ грозила разьединеніемъ и московская война, и бездѣт-
ная смерть послѣдняго Ягеллона, и подъ вліяніемъ этихъ угрозъ
въ 1562 году начаты были переговоры объ уніи, но, тогда какъ
польская шляхта желала полнаго соединенiя и сравненiя литов-
скихъ воеводствъ съ польскими, литовскіе паны сопротивлялись
такой тѣсной уніи и желали удержать въ Литвѣ особое прави-
тельство и сеймъ; имѣя прочную точку опоры въ этомъ прави-
тельствѣ и въ своемъ наследственномъ сенатѣ и совершенно
терроризуя литовское рыцарство, которое не имѣло еще участiя

въ государственныхъ дѣлахъ, они устраняли всякую возможность соглашенія.

Сигизмундъ Августъ взялся однако энергично за это дѣло, нѣсколько разъ (1559, 1564, 1565, 1566 гг.) ѣздилъ въ Литву, ввелъ въ ней рядомъ съ прежнимъ сенатомъ по образцу Польши сеймики и посольскую избу, освободилъ шляхту отъ преобладанія вельможъ, далъ ей земское самоуправленіе съ правомъ избранія судей, призналъ формально литовскій тронъ избирательнымъ, уничтожилъ феодальную систему и въ 1566 году санкционировалъ всю эту гигантскую реформу въ новомъ, исправленномъ литовскомъ статутѣ. Теперь призваны были на общій сеймъ не только паны, но и послы литовскіе; начались торги пановъ и терроризованіе шляхетской братіи, наконецъ на люблинскомъ сеймѣ 1569 года литвины съ протестомъ оставили мѣсто совѣщаній. Тогда возмущенный король согласился на программу, издавна предлагавшуюся ему посольской избой, и, провозгласивши своимъ самовольнымъ декретомъ полную унію Литвы, общее правительство и сеймъ, призвалъ русскую и литовскую шляхту съ оружіемъ выступить противъ сопротивляющихся уніи пановъ и выслать посольства въ Люблинъ для подтвержденія уніи присягой. Это произвело магическое дѣйствіе. Земля за землю, воеводство за воеводствомъ отзывались на призывъ короля, и такимъ образомъ Подлѣсье, Волынь, Брацлавъ и Кіевъ среди всеобщаго энтузіазма присягнули въ Люблинѣ въ неразрывномъ союзѣ съ Короной. То же самое готовилось въ Брестъ-Литовскѣ, въ Вильнѣ, Трокахъ, Витебскѣ, въ Жмуди, и тогда литовскіе паны замѣтили, что у нихъ совершенно ускользаетъ почва изъ-подъ ногъ. Они возвращаются поэтому въ Люблинъ и сами предлагаютъ унію, заключающуюся въ общности сейма, лишь бы имъ оставили отдѣльное управленіе остальной Литвой. Это былъ даръ Данаевъ, совершенно уничтожавшій цѣль уніи. Дѣйствительно, отдѣльное управленіе Литвой обозначало политическую отдѣльность Литвы, навсегда стѣсняло силы Рѣчи Посполитой и создавало зародышъ вѣчной анархіи и смуты. Польская шляхта остерегала короля отъ такого подарка, но Сигизмундъ Августъ, довольный, что унія осуществляется добровольно, что не будетъ нужды уничтожать сопротивленіе можновладцевъ, согласился на ихъ условіе, и такимъ образомъ унія 1569 года возникла по добровольному согласію. Она утановляла неразрывное соединеніе обонхъ государствъ, общее избраніе короля и вмѣстѣ

великаго князя, общій сеймъ, монету и дипломатическія сношенія, но сохраняла отдѣльность чиновъ и статутовъ.

Хороша-ли была такая унія, какой желала шляхта, т. е. съ общимъ правительствомъ и перенесеніемъ всѣхъ польскихъ вольностей на Литву, въ этомъ можно еще сомнѣваться. Не могъ-ли скорѣе Сигизмундъ Августъ воспользоваться своими наслѣдственными прерогативами въ Литвѣ и вмѣсто того, чтобы отречься отъ наслѣдственности, утвердить ее назначеніемъ себѣ преемника для Литвы? Литва навѣрно признала бы его, и не должны ли были бы въ такомъ случаѣ польскіе паны ради сохраненія уніи провозгласить его и своимъ королемъ? Насколько инымъ путемъ пошла бы въ такомъ случаѣ позднѣйшая польская исторія! Но если историку трудно строить теперь предположенія, заходящія такъ далеко, то онъ долженъ все-таки сказать, что унія въ томъ видѣ, въ какомъ ее заключили, содержала въ себѣ коренной недостатокъ. Польскій народъ не для того въ кровавомъ поту втеченіе двухъ вѣковъ работалъ надъ цивилизаціей восточныхъ пустынь, чтобы въ концѣ концовъ создать въ этихъ краяхъ гнѣздо можновладческой гордости и анархіи. Дѣйствительной уніей и было это дѣло двухъ столѣтій безустанной работы, узы, соединяющія обѣ страны, коренились очень глубоко и одной грамотой больше или меньше не могло ни ослабить, ни особенно укрѣпить ихъ. Не лучше ли было обойтись пока безъ грамоты, чѣмъ покупать ее санкціонированіемъ двойственности правительства въ одномъ государствѣ, т. е. постоянной и неизбѣжной анархіи?

Такимъ образомъ и теперь оказалось, что Сигизмундъ Августъ, заискивая расположенія шляхты и становясь на ея сторонѣ, не счумѣлъ сдѣлать этого рѣшительно, не понялъ важнѣйшаго пункта всей ея программы, заключавшагося въ образованіи сплннаго королевскаго правительства путемъ уничтоженія можновладческой анархіи. Все, что направлялось къ этой цѣли, должно было безвозвратно пасть благодаря нерѣшительности короля.

Прежде всего пали великіе и здравые принципы, которые хотѣли провести земскіе послы въ организаціи сеймовъ и сеймиковъ. Посольская изба желала 1) упрочить полное свое преобладаніе надъ сеймиками и добыть себѣ неограниченное полномочіе отъ шляхты, 2) удержать среди себя самой голосованіе большинствомъ, которое фактически уже создано, 3) провести то

понятіе, что сенатъ есть только приближенный совѣтъ короля, не имѣющій никакого самостоятельнаго значенія, что король можетъ поступать согласно мнѣнію даже меньшинства сената. Король однако не только не благопріятствовалъ этимъ принципамъ, не только безвозвратно пропустилъ единственный моментъ, удобный для упорядоченія парламентаризма и прекращенія его разстройства, но еще напротивъ, желая воспротивиться политической программѣ посольской избы, апеллировалъ отъ нея къ сеймикамъ, къ сенату или наконецъ указывалъ, что не вся посольская изба поддерживаетъ эту программу, и такимъ образомъ придавалъ значеніе и авторитетъ незначительному меньшинству въ посольской избѣ.

Относительно чиновнической іерархіи шляхта не могла сдѣлать ничего болѣе, какъ громко жаловаться на ея безпримѣрную нерадивость и молить короля, чтобы онъ энергически осуществлялъ по крайней мѣрѣ существовавшіе законы относительно обязанностей чиновниковъ. Оригинальное явленіе представляли сеймы: шляхту, требующую, чтобы сановники-сенаторы исполняли обязанности своей должности; сановниковъ, которые открыто признаются въ пренебреженіи этими обязанностями и насмѣшливо бросаютъ королю нодъ ноги штрафы, назначенные за это прежними статутами; наконецъ короля, который громко жалуется и увѣряетъ, что онъ ни въ чемъ неповиненъ, и такимъ образомъ позволяетъ ругаться надъ величіемъ своего авторитета и уваженіемъ къ власти. Подобныя сцены, описанныя въ сеймовыхъ дневникахъ, теперь трудно читать безъ глубокаго негодованія и трудно повѣрить, что такимъ образомъ могъ поступать человѣкъ, который, стоя наверху, могъ видѣть все-таки далѣе, чѣмъ тѣ, которые стояли внизу. Видя наконецъ, что короля не склонить ни къ какой инициативѣ, шляхта въ 1565 году выступаетъ съ крайне радикальнымъ проектомъ, требуя, чтобы король въ каждомъ повѣтѣ поставилъ своего инстингатора, чтобы этотъ инстингаторъ распоряжался вооруженной силой, наблюдалъ за всѣми чиновниками, доносилъ королю объ ихъ проступкахъ и поддерживалъ авторитетъ его приказаній ¹⁾. Такой проектъ, предложенный шляхтой и постановленный на сеймѣ, въ рукахъ мудраго и энергическаго короля могъ сдѣлаться въ одну минуту орудіемъ для

¹⁾ Шуйскій порицаетъ этотъ проектъ, потому что онъ вводилъ контролеровъ, а не чиновниковъ, исполняющихъ свои обязанности. Но первое сдѣлать было легче, такъ какъ введеніе новыхъ должностей влекло за собой

образованія сильной абсолютной власти. Сигизмундъ не умѣлъ имъ воспользоваться и слабое сопротивленіе сената оказалось достаточнымъ предлогомъ для его отступленія.

Не лучше пошло дѣло и съ предполагавшейся судебной реформой. Средневѣковое судопроизводство не соотвѣтствовало новымъ, измѣнившимся отношеніямъ. Последнимъ его созданиемъ въ концѣ XV вѣка были сеймовые суды. Когда образовались сеймы, короли начали отсрочивать важнѣйшія дѣла, поступавшія въ придворные суды, до сейма и рѣшать ихъ только во время засѣданій послѣдняго, когда они имѣли при себѣ болѣе многочисленный совѣтъ (сенатъ). Такимъ образомъ королевскіе суды распались на суды, происходившіе во время сейма и внѣ сейма. Первые назывались сеймовыми, вторые — ассессорскими. И тѣ, и другіе создали себѣ, особенно въ царствованіе Сигизмунда I, громадное значеніе, сдѣлались высшей инстанціей. Въ сеймовой судъ апеллировали даже отъ вѣщъ, въ судъ ассессорскій даже отъ высшихъ судовъ нѣмецкаго права, нѣкогда установленныхъ Казиміромъ Великимъ, а теперь все болѣе падавшихъ. Но въ эти королевскіе суды и особенно въ судъ сеймовой собиралось такое множество дѣлъ, что король, несмотря на самую напряженную дѣятельность, никакъ не могъ справиться съ ними. Поэтому отовсюду слышались жалобы на недостатокъ справедливости и реформа высшихъ судовъ сдѣлалась постояннымъ и неизбѣжнымъ предметомъ обсужденія сейма. Дѣло кончилось однако лишь тѣмъ, что въ 1563 году были установлены для отдѣльныхъ земель особые единовременные суды съ цѣлью безапелляціоннаго рѣшенія залежавшихся дѣлъ; до рѣшительной и прочной реформы дѣло не дошло. Тѣмъ менѣе можно было думать объ изданіи кодекса законовъ, для котораго имѣлись драгоцѣнные матеріалы въ проектахъ Ташицкаго 1532 г. и Пржылускаго 1553. Общему недостатку помогъ Гербуртъ, напечатавъ въ 1563 году сборникъ законовъ въ алфавитномъ порядкѣ, и эта частная работа, предпринятая безъ всякой болѣе глубокой мысли, будучи переведена въ 1570 году на польскій языкъ, привилась однако въ судебной практикѣ. Это было проявленіемъ приближающагося уже и на попрощѣ права упадка.

большой переворотъ, т. е. устраненіе старыхъ. Исторія же бюрократіи и вообще исполнительной власти во всѣхъ государствахъ доказываетъ, что именно такимъ образомъ, т. е. изъ контролеровъ, возникала путемъ расширенія сферы дѣятельности наиболѣе энергическая исполнительная власть.

Съ вопросомъ правительственнымъ соединялся вопросъ церковный. Во второй половинѣ царствованія Сигизмунда Августа онъ принялъ иной видъ сравнительно съ тѣмъ, какой имѣлъ раньше. Открытый разрывъ съ Римомъ и католической вѣрой, до котораго дошла значительная часть народа, укрѣпилъ привязанность къ этой вѣрѣ въ остальномъ народѣ, до тѣхъ поръ колебавшемся и скорѣе склонявшемся къ реформаци. Громадную роль сыгралъ здѣсь Тридентскій соборъ, который именно въ 1563 году осуществилъ свое дѣло легальной католической реформы и пробудилъ и укрѣпилъ временно усыпленный духъ католической церкви. До этого собора многіе люди, склонявшіеся къ реформаци, утѣшали себя тѣмъ, что они не перестаютъ быть правовѣрными, что ихъ направленіе найдетъ себѣ признаніе и мѣсто во вселенской церкви. Тридентскій соборъ устранилъ эту неясность, провозгласилъ безусловное единство церкви, ея организаци и обряда и рѣшительно отстранилъ отъ католицизма нездоровые члены. Теперь нужно было заявить себя или католикомъ или не католикомъ и принять на себя всѣ послѣдствія того или другаго направленія. Въ Польшѣ же нашлись хотя и въ очень небольшомъ числѣ такіе люди, которые отважились открыто выступить въ качествѣ вѣрныхъ католиковъ. Апостольская столица, привыкшая уже считать Польшу потерянной для себя областью, воспрянула духомъ и направила свои силы къ ея спасенію. На польскихъ епископовъ нельзя было разсчитывать: одни, какъ примасъ Уханскій, стремились къ народной церкви, другіе, какъ Андрей Зебржидовскій, епископъ краковскій, люди невѣрующіе, открыто насмѣхавшіеся надъ самыми священными основами религіи, готовы были принять всякую церковь, лишь бы эта церковь обезпечила имъ спокойное пользованіе огромными церковными имѣніями и регулярное взысканіе десятинныхъ сноповъ. Находились такія исключенія, какъ епископъ вармійскій Гозій, который уже на синодѣ 1551 года возбуждалъ духовенство къ борьбѣ съ реформацией и провелъ католическое «исповѣданіе вѣры», но эти люди въ виду явнаго недоброжелательства епископовъ увидѣли себя вынужденными совершенно оставить Польшу и на Тридентскомъ соборѣ собирались съ силами для того, чтобы начать борьбу въ Польшѣ при лучшихъ условіяхъ. Теперь такія условія представились, поэтому пріѣхалъ въ страну Гозій, озаренный славой, какъ одинъ изъ кардиналовъ, предсѣдательствовавшихъ на Тридентскомъ соборѣ, явились іезуиты, орденъ, который долженъ былъ осуществить дѣло Тридентскаго собора, пріѣхалъ наконецъ въ качествѣ пап-

скаго легата человекъ дѣйствительно импонировавшій силой своего ума и характера, Коммендони. Этотъ человекъ нѣ одну минуту организовалъ развалины католической церкви въ Польшѣ, устранилъ и парализовалъ епископовъ, благопріятствовавшихъ реформаціи и, покпнувъ оборонительное положеніе, вступилъ въ наступательную борьбу съ реформаціоннымъ движеніемъ въ Польшѣ. Все опять зависѣло отъ Сигизмунда. Слѣдуя совѣтамъ Коммендони, король могъ подтвердить постановленія Тридентскаго собора, которыя нунцій предлагалъ ему на парчовскомъ сеймѣ 1564 года ¹⁾, удалить иноземныхъ сектантовъ, сбѣжавшихся въ Польшу со всего мпра, и помочь папскому легату осуществить католическую реформу, согласно соборнымъ постановленіямъ.

Но Сигизмундъ Августъ показалъ себя теперь такимъ же нерѣшительнымъ относительно католичества, какъ раньше относительно реформаціи, и не только не исполнилъ желаній Коммендони, но еще вступилъ съ нимъ въ долгую и трудную борьбу. Для такой борьбы у короля были особыя причины. Апостольская столица завязывала тогда близкія, какъ казалось, сношенія съ царемъ Иваномъ, чтобы склонить его къ переходу въ лоно католической церкви. Искусная папская дипломатія можетъ быть и ошибалась относительно истинныхъ намѣреній Ивана, но во всякомъ случаѣ хотѣла напугать Августа и удержать его отъ реформаціи и разрыва съ церковью. Иванъ при переходѣ въ католичество лишился бы того могущества, какое придавала ему въ глазахъ всей Руси самостоятельность восточной церкви, и потому ни на минуту не помышлялъ о такомъ переходѣ, но не отвергалъ сближенія съ римской куріей, чтобы путемъ его возвысить свое значеніе въ Европѣ и ослабить Августа. Королю же стоило многихъ усилій уничтожить столь опасныя для Польши

¹⁾ Существуетъ мнѣніе, что король принялъ на этомъ сеймѣ книгу Тридентскихъ постановленій (такъ выражается и Шуйскій). Дѣйствительно король принялъ предложенную ему книгу въ руки, но о принятіи ея въ смыслѣ признанія или подтвержденія не было и рѣчи, что ясно изъ источниковъ. Такое признаніе должно бы было быть помѣщено въ сеймовыхъ конституціяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ королевскомъ эдиктѣ. Но лучшее доказательство нашего утвержденія заключается въ томъ, что 1) польское католическое духовенство только на петрковскомъ синодѣ 1577 года приняло тридентскія постановленія съ оговоркою, 2) иновѣрцы не протестовали противъ того, что дѣлалось въ Парчовѣ, а противъ принятія въ смыслѣ признанія они подняли на сеймѣ 1565 года громкій протестъ и 3) на сеймѣ 1565 года положеніе Августа по отношенію къ реформѣ представляется именно наиболѣе колеблющимся.

попытки. Отправленный въ 1553 году въ Римъ посольство Крѣпкій везъ уже въ своихъ инструкціяхъ родъ ультиматума на тотъ случай, еслибы курія ради обманчивыхъ надеждъ рѣшилась пожертвовать Москвѣ жизненными интересами Польши. Позднѣе, въ 1561 году Августъ не далъ нунцію Каноби позволенія на проѣздъ въ Москву, когда же, несмотря на это, схваченъ былъ тайный папскій посланникъ въ Москву и перехвачены его письма, король выдвинулъ мысль созванія въ Польшѣ національнаго собора и этимъ радикальнымъ средствомъ прекратилъ опасную игру римской куріи. Но одновременно съ тѣмъ открылись и болѣе свѣтлыя перспективы для реформаціи. Вообще, чего не могли сдѣлать съ Сигизмундомъ Августомъ сила убѣжденія и воли, то способно было сдѣлать съ нимъ его личное дѣло. Король наскучилъ Екатериной Австрійской, на которой онъ женился въ 1553 г. по смерти Варвары и отъ которой совершенно не имѣлъ потомства. Мысль же оставить мужскаго потомка на тронѣ лихорадочно овладѣла имъ и представлялась ему единственнымъ спасеніемъ для страны, общее разстройство и упадокъ которой онъ предчувствовалъ и видѣлъ. Разводъ съ Екатериной и новый бракъ сдѣлался единственной мечтой и цѣлью его. Римъ не могъ нарушить своего принципа и дать ему разводъ; разрывъ съ Римомъ, принятіе реформаціи устраняли препятствія. Былъ моментъ въ 1565 году, когда рѣшеніе вопроса о реформаціи висѣло на волоскѣ. Но въ этотъ моментъ рядомъ съ человѣкомъ, шаткимъ въ своихъ принципахъ и жественнымъ по характеру, какимъ былъ Августъ, всталъ человѣкъ съ мужественной душой, человѣкъ, одушевленный высокой идеей, которой онъ цѣлкомъ посвятилъ себя, Коммендони. Побѣда не могла подлежать сомнѣнію для той стороны, которая все ослѣпляла и покоряла силой своего характера и величіемъ своей мысли. Августъ въ своей страсти не обладалъ закоснѣлостью настоящихъ грѣшниковъ и, не бывши въ состояніи раньше понять идею народной церкви съ ея политической и принципиальной стороны, тѣмъ менѣе могъ рѣшиться теперь на такой переворотъ изъ личныхъ побужденій. Итакъ будущность католической церкви въ Польшѣ была обезпечена. Близорукіе католики желали тотчасъ же склонить короля къ репрессаліямъ противъ иновѣрцевъ и къ изгнанію изъ страны самой худшей секты — аріанъ; послѣдняго точно также требовали отъ короля кальвинисты и лютеране. Но Коммендони понялъ, что подавленіе аріанства пошло бы только въ пользу и безъ того уже слишкомъ

сильнымъ кальвинистамъ, и рѣшительно отсовѣтовалъ этотъ шагъ. Католическая церковь предоставляла до поры полную свободу иновѣрцамъ, мудро рассчитывая на ихъ внутреннее разстройство, а сама тѣмъ временемъ неустанно обновлялась и усиливалась. Иновѣрцы съ тревогой смотрѣли на это и изъ страха за свою будущность заключили въ 1570 г. въ Сандомірѣ торжественный договоръ трехъ церквей: лютеранской, гельветической и моравскихъ братьевъ, путемъ котораго соединили главные принципы своей вѣры, признали взаимно правоту трехъ своихъ вѣроисповѣданій и предоставили другъ другу свободу въ подробностяхъ и различныхъ обрядахъ. Этотъ договоръ, изъ котораго были исключены крайніе аріане, носилъ скорѣе политическій, чѣмъ религіозный характеръ, соединялъ и усиливалъ иновѣрцевъ въ виду возможной католической реакціи. Предполагалъ, что король склонится къ объединенному такимъ образомъ вѣроисповѣданію и поддержитъ его авторитетомъ своей власти, но когда и эта надежда обманула, реформація должна была отказаться отъ выполненія первоначальной своей мысли, отъ введенія въ Польшу единой, безусловно господствующей народной церкви. Единственнымъ политическимъ результатомъ всего религіознаго движенія въ Польшу сдѣлались поэтому законы 1562 и 1565 годовъ, запрещавшіе исполненіе церковныхъ приговоровъ свѣтскими властями и тѣмъ самымъ вводившіе свободу вѣроисповѣданій. Католическая церковь приняла этотъ принципъ, какъ неизбежное временное зло, реформація приняла его, какъ необходимую защиту для своихъ сторонниковъ.

Тогдашняя вѣротерпимость была слѣдовательно религіознымъ миромъ, была перемиріемъ между противоположными вѣроисповѣданіями, изъ которыхъ ни одно, не исключая и католическаго, не находило въ себѣ достаточно силы убѣжденія, достаточно вѣры въ свою истинность и будущность, чтобы вступить въ рѣшительную борьбу съ другими. Такая вѣротерпимость, вынужденная у государства вѣроисповѣданіями, была слѣдовательно проявленіемъ разстройства, и сильно ошибся бы тотъ, кто сталъ бы ее восхвалять и ставить наравнѣ съ нынѣшней вѣротерпимостью, къ которой принуждаетъ различныя вѣроисповѣданія. становясь надъ ними, сильное государство и въ сплу которой оно ради высшей гуманитарной идеи воспрещаетъ имъ переносить церковную борьбу на попрще общественной и политической жизни.

Вся эта церковная и политическая борьба конечно нашла себѣ живой отголосокъ въ тогдашнемъ просвѣщеніи и литературѣ народа и, неоднократно отыскивая себѣ въ послѣдней точкѣ опоры и оружіе, вмѣстѣ съ тѣмъ втянула ее въ область своихъ стремленій и плановъ.

Она создала именно новое направленіе мысли и умственной дѣятельности: наряду съ древней литературой она выдвинула на первый планъ священное писаніе, а среди борьбы съ церковной традиціей создавалось свободное толкованіе его. Въ церковной области это вело къ бесплодной полемикѣ и сектантству, но въ области просвѣщенія и науки оно сдѣлалось громаднѣмъ шагомъ впередъ и основаніемъ дальнѣйшаго прогресса. Схоластика давила свободу мысли, гуманизмъ давалъ свободу идолопоклонническаго подражанія, реформація же возложила на науку обязанность самостоятельнаго, критическаго изслѣдованія, побудила ее къ самостоятельной работѣ. Это направленіе просвѣщенія появилось въ Польшѣ вмѣстѣ съ реформаціей благодаря какъ привозившимся изъ за-границы книгамъ, такъ и знаменитымъ за-граничнымъ ученымъ, искавшимъ здѣсь гостепріимства, такъ наконецъ и польской молодежи, толпами отправлявшейся въ заграничные университеты, преимущественно нѣмецкіе, зараженные протестантскимъ духомъ. Въ Польшѣ появилась страстная религіозная полемика, но вмѣстѣ съ тѣмъ впервые появилось и изученіе греческаго и еврейскаго языковъ, необходимое для толкованія св. писанія, пробуждался критическій духъ, возникали серьезныя сочиненія религіознаго, политическаго и литературнаго содержанія.

Сверхъ того Польша до сихъ поръ не имѣла другой литературы, кромѣ латинской; уже съ конца XIV вѣка появлялись, правда, переводы св. писанія и законовъ съ латинскаго языка на польскій (Псалтырь Маргариты, Библія королевы Софіи, Молитвенникъ Ядвига, переводъ польскихъ статутовъ Святославомъ изъ Войцѣшина и мазовецкихъ Матвѣемъ изъ Рожана и т. д.), возникшіе подъ чешскимъ вліяніемъ, но эти переводы въ виду ничтожнаго ихъ распространенія и отсутствія установившейся орфографіи не могли имѣть особенно большого вліянія и совершенно не создали польскаго литературнаго языка. Въ началѣ XVI вѣка Станиславъ Заборовскій напечаталъ первыя разсужденія о польской орфографіи, въ 1552 году появилась въ Краковѣ печатная Жизнь Христа Бальтазара Опея (Baltazara Opecia), но только реформація воспитала на классическихъ образцахъ

польскій литературный языкъ. Стремясь дѣйствовать на массу, она должна была прежде всего объяснять свои принципы на доступномъ всякому неучу, слѣдовательно на польскомъ языкѣ. Начались многочисленные переводы библіи (Biblia Seklucyana въ 1551 и 1552 г., брестская, изданная стараніемъ Николая Радзивилла въ 1563 г., несвижская Симона Буднаго въ 1570 году), сборники протестантскихъ проповѣдей (Postylle) на польскомъ языкѣ, полемическія сочиненія религіознаго и политическаго содержанія, возникла польская литература, насквозь проникнутая польскимъ духомъ, и въ ней заблестѣлъ Николай Рей изъ Нагловиць, первый знаменитый польскій поэтъ. Наряду съ множествомъ мелкихъ стихотвореній, Рей пишетъ «Postylle polska» (1556 г.) и философско-нравственныя произведенія (Собственный портретъ честнаго челоуѣка—Wizerunek własny czlowieka poczciwego 1558 г. и Зеркало или изображение, въ которомъ всякое сословіе можетъ полюбоваться на свои дѣла,—Zwierciadło albo kształt, w którym każdy stan snadnie się może swym sprawom przyrzatrzeć г. 1567), въ которыхъ, представляя шляхетское общество Сигизмундовскаго времени, вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ и тотъ идеаль, на высотѣ котораго онъ хотѣлъ бы его видѣть. Точно такое же зеркало жизни, полной художественнаго совершенства и блеска, развивавшагося тогда при дворѣ короля и знатныхъ пановъ, давалъ въ то же время (1566 г.) въ «Польскомъ дворянинѣ» (Dworzaniin polski) одинъ изъ лучшихъ польскихъ прозаиковъ золотого вѣка литературы, Лука Гурницкій.

Грустный контрастъ съ этимъ развитіемъ просвѣщенія и литературы представлялъ краковскій университетъ, который со своими многочисленными колоніями пользовался монополіей общественнаго образованія. Не имѣли нѣкогда достаточно рѣшимости, чтобы положить сѣкиру у гнилого пня его средневѣковой организаціи, пока было еще время для этого. Въ борьбѣ схоластики съ гуманизмомъ, какая издавна велась въ университетѣ, въ концѣ концовъ побѣдилъ бы послѣдній, такъ какъ на его сторонѣ стояли гуманисты-епископы. Въ это время наступила реформація и измѣнила планы епископовъ, реформа университета грозила пропагандой протестантизма и потому краковскіе доктора и магистры съ большимъ триумфомъ возвращались—къ Аристотелю. Нравственно разбитые и безсильные схоластики заботились теперь единственно объ удержаніи многочисленныхъ церковныхъ бенефіцій, связанныхъ съ кафедрами, и, занимаясь ими, совершенно не думали о развитіи науки и образованіи молодежи.

Когда же на кафедре попадали люди новаго направленія, изъ этого возникали соблазнительные споры и замѣшательства. Поэтому молодежь толпами оставляла университетъ, а среди той, которая въ немъ оставалась, исчезла дисциплина и воцарилась великая распущенность и своеволие.

Съ негодованіемъ смотрѣли на это сеймовые послы, нѣсколько разъ говорили они объ этомъ на сеймѣ и требовали, чтобы государство взяло въ свои руки образованіе молодежи, чтобы при королѣ была создана образовательная коммиссія, которая бы реформировала краковскій университетъ и высшія школы на всемъ протяженіи Рѣчи Посполитой. Этотъ вопросъ нашелъ себѣ живой отголосокъ въ тогдашней литературѣ (особенно сочиненіе Марыцкаго: О школахъ—*O szkołach* въ 1551 г.) и могъ быть рѣшенъ королемъ одною его властью безъ сейма. Но Сигизмундъ Августъ не имѣлъ даже столько сочувствія къ народному просвѣщенію и образованію, сколько его проявилъ нѣкогда варваръ Ягелло. Нерѣшительность его въ религіозномъ вопросѣ сдѣлалась тѣмъ подводнымъ камнемъ, о который разбивался всѣ народныя усилія. Пока не былъ рѣшенъ этотъ коренной вопросъ, нельзя было указать принципы образованія, должно ли оно быть протестантскимъ или католическимъ, нельзя было и приступить къ реформѣ общественныхъ школъ. Оставалась поэтому только частная инициатива. Отдѣльныя вѣроисповѣданія основывали свои школы, о дѣятельности которыхъ мы скажемъ впоследствии, и молодежь чаще прежняго ѣздила за-границу.

Политика нерѣшительности и выжиданія отразилась и на всемъ тогдашнемъ, такъ высоко развившемся искусствѣ и литературѣ. Въ Польшѣ рѣдки памятники изъ эпохи чистаго возрожденія; никто не строилъ церквей, не зная, какому вѣроисповѣданію будутъ онѣ служить въ ближайшемъ будущемъ; католики боялись воздвигать храмы и монастыри, чтобы ихъ не захватили иновѣрцы, а эти послѣдніе помѣщали свои соборы въ частныхъ домахъ, приспособленныхъ за это время къ такой цѣли, ожидая, пока получатъ официальное признаніе и обезпеченіе будущности. Плоды литературы золотого вѣка въ Польшѣ также не соответствуютъ—главнымъ образомъ благодаря отсутствію университета, который бы стоялъ на высотѣ задачи,—суммѣ просвѣщенія золотого вѣка. Въмѣсто того, чтобы создавать произведенія, поражающія величіемъ своей конструкціи, самыя лучшія силы часто тратились на бесполезную полемику.

Вслѣдствіе можновладческой анархіи и нерѣшительности Сигизмунда Августа шляхта вторично потерпѣла поражение съ своей программой возрожденія и реформы Рѣчи Посполитой. Осуществлены были возвращеніе пмѣній, религіозная вѣротерпимость и люблинская унія, но лучшимъ доказательствомъ того, что всѣ эти три задачи осуществлены были фальшиво, что важнѣйшее зло не было уничтожено, служить то общее разложеніе, которое знаменуетъ послѣдніе годы правленія Сигизмунда Августа. То, что было сперва источникомъ политическаго развитія и силы, не направленное надлежащимъ образомъ и испорченное, сдѣлалось лишнимъ источникомъ анархіи и смуты. Изъ великаго религіознаго движенія, стремившагося къ единству церкви и силъ правительства, возникло множество протестантскихъ сектъ, которыя противились теперь всякому усиленію правительства, справедливо предвидя, что первое же сильное правительство обратится на ихъ уничтоженіе. Сеймъ 1570 года, когда король отказалъ въ признаніи сандомірскаго соглашенія, воспротивился и дальнѣйшей реформѣ финансовъ и опредѣленію порядка избранія короля. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ догоралъ еще больной и истощенный послѣдній потомокъ Ягеллоновъ, давая въ свои послѣднія минуты при своемъ дворѣ примѣръ бѣшеной распущенности. Королемъ, оттолкнувшимъ отъ себя всѣ болѣе высокіе умы, овладѣли люди, угрождавшіе его страстямъ, извлекавшіе изъ него громадныя выгоды, наконецъ даже грабившіе его въ послѣднія минуты жизни. Среди нихъ первое мѣсто занимали Мнишки. Народъ съ сожалѣніемъ и отвращеніемъ отворачивался отъ этого грустнаго зрѣлища. Смерти Сигизмунда Августа ожидали съ такимъ же нетерпѣніемъ, съ какимъ нѣкогда ожидали смерти Сигизмунда Старого. Но прежде къ сходящему со сцены королю питали глубокое уваженіе, а отъ молодого наследника ожидали чудесъ, теперь же, обманувшись такъ страшно въ Сигизмундѣ Августѣ, утратили довѣріе къ королямъ и скорѣе боялись, чѣмъ ожидали новаго монарха. 7-го іюля 1572 года послѣдній изъ Ягеллоновъ умеръ въ Кнышинѣ.

§ 78. *Третій періодъ борьбы изъ за реформы Рѣчи Посполитой.*
Первое безкорольеве (1572—1574).

Издавна, съ XIII-го вѣка и уже несомнѣнно со смерти Казимира Великаго, польскій тронъ былъ избирательнымъ. Избраніе короля согласовалось однако со всѣмъ строемъ средневѣковаго

польскаго государства, въ которомъ отношеніе государя къ народу, къ сословіямъ основывалось на взаимномъ договорѣ. Избраніе наилучшимъ образомъ формулировало условія этого договора. Безкорольеве не было ни страшно, ни опасно, такъ какъ общество, заключенное въ тѣсныя тиски самоуправления отдѣльныхъ сословій, сохраняло свой внутренній порядокъ и при отсутствіи короля, а высшая власть и такъ находилась въ рукахъ можно-владства, независимо отъ того, сидѣлъ ли не сидѣлъ временно на тронѣ монархъ. Паны и выбирали королей, а народъ, собиравшійся на мѣсто избранія, не принималъ въ немъ никакого участія и могъ только привѣтствовать избраннаго своими восклицаніями. Впрочемъ, пока существовала династія Ягеллоновъ, избраніе имѣло только формальное значеніе; народъ, привязанный къ своей династіи, единственно посредствомъ ея соединенный съ Литвою и прежде всего дорожившій этимъ соединеніемъ, не думалъ о другомъ выборѣ. Въ дѣйствительности тронъ былъ наследственнымъ не только въ Литвѣ, но и въ самой Польшѣ, и идея наследственности въ XVI вѣкѣ втеченіе царствованія обоихъ Сигизмундовъ сдѣлала громадныя успѣхи. Избраніе королей и слѣдовавшій за нимъ договоръ между королемъ и народомъ совершенно не согласовались съ идеей новаго государства, которое покоплось на врожденномъ чувствѣ повиновенія власти и несенія государственныхъ обязанностей; избирательность монарховъ не согласовалась прежде всего и съ идеей реформаціи, которая такъ высоко поставила королевскую власть, вывела ее прямо отъ Бога и заставила ее дѣйствовать отъ имени самого Бога. Правда, въ 1530 году сеймъ, выбравъ королемъ Сигизмунда Августа, заявилъ, что польскій тронъ замѣщается по избранію, и даже ясно оговорилъ, что въ избраніи имѣютъ право принять непосредственное участіе всѣ дворяне, но самый фактъ выбора короля при жизни отца наиболѣе ослаблялъ принципъ свободнаго избранія. Никто въ Европѣ менѣе Сигизмунда Августа и не считалъ себя избраннымъ королемъ, никто болѣе него не носилъ въ своей груди глубокаго убѣжденія въ своемъ наследственномъ правѣ на тронъ. Никому не было легче уничтожить принципъ свободнаго избранія и спасти свое государство отъ опасностей безкорольевья. Но послѣдній потомокъ Ягеллоновъ, постоянно говоря объ отсутствіи потомства и предсказывая Польшѣ страшныя послѣдствія безкорольевій, не только не сдѣлалъ этого, но еще напротивъ ради проведенія неполной люблинской униі торжественно отрекся отъ права наследственности въ Литвѣ и тѣмъ

самымъ окончательно освятилъ право свободнаго избранія. Ближайшимъ кандидатомъ на польскій тронъ, который принесъ бы Польшѣ наибольшую выгоду, былъ герцогъ прусскій Альбрехтъ Фридрихъ, въ 1568 году наслѣдовавшій отцу своему Альбрехту, а въ 1569 году на люблинскомъ сеймѣ принесшій торжественную вассальную присягу. Надѣвая корону на его голову, Польша навсегда присоединяла герцогскую Пруссію и на вѣки уничтожала это опасное гнѣздо германизма. Но кандидатура прусскаго герцога, несомнѣннаго наслѣдника Сигизмунда Августа въ томъ случаѣ, еслибы въ Польшѣ побѣдила реформація, послѣ ея паденія была невозможна. Августъ еще далѣе отодвинулъ его отъ трона, отказавши ему въ мѣстѣ въ польскомъ сенатѣ. Польскіе сеймы думали, по крайней мѣрѣ, уничтожить вредный законъ 1530 года, обдумать порядокъ избранія, признать право избранія за сеймами и отнять его у тѣхъ массъ, которыя призывалъ на избирательное поле этотъ законъ. Эти усилія разбились однако, какъ и всѣ другія, о нерѣшительность короля и сопротивленіе можновладческой анархіи, видѣвшей въ этихъ шляхетскихъ толпахъ наиболѣе удобное орудіе для своихъ самолюбивыхъ плановъ. Уже при жизни Августа паны входили въ сношеніе съ чужими дворами, предлагая имъ свою поддержку при близившемся избраніи, тогда уже Австрія жаднымъ взоромъ смотрѣла на польскій тронъ, а литовскіе магнаты входили въ тайные переговоры съ Иваномъ Грознымъ.

Смерть Сигизмунда Августа, хотя ее предвидѣли и ожидали, соединялась для народа съ утратой династіи, которая втеченіе двухъ вѣковъ управляла имъ и, можетъ быть, безъ надлежащей энергіи, но съ огромнымъ авторитетомъ выносила на своихъ плечахъ всю отвѣтственность. Эта смерть оставляла Польшѣ дѣло избранія настолько неизвѣстное, настолько новое и по тому самому опасное, что весь народъ-шляхта въ одномъ безсознательномъ порывѣ схватился за оружіе, собрался въ свои воеводства и въ предвидѣніи большихъ опасностей обдумалъ и съ необыкновенной рѣшительностью осуществилъ мѣры для защиты границъ и охраны внутренняго порядка. Въ отдѣльныхъ воеводствахъ были установлены на время безкоролья особые суды, поставившіе безапелляціонные приговоры, составленные изъ выбранныхъ сеймиками судей и называвшіеся «каптуровыми»¹⁾. Народъ, съумѣвшій среди возбужденныхъ безкорольемъ стра-

¹⁾ Этотъ обычай удержался и при позднѣйшихъ безкорольяхъ.

стей сохранить такое непримѣрное согласіе и невозмутимый внутренній порядокъ, тѣмъ самымъ доказаль, что онъ могъ воодушевиться высшей идеей и не палъ еще духомъ, несмотря на раздиравшую его анархію. Онъ нуждался лишь въ предводителѣ, но послѣдняго не дало ему небо. Не нашлось никого, кто бы теперь выступилъ, схватилъ въ сильныя руки грандіозное народное движеніе и направилъ его къ сознательной цѣли. Среди массы взаимно перекрещивающихся стремленій нельзя замѣтить ни одной опредѣленной и цѣльной партіи.

Изъ всей массы шляхты и пановъ, или ошпававшихъ сигнала, или же въ общей суматохѣ преслѣдовавшихъ свои личныя выгоды независимо отъ всякихъ принциповъ, можно было выдѣлить двѣ маленькія кучки людей, сознававшихъ свою цѣль и намѣренія. Одну изъ нихъ составляли прежніе сеймовые послы временъ Сигизмунда, люди, посѣдѣвшіе въ долгой политической борьбѣ, но не павшіе духомъ, не отрeksiеся отъ тѣхъ принциповъ, во имя которыхъ они боролись съ такой настойчивостью. Теперь они въ послѣдній разъ стремились осуществить этотъ принципъ, реформу Рѣчи Посполитой, и съ полнымъ сознаниемъ своего дѣла выступили въ бой. Въ одномъ только пунктѣ ихъ первоначальная программа подверглась рѣшительному измѣненію, какъ мы объ этомъ упоминали выше. Не видя уже возможности обратиться государство къ реформациі, они, опасаясь за судьбу своихъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, довольствовались обезпеченіемъ ихъ свободы.

Другую политическую группу образовывали польскіе епископы, которыхъ Коммендоні успѣлъ теперь при помощи Гозія склонить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ католическомъ духѣ. Правой, хотя нерѣдко ошибающейся, рукой Коммендоні былъ при этомъ епископъ куявскій Станиславъ Карнковскій. Это была еще очень скромная, только что зарождавшаяся партія. Борьба съ иновѣрцами, недопущеніе ихъ къ значенію и власти, уничтоженіе ихъ вліянія, вотъ что было единственной цѣлью епископовъ, по отношенію къ которой всѣ другіе планы и намѣренія должны были служить единственно орудіями и средствами. Вражда къ протестантскимъ посламъ, стремившимся къ реформѣ польскаго правительства, и толкнула партію епископовъ на роковой для блага народа путь. Такъ какъ послы желали реформы Рѣчи Посполитой, то епископы рѣшили противиться ей; такъ какъ послы опирались на перевѣсъ сейма и его интеллигенціи, то епископы, руководимые Коммендоні, итальянцемъ, для котораго не

могло быть особенно близко благо Польши, рѣшили передать судьбы народа и государства въ руки непросвѣщенныхъ, по въ большинствѣ своемъ католическихъ шляхетскихъ массъ, среди которыхъ они легче всего могли рассчитывать на поддержку.

Между этими двумя, сознательно стремившимися къ своимъ цѣлямъ, партіямъ стояли однако еще двѣ группы, сильныя своей численностью, положеніемъ и значеніемъ, которыя, распадалась между обѣими сторонами, сглаживали ихъ противоположности и воздерживали ихъ отъ болѣе горячей и рѣшительной борьбы. Одну изъ нихъ составляли свѣтскіе паны, сенаторы, не имѣвшіе и теперь никакихъ истинныхъ убѣжденій и никакой политической программы, кромѣ личной выгоды и малодушнаго честолюбія. Они вредили обѣимъ партіямъ, между которыми раздѣлились чисто случайно, независимо отъ принциповъ. Многіе изъ нихъ, хотя и иновѣрцы, какъ напр. Замойскіе, соединились съ епископами и, поддерживая ихъ во многихъ отношеніяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сдерживали ихъ религіозный энтузіазмъ, правда, только что пробудившійся, но по виду тѣмъ болѣе ревностный. Другіе, какъ Янъ Фирлей, коронный маршалокъ и ярый кальвинистъ, дѣлались предводителями партіи пословъ, чтобы добиться свободы вѣроисповѣданія, и, заботясь въ сущности только о личномъ возвышеніи, своимъ безпорядочнымъ поведеніемъ наиболѣе препятствовали осуществленію программы реформы Рѣчи Посполитой.

Исходя изъ другихъ побужденій, изъ другой точки зрѣнія, то же самое дѣлали люди, которыхъ скорѣе всего можно назвать шляхетскими доктринерами. Это былъ грустный плодъ нерѣшительной политики Августа, которая, заглушая всѣ высшія стремленія народа, неизбежно должна была понизить уровень его политическихъ взглядовъ, ума и характера. Это была шляхетская молодежь, главнымъ образомъ изъ среднихъ по своей состоятельности домовъ, часто и протестантскихъ, которая получила высшее классическое образование, окончила университеты за границей и мечтала о высокой карьерѣ, но, видя на своихъ отцахъ, что протестантизмъ не способствуетъ ея достиженію, бросало его и переходило въ католичество, не имѣя къ нему никакого энтузіазма, не имѣя истиннаго религіознаго чувства и убѣжденія. Между тѣмъ такое религіозное убѣжденіе, католическое или протестантское, было важнымъ политическимъ двигателемъ для людей XVI вѣка. Оно одно нарушало односторонность ихъ классическаго образованія и изъ сферы безсмысленнаго подражанія древней литературы вводило ихъ въ кругъ отношеній дѣйствительной жизни,

открывало имъ глаза на нихъ и побуждало къ энергичнымъ дѣйствіямъ. При отсутствіи этого религіознаго элемента и двигателя само классическое образованіе, понимавшееся и воспринятое исключительно съ внѣшней своей стороны, воспитывало изъ нихъ доктринеровъ, людей, для которыхъ дѣло было не въ сущности, но въ формѣ, которые хотѣли втиснуть новыя отношенія въ фразы, заимствованныя изъ древней литературы. Польша воспитала себѣ уже до реформаціи такое поколѣніе, людей, дѣйствовавшихъ въ куриной войнѣ; теперь, послѣ паденія реформаціи, передъ воцареніемъ новаго ярко-католическаго направленія въ ней появилось такое же поколѣніе шляхетскихъ доктринеровъ. Изъ этой школы доктринеровъ вышелъ историкъ Мартинъ Кромеръ, такъ какъ хотя его исторія впервые появилась въ печати въ 1555 году, но дальнѣйшія многочисленныя изданія ея продолжаются до 1589 года и только въ 1580 году за нее была выражена оффиціальная благодарность со стороны польскаго сената. Изящество латинскаго стиля составляетъ почти единственную заслугу этой «исторіи», такъ какъ въ общемъ она представляетъ передѣлку Длугоша съ устраненіемъ изъ этого грандіознаго произведенія къ ущербу исторической истины не только того, что могло бы оскорбить ошибочно понимаемую католическую правоту, но и всего того, что могло бы задѣть гордость магнатовъ и легкомысліе народа. Это была первая, произведенная въ большихъ размѣрахъ попытка искаженія собственнаго прошлаго самохвальствомъ и втискиванія его въ возможно болѣе тѣсный кругъ взглядовъ и мыслей. Политики этой школы, и во главѣ ихъ Янъ Замойскій, быстро составили себѣ новый оригинальный взглядъ на польскія отношенія. Между тѣмъ какъ прежніе сеймовые послы, Стницкій или Лещинскій, прежніе политики Пржилускій или Модржевскій, видѣли общее разстройство Рѣчи Посполитой и предсказывали ея упадокъ, между тѣмъ, какъ они охрипшимъ уже отъ призыва голосомъ и теперь еще призывали къ реформѣ правительство, Замойскій провозглашаетъ изумленной шляхтѣ, что весь существующій строй польской Рѣчи Посполитой представляетъ недостижимый идеалъ, который только нѣкогда въ далекой древности осуществили въ своей республикѣ римляне. «Польша представляетъ идеалъ свободы, всякая единичная личность слушается власти и короля лишь настолько, насколько подчинилась ему путемъ свободнаго избранія; государство не нуждается въ принудительной силѣ, такъ какъ шляхта, имѣя передъ собою возвышенныя цѣли, можетъ и будетъ выступать и дѣйствовать на

благо страны. Избирательный король долженъ быть верховъ совершенства, а для шляхты раздавателемъ милостей и блестящимъ примѣромъ. Шляхтѣ, защищающей государство, должны служить другіе классы народа, какъ римскіе рабы—гражданамъ, и всякій шляхтичъ въ своемъ имѣніи пользуется надъ хлопомъ правомъ жизни и смерти.» Это страшное заблужденіе, которое, заимствуя образцы изъ римскаго общества, забывало о сильнѣйшемъ его двигателѣ, повиновеніи и власти, которое, идеализируя права и привилегіи единичной личности, умалчивало объ ея обязанностяхъ, провозглашалось теперь со всѣмъ великолѣпіемъ древняго ораторскаго искусства, льстило шляхетскимъ умамъ, утомленнымъ постоянными жалобами на упадокъ и разстройство, и напояло ихъ самымъ вреднымъ ядомъ. Доктринеры уничижали и парализовали здравое и трезвое ученіе партіи сеймовыхъ пословъ, а партія епископовъ ловко воспользовалась ими и съ помощью ихъ рѣшила послѣднюю борьбу изъ-за реформы Рѣчи Посполитой.

Впервые партія епископовъ и пословъ столкнулись при разрѣшеніи вопроса, кто долженъ замѣнять верховную власть во время безкоролья и управлять избраніемъ, примасъ или коронный маршалокъ, Уханскій или Фирлей. Примасъ побѣдилъ, такъ какъ за него, какъ за уроженца Великой Польши, встала послѣдняя и Пруссія, за него же высказалась и Литва. На 15-е января 1573 года Уханскій созвалъ конвокаціонный сеймъ въ Варшавѣ, который долженъ былъ окончательно порѣшить весь порядокъ избранія. Такой порядокъ и былъ постановленъ на этомъ сеймѣ. Послы потерпѣли поражение въ своемъ требованіи измѣнить законъ объ избраніи 1530 года, отнять право избранія у шляхетскихъ массъ и перенести его на сеймъ, хотя за это говорили и здравый разумъ и предусмотрительность; потерпѣли они неудачу и съ требованіемъ назначить мѣсто избранія въ Люблинѣ, хотя заключеніе въ Люблинѣ уни несомнѣнно дѣлало его какъ бы столицей соединенной Рѣчи Посполитой. Избраніе короля сеймомъ упрочило бы положеніе пословъ, избраніе, произведенное въ Люблинѣ, хотя бы и общее, доставило бы преобладаніе интеллигентной и зажиточной русской шляхты, которая, ближе другихъ живя къ мѣсту избранія, могла бы явиться въ наибольшемъ количествѣ. Партія же епископовъ искала точки опоры въ необразованной и бѣдной, но католической и многочисленной мазовецкой шляхтѣ, великополяне не хотѣли признать первенства за малополянами, и такимъ образомъ мѣстомъ избранія назначена

была Варшава. Проектъ отнятія права свободнаго избранія у шляхты отвергли доктринеры и благодаря Замоискому избраніе *viritim* осталось ненарушимымъ, какъ дражайшій перлъ шляхетской свободы. Старались однако успокоить и партію пословъ и соглашаясь на ихъ желаніе, назначили коммпсеію, которая должна была заняться выработкой подробнаго проекта реформы Рѣчи Посполитой и представить этотъ проектъ пзбирательному съѣзду. Принятую съѣздомъ реформу вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ утвердить и принять вновь избранный король, какъ условіе избранія. Но, когда дѣло дошло до этого съѣзда и избранные шляхтой депутаты сообща съ сенатомъ разсматривали этотъ проектъ, подученная панами и епископами мазовецкая шляхта ворвалась толпою въ залу совѣщанія, восклицая, что не хочетъ долше дожидаться избранія, и этимъ насильственнымъ поступкомъ уничтожила весь проектъ реформы, который можновладство никогда, впрочемъ, и не принимало серьезно. Это была уже не старая, здраво правящая аристократія, но уродливая олигархія, ставившая частные интересы выше общественнаго блага, провозглашавшая принципъ равенства, чтобы съ его помощью забивать всякій талантъ и честное честолюбіе, употреблявшая невѣжественныя массы орудіемъ для уничтоженія политическаго разсудка и любви къ отечеству.

При такихъ условіяхъ кого же выбрали королемъ? Было два настоящихъ кандидата: эрцгерцогъ австрійскій Эрнестъ, сынъ императора Максимилиана, и царь Иванъ Грозный, два ближайшіе сосѣда Польши. Принятіе австрійской кандидатуры болѣе всякой другой обезпечивало Польшѣ католическую будущность, но при тогдашнихъ условіяхъ оно равнялось для Польши отреченію отъ самостоятельности. Габсбургская политика, германизовавшая Чехію и Венгрію, была опасна для Польши, владѣвшей Пруссіей, а создавъ изъ Польши домашнюю провинцію австрійской династіи, она по всей вѣроятности выдала бы Русь и Литву въ качествѣ откупа Москвѣ. Зато популярна была кандидатура Ивана, такъ какъ она навсегда оканчивала польско-московскую войну и обращала силы обоихъ народовъ на становившееся все болѣе грознымъ турецкое могущество. Свою жестокость относительно подданныхъ самъ Иванъ объяснялъ необходимостью удержанія въ уздѣ варварскаго народа, польская же шляхта не только не опасалась преобладанія этого народа, но еще и надѣялась получить надъ нимъ вліяніе благодаря большей высотѣ своей цивилизаціи. Кандидатура Ивана, которую подгрѣплялъ и примѣръ Ягелло,

была бесспорно самою смѣлою мыслью за все время безкоролья послѣ Сигизмунда Августа, но другой вопросъ, была ли она возможна? Иванъ не нуждался въ Польшѣ, какъ нѣкогда Ягелло, онъ не отвергалъ предложенной ему польской короны, но поставилъ свои условія. Наслѣдственность престола и свободу восточной церкви въ Польшѣ еще можно было принять, но уступка Москвѣ Лифляндіи и части Руси и влѣдствіе того полное пресѣченіе пути польскому вліянію на государство Ивана дѣлали его кандидатуру совершенно невозможной. Изъ такого затруднительнаго положенія въ вопросѣ о выборѣ короля вывелъ Польшу французскій посолъ Монлюкъ, который крайне для нея лестнымъ и ловкимъ образомъ выступилъ съ кандидатурой молодого Генриха, брата французскаго короля Карла IX, прославившагося рыцарскими подвигами, образованіемъ и всевозможными хорошими качествами, приносившаго въ даръ Польшѣ французскій союзъ и обезпечившаго ей самостоятельность въ виду австрійскихъ покушеній. Поляки единогласно согласились на этотъ выборъ и если на избирательномъ полѣ подъ Варшавой нашлись сторонники австрійскаго эрцгерцога Эрнеста, то ихъ склоняли побужденія иного рода.

Партія пословъ, видя свое политическое пораженіе, желала по крайней мѣрѣ спасти свободу вѣроисповѣданія. Съ этой цѣлью еще на конвокаціонномъ сеймѣ 1573 года они сдѣлали попытку къ провозглашенію и торжественному утвержденію полной религіозной свободы и политическаго равенства всѣхъ обывателей независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія въ такъ называемой варшавской конфедераціи, которую составили на сеймѣ всѣ партіи, въ томъ числѣ и епископы, по взаимному соглашенію. Но, когда дѣло дошло до ея подписанія, епископы, предупрежденные Коммендони, отступили, за исключеніемъ одного Красинскаго, и такимъ образомъ конфедерація осталась нерѣшеннымъ вопросомъ. Теперь на избирательномъ съѣздѣ иновѣрцы схватились за этотъ предлогъ, чтобы настаивать на королѣ шведскомъ Іоаннѣ, также кандидатѣ на корону, кандидатуры котораго никто однако не считалъ серьезной влѣдствіе его преклоннаго возраста, и даже на Эрнестѣ австрійскомъ и чтобы за отступленіе отъ этихъ кандидатовъ вынудить у епископовъ признаніе конфедераціи. Поэтому единогласное избраніе Генриха Валуа состоялось лишь 16-го мая 1573 года, когда конфедерація была внесена въ «роста conventa»¹⁾, а епископы удовольствовались только формальнымъ

¹⁾ Условія избранія, которыя долженъ былъ подтверждать присягою новый король.

протестомъ для приличія. Конфедерація 1573 года сдѣлалась основнымъ закономъ Рѣчи Посполитой и если въ эпоху религіозной борьбы такой законъ осуществился въ Польшѣ путемъ общаго согласія, то не трудно указать его политическое значеніе. Онъ заграждалъ королю дорогу къ эксплуатаціи антагонизма вѣроисповѣданій ради образованія сильнаго правительства и былъ наилучшимъ щитомъ шляхетскихъ привилегій. Поэтому-то она осуществилась вмѣстѣ съ подтвержденіемъ этихъ привилегій на будущее время, поэтому такъ легко согласилась на нее католическая шляхта и поэтому же ее помѣстили, какъ ненарушимое условіе, въ «*роста конвента*».

Прежнія собранія были ничѣмъ инымъ, какъ назначеніемъ особы монарха и подчиненіемъ его власти; теперешнее поняли иначе. Верховная власть находится у народа—шляхты, который отчасти и на извѣстное время ввѣряетъ ее избранному королю. Избраніе представляетъ слѣдовательно передачу власти народомъ королю, королевская власть перестаетъ быть самостоятельной, король пользуется ею отъ имени народа и несмотря на названіе короля въ сущности есть только первый чиновникъ. Такъ избраніе 1573 года измѣнило прежнюю форму польскаго правительства изъ монархической въ республиканскую. Къ этому присоединились еще «*роста конвента*», слово до тѣхъ поръ неизвѣстное въ Польшѣ, несомнѣнно худшій и наиболѣе уродливый плодъ безкоролевья. Это—условія избранія, за которыя признавалъ народъ Генриха своимъ королемъ: король заключитъ союзъ съ Франціей, на собственные свои заграничныя средства доставитъ Польшѣ четыре тысячи гасконской пѣхоты для войны и поставитъ флотъ, будетъ обращать сорокъ тысячъ флориновъ изъ своихъ доходовъ на нужды народа и заплатитъ долги Сигизмунда Августа, наконецъ король подтвердитъ льготы и привилегіи.

Этотъ послѣдній пунктъ былъ объясненъ въ особенныхъ, т. н. Генриховскихъ статьяхъ. Король подтверждаетъ свободное избраніе и свободу вѣроисповѣданія, безъ сената не объявляетъ войны, не заключаетъ мира, безъ сейма не созываетъ посполитаго руненья, котораго не будетъ раздѣлять и которое за предѣлами страны обязывается содержать на жалованьѣ, будетъ защищать границы изъ четверти своихъ доходовъ, будетъ постоянно имѣть при себѣ совѣтъ изъ шестнадцати сенаторовъ и каждые два года созывать сеймъ, а если нарушитъ эти условія, то тѣмъ самымъ

освобождаетъ народъ отъ повиновенія себѣ¹⁾. Эти условія, ставя королевскую власть на совершенно средневѣковомъ понятіи, вводили однако и новый принципъ, по которому король изъ своихъ постороннихъ средствъ долженъ замѣнять народъ въ исполненіи самыхъ святыхъ его обязанностей. Это было позорнымъ, унижительнымъ признаніемъ въ безсиліи или скорѣе въ нежеланіи защищаться собственными средствами, это было нарушеніемъ сознанія обязанности поддерживать отечество кровью и имуществомъ, ослабленіемъ того основанія, на которомъ единственно могло держаться государство и могли избѣжать полнаго разложенія народъ и общество. «*Pacta conventa*» представляютъ отчасти плодъ буйнаго воображенія безчестно обманывавшаго поляковъ Монлюка, отчасти неизбежный результатъ паденія программы реформы Рѣчи Посполитой, доказательство полнаго упадка довѣрія къ королю и окончательное освященіе анархіи, въ которую впало не обузданное Сигизмундами духовное и свѣтское можновладство²⁾.

1) Шуйскій утверждаетъ, что генриховскія статьи отнимаютъ еще у короля право противодѣйствія рѣшеніямъ посольской избы. По моему мнѣнію однако, это лишь ошибочное толкованіе шестой статьи, говорящей только о сенатѣ, чтобы король не нарушалъ въ чемъ либо свободы съ поддержкой одной партіи сената. Безъ согласія короля в послѣдствіи не постановлялись законы.

2) Со времени избранія и люблинской уніи Шуйскій начинаетъ новый періодъ въ исторіи Рѣчи Посполитой. Что касается послѣдней, то, по нашему мнѣнію, она есть лишь одно звено той политики, которой Польша слѣдовала относительно Литвы и Руси уже со времени Александра и не составляетъ въ ней никакого переворота, какъ напр. мельницкая унія 1501 г. Что же касается избранія, то оно: 1) измѣняетъ форму правительства, но это обстоятельство сравнительно второстепеннаго значенія и не оправдываетъ отдѣленія особаго періода, если одновременно съ тѣмъ не измѣнилась сущность государства и общества, что произошло при Альбрехтѣ и Александрѣ, 2) вводитъ много постановленій (путемъ „*pacta conventa*“), которыя противорѣчатъ сущности новаго государства. Но это были постановленія, совершенно невозможныя въ виду тѣхъ условій, при которыхъ существовала Польша и которыя дѣлали возможнымъ лишь новое государство. Нельзя было осуществить этихъ постановленій, нельзя было ни на одну минуту создать такого государства, на какое указывали „*pacta conventa*“, т. е. государства, въ которомъ государь удовлетворялъ бы государственныя нужды изъ своихъ заграничныхъ доходовъ. Это было созданіе политической фантазіи на бумагѣ, которое только одно осуществило фактически и только такъ и можетъ быть понимаемо, т. е. ослабляло основы новаго государства повиновеніе власти и обязанность народа кровью и имуществомъ поддерживать отечество. Но основы эти продолжали существовать и поскольку ихъ фактически уважали, поскольку народъ слушался короля и сейма, поскольку оны ходили на войну и платили подати, постольку Польша еще существо-

Справедливымъ наказаніемъ для народа, который путемъ договора стѣснилъ своего короля и попралъ свои обязанности, была личность вновь избраннаго Генриха. Человѣкъ, выросшій среди абсолютизма французскаго двора, онъ не могъ понять шляхетской Рѣчи Посполитой, не могъ исполнить договора, но не имѣлъ и силы, чтобы нарушить его, возвыситься и встать самостоятельно среди гнетущаго его можновладства. Человѣкъ, одаренный, какъ вскорѣ оказалось, низменнымъ умомъ и одержимый низкими страстями, онъ и не думалъ жертвовать собою для блага новаго отечества.

Втеченіе короткаго времени между королемъ и народомъ образовалась настоящая пропасть. Можновладцы возненавидѣли его, такъ какъ онъ всѣмъ равно хотѣлъ угодить, всѣмъ раздавалъ должности и староства и ни на кого рѣшительно не опирался. Коронные чиновники стали въ явную оппозицію, видя, что король пренебрегаетъ ими, не допускаетъ ихъ передъ свое лицо, вѣрить только пріѣхавшимъ съ нимъ французамъ и руководится только ихъ совѣтами. Склоняясь на сторону католиковъ, Генрихъ отказался также присягнуть при коронаціи въ исполненіи религіозной конфедераціи 1573 года и тѣмъ вызвалъ громкія жалобы со стороны диссидентовъ. Видя себя не въ состояніи справиться съ польскимъ обществомъ, Генрихъ почувствовалъ къ нему отвращеніе, отстранялся отъ государственныхъ дѣлъ и уединялся при своемъ дворѣ, отдаваясь исключительно удовольствіямъ, а узнавъ о внезапной смерти брата своего Карла IX, короля Франціи, 18 іюня 1574 года, едва пробывъ въ Польшѣ пять мѣсяцевъ, тайно бѣжалъ изъ нея, чтобы только не потерять своей короны во Франціи.

вала. Слѣдовательно Польша и послѣ 1573 г. продолжала существовать лишь какъ государство новое, хотя разстроенное и испорченное; основы ея быта, поставленныя въ концѣ XV столѣтія, не измѣнились. Поэтому, установивъ начало новаго періода ея исторіи въ концѣ XV вѣка, я не вижу причины начинать съ 1573 года еще новый періодъ.

IV.

Возвращеніе къ католичеству. Сигизмундъ III губить плоды великой дѣятельности Стефана Ваторія.

(1575—1608).

Л И Т Е Р А Т У Р А .

Исторія царствованій Ваторія и Сигизмунда III-го была написана уже современниками (Гейденштейнъ, Пясецкій, Лубенскій), вслѣдствіе чего она оказалась болѣе доступной и извѣстной и для позднѣйшихъ историковъ, по крайней мѣрѣ съ вѣднѣй, художественной стороны заключающихся въ ней фактовъ.

Труднѣе оказалось оцѣнить и представить въ настоящемъ свѣтѣ какъ великую католическую реакцію, происходившую втеченіе послѣднихъ десятилѣтій XVI-го вѣка, такъ и запутанную политику Сигизмунда III-го. Ни то, ни другое не было сдѣлано въ прежнихъ сочиненіяхъ: Маврикія Дзѣдушицкаго: «Петръ Скарга и его вѣкъ» («Piotr Skarga i jego wiek» tt. 2, Kraków 1850, wyd. 2, 1868—1869) и Генриха Шмитта: «Бунтъ Зебржидовскаго» («Rokosz Zebrzydowskiego» Lwów 1858) и «Нѣсколько замѣчаній по вопросу о бунтѣ Зебржидовскаго» («Kilka uwag w sprawie rokoshu Zebrzydowskiego», Rocznik Tow. przuj. nauk. Poznań 1865), такъ какъ они грѣшатъ сильной односторонностью, первое въ смыслѣ ультрамонтанства, второе въ смыслѣ легковѣсной теоріи шляхетской демократіи.

Лучше всего сравнительно представлено это время у Шуйскаго въ 3-мъ томѣ его «Исторіи» («Dzieje», t. III, Lwów 1864).

До сихъ поръ не существуетъ еще сочиненія, которое представляло бы во всѣхъ отношеніяхъ полную исторію 1575—1608 годовъ, но зато освѣщены многіе отдѣльные вопросы и тѣмъ положено основаніе для болѣе глубокихъ взглядовъ.

Свѣдѣнія о политической литературѣ того времени, а вмѣстѣ и о очеркѣ вст. польши. т. II.

многочисленныхъ ея обработкахъ сообщаетъ Тарновскій въ «Политическихъ писателяхъ» («Pisarze polityczni XVI w.»).

Есть и болѣе новая работа Ө. Вержбовскаго: «Крыштофъ Варшевицкій и его произведенія» («Krzysztof Warszawicki i jego dzieła». Warszawa. 1887).

Къ исторіи Баторія относятся работы:

Закржевскаго, Винцентія, кромѣ трудовъ, приведенныхъ въ литературѣ предъидущей главы: «Сношенія апостольской столицы съ Иваномъ Грознымъ» («Stosunki stolicy apostolskiej z Iwanem Groźnym». Kraków. 1873, оттискъ изъ Przeglądu polskiego) и

«Стефанъ Баторій, обзоръ исторіи его царствованія и программа дальнѣйшихъ ея изслѣдованій» («Stefan Batory, przegląd historyi jego panowania i program dalszych nad nią badań». Kraków. 1887, оттискъ изъ Przegl. polskiego).

Павинскаго, Адольфа: «Стефанъ Баторій подъ Гданскомъ въ 1576—79 годахъ» («Stefan Batory pod Gdańskiem w roku 1576—79». Źródła dziejowe, tom III. Warszawa, 1877);

его же: «О петрковскомъ синодѣ 1577 года» («O synodzie piotrkowskim z r. 1577». Źródła, tom IV, Warszawa, 1877);

и «Финансы въ Польшѣ при Стефанѣ Баторіи» («Skarbowość w Polsce za Stefana Batorego». Warszawa. 1881).

С.: «Донъ Альфонсъ д'Эсте въ качествѣ кандидата на польскую корону въ 1575 году» («Don Alfonso d'Este kandydatem do korony polskiej, r. 1575». Przegląd polski, 1877).

Сутовича, Юліана: «Дѣло Зборовскихъ на сеймѣ 1585 года» («Sprawa Zborowskich na sejmie z r. 1585». Przegląd polski, 1875).

Гаусманна, Рихарда: «Изслѣдованія по исторіи короля Стефана въ Польшѣ» («Studien zur Geschichte des Königs Stephan in Polen». I Theil. Dorpat. 1880).

Пирлинга: «Святой престолъ, Польша и Москва» («Le Saint Siège, la Pologne et Moscou». Paris. 1885, передѣлано на польскій языкъ Кс. Залѣскимъ: «Планы Стефана Баторія»—«Planу Stefana Batorego». Przegląd powszechny 1887).

Его же: «Папскій нунцій въ Московіи» («Un nonce du pape à Moscou». Paris. 1884) и

«Дипломатическая миссія Поссевина въ Москвѣ» («Mission diplomatique de Possevino à Moscou». Revue des questions historiques». 1889).

Соколовскаго, Августа: «О политикѣ Стефана Баторія по отношенію къ Турціи». («O tureckiej polityce Stefana Batorego». Ateneum. 1886).

Кудельки: «Битва подъ Любешовымъ» («Bitwa pod Lubieszowem» Rozprawy wydz. hist. Akad. tom XVII. Kraków. 1884).

Бальцера, Освальда: «Генезисъ короннаго Трибунала» («Geneza Trybunału Koronnego». Lwów, 1886).

Времени безкоролевья послѣ Стефана посвящены:

Каро, Якова: «Безкоролевье въ Польшѣ въ 1587 г. и борьба партій домовъ Зборовскихъ и Замоискихъ» («Interregnum Polens im J. 1587 und die Parteikämpfe der Häuser Zborowski und Zamojski». Gotha. 1861).

Сънявскаго: «О безкоролевьи по смерти короля Стефана» («De interregno post Stephani regis discessum». Wrocław. 1869).

Его же: «Безкоролевье и избраніе короля въ Польшѣ въ 1587 г.» («Das Interregnum und die Königswahl in Polen vom J. 1587». Wrocław. 1869) и

«Правленіе Сигизмунда III» («Die Regierung Sigismunds III». Śrem. 1874).

Общій взглядъ на политику Вазъ даетъ прекрасный трудъ Б. Каменскаго (псевдонимъ): «Переговоры о мирѣ съ Швеціей 1651—1753 гг.» («Negocjacje ze Szwecją o pokój 1651 — 1753». Dodatek do «Czasu», январьскій и февральскій выпуски 1857 г., Kraków) и болѣе новый трудъ Августа Соколовскаго: «Польская политика при Сигизмундѣ III» («Polityka polska za Zygmunta III-go». Przegląd polski. Kraków. 1878). Работа того же автора: «Передъ бунтомъ» («Przed rokoszem». Rozprawę Akad. tom XV. Kraków. 1882) доказываетъ, какъ много можно добыть изъ изслѣдованія историческихъ источниковъ за время царствованія Сигизмунда III-го.

Бъ Самозванцамъ относятся слѣдующіе труды и сочиненія:

Чиампи: «Критическій разборъ исторіи Дмитрія» («Esame critico della storia di Dimetrio». Firenze. 1859).

Мериме: «Лжедмитрій» («Le faux Demetrius». Paris. 1852).

Костомарова: «Историческія монографіи и изслѣдованія». Петербургъ, 1868, т. IV—VI.

Шуйскаго, J.: «Марина Мнишекъ и Самозванцы» («Maryna Mnischówna i Samozwaince». Przegląd polski, 1868 и Roztrzasania. Kraków. 1878).

Пирлинга: «Римъ и Дмитрій» («Rome et Démétrius. Paris. 1878).

Но наиболѣе обширна литература церковной уніи, изъ которой мы назовемъ важнѣйшія произведенія:

Бартошевича, Юліана: «Очеркъ исторіи русской церкви въ Польшѣ» («Szkic dziejów kościoła ruskiego w Polsce», издано только въ 1880 г., Kraków).

Кояловича, М.: «Литовская церковная унія». С.-Петербургъ, 1859—1861, 2 тома.

Гепина, Альфонса: «Св. Юсафать, архіепископъ Полоцкій, и воз-

соединенная греческая церковь въ Польшѣ» («St. Josaphat, archevêque de Polock et l'église grecque unie en Pologne». Poitiers. 1874. tt. 2).

Шараневича, Псидора: «Восточный патріархатъ въ его отношеніяхъ къ русской церкви и польской Рѣчи Посполитой» («Patryarchat wschodni wobec kościoła ruskiego i Rzpltej polskiej». Rozprawy wydz. hist. Akad. umiej. tom IX и X. Kraków. 1879).

Пелэша, Юліана: «Исторія соединенія русинской церкви съ Римомъ» («Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom». Wien. 1879—80).

Кс. Ликовскаго, Эдуарда: «Исторія соединенія русской церкви съ римской» («Historya unii kościoła ruskiego z rzymskim». Poznań. 1865).

Его же: «Исторія униатской церкви въ Литвѣ и Руси въ XVIII и XIX вв.» («Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku». Poznań. 1880) и

«Переговоры, предшествовавшіе униі» («Rokowania poprzedzające unią». Przegląd polski. Kraków. 1886). Эти послѣднія работы самыя лучшія, такъ какъ написаны на основаніи первоисточниковъ и безъ тенденціи.

§ 79. *Избраніе Стефана Баторія. Его политика.*

(1575—1586) ¹).

Внезапное бѣгство Генриха изобиловало послѣдствіями. Оно было непріятно духовенству, такъ какъ подвергало его случайностямъ новой борьбы. Иновѣрцы при новомъ избраніи не замедляютъ всѣми способами настаивать на религіозной конфедераціи 1573 года и, убѣжденные въ грозящей имъ опасности, готовы будутъ избрать королемъ если не протестанта, то по крайней мѣрѣ челоуѣка, равнодушнаго къ церкви и духовенству. Этого не могли допустить епископы. Не такъ сильно раздражены были противъ Генриха за его бѣгство можновладческіе круги.

Новое безкоролье, новыя совѣщанія, новыя сѣзды, избраніе и новыя усилія овладѣть короной открывали имъ путь къ громкому выступленію, давали возможность лучше продать себя кандидатамъ, чѣмъ сдумали они, еще неопытные, сдѣлать это въ первый разъ. Поэтому, если епископы съ Уханскимъ во главѣ долго еще настаивали на Генрихѣ и назначали ему сроки для

¹) Стефанъ Баторій, сынъ Стефана, род. 1533, мужъ Анны Ягеллонки былъ королемъ Польши съ 1575 по 1586 г., умеръ, не оставивъ по себѣ потомства.

возвращенія въ страну—все для избѣжанія новаго избранія—то свѣтскіе паны поддерживали ихъ усилія лишь съ тою цѣлью, чтобы тѣмъ болѣе поднять себѣ цѣну и тѣмъ дороже заставить заплатить себѣ за отступленіе отъ дѣла Генриха, деньгами-ли или обѣщаніями мѣста. Исключенія были рѣдки, да и тѣхъ приходилось искать почти между однимъ литовскимъ магнатомъ, которые изъ страха передъ Иваномъ еще больше другихъ сохранили заботы о благѣ страны. Одинъ литовскій панъ сохранилъ и чувства истинной аристократіи и стремился упрочить ея правленіе. Они справедливо рассуждали, что только избраніе королемъ Габсбурга можетъ осуществить это правленіе и надѣялись, что оно защититъ ихъ отъ Ивана. По настояніямъ литвиновъ и польскіе сенаторы склонились на сторону Габсбурга, который могъ наиболѣе осыпать ихъ титулами и почестями и наиболѣе щедро умѣлъ платить имъ. Они поставили только условіемъ, чтобы кандидатомъ на польскій тронъ выступилъ не какой-либо молодой членъ Габсбургской династіи, а дряхлый и больной императоръ Максимилианъ. Для нихъ важны были какъ можно болѣе короткое царствованіе и какъ можно болѣе частыя избранія. На этотъ разъ, правда, послѣ страшнаго татарскаго нападенія, сенатъ дѣйствовалъ съ безпримѣрнымъ согласіемъ, оставилъ дѣло Генриха, когда онъ къ назначенному сроку не явился въ страну и, не обращая вниманія на сопротивленіе шляхты, провозгласилъ на избирательномъ сеймѣ 12-го декабря 1575 года устами примаса Уханскаго польскимъ королемъ императора Максимилиана. Но тогдашнее можновладство, выказавшее такую большую силу въ защитѣ анархіи и въ уничтоженіи всякихъ плановъ реформы, не сумѣло употребить ее для осуществленія какого-нибудь положительнаго плана. Максимилианъ могъ только быстрымъ пріѣздомъ въ страну и совершеніемъ коронаціи склонить противниковъ на свою сторону или сломать ихъ, но ему нельзя было быть увѣреннымъ въ своей побѣдѣ, нельзя было и рассчитывать на рѣшительную и безусловную поддержку пансовъ, разъ онъ медлилъ и откладывалъ свой пріѣздъ. Тѣмъ временемъ шляхта не оставила своего дѣла.

Бѣгство Генриха шляхта сочла явнымъ презрѣніемъ къ тому трону, который она такъ идеализовала, конкурсъ на который она назначала для всѣхъ европейскихъ монарховъ. Оскорбленная, за живо затронутая, она почувствовала отвращеніе ко всѣмъ чужимъ кандидатамъ и прежде всего возненавидѣла австрійца, отъ котораго ее отталкивали тѣ же причины, что и

раньше; не желая однако въ увлеченіи своимъ доктринерствомъ сознаться, что ея идеальная теорія Рѣчи Посполитой представляетъ заблужденіе, на ней же самой такъ быстро и отомщенное, она развила эту теорію до крайности и рѣшила призвать на польскій тронъ кровь отъ крови своей, плоть отъ плоти, земляка или, какъ она его называла, «Пяста». Онъ пойметъ ее, выполнитъ ея мысли и навѣрное не обманетъ ея. И опять эту химеру формулировалъ на избирательномъ сѣздѣ величайшій доктринеръ Замоискій. Это былъ однако скорѣе голосъ оскорбленнаго самолюбія шляхты, чѣмъ серьезный планъ. Тронъ Ягеллоновъ еще не настолько палъ, чтобы на немъ могъ сѣсть Тенчинскій или Костка, не исчезло еще, несмотря на генриховскія статьи, понятіе о королевскомъ величіи. Наступило временное отрезвленіе и тогда-то въ такую критическую минуту, въ моментъ полнаго осрамленія молодыхъ доктринеровъ шляхта оглянулась на прежнихъ своихъ вождей, теперь покпнутыхъ, тогда-то выступили Сѣниціскій и Филиповскій и въ концѣ своей карьеры еще разъ спасли Польшу и шляхту. Они указали ей кандидата, который одинъ только могъ занять самостоятельное положеніе въ качествѣ короля шляхты и, взявъ ее въ свои сильныя руки, могъ уничтожить можновладческую анархію и возвратитъ странѣ спокойствіе и порядокъ. Такимъ королемъ могъ быть Стефанъ Баторій, воевода седмиградскій, мужественный вождь, князь, имѣвшій высокое понятіе о власти, человекъ съ желѣзной энергіей, широкими взглядами и рѣдкой проникательностью хотя бы въ отдаленныхъ отношеніяхъ. На избраніе Максимилиана, произведенное 12-го декабря 1575 года сенатомъ, шляхетское общество отвѣчало избраніемъ Стефана Баторія и Анны Ягеллонки, пятидесятилѣтней дѣвушки, которую оно предназначило въ жены первому. Это была единственная фальшивая струна въ патриотическомъ избраніи Стефана, доказывавшая, что ядъ анархіи не пощадилъ и шляхты. Вскорѣ этотъ выборъ, за который сразу стали Зборовскіе и Гурка, а немного спустя и умнѣйшій изъ епископовъ Карнковскій, выборъ, подкрѣпленный андреевскимъ сѣздомъ, скорымъ пріѣздомъ избранника, женитьбой его на Аннѣ Ягеллонкѣ и коронаціей (15-го мая 1576 года), сталъ совершившимся фактомъ, съ которымъ скоро должны были согласиться и противники его, тѣмъ болѣе, что смерть Максимилиана развязала имъ руки.

Сѣвши на королевскомъ тронѣ, Баторій не нашелъ уже тѣхъ условій, которыя еще немного лѣтъ назадъ столько разъ улыба-

лись Сигизмундамъ, и долженъ былъ считаться съ печальными результатами царствованія двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ, съ новыми учрежденіями и новыми людьми.

Король, выводившій свою власть изъ избранія, изъ полномочія, даннаго ему народомъ-шляхтой, подвергавшійся всякую минуту опасности отказа въ этомъ полномочіи (статья условій объ отказѣ королю въ повиновеніи), седмиградскій воевода, стоявшій нѣкогда подъ протекторатомъ султана, и возвысившійся путемъ избранія до польскаго трона, не могъ выступать въ роли Ягеллоновъ, монарховъ самостоятельныхъ, окруженныхъ обаяніемъ наслѣдственности и опиравшихся на Литву. Пагубныя «*раста сопвента*» ограничивали даже его исполнительную власть, дѣлали его меньше, чѣмъ чиновникомъ, такъ какъ стремились имѣть въ королѣ только представителя страны во внѣшнихъ ея отношеніяхъ, а во внутреннихъ хотѣли видѣть въ немъ пассивный пдейный авторитетъ, служащій народу своимъ примѣромъ, — руку, которая должна награждать, но не можетъ наказывать. Еще болѣе пагубная традиція Сигизмундовскихъ временъ отнимала у него необходимыя для управленія средства. Сто лѣтъ назадъ Казиміръ и Янъ Альбрехтъ уже уничтожили привилегіи и привлекли всѣ сословія, въ частности же духовенство и знатныхъ пановъ, къ отправленію государственныхъ обязанностей, уплатѣ податей и поставкѣ солдатъ. При Сигизмундахъ этотъ принципъ былъ фактически поколебленъ; паны, подъ предлогомъ занимаемыхъ ими должностей, успѣшно отговаривались отъ уплаты постановленныхъ сеймами поборовъ; духовенство, несмотря на свои богатства, упорнѣе, чѣмъ когда либо, держалось за свои средневѣковыя привилегіи и только на своихъ синодахъ позволяло склонять себя къ установленію сравнительно рѣдкихъ и ничтожныхъ пособій, называвшихся «*subsidia charitativa*». Частныя имущества были велики, но государственная казна пустовала.

Плохи такимъ образомъ были учрежденія, но еще хуже были люди. Шляхта не примкнула къ Баторію, какъ нѣкогда къ Сигизмунду, наэлектризованная сильнымъ движеніемъ, и не вручила ему власти. Прежніе столпы программы «реформы Рѣчи Посполитой» уже сошли со сцены и вымерли, реформаціонное движеніе прошло бесплодно и распалось на мелкія секты, всѣ великія внѣшнія и внутреннія задачи исчезли изъ глазъ народа и пропала самая мысль о какомъ бы то ни было призваніи. Появилось ошибочное понятіе о шляхетской свободѣ, своими пышными

фразами прикрывавшее въ дѣйствительности грубый матеріализмъ, жажду богатства и роскоши. Какъ же иначе и судить эту шляхетскую массу, проявлявшую свою силу въ изворотливыхъ теоріяхъ и вредныхъ крикахъ и неспособную ни къ какимъ согласнымъ и самостоятельнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ въ ней совершенно умерла мысль о пожертвованіи личнымъ благомъ общественному дѣлу? Зато ни въ чемъ не измѣнилась можно-владческая анархія, безкоролья только усилили ее и, что хуже всего, приучили ее искать точки опоры уже не внутри страны, но, о ужасъ! внѣ ея границъ при чужеземныхъ дворахъ.

Что всѣ эти проявленія зла были однако главнымъ образомъ слѣдствіемъ недостатка направленія и воли со стороны тѣхъ людей, которыхъ судьба ставила на польскомъ тронѣ съ начала XVI вѣка, это доказалъ Баторій, порвавшій съ политикой Сигизмундовъ. Онъ не могъ думать о быстромъ, насильственномъ уничтоженіи законовъ, созданныхъ во время безкоролья, о томъ, чтобы вырвать изъ исторіи ту страничку, на которой были записаны безкоролья. Они могли быть устранены только путемъ медленныхъ и осторожныхъ дѣйствій, только послѣ полного измѣненія господствовавшихъ въ народѣ взглядовъ и стремленій. Этотъ путь и избралъ Баторій, но на мѣсто прежней нерѣшительности и двуличности, на мѣсто пустыхъ жалобъ съ высоты трона онъ поставилъ силу убѣжденія, ясную, понятную для каждаго и энергическую рѣшимость и заявилъ, что «хочетъ быть королемъ дѣйствительнымъ, а не нарисованнымъ». Въ политикѣ, которую онъ избралъ, ясно проходятъ два принципа.

Возстановляя здоровую нить, прерванную Сигизмундомъ Старымъ, король основалъ свое правленіе на элементѣ наиболѣе сильномъ и сравнительно наиболѣе здоровомъ, на шляхтѣ. Онъ принялъ мысль шляхты, что король долженъ служить ей примѣромъ, но, давая такой примѣръ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, онъ, съ своей стороны, поставилъ требованіе, чтобы шляхта пошла за этимъ примѣромъ и съ такимъ же увлеченіемъ выполнила свою задачу. Изъ поверхностныхъ, размечтавшихся политиковъ онъ рѣшилъ воспитать поколѣніе, закаленное въ рыцарскомъ ремеслѣ, дисциплинированное въ политическомъ отношеніи и полное горячаго и мужественнаго патріотизма. Это свое отношеніе къ шляхтѣ онъ опредѣлилъ уже при началѣ своего правленія: онъ открыто разорвалъ съ Зборовскими, домомъ, олицетворявшимъ въ себѣ можновладческую анархію, и обошелъ ихъ при раздачѣ должностей, но зато приблизилъ къ себѣ истинный,

но часто уклонявшійся въ сторону шляхетскій талантъ Яна Замойскаго, сдѣлалъ его подканцлеромъ, въ одну минуту излечилъ его отъ мечтаній о свободѣ и ясно доказалъ, что шляхта можетъ еще сдѣлаться положительнымъ элементомъ для государства, лишь бы она была дисциплинирована и приучена къ сильной и ясно сознающей свою цѣль власти. Народъ палъ потому, что замкнулся въ спокойномъ бездѣйствіи, и долженъ былъ подняться съ той минуты, когда снова направить свои силы къ великой задачѣ. Баторій отлично понималъ это. Если Сигизмундъ отрекся нѣкогда отъ энергическихъ дѣйствій на всѣхъ поприщахъ внѣшней политики, оправдываясь внутреннимъ неустройствомъ, отсутствіемъ податей и войска, то Баторій пошелъ прямо противоположнымъ путемъ, справедливо рассуждая, что великое внѣшнее предпріятіе, великая война создастъ и финансы и войско. Среди величайшаго неустройства, съ пустой казною ринулся Баторій въ великія и трудныя предпріятія.

§ 80. *Война 1577—1582.*

Прологомъ великихъ событій стало дѣло Гданска. Этотъ населенный и богатый городъ, лежавшій у выхода Вислы въ Балтійское море, концентрировалъ въ себѣ всю польскую вывозную торговлю, естественной артеріей которой была сплавная Висла, и извлекалъ изъ этой торговли громадныя выгоды. Обезпеченный въ своемъ самоуправленіи, правахъ и привилегіяхъ, окруженный опекой, какую могло ему доставить великое государство, городъ этотъ, населенный нѣмцами, не разъ однако волновался и доставлялъ серьезныя безпокойства Польшѣ. Гданское простонародіе или ремесленники бунтовали противъ купцовъ, патриціевъ, правившихъ въ городѣ, и пользовались при этомъ удобнымъ оружіемъ протестантизма, захватывая для него силою католическія церкви, такъ что уже Сигизмундъ I долженъ былъ въ 1526 году усмирять бунтъ строгимъ примѣромъ, именно казнью нѣсколькихъ предводителей. При Сигизмундѣ Августѣ присоединились новые поводы неудовольствія. Шляхетское движеніе имѣло себѣ заклятаго врага въ городскихъ магнатахъ и сенаторахъ, большіе прусскіе города, опасаясь шляхты, противились униі, а принявши лютеранство, чувствовали себя отдѣленными отъ Польши, въ которой католицизмъ понемногу бралъ верхъ, наконецъ они не мало терпѣли убытковъ въ своей морской торговлѣ

вслѣдствіе ливонской войны. Въ 1569 году жители Гданска сожгли крейсерскую флотилію, вооруженную королемъ для задержанія шведскаго и московскаго мореплаванія, а Сигизмундъ Августъ, вмѣсто того, чтобы сурово наказать эту измѣну и поддержать авторитетъ королевской власти, уладилъ дѣло черезъ комиссаровъ. Такой поступокъ непомѣрно поднялъ духъ бунтовщиковъ и во время безкоролевья они почти разорвали узы, соединявшія ихъ съ Польшей, держали себя, какъ независимое государство, и, когда уже вся Польша признала Стефана, они одни стояли за Максимилиана и хотѣли диктовать условія королю. Неосторожные! они не знали, что имѣютъ дѣло съ Баторіемъ. 24-го сентября 1576 года король обнародовалъ приговоръ, провозглашавшій ихъ виновными въ государственной измѣнѣ, немедленно осадилъ взбунтовавшійся городъ, разсѣялъ войска его подъ Тчевомъ, пригрозилъ отрѣзать его отъ моря и, показавъ ему свой перевѣсъ, принудилъ къ окончательной сдачѣ и покорности въ декабрѣ 1577 года.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, нужно было обратиться на востокъ къ русскимъ землямъ, находившимъ себѣ лишь слабую защиту отъ татарскихъ набѣговъ въ немногочисленномъ квартаномъ войскѣ. Только завоеваніе Крыма, этого главнаго мѣстопробыванія татаръ, могло, какъ мы уже не разъ упоминали, окончательно рѣшить это дѣло, но теперь нельзя было думать о такой великой задачѣ въ виду иныхъ предпріятій, ожидавшихъ Польшу въ другихъ мѣстахъ. Нужно было по крайней мѣрѣ временно помочь злу и, не отягощая другихъ земель Рѣчи Посполитой, создать на самой Руси элементъ, способный къ сильной и дѣятельной оборонѣ. Такой элементъ создавался тамъ понемногу уже издавна, съ начала XVI столѣтія. Старосты пограничныхъ замковъ придавали подвластному имъ населенію военную организацію въ видѣ такъ называемыхъ козаковъ и, отражая татарскія нападенія, сами неоднократно предпринимали вооруженные походы на татаръ. Поэтому значительная часть русскаго и польскаго населенія на восточныхъ границахъ, отрываемая татарами отъ плуга, часто бросала свои занятія и самовольно организовалась въ козаковъ, въ смѣлыя банды авантюристовъ, искавшія себѣ прокормленія не столько въ истребляемой постоянно хозяйственной работѣ, сколько въ разбойничьихъ походахъ, въ отплачиваніи туркамъ и татарамъ зубъ за зубъ. Козачья жизнь со дня на день среди неограниченной свободы и молодецкихъ походовъ имѣла свою прелесть, къ ней привле-

кала и богатая добыча; поэтому къ ней стремилось и бѣжало изъ Польши и Руси угнетенное шляхтою крестьянство, стремились также безпокойныя души изъ среды шляхетской молодежи и люди, бѣжавшіе отъ возмездія правосудія. Между козаками господствовало полное равенство, на стражѣ котораго стояла абсолютная военная власть ихъ вождей, атамановъ. Но идеаломъ козачества сдѣлалась ватага, жившая въ такъ называвшейся Запорожской Сѣчи надъ берегами самаго Днѣпра, которая, избавившись отъ всякаго контроля со стороны государства, совершала самые смѣлые подвиги и на своихъ узкихъ чолнахъ, называвшихся чайками, пускалась на Черное море, составляя предметъ ужаса для богатыхъ прибрежныхъ турецкихъ городовъ. Это былъ слѣдовательно элементъ, сильный своимъ геройскимъ духомъ и еще болѣе сильный уваженіемъ къ власти, которую онъ надъ собою ставилъ. Нужно было его организовать и эксплуатировать для государства. Хотя до сихъ поръ недостаточно еще подтверждено, дѣйствительно ли Баторій осуществилъ эту организацію, велѣлъ записывать ихъ въ реестры и далъ имъ право избранія гетмана, но вѣрно то, что онъ въ своихъ войнахъ употреблялъ козаковъ и притомъ подъ предводительствомъ черкаскаго старосты. Такъ получило козачество первую свою оффиціальную санкцію и центръ въ староствѣ черкасскомъ, около котораго должно было оно собраться, бросивъ своевольную жизнь, а реестровая организація обращала его силы на пользу Рѣчи Посполитой. Подчиненіе козаковъ дисциплинѣ, обезпечивая Русь отъ татарскихъ нападений, вмѣстѣ съ тѣмъ должно было обезпечить Польшу отъ своевольныхъ походовъ козаковъ на турокъ, которые все болѣе начинали подумывать о грозномъ отмщеніи. Миръ съ турками былъ тогда необходимымъ условіемъ для Польши и поэтому Баторій не поколебался вмѣшаться въ дѣла Валахія и казнить смертью Ивана Подкову, предпринявшаго вооруженный походъ на волошкаго господаря Петра. Миръ съ султаномъ былъ необходимою для Польши въ виду событій, готовившихся на сѣверѣ.

Старѣвшійся царь Иванъ Грозный справедливо счелъ избраніе Баторія брошенной себѣ перчаткой и рѣшилъ опередить неприятеля и окончательно порѣшить вопросъ о владѣніи Ливоніей. Но, когда весною 1577 года Иванъ съ огромнымъ войскомъ двинулся на Ливонію и захватилъ всю эту страну за исключеніемъ Ревеля и Риги, Баторій энергически вступилъ въ борьбу, сеймъ за сеймомъ вотировалъ огромныя подати и на сѣверѣ потяну-

лись многочисленные, вооруженные и организованные отряды. Въ 1577 году возвращенъ былъ укрѣпленный Динабургъ и Кесъ и въ то время, какъ болѣе мелкіе польскіе отряды завоевывали Лифляндію, а шведскій король Іоаннъ, пользуясь этимъ, занималъ сѣверные замки въ Эстляндіи, особенно Нарву, главныя польскія силы подъ предводительствомъ Баторія и Замойскаго бросились прямо на Москву. Примѣръ короля подѣйствовалъ на шляхту, въ 1579 году взятъ былъ штурмомъ завоеванный Иваномъ въ 1563 году и теперь храбро защищавшійся Полоцкъ, возвращено было воеводство полоцкое, а въ слѣдующемъ году взяты Велпжъ, Велпкія Лукп и Уевитъ; въ 1581 году побѣдоносное войско двинулось подъ самый Псковъ и осадило этотъ древній городъ.

Великое обаяніе, какимъ пользовался Иванъ у своего народа, велпкая цѣль, къ которой онъ велъ его съ такой настойчивостью, наконецъ слѣное самопожертвованіе со стороны московскихъ солдатъ не имѣли успѣха благодаря недостатку въ хорошей военной организаціи. Зато это была быть можетъ первая война, которую Польша вела посредствомъ новой тактики. Совершенно отказавшись отъ посполитаго рушенья, король дѣйствовалъ однимъ регулярнымъ войскомъ, которое достигало значительной для того времени цифры (50.000 въ 1580 году). Часть его составляли вооруженные отряды, выставленные отдѣльными знатными паннами, которыхъ король съумѣлъ склонить къ этому, возбудивъ ихъ честолюбіе и обѣщавъ имъ должности и награды. Рядомъ съ тяжело вооруженнымъ польскимъ рыцарствомъ (такъ называемымъ гусарамъ, панцырными товарищами) стояла легкая и проворная, но не менѣе храбрая конница козаковъ, сильная артиллерія, наконецъ пѣхота, снабженная огнестрѣльнымъ оружіемъ и состоявшая изъ венгровъ, нѣмцевъ и, дѣло до тѣхъ поръ неслыханное, изъ польскихъ крестьянъ, собранныхъ изъ королевскихъ имѣній путемъ регулярнаго набора (такъ называемая рекрутская или лановая пѣхота). Какъ шляхта пожинала лавры въ битвахъ на открытомъ полѣ, такъ польскій крестьянинъ съ безпримѣрной отвагой взбирался съ топоромъ въ рукахъ на укрѣпленныя стѣны и пріобрѣталъ шляхетство въ награду за геройскіе подвиги. Въ первый разъ показали поляки, что они не только могутъ разбить и разсѣять непріятельское войско, но и умѣютъ осаждать и брать по правиламъ военного искусства укрѣпленныя твердыни. Наряду съ храбростью солдатъ блеснули и таланты предводителей, великихъ и польныхъ гетмановъ, коронныхъ и

литовскихъ: Мелецкаго, Радзивилла, Острожскаго, Сапѣги и ярче всѣхъ блестяль военный геній Замойскаго, который въ этой войнѣ приобрѣль себѣ и канцлерскую печать, и булаву великаго гетмана.

Къ несчастью, результатъ всѣхъ этихъ побѣдъ не соответствовалъ ожиданіямъ. Иванъ, сраженный неудачами, обратился теперь къ апостольской столицѣ, которая еще при Сигизмундѣ Августѣ пыталась обратить его въ католическую вѣру, и заявилъ свою готовность, очевидно лишь наружную, пойти на соглашеніе съ Римомъ, лишь бы Римъ освободилъ его отъ слишкомъ опаснаго сосѣда. Это соответствовало политикѣ Рима, который, не зная московскихъ отношеній, издавна предавался вреднымъ иллюзіямъ въ этомъ смыслѣ. Къ тому же миръ на сѣверѣ облегчалъ дѣло великаго похода противъ турокъ, мысль о которомъ всегда питали папы, равно какъ охотно раздѣлялъ ее и Стефанъ Баторій. Поэтому послѣ долгихъ переговоровъ въ Польшу явился отъ имени папы Григорія XIII честолюбивый и смѣлый иезуитъ, итальянецъ Поссевинъ, отправился къ Ивану и, обманутый его обѣщаніями соглашенія съ Римомъ, старался спасти его изъ тяжелаго положенія; при его посредничествѣ 15-го января 1582 года было заключено между Польшей и Иваномъ перемиріе, названное Запольскимъ миромъ. Это былъ миръ на первый разъ выгодный для Польши, такъ какъ онъ оставлялъ за нею завоеванный Полоцкъ и Лифляндію, и хотя сѣверныя крѣпости остались во владѣніи шведовъ, но все-таки Москва увидѣла себя оттѣсненной отъ того моря, ради котораго велась вся война. Сверхъ того, этотъ миръ избавилъ часть польскаго войска подъ Псковомъ отъ того тяжелаго положенія, въ какое поставила его черезчуръ суровая зима. Баторій могъ его принять и принять потому, что главная цѣль войны, приобретеніе Лифляндіи и отраженіе Москвы отъ моря, была достигнута, а шляхта начала уже жаловаться на дѣйствительно тяжелую войну и изъза новыхъ войскъ и податей могла возникнуть тяжелая борьба съ сеймомъ. Баторій не покинулъ мысли о болѣе рѣшительной расправѣ съ Москвой, но рѣшилъ предпринять ее позже при болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

§ 81. *Иезуиты.*

Но не одна война должна была возродить польскій народъ и поднять его изъ продолжительнаго хаоса. Въ то самое время,

когда событія на сѣверѣ приучали его къ военной дисциплинѣ, во всемъ народѣ проявилось движеніе, стремившееся къ болѣе сильной дисциплинѣ въ области ума и духа. Въ тотъ моментъ, когда Баторій всходилъ на польскій тронъ, реформація, нѣкогда потрясая всю Европу, уже падала и достигла рѣшительнаго преобладанія или могла еще рассчитывать на побѣду только въ сѣверной Германіи, въ Англіи и въ скандинавскихъ государствахъ. Проигравши свое дѣло въ Польшѣ, не достигши своей цѣли, она перестала быть положительнымъ политическимъ факторомъ и въ силу того самаго все болѣе становилась причиною разстройства и общей анархіи. Это очень легко будетъ понять, если только мы вспомнимъ, что протестантизмъ не требовалъ и не создалъ себѣ той самостоятельности, какою обладала католическая церковь, но весь свой бытъ и учрежденія основывалъ на тѣсной связи съ государствомъ и его правительственной властью. Гдѣ эта власть оттолкнула его отъ себя, гдѣ онъ не успѣлъ силою принудить государя къ народной церкви, тамъ онъ неизбѣжно обращался противъ этой власти. Для него сдѣлалась бѣдствіемъ полная свобода вѣроисповѣданія, объявленная въ религіозной конфедераціи 1573 года, такъ какъ она затруднила ему организацію и созданіе церковной власти и облегчила раздѣленіе на различныя секты, среди которыхъ вскорѣ видное мѣсто заняли аріане. Протестантизмъ охватывалъ уже только меньшинство народа и, разнавшись на множество сектъ, взаимно борющихся другъ съ другомъ, пустился въ мелочныя догматическія споры и нерѣдко создавалъ удивительныя теоріи даже на политическомъ поприщѣ. Сторонники его, видя, что ихъ ряды рѣдѣютъ съ каждымъ днемъ, возгорались тѣмъ болѣею страстью, начали тревожно хлопотать о сохраненіи своего положенія и, вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, стремиться къ усиленію правительства, старались ослабить его, чтобы оно своей силой не сдѣлалось имъ опаснымъ. Теперь дошла очередь до католицизма и тотъ самый католицизмъ, который въ средніе вѣка былъ стражемъ общественной свободы, но вмѣстѣ съ тѣмъ во времена своего разстройства и стражемъ политическаго своеволія, теперь, возродившись на тридентскомъ соборѣ и вступивъ въ рѣшительную борьбу съ реформаціей, рѣшилъ показать, что онъ еще лучше реформаціи сѣумѣетъ быть положительнымъ политическимъ дѣятелемъ въ дѣлѣ созданія новаго государства и основою новой, сильной монархической власти. Такъ его съ первой минуты и понялъ Баторій и рѣшилъ воспользоваться имъ для возстановленія дисциплины въ народѣ, для

возвращенія Польшѣ сильной королевской власти. Онъ не думалъ объ употребленіи насильственныхъ средствъ противъ иновѣрцевъ, такъ какъ они пользовались еще въ Польшѣ слишкомъ большой силой, а религіозная вѣротерпимость пустила слишкомъ глубокіе корни въ умахъ народа, чтобы можно было осмѣлиться уничтожить ее ради политическихъ цѣлей. Если бы онъ и покунулся на это, то не нашелъ бы себѣ поддержки, такъ какъ католическое большинство не обладало еще достаточной религіозной ревностью для того, чтобы подъ этимъ лозунгомъ возмущать внутренний миръ и нарушать основной законъ о согласіи различающихся въ вѣрѣ обывателей. Поэтому Баторій неуклонно держался религіозной конфедераціи 1573 года, но поддерживалъ католицизмъ въ предѣлахъ этого основнаго закона, заставляя его побѣждать силою убѣжденія.

Кто же долженъ былъ одержать эту побѣду? Во всякомъ случаѣ не епископы. Это были, правда, уже другіе люди, чѣмъ во времена Сигизмунда Августа, но новый примасъ Карнковскій, искусный защитникъ шляхетскихъ вольностей, и епископы, какъ: Кромеръ, Юрій Радзивиллъ, Соликовскій, Мышковскій, не перестали быть можновладцами, которые, хотя готовы были поддерживать католицизмъ, но главныхъ своихъ лавровъ искали на политической аренѣ и, заботясь о коренной основѣ своего положенія, о доходахъ и имѣніяхъ, собрались въ 1577 году на Петровскій синодъ и, принимая постановленія тридентскаго собора, подняли громкій протестъ противъ запрещенія этимъ соборомъ соединенія нѣсколькихъ бенефицій. Борьбы съ реформаціей не могло предпринять и нисшее свѣтское духовенство, такъ какъ оно не обладало необходимымъ для этого образованіемъ или по крайней мѣрѣ необходимой дисциплиной. Однако еще при Сигизмундѣ Августѣ съ иновѣрцами боролся извѣстный своимъ талантомъ и образованіемъ Станиславъ Оржеховскій, разбивая выставленную реформаціонной шляхтой программу во многихъ сочиненіяхъ, написанныхъ преимущественно по способу платоновскихъ діалоговъ (Romowa około Ekekiusej, 1563. Quincunx t. j. wzór Korony polskiej 1564. Policyna Królestwa Polskiego), и первый въ Польшѣ послѣ реформаціи прославилъ политическую силу католической церкви. Но Оржеховскій, человекъ безпокойной души, слишкомъ рѣзко восхвалялъ нетерпимость, чтобы не возбудить къ ней отвращенія, если не въ священникѣ, то въ шляхтичѣ, велъ открытую соблазнительную борьбу съ собственнымъ епископомъ, женился

на Магдалинѣ Хелмской и обнародовалъ открытое письмо къ папѣ противъ безбрачія священниковъ.

Для борьбы съ реформаціей Польша должна была приобрести, воспитать себѣ молодыхъ бойцовъ, которые подчинялись бы монашеской дисциплинѣ, отличались просвѣщеніемъ и вмѣстѣ примѣрной жизнью, которые хорошо бы знали народъ и умѣли считаться съ его умственнымъ настроеніемъ. Такихъ бойцовъ воспиталъ для Польши орденъ иезуитовъ, возникшій въ Испаніи, организованный на основаніяхъ испанскаго абсолютизма, сильный безусловнымъ повиновеніемъ своимъ начальникамъ, отличавшійся наукой, сконцентрировавшейся вокругъ Тридентскаго собора, и одушевленный вѣрой, пробудившейся на этомъ соборѣ. Иезуитовъ ввелъ въ Польшу кардиналъ Гозій (въ Браунсбергъ въ 1564 году), а стараніями другихъ, убѣжденных имъ епископовъ иезуитскія коллегіи еще въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда Августа возникли въ Пултускѣ, Вильнѣ и Познани. Наибольше способная и образованная польская молодежь толпами бросилась въ новый орденъ. Иезуиты, какъ Скарга, Вуекъ, Гербестъ, Варшевицкій, Латерна могли уже помѣяться силами съ предводителями иновѣрцевъ, Воляномъ, Социномъ, Гличнеромъ и Григоріемъ изъ Жарновца, могли отнимать у нихъ адептовъ, какъ при дворахъ Ходкевичей и Радзивилловъ, такъ и въ многочисленныхъ шляхетскихъ домахъ и хатахъ. Протестанты создали польскій литературный языкъ, католики теперь воспользовались имъ для католицизма. Рядомъ съ протестантскими библіями и отчасти при ихъ помощи возникла польская католическая библія Леополита (1561 г.), а впоследствии еще лучшая, переведенная чисто классическимъ языкомъ, библія кс. Якова Вуйка (1593 и 1599 г.).

Съ той минуты, когда польское общество послѣ долгаго колебанія рѣшительно склонилось въ значительномъ своемъ большинствѣ на сторону католической церкви, окончились и тотъ хаосъ и беспомощность, какіе господствовали до тѣхъ поръ въ дѣлѣ общественнаго образованія и учебныхъ заведеній. Католики и протестанты съ энтузіазмомъ принимаютъ за основаніе школы своего вѣроисповѣданія. Всякая иезуитская коллегія представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и школу и съ каждымъ годомъ возникаютъ новыя коллегіи: въ Ярославѣ, Несвижѣ, Дерптѣ, Луцкѣ, Гданскѣ, Калишѣ, Львовѣ и т. д. Но наряду съ ними возникаютъ и процвѣтаютъ многочисленныя и славныя школы въ имѣніяхъ протестантовъ, особенно въ Пинчовѣ и Раковѣ (аріанъ), въ Бѣлжи-

цахъ, Козьминкѣ, Лешнѣ, Вильнѣ, Кейданахъ и Слуцкѣ (кальвинистовъ и моравскихъ братьевъ), во Всковѣ, Бояновѣ, Торнѣ и Гданскѣ (лютеранъ). Во всѣхъ этихъ школахъ, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ, организованныхъ почти одинаково, молодежь получала общее энциклопедическое образованіе (какъ въ нынѣшнихъ гимназіяхъ), основанное преимущественно на изученіи древнихъ языковъ (особенно у протестантовъ) и ихъ литературы: въ нѣкоторыхъ школахъ сообщались и кое-какія юридическія знанія, для молодежи же, посвящавшей себѣ духовному званію, открывались особыя курсы философіи и теологіи. Въ образованныхъ учителяхъ и въ учебныхъ пособияхъ не было недостатка, наблюденіе надъ іезуитскими школами находилось въ рукахъ начальниковъ ордена (ректоровъ, провинціаловъ, генерала), наблюденіемъ же надъ протестантскими школами занимались ихъ многочисленныя синоды и власти. Но наилучшее наблюденіе обезпечивалось благотворнымъ соперничествомъ протестантскихъ и католическихъ школъ, благодаря которому народное просвѣщеніе достигло высшаго своего апогея, распространилось, какъ никогда раньше, и на низшіе слои народа и, что составляетъ величайшую его заслугу, пробилось на широкое пространство востока, неся съ собой полонизацію и культуру.

Наиболѣе существенной однако и характерной чертой тогдашняго просвѣщенія и литературы, называемой литературой золотого вѣка, было разрѣшеніе великой культурной задачи. Последнюю породилъ сто лѣтъ назадъ гуманизмъ, который воскресилъ классическій, языческій міръ и заполонилъ имъ временно христіанскій элементъ новой цивилизаціи. Реформація возстала насильственнымъ образомъ за право этого послѣдняго, боролась съ его помощью и ради его защиты, но не сумѣла гармонически соединить и примирить его съ классическимъ элементомъ. Только теперь истинныя сокровища древняго просвѣщенія помѣстили на христіанской основѣ и научились пользоваться ими не ради слѣпого подражанія, не ради нарушенія основнаго христіанскаго взгляда, который послѣ многихъ переворотовъ одержалъ славную побѣду, но для углубленія и обогащенія знанія, для выработки формы, для облагороженія и возвышенія чувства и воображенія. Это направленіе просвѣщенія приобрѣло новую силу благодаря тому, что сумѣло привиться на народной почвѣ, что, пользуясь народнымъ языкомъ, оно развивалось и дѣйствовало въ народномъ духѣ. Въ польской литературѣ оно приобрѣло себѣ наиболѣе яркаго представителя въ

поэтъ изъ Чернаго лѣса, Янъ Кохановскомъ. Въ его сочиненіяхъ нѣтъ той религіозной ревности, той политической жилки, которая такъ ясно отличаетъ Рея изъ Нагловницъ, но въ его пѣсняхъ и элегіяхъ, въ его переводѣ псалмовъ, въ его феноменальной для того времени драмѣ «Отправленіе послдовъ» насъ поражаетъ внутреннее спокойствіе человѣка, сѣумѣвшаго гармонически соединить боровшіеся до тѣхъ поръ между собою элементы, мастерское соединеніе прекрасной формы и богатой мысли, свобода слова, классическая простота и вмѣстѣ съ тѣмъ глубина чувства и воображенія. Тотъ, кто сѣумѣлъ безъ анахронизмовъ вывести на сцену фактъ, взятый изъ Троянской войны, двѣ тысячи лѣтъ спустя послѣ паденія древняго просвѣщенія и искусства, проникъ въ самую глубину его; тотъ, кто былъ въ состояніи создать произведеніе, напоминающее лучшіе образцы Софокла, на польскомъ языкѣ, еще такъ недавно сдѣлавшимся литературнымъ, владѣлъ этимъ языкомъ, какъ никто; но тотъ, кто успѣлъ влить въ эти формы польскій духъ, кто сѣумѣлъ воспользоваться въ нихъ всѣми культурными завоеваніями своего народа и въ глубокомъ взглядѣ на нихъ возвыситься до пророчества, къ сожалѣнію, какъ мы видимъ теперь, истиннаго, являлся настоящимъ художникомъ. Поэтому сочиненія Кохановскаго сдѣлались школой для потомковъ, воспитывали поколѣнія и обезпечили побѣду тому направленію, которое, примиря возрождающуюся древнюю науку съ христіанствомъ, создавало новую и прочную основу для просвѣщенія народа и, неразрывно соединяя его съ Западомъ, давало ему возможность смѣлаго и рѣшительнаго развитія.

Но дѣйствительно ли была достаточна система образованія, развивавшагося на этой основѣ, дѣйствительно ли она заключала въ себѣ условія прочности и развитія, это другой вопросъ. Нѣтъ и нѣтъ, отвѣчаетъ исторія. Прежде всего не доставало высшихъ школъ, не доставало университетовъ, въ которыхъ наука могла бы самостоятельно и свободно развиваться и упрочиваться. Въ краковскомъ университетѣ снова выступило нѣсколько людей новаго направленія, особенно Яковъ Гурскій, появились попытки реформы, которыя король усердно поддерживалъ, но для рѣшительной реформы у него не было ни возможности, ни времени. Канцлеръ Баторія сознавалъ настоятельную нужду и старался удовлетворить ей основаніемъ юридическо-медицинской академіи, но основанная Яномъ Замойскимъ въ 1595 году въ Замостьѣ академія вслѣдствіе отсутствія надлежащихъ средствъ не приобрѣла себѣ особенно большаго значенія и могла только удовле-

творять гордость знатнаго пана своимъ именемъ. Людей съ общимъ образованіемъ, на все способныхъ было въ Польшѣ даже съ избыткомъ, но зато въ основательно образованныхъ естественникахъ, врачахъ, техникахъ и юристахъ все болѣе ощущался недостатокъ, такъ какъ мало кто имѣлъ возможность, охоту и средства, чтобы образовываться за границей въ этихъ спеціальныхъ отрасляхъ знанія и искусства. Сыновья знатныхъ пановъ, отправляясь за границу, искали тамъ обыкновенно только общаго образованія и свѣтскаго блеска.

Существовавшія въ Польшѣ школы, основанныя и поддерживаемыя разными религіозными вѣроисповѣданіями, должны были прежде всего и служить цѣлямъ церкви и только затѣмъ, на второмъ планѣ, цѣлямъ просвѣщенія. Каждая школа воспитывала возможно болѣе ревностныхъ сторонниковъ своего вѣроисповѣданія, учила ихъ презрѣнію къ другимъ, подготовляла къ борьбѣ и посвящала обученію религій и церковнымъ обрядамъ время и силы молодежи, доводя это до крайняго преувеличенія. Но, тогда какъ школы протестантовъ, которые подъ вліяніемъ растущаго притѣсненія все болѣе наполнялись враждою къ народу и государству, вливали эту вражду въ сердца и умы своихъ учениковъ, приготовляя изъ нихъ матеріалъ для будущихъ нарушителей порядка въ государствѣ и отступниковъ отъ отечественнаго дѣла, іезуитскія школы, побѣждавшія благодаря поддержкѣ правительства и большинства народа, держались иного направленія. Несмотря на безусловную централизацию, составлявшую основу ордена іезуитовъ, послѣдніе приспособляли направленіе своихъ школъ къ политическимъ условіямъ отдѣльныхъ народовъ. Революціонеры, доходившіе до теорій царубійства тамъ, гдѣ государь оказывался врагомъ католицизма, они въ Польшѣ безусловно поддерживали благопріятствовавшаго имъ монарха, учили, что королевская власть происходитъ прямо отъ Бога, что религіозное своеволіе порождаетъ политическіе раздоры, что абсолютная монархія представляетъ изъ себя наилучшую форму правительства, въ качествѣ таковой указанную и Священнымъ писаніемъ, и съ церковной кафедры слышались слова, что Польша падаетъ вслѣдствіе своего своеволія и предпочтенія частныхъ интересовъ, вслѣдствіе отсутствія правительства и неуваженія къ королевской власти. Не долженъ ли былъ Стефанъ Баторій поддерживать такое направленіе основаніемъ іезуитскихъ коллегій и школъ? Основанныя имъ на самой границѣ Рѣчи Посполитой въ Полоцкѣ и Ригѣ, онѣ вмѣстѣ съ коллегіей виленской, въ

1578 году возвышеннои до значеніи академіи, должны были путемъ распространенія просвѣщенія и католичества обезпечить эти границы для Польши и вмѣстѣ съ тѣмъ создать исходный пунктъ для дальнѣйшаго движенія на сѣверъ.

§ 82. *Внутреннія реформы.*

Мудрое и великое царствованіе Баторія вновь расширило кругозоръ польской мысли, поразительнымъ образомъ начавшій стѣсняться во время безкоролевій. Прекратившаяся со времени Длугоша истинная исторія вновь возстала съ Рейнгольдомъ Гейденштейномъ, который, не щадя горькой правды и съ большимъ талантомъ, по внушенію Замойскаго обрисовалъ исторію безкоролевья и царствованія Баторія и одну часть этой исторіи, о московской войнѣ, окончилъ и напечаталъ уже въ 1584 году. Удивительно, какъ сильно война отрезвила умы поляковъ и подняла ихъ надъ уровнемъ грязныхъ интригъ и бурныхъ ссоръ. Сеймы, происходившіе до войны, отказывали въ налогахъ и, удовольствовавшись жалобами на короля, расходились ни съ чѣмъ. На сеймахъ, происходившихъ во время войны, не было недостатка въ жалобахъ, но не было недостатка и въ благотворныхъ законахъ и прежде всего въ установленіи налоговъ.

На сеймѣ 1578 года по инициативѣ короля и Замойскаго осуществилась давно ожидавшаяся новая судебная организація. Для дѣлъ уголовныхъ, гдѣ затрогивалась честь или жизнь шляхтича, оставлялся сеймовой судъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ короля, для дѣлъ финансовыхъ и городскихъ послѣдней инстанціей служили суды ассессорскіе подъ предсѣдательствомъ канцлеровъ (короннаго и литовскаго), для разрѣшенія же апелляцій отъ судовъ земскихъ и городскихъ въ дѣлахъ шляхты и духовенства установленъ былъ высшій судъ, такъ называемый трибуналь. Трибуналь этотъ долженъ былъ ежегодно отправлять двѣ сессіи, одну для дѣлъ великопольскихъ въ Петровѣ, другую для дѣлъ малопольскихъ въ Люблинѣ. Нѣсколько позднѣе трибуналу были подчинены также королевская Пруссія и воеводства Волынское, Кіевское и Брацлавское, что было большимъ шагомъ на пути къ болѣе тѣсной уніи и полонизаціи этихъ въ значительной степени еще отдѣльныхъ провинцій. Во главѣ трибунала стоялъ маршалокъ, судьи же состояли изъ депутатовъ шляхты, ежегодно выбравшихся на воеводскихъ сеймикахъ. Въ рѣшеніи духовныхъ

дѣлъ принимали участіе и духовные депутаты, выбиравшіеся кааедральными капштулами въ числѣ шести. Рѣшенія постановлялись по большинству голосовъ. По образцу короннаго трибунала въ 1581 году былъ введенъ особый трибуналъ для Литвы, судившій по-очереди въ Вильнѣ и Гроднѣ. Благодаря установленію трибуналовъ совершенно пали прежнія судебныя вѣча, уменьшилось количество работы на сеймовыхъ судахъ и были реформированы суды первой инстанціи, земскіе и гродскіе. Первые занимался дѣлами, касающимися поземельныхъ имѣній, и происходили обыкновенно три раза въ годъ. Вторые сильно расширили свой первоначально ничтожный кругъ дѣятельности, такъ какъ наравнѣ съ наказаніемъ преступниковъ, схваченныхъ на мѣстѣ преступленія, и исполненіемъ приговоровъ всѣхъ другихъ судовъ приняли также на себя всѣ гражданскія дѣла, не предназначенныя для земскаго суда, т. е. не касавшіяся поземельныхъ имѣній. Хотя во всей этой судебной организаціи существовали пробѣлы и ошибки, а ежегодный выборъ депутатовъ не давалъ судьямъ необходимой независимости, но тѣмъ не менѣе эта организація была огромнымъ шагомъ впередъ и выраженіемъ того организаціоннаго чувства, какое еще сохранилось въ народѣ.

Великую судебную реформу сопровождали многія законодательныя работы, изъ которыхъ слѣдуетъ назвать установленіе ипотеки въ формѣ, которая только впоследствии развилась за-границей. Въ 1576 году Мазовія совершенно сравнялась въ отношеніи законовъ съ Короной, оговоривъ себѣ на мѣсто прежняго статута только немногія отдѣльныя предписанія, такъ называемыя Ехсорта. Въ дѣствіе люблинской уніи оказалась необходимой третья редакція литовскаго статута и надъ ней работали, соображая ее съ польскимъ правомъ, такъ усердно, что уже сеймъ 1588 года (первый послѣ смерти Стефана и выбора ему преемника) могъ утвердить ее.

Много финансовыхъ улучшеній ввелъ податной универсалъ 1578 года, который на долгое время послужилъ образцомъ и указаніемъ для позднѣйшихъ. Удержаны были прежнія податп: 1) поголовная, платившаяся людьми, предававшимися извѣстнымъ занятіямъ, поровну, независимо отъ большаго или меньшаго дохода¹⁾, 2) подоходная, платившаяся съ извѣстныхъ доходовъ по

¹⁾ Поголовную подать платили въ деревняхъ: загородники, коморники, люди вольные (поденшики), лавочники и торговки, ремесленники, рыбаки, корчмари, смоляры, угольщики, плавильщики, кузнецы, промыщники, со-

мѣръ пхъ высоты и особенно съ пашень (лановое)¹⁾, городскихъ домовъ (шось)²⁾, пивоваренъ (чоповое) и многихъ другихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій³⁾, 3) ввозныя и вывозныя пошлины⁴⁾. Но обращая подати поголовныя, насколько это было возможно, въ подходныя, привлекая къ участию въ податяхъ больше зарабатывающихъ классовъ и больше предпріятій, подробно опредѣляя подлежащіе обложенію предметы, а главное обдумывая лучшій способъ собранія податей и контроля, старались удовлетворить требованіямъ справедливости и повысить общій доходъ съ податей.

Подати собирали установленные для воеводствъ и земель сборщики со своими помощниками и передавали ихъ такъ называвшимся шафарямъ, которыхъ было пять: для Великой Польши, Мазовіи, Малой Польши, русскихъ земель и Литвы; наконецъ шафари каждую четверть года передавали собранныя деньги шафарю, находившемуся при войскѣ въ лагерьъ и по приказанію короля выплачивавшему изъ нихъ жалованье войску. Сборщики

лодовники, мастеровые и подмастерья; въ городахъ и мѣстечкахъ: ремесленники (золотыхъ дѣлъ мастера, рѣзники, пекарп, цирюльники, аптекари, прасолы, т. е. торгующіе солью, портные и скорняки), купцы, разносящіе или развозящіе товары, торговцы лошадьми, жильцы и жилицы, перекупщики и перекупщицы, поденщики, наемники и наконецъ евреи, на которыхъ однако въ 1581 году наложили общую сумму въ тридцать тысячъ польскихъ злотыхъ.

¹⁾ Лановое платили кмети и солтысы, имѣвшіе свои земли въ королевскихъ, духовныхъ и шляхетскихъ имѣніяхъ, и мелкая шляхта, не имѣвшая крестьянъ и собственноручно обрабатывавшая землю. Платили извѣстную сумму съ cadaго лана или волоки въ Коронѣ, съ каждой службы или дыма или трубы (такъ называемое подымное), въ Литвѣ, съ cadaго плуга, выходящаго на работу въ кп. Галицкомъ, а часть вычитали изъ десятинъ.

²⁾ По высотѣ этой подати различали дома въ городахъ и дома въ мѣстечкахъ, дома на рынкѣ, на улицяхъ и въ предмѣстьяхъ.

³⁾ Платили отъ винокурни съ котла, въ розничной продажѣ водки съ кварты; въ производствѣ пива, меда, тройняку (крѣпкаго меда), и малиноваго меда съ бочки, равно какъ и въ продажѣ; отъ мельницъ, лѣсопиленъ, сукноваленъ, валяленъ, бумажныхъ фабрикъ, желѣзныхъ и стеклянныхъ заводовъ съ cadaго колеса; корабельщики съ каждой собственной лодки, расшивы и плашкота на Нѣманѣ и Вислѣ; овчары отъ каждыхъ десяти овецъ; наконецъ дававшіе деньги на проценты отъ ста злотыхъ, данныхъ займамъ.

⁴⁾ Ввозныя пошлины съ пива гданскаго, свидницкаго и глоговскаго съ винъ венгерскихъ, эйдембургскихъ, австрійскихъ, чешскихъ, рейнскихъ, губинскаго, кросинскаго, волошскаго, итальянскихъ и испанскихъ; вывозныя платили только купцы со скота, хлѣба и лѣсныхъ товаровъ (золы, смолы, влѣпокъ, бочарныхъ досокъ, строевого лѣса, мачтъ, бревенъ и драни.

и шафари представляли отчеты на ближайшемъ сеймѣ. Податныя недоимки взыскивались городскими старостами.

Для реформы коренной, для устранения тѣхъ ошибокъ, которыя вкрались въ польскіе финансы въ первые годы царствованія Сигизмунда Старого, не хватало очевидно необходимыхъ условій. Поэтому и впредь продолжало существовать полное исключеніе шляхты, владѣвшей имѣніями, и духовенства отъ пошлннъ и отъ всякаго личнаго или подоходнаго налога. Шляхты оправдывалась еще своей военной службой въ посполитомъ рушеніи, хотя оно не имѣло никакой цѣнности и хотя Баторій совершенно не прибѣгалъ къ нему; духовенство защищалось только своей привилегіей. По отношенію къ этому наиболѣе богатому классу король долженъ былъ обращаться только къ его добровольнымъ пожертвованіямъ (*subsidium charitativum*), не будучи въ состояніи сломить общаго предразсудка и эгоизма. Баторій обладалъ однако большимъ политическимъ тактомъ и, такъ какъ католическое духовенство не платило податей, то онъ освободилъ отъ личныхъ налоговъ и духовенство Восточной церкви. Но каковы бы ни были недостатки податной системы, остается фактомъ, что сеймы и сеймики давали королю почти постоянныя подати, каждый разъ на два года, въ немаломъ размѣрѣ и что на эти подати можно было вести долгую и тяжелую войну.

Хуже шло дѣло съ проектами политическихъ реформъ. Сеймъ 1581 года, происходившій во время войны, зашелъ, правда, такъ далеко въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, что самъ пожелалъ отъ короля представленія проекта лучшаго порядка избранія, но слѣдующій сеймъ 1582 года отвергъ предложенный ему проектъ избранія и вмѣсто уваженія, слѣдовавшаго побѣдителю, доставилъ ему непріятности и затрудненія.

Шляхта не оставалась равнодушной къ успіямъ Баторія, который видимо хотѣлъ опереться на ней и съ ея помощью исправить испорченный строй Рѣчи Посполитой. Доктринеры пчезали, часть просвѣщенной шляхты по примѣру Яна Замоискаго и способнаго маршалка посольской избы Святослава Оржельскаго возвышалась до политической и чисто патріотической точки зрѣнія, даже болѣе мелкая шляхта оказывала королю ту безусловную покорность, какую всегда вызываютъ въ массахъ дѣйствительно великіе люди. Представителемъ этого новаго поворота въ умахъ шляхты сдѣлался Лука Гурицкій, въ своихъ политическихъ произведеніяхъ (*Разговоръ объ избраніи, законѣ и свободѣ—Rozmowa o elekcyjej, wolności i prawie*, и *Путь къ полной свободѣ—*

Droga do zupełnej wolności), пропагандировавший усиление королевскаго правительства и основаніе его на шляхтѣ. Но зерно олигархіи, посѣянное обоими Сигизмундами и разросшееся во время безкоролевій, заполонило эту плодородную почву густыми плеведами. Мажновладство, насквозь пропитанное ядомъ анархіи, нашло доступъ къ шляхтѣ, который при Августѣ былъ счастливымъ образомъ закрытъ для него. Оскорбленное возвышеніемъ выскочки Замойскаго и шляхетскою полптикой Стефана, оно нашло среди шляхты элементы, которые часто по отсутствію характера, а еще чаще по своему ограниченному и близорукому патриотизму могли быть употреблены орудіемъ противъ самыхъ спасительныхъ намѣреній, короля. Послы этого рода, какъ Казимерскій, Пенкославскій, Немоевскій, выручали на сеймѣ болѣе осторожныхъ пановъ, и хотя въ дѣлѣ московской войны и они должны были замолчать, но зато тѣмъ смѣлѣе поднимали они голову въ дѣлѣ внутреннихъ реформъ, тѣмъ сильнѣе выступали на защиту угрожаемой свободы или вѣрнѣе своеволія. Инструкціи ловко возмущаемыхъ сеймиковъ и обращеніе единогласія въ парламентскій принципъ облегчаютъ имъ дѣло. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Польшѣ пала реформація, соединявшая всѣхъ въ одномъ стрѣмленіи, исчезло изъ польскаго сейма и то похвальное явленіе, что меньшинство подчинялось волѣ серьезнаго большинства. Въмѣсто того, чтобы обратить этотъ обычай въ законъ, теперь во время общаго разстройства и разъединенія партій, каждая изъ нихъ начала съ такою настойчивостью упираться на своемъ мнѣніи, такъ мало принимать во вниманіе общее благо народа, что всѣ онѣ, каждая боясь за себя, возвратились къ первоначальному единогласію. Нѣсколько пословъ были уже въ состояніи уничтожить самыя похвальныя усилія большинства.

У Баторія не было недостатка въ вѣрномъ взглядѣ на польскія отношенія, не было недостатка и въ планахъ, какъ бы надлежало устроить и реформировать ихъ. Наилучшимъ доказательствомъ этого служить организація только что завоеванной Лифляндіи, окончательно осуществленная на сеймѣ 1582 года. Страна была раздѣлена на три президенства, соотвѣтствовавшія польскимъ воеводствамъ. Президенты съ подкоморіями и хорунжими при себѣ пользовались всею уголовною и военною властью и были безусловно подчинены приказаніямъ короля или его наместника. Еслибы удалось провести этотъ духъ дисциплины и послушанія въ польской чиновнической іерархіи, устранить вредную власть воеводъ и каштеляновъ, поднять павшее значеніе

гродскихъ старостъ, поставить ихъ во главѣ вооруженной исполнительной власти и сдѣлать ихъ сильнымъ, безошибочнымъ орудіемъ въ королевскихъ рукахъ; тогда можно было бы легко плавать по бурному морю сеймовъ и сеймиковъ, можно было бы взяться за болѣе смѣлую реформу самихъ сеймовъ и избранія. Какъ московская война создала Баторію опытныхъ, собранныхъ подъ хоругвью великаго гетмана Замойскаго и готовыхъ на всякій призывъ солдатъ, такъ мудрый и послѣдовательный подборъ гродскихъ старостъ долженъ былъ доставить ему готовые кадры для новой политической организаціи. Вносить проекты на сеймики и сеймы для того, чтобы только часть шляхты одѣлила и поддержала ихъ, а другая, взволнованная вельможами, успѣла ихъ уничтожить, значило компрометировать себя. Не пускаясь поэтому въ этотъ трудный и въ концѣ концовъ безрезультатный путь, Баторій по возвращеніи своемъ изъ московской войны рѣшился принять самыя энергическія мѣры, уничтожить анархическое можновладство и доказать совращенному съ пути народу, что онъ не на вѣтеръ бросилъ на сеймѣ слова: «я хочу править и приказывать и не потерплю, чтобы кто-нибудь мнѣ приказывалъ». Уже во время московской войны пала подъ топоромъ палача голова литовскаго сенатора, сносившагося съ Иваномъ, пзмѣнника Осцика, теперь по приказанію короля пала (1584 г.) подъ топоромъ палача въ Краковѣ голова Самуила Зборовскаго, котораго еще король Генрихъ за убійство Ваповскаго осудилъ на изгнаніе и который, насмѣхаясь надъ этимъ приговоромъ, осмѣлился гордо и шумно ѣздить по всему краю. Это была перчатка, брошенная можновладству и особенно главнѣйшимъ представителямъ его въ Малой Польшѣ, Зборовскимъ. Король вызывалъ олигархію на рѣшительную борьбу, въ которой она должна была въ послѣдній разъ употребить все свои силы, вызвать страшнѣйшую бурю для того, чтобы съ тѣмъ большимъ шумомъ пасть и доставить оскорбленному закону тѣмъ болѣе славную побѣду. Дѣйствительно, ожиданія и сбылись. Не было средства, котораго не употребили-бы Зборовскіе и поддерживавшіе ихъ можновладцы для возстановленія сеймиковъ противъ короля и Замойскаго. Но о, диво! Не только нельзя было возстановить всѣхъ сеймиковъ, но на всѣхъ сильная партія встала за короля, а нѣсколько сеймиковъ осмѣлились даже рѣшительно выразить свое сочувствіе наказанію преступника. Это первое проявленіе спльнаго правительства настолько же наполнило однихъ ужасомъ, насколько въ другихъ пробудило чувство гордости и зависти. На сеймѣ 1585 г.

объ партіи совершенно сравнялись силами. Король на крики отвѣчалъ призываніемъ Крыштофа и Андрея Зборовскихъ въ сеймовой судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ (въ видѣ тайныхъ переговоровъ съ Москвою и Австріей и заговора на особу короля); для чего у него въ избыткѣ имѣлись доказательства, и, не давая ни угрозамъ, ни лести пановъ сбить себя съ разъ избраннаго пути, съ согласія сената осудилъ ихъ на потерю чести и изгнаніе.

Этотъ страшный примѣръ подѣйствовалъ. Крики утихли и король тѣмъ смѣлѣе занялся новымъ военными планами. Мысль о крестовомъ походѣ противъ турокъ приходилось отложить въ виду опасности, грозившей Польшѣ съ сѣвера. Для войны же съ Москвою появились благоприятныя условія. Въ 1584 году умеръ царь Иванъ Грозный, а его сынъ и преемникъ Федоръ былъ слабъ умомъ, и потому внутреннія отношенія Москвы подверглись разложенію и ея покореніе казалось дѣломъ болѣе легкимъ, чѣмъ когда-бы то ни было. Баторію удалось склонить къ лозунгу «черезъ Москву на Турцію» Поссевина, а черезъ него и новаго папу Секста V и склонить послѣдняго къ значительнымъ денежнымъ субсидіямъ. Когда же король призвалъ народъ къ новой великой войнѣ съ Москвою, сеймики приняли это воззваніе безъ ропота. Въ эту минуту среди военныхъ приготовленій, среди пробужденія самыхъ смѣлыхъ надеждъ, какъ громъ съ яснаго неба, пала на страну вѣсть о внезапной смерти Баторія. Великій король умеръ въ Гроднѣ 12-го декабря 1586 года, повидимому, отъ болѣзни сердца.

§ 83. *Замойскій остается господиномъ положенія въ безкорольеве 1587—1588 и.*

Въ одну минуту прервалась великая и великолѣпная дѣятельность Баторія, но никто въ тогдашней Польшѣ не думалъ, чтобы влѣдствіе этого самаго должно было рухнуть зданіе реформы Ръчи Посполитой, на половину уже оконченное. По смерти короля Стефана оставался однако Замойскій, участникъ и сотрудникъ въ самыхъ тайныхъ его планахъ и естественный наследникъ ихъ. Канцлерство и гетманство, а затѣмъ пожалованіе громадныхъ имѣній доставили ему большую власть, супружество на племянницѣ короля Баторія, Гризельдѣ, возвысило его значеніе и наконецъ самыя клеветы, которыя распускали про него Зборовскіе,

неосторожно отождествлявшіе его съ Баторіемъ, выставяли могущество Замойскаго въ еще болѣе грозномъ свѣтѣ въ глазахъ народа. Вѣрили и боялись, что великій гетманъ, призвавъ на помощь свои закаленные въ московской войнѣ и слѣпо преданные ему отряды, сломятъ всякое сопротивление и или провозгласитъ себя королемъ или, по крайней мѣрѣ, навсегда уничтожитъ и сократитъ значеніе олигархіи въ новомъ строѣ Рѣчи Посполитой.

Значеніе Замойскаго однако слишкомъ преувеличавали, возлагая на его отвѣтственность много дѣлъ, истиннымъ творцомъ которыхъ былъ не онъ, но Стефанъ Баторій. Необыкновенные таланты гетмана и канцлера, его основательное образованіе, увлекательное краснорѣчіе и неизмѣнная смѣлость ставили его выше всей массы шляхты еще тогда, когда онъ шелъ по ошибочному доктринерскому пути. Здравый разумъ и непорочный характеръ сдѣлали его въ рукахъ Баторія политическимъ дѣятелемъ и энергической подпорой задуманной реформы. Но польская почва, польское земледѣльческое общество очевидно не въ состояніи были создать человека съ такимъ честолюбіемъ и съ такой душевной силой, какія были необходимы для самостоятельнаго довершенія дѣла Баторія. Когда Баторія не стало, Замоискій остается еще великимъ вождемъ, остается здравомыслящимъ политическимъ дѣятелемъ, остается магнатомъ, ставящимъ любовь къ отечеству выше оскорбленнаго самолюбія, но онъ слишкомъ дорого цѣнитъ то, чѣмъ уже владѣлъ, чтобы быть готовымъ ради проведенія своего политическаго принципа всемъ пожертвовать и все поставить на карту всегда невѣрной судьбы. Въмѣсто того, чтобы смѣлымъ дѣйствіемъ опередить противниковъ и пресѣчь ихъ интриги, Замоискій устраняется отъ всего политическаго движенія и позволяетъ Зборовскимъ и ихъ партіи завладѣть сеймиками и предводительствовать на конвокаціонномъ сеймѣ, а самъ, вставши въ сторонѣ и окруживъ себя войскомъ, ожидаетъ, пока придутъ къ нему и будутъ принуждены сводить съ нимъ послѣдніе счеты. Была извѣстная выгода въ разыгрываніи этой роли невинной, притѣсняемой жертвы. Зборовскіе, предоставленные самимъ себѣ на конвокаціонномъ сеймѣ, совершили столько неловкостей, такъ плохо скрывали свою личную ненависть къ Замоискому, что шляхта, сперва искусственно возбужденная противъ послѣдняго, начала толпами переходить на его сторону. На избирательномъ полѣ подъ Варшавой въ іюнѣ 1587 года стояли другъ противъ друга два укрѣпленные лагеря, окруженные валами, снабженные пушками и оружіемъ: лагери

Замойскаго и Зборовскихъ съ ихъ сторонникамп. Пруссія и Литва держались въ сторонѣ и ожидали побѣды одного изъ двухъ противниковъ. Для Замойскаго это была уже послѣдняя минута, когда возможны были рѣшительныя дѣйствія.

Въ кровавой битвѣ великій канцлеръ и гетманъ могъ сразу одолѣть не сторонниковъ другого кандидата на польскій тронъ, но сторонниковъ вѣчной анархїи и, пользуясь побѣдой, могъ лишить ихъ голоса при избранїи, чиновъ, должностей и имѣній, могъ провозгласить королемъ себя или кого другого и если уже не провести наследственности династїи, то, по крайней мѣрѣ, продиктовать полную реформу сейма и правительства и уничтожить пагубные законы 1573 года, которые не могли быть устранены инымъ путемъ, а между тѣмъ губили въ гнилой горячкѣ наиболѣе жизненныя силы народа. Замойскій предпринялъ борьбу, но не рѣшился начать ее во имя порядка и власти, а предпринялъ во имя своего кандидата на польскій тронъ, шведскаго королевича Сигизмунда, котораго онъ со своей партїей и провозгласилъ польскимъ королемъ. Зборовскіе отвѣчали избранїемъ эрцгерцога австрійскаго Максимилиана. Началась война, во время которой Максимилианъ, на голову разбитый Замойскимъ подъ стѣнами Кракова и при Бычницѣ въ Слезїи, попался въ плѣнъ и только отреченїемъ отъ кандидатуры на польскій тронъ купилъ себѣ свободу. Такимъ образомъ Сигизмундъ побѣдилъ, но «раста сопвента» и единогласіе на сеймахъ не испытали ни малѣйшаго ущерба. Замойскій умѣлъ выигрывать битвы, но не видѣлъ, когда и кого слѣдуетъ побѣждать. Приверженцы анархїи вышли цѣлыми изъ смуты, получили прощенїе и милость и тѣмъ самымъ одержали дѣйствительную побѣду, а внесенные Замойскимъ слишкомъ поздно на ближайшихъ сеймахъ проекты установленія порядка избранія и введенія большинства голосовъ для сеймовыхъ рѣшеній совершенно пали влѣдствіе отсутствія требовавшагося единогласія.

Спрашивается теперь, почему выборъ Замойскаго палъ на Сигизмунда. Не выставляя собственной кандидатуры, Замойскій могъ думать о двухъ кандидатахъ: царѣ московскомъ Федорѣ, сынѣ и преемникѣ Ивана, и королевичѣ шведскомъ Сигизмундѣ. Оба были молоды и неопытны, обонимъ надѣялся управлять Замойскій, оба приносили Польшѣ обаяніе величія, къ которому стремился и котораго сильно желали и она и Замойскій для своихъ цѣлей. За Федора говорили огромныя политическія выгоды, соединеніе съ Москвою со времени перваго безкоролья не

переставало быть мечтой Замоискаго, оно было необходимымъ условіемъ рѣшительнаго отраженія и побѣды надъ полумѣсяцемъ, который долго удерживался, но теперь каждую минуту намѣревался броситься на Польшу со всею своею силой. Федоръ, чело-вѣкъ мягкаго характера, тоже горячо желалъ польской короны, не ставя п такихъ условій, какъ Иванъ, и съ этою цѣлью высылалъ посольства; за него стала, какъ одинъ чело-вѣкъ, Литва, стали сторонники Замоискаго и прежде всего самъ Замоискій. Но народъ, который только что возвратился къ католичеству и религиозною ревностью старался загладить временное отступничество, не хотѣлъ уже теперь посадить на свой тронъ исповѣдника православной церкви, а Федоръ не могъ отступить отъ этой церкви, и объ это препятствіе разбилося все дѣло. Такимъ образомъ оставался королевичъ шведскій Сигизмундъ. И его выборъ также сопровождался политической мыслью. Въ наиболѣе жизненномъ своемъ внѣшнемъ дѣлѣ, въ борьбѣ изъ-за Балтійскаго моря, каждую минуту грозившей новой вспышкой, Польша нуждалась въ союзникѣ, и такимъ союзникомъ могла быть Швеція. На тронѣ ея сидѣлъ Іоаннъ Ваза, нѣкогда герцогъ финляндскій, мужъ Екатерины Ягеллонки, сестры послѣдняго Ягеллона, и плодомъ этого союза былъ именно Сигизмундъ. Какъ наследственный владѣлецъ шведскаго трона, связанный съ Польшей своимъ рожденіемъ и католическимъ воспитаніемъ подъ руководствомъ іезуитовъ, Сигизмундъ обезпечивалъ совмѣстныя дѣйствія Швеціи съ Польшей, а въ видѣ подарка при вступленіи своемъ на польскій тронъ—такъ было условлено въ «*tracta conventa*»—долженъ былъ принести послѣдней не только отреченіе отъ всякихъ притязаній на Лифляндію, но и уступку Эстляндіи. Поэтому-то Замоискій, по принципу противникъ Габсбургскаго дома, предложилъ кандидатуру Сигизмунда въ короли и осуществилъ ее, ни на минуту не сомнѣваясь, что найдетъ въ немъ готовое орудіе и поддержку.

§ 84. Политика Сигизмунда III.

Съ той минуты однако, когда Сигизмундъ III вступилъ на польскую землю и въ первый разъ встрѣтился съ канцлеромъ, послѣдній увидѣлъ, что его надежды обмануты, и, спрашивая сопровождавшаго короля Леснёвольскаго: «какіе нѣмые черти привезли его къ намъ?» показалъ, что сразу понялъ новое положеніе. Польша нуждалась въ такомъ королѣ на своемъ тронѣ, ко-

торый захотѣлъ и съумѣлъ бы привлечь къ себѣ и эксплуатировать великіе, но—прибавимъ—неспособные къ самостоятельному дѣйствию таланты Замойскаго. Историческая Немезида проявляла уже свое мщеніе на тѣхъ великихъ можновладческихъ родахъ, которые, утративъ свои прежнія традиціи XV вѣка, бросились на поприще анархіи и безвозвратно истощили свои силы. Рупились и вымирали великіе дома Тарновскихъ, Мельштынскихъ, Тенчинскихъ, Любранскихъ, Ласкихъ и Кмитъ и, если отъ нихъ и оставались какія-либо боковыя отрасли, то онѣ не сохранили за собой прежнихъ традицій, значенія и положенія и должны были завоевывать послѣднее съизнова въ школѣ Замойскаго. Вокругъ могущественнаго канцлера собрался дѣйствительно люди новаго направленія, съ большими талантами и патриотизмомъ, воспитанные въ военной дисциплинѣ и завоевывавшіе себѣ положеніе личными заслугами и мужествомъ. Изъ школы великаго гетмана выходили Жолкевскіе, Любомірскіе, Потоцкіе, Калиновскіе, Собѣскіе, Конецпольскіе, неизвѣстные прежнему можновладству, и даже знатные лвовскіе и русскіе роды: Ходкевичи, Радзивииллы, Сапѣги, Острожскіе, среди общей анархіи сигизмундовскихъ временъ сохранившіе нѣкоторый политическій смыслъ и сознаніе общественнаго блага, невольно собирались теперь вокругъ Замойскаго. Такимъ образомъ Замоискій представлялъ изъ себя настоящую силу и не расположить къ себѣ этой силы, не опереться на ней было роковымъ заблужденіемъ и ошибкой со стороны молодого короля.

Замойскаго не сталъ бы опасаться король съ сплннымъ и открытымъ характеромъ, исполненный искренне направленныхъ къ благу народа стремленій, къ которымъ всегда можно было склонить канцлера. Сигизмундъ III не былъ лишенъ характера, а сознаніемъ своего величія, упорствомъ въ своихъ предрассудкахъ, скрытностью и подозрительностью приближался къ Сигизмунду Августу, и если не могъ равняться съ нимъ въ искусствѣ веденія мелкой интриги, то далеко превосходилъ его энергіей своихъ дѣйствій, велъ свою собственную, личную политику и проводилъ ее съ неумолимой послѣдовательностью. Но это не была политика польская, заботящаяся о благѣ Польши, и уже по тому одному король не могъ допустить къ ней такого патриота, какимъ несомнѣнно былъ коронный гетманъ и канцлеръ. Въ чемъ же заключалась эта прославленная политика Сигизмунда III?

Чѣмъ ближе подходилъ конецъ XVI столѣтія, тѣмъ сплнѣе обострилось соперничество между Габсбургамъ и Франціей, такъ

какъ въ побужденіямъ политическимъ присоединились еще и религіозныя. Владычествуя уже въ Испаніи, Италіи, Нидерландахъ, Бургундіи, Австріи, Чехіи и Венгріи, Габсбурги подъ предводительствомъ Филиппа II стремились теперь прямо къ овладѣнію остальнымъ цивилизованнымъ міромъ подъ лозунгомъ возстановленія католицизма въ странахъ, отпавшихъ или отпадавшихъ отъ него. Вслѣдствіе этого Франція, которая, возвращаясь къ католицизму, не хотѣла однако признать преобладанія Габсбурговъ, очутилась среди великой коалиціи протестантскихъ государствъ, защищавшихъ свою свободу и вѣру. Такимъ образомъ въ Европѣ существовали два великіе лагеря, но въ которомъ же изъ нихъ было мѣсто для Польши?

Напрасно было бы пускаться въ гипотезы, какой оборотъ приняли бы дѣла, еслибы Польша въ качествѣ государства протестантскаго встала противъ Габсбурговъ, и потому мы лишь разберемъ обстоятельнѣе вопросъ, въ какомъ лагерѣ было мѣсто для Польши, уже возвратившейся къ католицизму.

На этотъ вопросъ Баторій отвѣчалъ: «нейтралитетъ» и отвѣчалъ хорошо, такъ какъ въ то время онъ направлялъ всѣ силы народа въ другую сторону. Но нейтралитетъ Баторія нельзя принимать буквально, такъ какъ тотъ, кто рѣшительно отвергъ предложеніе союза, сдѣланное Филиппомъ II, кто не только не вступилъ въ борьбу въ качествѣ католическаго монарха съ протестантами, но напротивъ въ силу хорошо понимаемыхъ политическихъ интересовъ поддерживалъ и развивалъ близкія отношенія съ Англіей, Голландіей и прежде всего съ Швеціей, очевидно заявлялъ себя противъ Габсбурговъ. Могла ли однако политика Баторія, пригодная для десяти лѣтъ его царствованія, быть удержана и впредь? Допустимъ, что нѣтъ, и съ этой точки зрѣнія оцѣнимъ политику его преемника. Сигизмундъ III явно и рѣшительно перешелъ на сторону Габсбурговъ, черезъ это лишился дружбы морскихъ государствъ, какъ Франція, Англія, Голландія, съ которыми Польша до тѣхъ поръ находилась въ живыхъ сношеніяхъ, особенно торговыхъ, и побудилъ ихъ возмущать противъ нея Турцію и поддерживать Москву, привлечь на Польшу шведовъ и вызвалъ въ качествѣ союзника Австріи войну противъ Турціи. Невыгоды были явны, помощи же никакой, такъ какъ Габсбурги ничего не могли дать Польшѣ. Филиппъ II заключилъ союзъ съ Сигизмундомъ только для устрашенія Голландіи, Англіи и Швеціи, Австрія эксплуатировала Польшу, чтобы направить на нее часть турецкихъ войскъ. Это

ясно покажутъ событія, они показали это уже при жизни Сигизмунда и однако никто упорнѣ его не держался разъ принятаго въ политикѣ направленія. Для него не существовало политики, но существовали принципы. Сынъ Юзѣнна Вазы, своимъ упорнымъ отстаиваніемъ католицизма сдѣлавшаго свое имя ненавистнымъ во всемъ протестантскомъ шведскомъ народѣ, воспитанный іезуитами, Сигизмундъ проникся такой религіозной ревностью, до такой степени обратилъ все свои чувства, убѣжденія и силы на дѣло возстановленія католицизма, что могъ сдѣлаться славнѣйшимъ борцомъ церкви, но вмѣстѣ долженъ былъ стать наихудшимъ политикомъ, наихудшимъ стражемъ земного благосостоянія вѣранныхъ его попеченіямъ государствъ. Не для блага Польши заключилъ онъ и союзъ съ Габсбургами, но для борьбы съ протестантизмомъ за предѣлами страны; и польскую корону принялъ онъ главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы, ойпраясь на могущественной и по преимуществу католической Польшѣ, силою уничтожить шведскій протестантизмъ.

Сильнымъ двигателемъ въ политикѣ Сигизмунда были прежніе его учителя, іезуиты, которымъ онъ и теперь безусловно вѣрилъ и совершенно подчинялся. Наболѣе ревностный сторонникъ и ученикъ іезуитовъ, кардиналъ епископъ краковскій, Юрій Радзивиллъ, былъ министромъ при дворѣ Сигизмунда, другіе, и особенно іезуитъ отецъ Бернардъ занимали вліятельныя мѣста. Разсмотримъ поэтому политику іезуитовъ. Космополитическое религіозное общество не могло обращать вниманіе на національные интересы Польши и стремилось воспользоваться ею исключительно въ религіозныхъ цѣляхъ. Въ сферѣ великихъ европейскихъ событій Польша представлялась іезуитамъ орудіемъ, которымъ слѣдовало воспользоваться для общаго дѣла, не спрашивая себя о томъ, не сломится и не разрушится ли это орудіе. Эту политику поддерживала въ общемъ съ рѣдкимъ незнаніемъ или пренебреженіемъ польскихъ отношеній и римская курія, такъ какъ для нея Польша также составляла лишь церковную провинцію, которой можно, а въ данномъ случаѣ даже и должно было пожертвовать для блага церкви. Но иначе должны мы судить короля, который долженъ былъ видѣть въ Польшѣ народъ и государство и первый жертвовалъ ими для блага церкви. Сигизмундъ III шелъ даже далѣе іезуитовъ и римской куріи, такъ какъ въ своемъ слѣпомъ поклоненіи Филиппу II онъ до такой степени воодушевился борьбой съ протестантскими государствами, такъ безусловно поддерживалъ его въ борьбѣ съ Голландіей, что одинъ не покидалъ его даже

въ тѣ минуты, когда Римъ усиливался обратить вниманіе христіанскаго міра въ другую сторону, на Турцію, и находился въ плохихъ отношеніяхъ съ Филиппомъ.

Польша окружена была странами, раньше или позже отпавшими отъ римской церкви: на востокъ Русью, которая давно уже забыла о Флорентинской уніи, на сѣверѣ за Балтійскимъ моремъ недавно отдѣлившейся отъ Рима Швеціей, на западѣ германскими протестантскими князьями, видѣвшими въ протестантскомъ же вассалѣ Польши, прусскомъ герцогѣ, своего родственника, земляка и единовѣрца, наконецъ на югѣ Чехіей и Венгріей, гдѣ протестанты, если не имѣли рѣшительнаго преобладанія, то по крайней мѣрѣ играли серьезную роль. Принимая реформацію, Польша становилась нѣкогда центромъ всего окружающаго ее протестантскаго развитія и движенія, переходя же теперь на строго католическую основу, она должна была сдѣлаться укрѣпленной твердыней католицизма, которая бы служила для возвращенія странъ и народовъ, отпавшихъ отъ Рима. Вступая въ союзъ съ Габсбургами, Польша должна была помочь имъ сломить протестантизмъ въ Чехіи, Венгріи и Германской имперіи; помогая Сигизмунду въ осуществленіи его правъ на шведскую корону, она должна была обратить Швецію къ римской церкви; вмѣшаваясь во внутреннія дѣла Москвы, она должна была и тамъ насадить католицизмъ.

Осуществленія такой громадной задачи можно было ожидать только послѣ великихъ войнъ, но даже предположивъ, что Польша успѣла бы побѣдить и покорить столькохъ непріятелей сразу, и сѣверную Германію, и Швецію, и Москву, слѣдовало спросить себя, удалось ли бы ей прочно удержаться въ этихъ странахъ съ такимъ призваніемъ и не должны ли были эти народы тѣмъ сильнѣе возненавидѣть вѣру, навязываемую имъ чуждымъ притѣснителемъ, и для защиты собственной церкви страшно отмстить Польшѣ. Имѣла ли Польша малѣйшій интересъ въ томъ, чтобы ее возненавидѣла Москва, чтобы на нее бросилась отдаленная и спокойная Швеція, чтобы благодаря угнетенію протестантизма въ Германіи, Чехіи и Венгріи усилилось и такъ уже грозное габсбургское могущество? Польша могла оставаться при католицизмѣ, какъ оставалась при немъ Франція, но ведя свою собственную, указываемую здравымъ разумомъ политику, могла не мѣшаться въ религіозные раздоры, терзавшіе Германію, борясь съ Москвою, не раздражать самыхъ дорогихъ чувствъ московскаго народа, не навлекать на себя ярости шведа и турец-

ких силъ и притомъ все это въ тотъ моментъ, когда внутренній строй страны крайне нуждался въ исправленіи и реформѣ.

Для осуществленія этой реформы наступила уже послѣдняя минута. Какъ король съ іезуитами, такъ и Замоискій и его сплсная партія соглашались въ томъ, что нужно упрочить монархію, образовать энергическое правительство и положить конецъ сеймовой анархіи. Исчезло уже старое можновластво, сопротивлявшееся всякой реформѣ, возникало новое поколѣніе шляхты, освоившееся въ іезуитскихъ школахъ съ монархическими понятіями, завоевывавшее себѣ положеніе личными заслугами и въ школахъ Баторія и Замоискаго приученное къ военной и къ политической дисциплинѣ. Королю слѣдовало привлечь къ себѣ это поколѣніе и, опираясь на людей съ истиннымъ талантомъ и возвышеннымъ характеромъ, въ какихъ не было недостатка, создать изъ нихъ плотную фалангу сплснаго королевскаго правительства. Сигизмунду III нужно было только собрать плоды краткой, но благотворной дѣятельности Баторія, но, къ несчастію, онъ сдѣлалъ пменно все для того, чтобы испортить и погубить ихъ. Незапятанный въ дѣлѣ вѣры, нравственный въ своей семейной жизни, Сигизмундъ, поддерживая въ странѣ католическую вѣру и энергическихъ бойцовъ за нее, раздавая должности и староства католикамъ, возстановилъ религіозное единство Польши, и въ этомъ заключается его истинная заслуга. Онъ не хотѣлъ однако знать, что только путемъ рѣшительной поддержки интересовъ всего народа, только путемъ разрѣшенія великихъ задачъ національной политики возникали новыя монархіи. Народы только въ томъ случаѣ соглашались на уменьшеніе своей вольности, если видѣли во главѣ себя королей, которые умѣли ихъ вести къ внутреннимъ или внѣшнимъ, но великимъ и популярнымъ дѣйствіямъ. Только такимъ путемъ могъ и Сигизмундъ III возстановить сильное королевское правительство и даже образовать абсолютную власть, еслибы оперся на тѣхъ здоровыхъ элементахъ, которые собирались вокругъ Замоискаго, еслибы сдѣлалъ Замоискаго своимъ первымъ министромъ и, пользуясь его опытомъ и талантомъ, явно и энергично дѣйствовалъ на благо народа.

Сигизмундъ желалъ абсолютной власти, но болѣе важнымъ для него дѣломъ была его личная внѣшняя политика, которая какъ увидимъ, побудила его даже къ явной измѣнѣ. Къ такой измѣнѣ не могъ быть склоненъ Замоискій, который не видѣлъ никакой выгоды во вѣшателствѣ въ шведскія дѣла, а въ союзѣ

съ Австріей не безъ основанія усматривалъ ущербъ для независимости Польши и начало грозныхъ турецкихъ войнъ и служилъ этому убѣжденію съ начала своего поприща съ непоколебимою вѣрностью. Поэтому Сигизмундъ оттолкнулъ Замойскаго, а съ нимъ и все то, что въ народѣ отличалось наибольшимъ талантомъ, заслугамъ и патриотизмомъ, что воспиталось въ школахъ Баторія и, обладая большимъ политическимъ смысломъ, могло доставить единственное здоровое основаніе для реформы Рѣчи Посполитой. Ему казалось, что онъ достигнетъ своей цѣли, если окружитъ себя, если выдвинетъ на сенаторскія кресла посредственности, людей съ поверхностными сужденіями и слабыхъ умомъ, которые были бы обязаны своимъ положеніемъ не заслугамъ своимъ, но исключительно королевской милости и легко могли бы склонены на всякую сторону. Король искалъ посредственностей, искалъ особенно такихъ людей, которые вращались около выдающихся дѣятелей, и, привлекая ихъ къ себѣ, льстя ихъ пустотѣ, съ величайшей радостью выдвигалъ ихъ впередъ и возстановлялъ противъ прежнихъ ихъ опекуновъ и учителей. Это испытали по очереди Замоискій, Янъ Карлъ Ходкевичъ, Крыштофъ Радзивиллъ и даже человекъ съ такимъ незапятнаннымъ патриотизмомъ и съ такимъ уваженіемъ къ королевской власти, какъ Станиславъ Жолкевскій, на жизнь котораго интриги придворныхъ наушниковъ и отступничество ближайшихъ друзей надѣли терновый вѣнецъ. Но иногда это поведеніе Сигизмунда не выступало въ такомъ яркомъ свѣтѣ, какъ на памятномъ сеймѣ 1589 г. На него пріѣхалъ озаренный славой одержанной при Бычинѣ побѣды Замоискій и, пользуясь благопріятной мнунтой, сдѣлалъ предложеніе, чтобы рѣшенія сейма постановлялись по большинству голосовъ. Это былъ первый шагъ, выводившій Польшу на путь порядка и спокойствія, первое условіе всякой дальнѣйшей реформы, но кто же воспротивился ему? Никто другой, какъ самъ король. Къ Сигизмунду приблизился Опалинскій, великій коронный маршалокъ, ненавидѣвшій Замойскаго изъ зависти къ его заслугамъ и славѣ. Искусно играя на этой струнѣ, Сигизмундъ его прежде всего и приобрѣлъ для себя противъ Замойскаго. Замоискій имѣлъ за себя большинство во всемъ народѣ, проведеніе голосованія большинствомъ на сеймѣ давало ему въ руки легальную власть, дѣлало его, употребляя современное выраженіе, парламентскимъ министромъ. Сигизмундъ не могъ этого допустить и поэтому оппозиція Опалинскаго уничтожила благой проектъ Замойскаго и вызвала

подтверженіе единогласія, благодаря которому одинъ сбитый съ толку или подкупленный посолъ могъ остановить самое благотворное предложеніе, поддерживаемое цѣлымъ сеймомъ.

Желая устранить союзъ съ Австріей, Замоискій стремился къ опредѣленію порядка избранія и къ исключенію при этомъ австрійской кандидатуры. Сигизмундъ, собравъ около себя сторонниковъ этой кандидатуры, особенно же епископовъ съ примасомъ Карниковскимъ и личныхъ враговъ Замоискаго, Зборовскихъ, уничтожилъ эти планы на второмъ сеймѣ въ 1590 году и, устранивъ изъ коронной канцеляріи сторонниковъ канцлера, обезсилилъ вліяніе его на правительство.

Польша въ рукахъ Сигизмунда III была только удобнымъ орудіемъ для шведско-католической политики, орудіемъ, судьба котораго такъ мало его интересовала, что онъ вступилъ въ бракъ съ эрцгерцогиней австрійской Анной (1592 г.), желалъ купить помощь Габсбурговъ для удержанія на шведскомъ тронѣ цѣною уступки имъ Польши по смерти ли своей или даже при жизни и съ этой цѣлью заключалъ съ ними тайные договоры. Это была уже явная позвѣна странѣ, призвавшей его на свой тронъ, для защиты своихъ интересовъ. Но тогда Замоискій, замѣтивъ происки Сигизмунда, созвалъ шляхту въ Енджеевъ, раскрылъ готовившуюся измѣну, выступилъ на тагъ называемомъ инквизиціонномъ сеймѣ 1592 года въ качествѣ публичнаго обвинителя и принудилъ короля отречься отъ заключенныхъ ко вреду Польши договоровъ съ Австріей. Замоискій показалъ королю, что народъ не приложитъ рукъ къ собственной гибели. Инквизиціонный сеймъ, смирившій Сигизмунда и сильно унизившій королевскую власть, былъ страшнымъ, но необходимымъ зломъ. Замоискаго можно упрекать, только исходя изъ того соображенія, что лучше свергнуть короля, измѣняющаго странѣ, чѣмъ оставлять его униженнымъ на тронѣ.

Тѣмъ, что при такихъ условіяхъ Польша не впала въ окончательную гибель, она обязана была лишь нѣсколькимъ великимъ людямъ, которые, и будучи оттолкнуты королемъ, все-таки стояли на стражѣ и каждый разъ, какъ пагубная политика Сигизмунда наводила на страну бѣдствіе, спасали ее изъ оута. Что Янъ Замоискій только въ крайности схватился на инквизиціонномъ сеймѣ за вредное, но единственное средство спасенія, что онъ не былъ анархистомъ и не пошелъ подъ конецъ своей жизни по слѣдамъ Сбигнѣва Олесницкаго или Яна Тарновскаго, ясно доказало его дальнѣйшее поведеніе.

Это оказалось прежде всего въ хлопотахъ, доставленныхъ Польшѣ Австріей. Польша не имѣла непосредственной причины навлекать теперь на себя войну съ Турціей, съ которой она уже около ста лѣтъ поддерживала мирныя отношенія, но зато тѣмъ сильнѣе желала Австрія впутать Польшу, съ дворомъ которой она находилась въ столь тѣсной и сердечной связи, въ такую войну, такъ какъ война Турціи съ Польшею развязывала руки ей самой въ Венгріи. Когда же поляки рассмотрѣли эти замыслы и не позволили склонить себя къ лигѣ противъ Турокъ, которая въ концѣ концовъ должна была всей своей тяжестью обрушиться на нихъ однихъ, Австрія схватилась за другія средства: начала подбивать козаковъ къ набѣгамъ на Турцію и съ ихъ помощью возбуждать опасныя раздоры въ Валахіи, надѣясь этимъ путемъ въ концѣ концовъ вынудить вышедшую изъ терпѣнія Турцію къ войнѣ съ Польшею. Эти интриги разрушилъ Замойскій, который, дважды вторгнувшись въ 1595 и 1600 гг. съ войскомъ въ Молдавію, выгналъ посаженныхъ Австріей господарей, посадилъ на тронъ Іеремію Могилу и брата его Симеона, взялъ съ нихъ вассальную присягу, обезпечилъ имъ признаніе со стороны Оттоманской Порты и, умиривъ черезъ Жолкевскаго козаковъ, снова укрѣпилъ поколебавшійся было миръ съ Турціей. Со стороны канцлера и гетмана это была мудрая, рѣшительная и смѣлая политика и она отдала большую опасность. Но если столько могъ сдѣлать одинъ человекъ частными средствами, то какая же задача была невозможною для Рѣчи Посполитой, еслибы король шелъ въ ней рука объ руку съ канцлеромъ?

Это сразу проявилось въ шведскомъ дѣлѣ. Еще давно, во времена Сигизмунда Августа и Баторія, шведы воспользовались войной, ведшейся изъ-за Ливоніи между Россіей и Польшею, и, захвативъ въ свои руки Эстляндію, укрѣпились тамъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ. Польша терпѣла это, утѣшаясь тѣмъ, что по крайней мѣрѣ Швеція отдѣляетъ Москву отъ Балтійскаго моря. Поэтому у нея сохранялись сносныя отношенія съ Швеціей, а избраніе Сигизмунда III польскимъ королемъ должно было еще укрѣпить ихъ. Но вышло иначе. Сигизмундъ, получивъ по смерти своего отца въ 1592 г. шведскій тронъ, своимъ отставаніемъ католичества возбудилъ противъ себя ненависть протестантскаго народа и хотя въ 1593 г. короновался въ Упсалѣ, но долженъ былъ возвратиться въ Польшу и предоставить самостоятельное управленіе Швеціей въ качествѣ намѣстника дядѣ

своему, герцогу Зюдерманландскому Карлу. Когда же въ 1598 г. онъ вторично отправился въ Швецію, то проигралъ генеральную битву при Линкепингѣ (Linköeping), уступилъ шведскій тронъ Карлу Зюдерманландскому и навлекъ на Польшу тяжелую войну въ Лифляндіи. Король приказалъ венденскому старостѣ въ Лифляндіи напасть на шведовъ въ Эстоніи въ 1600 году и тѣмъ самымъ вызвалъ нападеніе Карла на польскую Лифляндію. Несмотря на отдѣльныя побѣды Крнштофа Радзивилла, шведы заняли всю Лифляндію, за исключеніемъ Риги и Динамюнде.

Такимъ образомъ начался второй актъ великой борьбы за Балтійское море, который закончился только во второй половинѣ XVII вѣка рѣшительной побѣдой скандинавскаго и нѣмецкаго элемента. Варшавскій сеймъ 1601 года для отраженія непріятеля, нарушающаго границы Рѣчи Посполитой, долженъ былъ согласиться на войну, которой никогда не предпринялъ бы ради личныхъ видовъ короля. Въ виду дерзкаго врага великій гетманъ забылъ о неблагодарности короля, поддержалъ войну на сеймѣ и самъ, несмотря на преклонный возрастъ, двинулся въ Лифляндію во главѣ вооруженныхъ отрядовъ. Втеченіе двухлѣтней кампаніи 1601 и 1602 гг. Замоискій вытѣснилъ шведовъ изъ Лифляндіи, взявъ ихъ укрѣпленные города, а когда въ 1605 г. они возобновили наступленіе, Янъ Карлъ Ходкевичъ поразилъ ихъ въ славной битвѣ подъ Кирхгольмомъ съ значительно меньшими силами и на голову разбилъ всю армію Карла Зюдерманландскаго, оставившую на мѣстѣ 9000 труповъ. Только таланту предводителей и несравненному мужеству и искусству солдатъ Польша обязана была такими блестящими побѣдами. Послѣ кирхгольмской побѣды она могла заключить разумный миръ и достигнуть всего, чего требовали ея интересы, т. е. полного очищенія шведами Эстоніи и Лифляндіи. Но Сигизмундъ ни за что не хотѣлъ заключать мира съ Карломъ, котораго онъ считалъ бунтовщикомъ и, жертвуя благомъ всего народа своимъ личнымъ мечтамъ, тѣмъ самымъ положилъ начало страшной для Польши шестидесятилѣтней шведской войнѣ, которая, ослабивъ обѣ страны, обратилась наконецъ къ выгодѣ усплившейся тѣмъ временемъ Россіи.

Въ концѣ XVI вѣка эта послѣдняя была такъ слаба, что самыя смѣлыя предпріятія, направленные противъ нея, казались и были возможными. Первымъ условіемъ этихъ предпріятій было однако болѣе тѣсное церковное соединеніе Польши съ русскимъ населеніемъ, жившимъ въ границахъ Рѣчи Посполитой.

Флорентинская религіозная унія, никогда строго не проведенная, сохранялась въ литовской и польской Руси до самаго конца XV вѣка. Поддерживая постоянную іерархическую связь съ царьградскимъ патріархомъ, хотя тотъ наоборотъ разорвалъ съ Римомъ, не имѣя яснаго понятія о тогдашнихъ отношеніяхъ Рима къ Царьграду, русины признавали папу высшимъ главою христіанства и неоднократно отправляли къ нему посольства. Только болѣе энергическія дѣйствія со стороны Москвы, никогда не признававшей флорентинской уніи, и бракъ Александра на московской княжнѣ Еленѣ, повлекшій за собой пропаганду православія въ литовскомъ государствѣ, произвели то, что на Руси забыли о флорентинской уніи. Вспышка реформаціи въ Польшѣ еще болѣе отвратила умы русиновъ отъ Рима, мысль о народной церкви нашла себѣ доступъ къ умамъ болѣе просвѣщенной русской шляхты, и русскіе послы тѣмъ сплѣнѣе стояли за нее, что народная церковь съ своей славянской литургіей, женатыми священниками и причастіемъ подѣ обоими видами такъ сплѣно приближалась къ церкви восточной. Когда мысль эта пала, различныя протестантскія секты нашли себѣ многочисленныхъ адептовъ на Руси, кальвинисты въ сѣверной, ариане въ южной, а восточная церковь, предоставленная самой себѣ и покинутая болѣе интеллигентными классами народа, неслышанно опустилась. Къ концу XVI столѣтія время протестантской пропаганды миновало, католическая церковь въ Польшѣ поднялась подѣ вліяніемъ общей католической реакціи, исходившей отъ Тридентскаго собора, и завоевывала себѣ даже болѣе прочное положеніе сравнительно съ тѣмъ, какимъ пользовалась раньше, а зато церковь восточная въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой не могла найти въ себѣ достаточной силы для подобнаго возрожденія. Отсутствие образованія, нравственности и дисциплины среди духовенства сдѣлалось препятствіемъ для необходимой реформы. При такихъ условіяхъ русины снова начали искать точки опоры въ западной церкви. Первымъ, возмѣвшимъ въ Польшѣ мысль объ уніи, былъ іезуитъ Скарга, но сперва эта мысль нашла себѣ противниковъ въ самомъ же ордентѣ. Іезуитъ Гербестъ справедливо доказывалъ, что римско-католическая пропаганда принесетъ бѣдшія выгоды церкви и Польшѣ. Дѣло рѣшилъ, повидному, Посевинъ, указавъ Баторію въ уніи средство одолѣть Москву, и съ тѣхъ поръ іезуиты и пропагандируютъ мысль объ уніи, сохраняющей за восточной церковью отдѣльные обряды и организацію.

Начало этого дѣла ускорилось обращеніемъ московской епархіи

въ патриаршество. Последнее совершилъ царьградскій патриархъ Иеремія II, который одновременно съ тѣмъ въ польской Руси исключилъ ставропигіальныя братства изъ подъ власти епископовъ и тѣмъ еще увеличилъ смуту въ русской церкви. Тогда-то русскіе епископы послѣ долгихъ переговоровъ между собою по инициативѣ и стараніямъ епископовъ луцкаго и владимірскаго, Терлецкаго и Поцѣя, разорвали съ царьградскимъ патриархомъ и на брестскомъ соборѣ въ 1595 г. составили условія подчиненія Риму. Русское духовенство выговаривало себѣ супружество священниковъ, назначеніе епископовъ королемъ, но изъ среды кандидатовъ, представленныхъ остальными русскими епископами, полное уравненіе съ духовенствомъ западной церкви, а слѣдовательно и сепаторское достоинство для русскихъ епископовъ, сохраненіе восточной литургіи; требовало запрещенія уніатамъ переходить въ католичество и поддержки уніи авторитетомъ государства. Сигизмундъ III, ревностно поддерживавшій дѣло уніи, утвердилъ эти условія, на которыхъ еще въ томъ же году отправленные брестскимъ соборомъ делегатами въ Римъ Терлецкій и Поцѣй торжественно и приняли унію. Но когда въ 1596 году на вторичномъ соборѣ въ Брестѣ дѣло дошло до окончательнаго подтвержденія уніи, епископы, львовскій и перемышльскій, подчиняясь вліянію князя Константина Острожскаго, который передъ тѣмъ первый поддерживалъ унію, а теперь самымъ упорнымъ образомъ мѣшалъ ей осуществленію, рѣшительно воспротивились ей. Южная Русь осталась поэтому вѣрна православію, а въ Руси сѣверной началась борьба между уніатскими епископами и той частью духовенства, которая оказалась противной уніи. Первые съ громадною ревностью работали надъ усиленіемъ уніи, пользуясь въ дѣлѣ реформы своей церкви помощью, которую доставляло имъ государство какъ признаннымъ представителямъ восточной церкви; вторые оглядывались на Царьградъ и Москву и, насколько могли, силой сопротивлялись стараніямъ уніатскихъ епископовъ. Раздоры дошли до убійства въ 1623 г. чернью полочко-витебскаго архіепископа, Иосафата Кунцевича, дѣятельно поддерживавшаго унію при жизни и еще сильнѣе поддерживавшаго ее своей смертью.

Какъ оцѣнивать унію? Для церкви она была несомнѣнной побѣдой, для государства тоже не лишена была выгоды, такъ какъ приносила съ собою на Русь западную культуру и вмѣстѣ съ ней колонизацію. Еслибы ее осуществили вполне на составленныхъ въ 1595 году условіяхъ, она несомнѣнно вполне и принялась бы

и принесла бы съ собою государству неоцѣненный даръ — религиозное единство. Но Польша не исполнила этихъ условій. Польское правительство было слишкомъ слабо для того, чтобы поддержать уніатскихъ епископовъ всей своей силой и безусловно не допустить православія на своей территоріи. Польскіе епископы были слишкомъ горды, чтобы допустить русскихъ епископовъ въ сенатъ, допустить ихъ до политическаго вліянія, до солидарности съ польскими интересами. Обаянію сенаторскаго кресла навѣрное не въ силахъ былъ бы противиться ни одинъ русскій епископъ, и каждый изъ нихъ за эту цѣну присоединился-бы къ уніи. Русское населеніе, а особенно шляхта, видя своихъ епископовъ въ сенатѣ, не имѣло-бы повода жаловаться на униженіе. Быть можетъ, болѣе значили-бы для Польши неуніатскіе епископы, засѣдающіе въ сенатѣ, чѣмъ епископы уніатскіе, отдаленные отъ сената и униженные. Не въ уніи, какъ въ таковой, но въ проведеніи ея лишь на половину заключалась политическая ошибка. Не всѣ русины присоединились къ ней, значительная часть ихъ, и прежде всего казаки, осталась при старой церкви, и эти русины увидѣли теперь свой центръ тяжести въ Москвѣ, къ которой толкали ихъ сверхъ того и все болѣе частые раздоры и столкновенія съ уніатами, которымъ правительство не положило рѣшительнаго конца. Возстановляя противъ себя эту часть русскаго народа, Польша благодаря уніи жертвовала русинамъ еще нѣчто большее. Мы уже не разъ говорили о безпрестанной польской колонизаціи въ южной Руси. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что въ половинѣ населенія этихъ областей текла польская кровь. Въ концѣ XVI вѣка польская колонизація приняла новые, громадныя размѣры, и шляхта и крестьяне съ такою силой стремились въ плодородную Украину, что многія мѣстности старой Польши, особенно Мазовія, обезлюдѣли и заустѣли. И однако все это польское населеніе на Руси быстро утрачивало сознание своей національности. Виною этого въ значительной степени было то обстоятельство, что польскіе паны, владѣльцы громадныхъ пространствъ на Руси, не переселялись туда и не основывали дворовъ, около которыхъ могъ-бы собираться, укрѣпляться и упрочиваться польскій элементъ. Управители, ведшіе хозяйство, заботясь о наибольшихъ матеріальныхъ доходахъ, ни мало не думали о духовныхъ нуждахъ польскаго деревенскаго населенія, пребывавшаго на Руси. Для него не основывали католическихъ церквей и тѣмъ самымъ рано или поздно принуждали его переходить въ лоно восточной церкви, которая своими обрядами рус-

сифицировала его. Этой ошибкѣ унія совершенно не помогала, напротивъ она еще увеличила ее, такъ какъ на томъ основаніи, что теперь латинская и русская церковь была единой и между ними была только второстепенная разница въ обрядахъ, паны не признавали необходимости строить для польскаго населенія на Руси римскія церкви. Грустно досказывать всю истину. На церковномъ поприщѣ шляхетская гордость и исключительность породили самые худшіе плоды. Русская шляхта не противилась искушенію принять римскій обрядъ, обезпечивавшій болѣе сильное политическое вліяніе, но не думала о томъ, чтобы увлечь за собою подданныхъ. Для нихъ была унія, чтобы хлопъ и религіознымъ обрядомъ отличался отъ пана. Разница была ощутительна, такъ какъ рѣшающей вещью въ дѣлѣ ассимиляціи было не мелкое различіе вѣры, признаніе или непризнаніе папы, но самостоятельность обрядовъ и церковной іерархіи, сохраненная уніей. Не больше-ли сдѣлалъ бы на Руси для церкви и поклоняціи католицизмъ безъ уніи? Его дѣйствіе было болѣе медленно, но приносило прочные плоды, унія же дѣйствовала быстро, но поверхностно.

Но для іезуитовъ и Сигизмунда не существовало всѣхъ этихъ политическихъ опасностей. Они думали объ одолженіи восточной церкви въ ея послѣдней твердынѣ, въ самой Москвѣ.

Въ 1598 году на тронѣ московскихъ царей сѣлъ конюшій умершаго бездѣтнымъ царя Федора, Борисъ Годуновъ, предварительно убивши черезъ своихъ слугъ младшаго брата Федора, Дмитрія. И вотъ въ 1603 году при дворѣ знатнаго польскаго пана, Адама Вишневецкаго, появляется нѣкій Григорій Отрепьевъ, передъ тѣмъ блуждавшій по монастырямъ, а потомъ служившій у козаковъ, и начинаетъ разглашать, что онъ этотъ сынъ Ивана Грознаго, Дмитрій, что онъ ушелъ отъ руки убійцы и задумываетъ теперь предъявить свои права на московскій тронъ. Вишневецкій вѣритъ въ этотъ рассказъ, вѣсть объ немъ разносится по всей Польшѣ, папскій нунцій представляетъ этого Дмитрія королю. Замойскій лишь пожмаетъ плечами, спрашивая: чья комедія, Плавта или Теренція, разыгрывается передъ нимъ? Но іезуиты и Сигизмундъ, видя въ мнимомъ Дмитріи удобное орудіе противъ Москвы, поддерживаютъ его всѣмъ своимъ вліяніемъ. Ему вѣрятъ въ Польшѣ авантюристы, привлеченные надеждой блестящаго похода въ Москву и добычи, больше же всего вѣритъ ему воевода сандомирскій Мишекъ, магнатъ, выросшій на разграбленной по смерти Сигизмунда Августа его казнѣ, и дочь его

Марина, невѣста Димитрія, и такимъ образомъ послѣдній, отбывъ въ 1604 г. исповѣдь у іезуитовъ въ Краковѣ и подтвердивъ свою католическую правовѣрность, двигается съ вооруженнымъ отрядомъ поддерживающихъ его поляковъ на Москву, чтобы сѣсть на тронѣ Ивана и вмѣстѣ (какъ думали іезуиты) обратить московскій народъ въ католичество. Самозванецъ пользуется недоброжелательствомъ, какое возбудилъ къ себѣ Борисъ Годуновъ, еще болѣе пользуется обаяніемъ, какое оказываетъ на темный людъ его таинственное появленіе какъ истиннаго сына Ивана, и, поддержанный вооруженнымъ возстаніемъ всего народа и смертью Бориса, открываетъ себѣ въ 1605 году ворота Москвы, садится на тронѣ и приглашаетъ Марину Мишекъ въ Москву въ качествѣ царицы. Правленіе его было непродолжительно. Послѣ минутнаго ослѣпленія народъ потерялъ вѣру въ самозванца, испугался вѣсти объ обращеніи въ католичество и оскорбился гордымъ поведеніемъ сопровождавшихъ Димитрія поляковъ. Въ 1606 году вспыхнуло въ Москвѣ подъ предводительствомъ князей Шуйскихъ кровавое возстаніе, во время котораго самъ Димитрій и съ нимъ 2000 поляковъ поплатились жизнью. Въ московскомъ царствѣ начались страшныя замѣшательства, и поляки играли въ нихъ далеко не особенно почетную роль. Надежда на добычу привлекала къ Польши толпы искавшихъ приключеній солдатъ, которыми предводительствовали Сапѣга, Рожанскій и Лпсовскій, и они, собравшись вокругъ втораго вскорѣ появившагося самозванца Димитрія, вели кровавую, разоряющую всю страну войну съ вновь избраннымъ царемъ Шуйскимъ и отказывали въ повиновеніи собственному правительству, склонявшему ихъ къ возвращенію. Не эта дорога вела Польшу къ культурѣ и ассимиляціи Москвы, но предпріятіе, которымъ руководило размечтавшееся воображеніе іезуитовъ, не могло и принять другого оборота ¹⁾.

¹⁾ По мнѣнію Шуйскаго и кс. Калинки, Димитрій былъ орудіемъ въ рукахъ польскихъ мятежниковъ (Зебржидовскаго и т. п.), стремившихся посадить его на московскомъ тронѣ, чтобы въ послѣдствіи съ его помощью свергнуть Сигизмунда съ польскаго трона и посадить на немъ Димитрія. Но это слишкомъ смѣлая гипотеза. Димитрій не отвергалъ ничьей помощи, слѣдовательно и мятежниковъ, но наиболѣе тѣсныя связи, какъ доказываютъ источники, соединяли его съ іезуитами, Римомъ и Сигизмундомъ, на нихъ онъ главнымъ образомъ и опирался. Мятежники позднѣе, когда разгорѣлись ихъ страсти, могли пугать Сигизмунда Димитріемъ и искать связей съ нимъ, но можно ли думать, чтобы они: 1) сами толкали Димитрія въ объятія іезуитовъ и Сигизмунда и дѣйствовали хотя бы по наружности въ союзѣ

§ 85. *Бунтъ Зебржидовскаго.*

Объ энергической эксплуатаціи московскаго похода или киргольмской побѣды не было тѣмъ временемъ и рѣчи, такъ какъ въ этомъ самомъ году въ самой Польшѣ началась зловѣщая драма, бунтъ Зебржидовскаго. Источникомъ бунта была политика, избранная Сигизмундомъ и впавшая въ рѣзкое противорѣчіе съ волей народа. Хотя сеймъ за сеймомъ отвергалъ замыслы короля, Сигизмундъ возвращался къ нимъ все съ большимъ упорствомъ и смѣлостью. Онъ не измѣнилъ имъ даже тогда, когда у него родился сынъ Владиславъ и пужно было обезпечить для него наслѣдство въ Польшѣ. Къ старымъ планамъ присоединились только новые, коронованія преемника при своей жизни, ограниченія сеймовъ, преобразованія прежнихъ должностей въ зависящія отъ короля чины и организаціи польскаго мѣстнаго владства съ помощью майоратовъ, которые бы давали голосъ въ сенатѣ. Къ сожалѣнію, эти планы внутренней реформы—если таковыя существовали—король самъ уничтожалъ впередъ своею внѣшней политикой и новыми переговорами съ Австріей, въ которой по смерти первой жены онъ искалъ себѣ новой супруги. Къ сожалѣнію, онъ окружалъ себя такими людьми, какъ Сигизмундъ Мышковскій, съ 1601 года великій коронный маршалокъ, которые выказывали явное презрѣніе къ народнымъ шляхетскимъ традиціямъ и своимъ вызывающимъ поведеніемъ рыли пропасть между народомъ и трономъ. Можетъ быть онъ предполагалъ, что этотъ народъ умѣетъ разсуждать и кричать, но благодаря своему безконечно мягкому характеру никогда не рѣшится на дѣятельный, энергическій протестъ? Не только для сильнаго правительства нужна политическая мысль, единство и дисциплина въ народѣ; въ нихъ нуждается еще въ большей степени всякая здравая, необходимая и счастливая революція. Замойскій хорошо видѣлъ, что о такой революціи, о сверженіи Сигизмунда съ трона не могло быть и рѣчи въ тогдашней Польшѣ, и потому не про-

съ ними, они, такъ ихъ ненавидѣвшіе, 2) были способны къ такой проникаемости, они, выказавшіе во время мятежа такое отсутствіе способностей, 3) желали видѣть на польскомъ тронѣ московскаго царя, и притомъ Дмитрія, котораго считали самозванцемъ, они, для которыхъ Сигизмундъ III былъ слишкомъ тяжелъ. Наконецъ, почему отнимать у іезуитовъ то, что съ ихъ точки зрѣнія было смѣлымъ и похвальнымъ дѣломъ?

возгласилъ ея, потому сдерживалъ ее своимъ сильнымъ авторитетомъ.

Замоискій не успѣлъ однако помѣшать тому, чтобы въ странѣ росли элементы недовольства, чтобы въ народѣ накоплялась горечь, которую мы видимъ въ тогдашней поэтической литературѣ. Ее слегка только затрогиваетъ симпатичный Симонъ Шимоновичъ, какъ въ болѣе мелкихъ своихъ произведеніяхъ, такъ и въ главномъ своемъ созданіи, Идилліяхъ (Sielanki, изд. въ 1614 г.); зато Себастьянъ Клѣновичъ изъ описательной поэзіи, въ которой онъ сильно отличался (Roxolania 1584 и Flis 1595), переходитъ въ язвительную сатиру (Victoria deorum 1600 и Worek Judaszów 1600).

Поэтому, когда великій канцлеръ и гетманъ умеръ въ 1605 г., люди, принявшіе послѣ него политическое наслѣдство, вскорѣ довели дѣло до бунта. Не находя себѣ по смерти Замоискаго никакой сдержки, воевода сандомірскій Николай Зебржидовскій, Янушъ Радзивиллъ, Янъ Гербуртъ и Станиславъ Стадницкій воспользовались общимъ нерасположеніемъ народа къ королю, сдѣлались предводителями шляхты и, ловко скрывая свои личные побужденія и обиды, созвали ее на съѣздъ въ Стенжицу, который затѣмъ перенесли въ Люблинъ и еще позднѣе въ Сандоміръ. Эти массовые съѣзды шляхты были доказательствомъ общаго недоброжелательства къ королю, но вмѣстѣ выказали и полную ея неспособность къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Шляхта собиралась не съ тѣмъ, чтобы лишить Сигизмунда короны и подчиниться новому сильному правительству, но только для того, чтобы облегчить свои чувства громкими крикамъ. Дѣло окончилось писаніемъ жалобъ (т. н. gważiny), которыя были пересланы королю. Среди множества незрѣлыхъ и невозможныхъ требованій мы находимъ все же одно, рѣзко вскрывающее передъ нами главное побужденіе не анархическихъ предводителей, но привлеченной ими къ бунту шляхты. Шляхта требуетъ, чтобы король удалилъ отъ двора чужеземцевъ и іезуитовъ и на мѣсто ихъ принялъ постоянный приближенный совѣтъ, состоящій изъ трехъ сенаторовъ, избранныхъ сеймомъ. Предводители бунта не противились этому требованію, руководясь несомнѣнно тѣмъ утѣшительнымъ соображеніемъ, что это первенствующее мѣсто достанется имъ, и такимъ образомъ въ дѣлѣ вообще плохомъ и грязномъ сохранилось одно болѣе здоровое зерно.

Такой маленькій приближенный королевскій совѣтъ, основанный на сеймовомъ большинствѣ, однимъ словомъ парламентское

министерство, былъ единственнымъ средствомъ возстановить совершенно утраченное довѣріе между трономъ и народомъ. Онъ давалъ народу увѣренность, что королевская политика будетъ направляться въ народномъ духѣ и тѣмъ самымъ усиливалъ короля и создавалъ наконецъ правительство, котораго до сихъ поръ Польша была лишена. Думать объ абсолютномъ правленіи, пмѣи дѣло съ народомъ, который уже втеченіе ста лѣтъ привыкалъ къ такой широкой политической свободѣ, было дѣломъ труднымъ, но зато тѣмъ болѣе слѣдовало думать объ учрежденіи, которое примирило бы свободу съ порядкомъ, короля съ народомъ. Поэтому, еслибы Сигизмундъ еще въ эту послѣднюю минуту рѣшился бросить свою пагубную личную политику, удалилъ наущниковъ, поручилъ правленіе заслуженнымъ и уважаемымъ людямъ: Жолкевскому, Ходкевичу и имъ подобнымъ и осуществилъ общее желаніе народной политики, онъ конечно не обуздалъ бы этимъ Зебржидовскаго и его сообщниковъ, но въ одну минуту лишилъ бы бунтъ популярности и поддержки, привлекъ бы къ себѣ возмущенные во имя здраваго принципа умы шляхты и съ одного раза сломилъ и навсегда устранилъ бы элементы анархіи, осмѣлившіеся вести бунтъ до конца.

Это былъ единственный случай. Но король совершенно не думалъ ни о чемъ подобномъ, для него дѣло было во временномъ устраненіи неудобнаго бунта, а не въ спасеніи страны и ея будущности. Поэтому Сигизмундъ со всей своей придворной камарильей выказалъ фальшивое смиреніе, созвалъ съ своей стороны шляхту на съѣздъ въ Вислицу, подтвердилъ всѣ прежніе анархическіе законы, торжественно завѣрнулъ, что онъ не думалъ нарушать ихъ и даже обѣщался въ своей внѣшней политикѣ согласоваться съ мнѣніемъ сенаторовъ. Это было самое вредное общее мѣсто во всѣхъ королевскихъ заявленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, насколько руководство постояннымъ совѣтомъ нѣсколькихъ избранныхъ сенаторовъ, опирающихся на сеймовомъ большинствѣ, вело къ прочному правительству, настолько же обращеніе къ мнѣнію нѣсколькихъ десятковъ сенаторовъ лишь затрудняло и замедляло дѣйствія правительства, отдавало послѣднее въ добычу взаимной зависти знатныхъ пановъ и приводило въ концѣ концовъ къ тому, чтобы прикрыть личную политику короля мнѣніемъ нѣсколькихъ безусловно ему преданныхъ сенаторовъ. Такимъ образомъ Сигизмундъ, не желая выставить знамени порядка и власти, выставилъ противъ анархіи олигарховъ мятежа знамя

королевской анархіи и шляхетскаго своеволія и такой цѣною стался пріобрѣсти умы народа.

Въ трудномъ положеніи оказались лучше наслѣдники политики Замойскаго: Жолкевскій, Потоцкіе, Сѣнявскій. Какъ добрые граждане, они сложили однако нанесенныя имъ королемъ обиды на алтарь общественнаго блага, стали во главѣ одиннадцати тысячъ отборнаго рыцарства и рѣшились защищать отъ покушеній бунтовщиковъ не политику Сигизмунда и его камарильи, но авторитетъ королевской власти, чтобы изъ общей смуты сохранить по крайней мѣрѣ его на лучшія времена. По ихъ примѣру большая и болѣе здоровая часть народа отступилась отъ дѣла мятежа. Король долго пытался устроить примиреніе и соглашеніе съ остальными, но, когда въ 1607 г. они отказали ему въ послушаніи и провозгласили безкоролье, онъ долженъ былъ обратиться къ Жолкевскому, который напалъ на бунтовщиковъ подъ Гузовымъ и въ кровавой битвѣ совершенно разсѣялъ ихъ.

Вездѣ въ другихъ мѣстахъ побѣда въ домашней войнѣ приводила королей къ усиленію правительства, къ абсолютной, часто даже террористической власти. Побѣда подъ Гузовымъ не произвела такихъ результатовъ. Тамъ пали нарушители спокойствія и виновники бунта, побѣдили люди порядка, служившіе дѣлу народной политикѣ и подавленіемъ бунтовщиковъ доставившіе ему тѣмъ большую силу, но тѣмъ не менѣе и эти побѣдители бунта не хотѣли допустить примѣрнаго наказанія бунтовщиковъ и образованія сильнаго правительства. Жолкевскій и его партія едва ли не болѣе боялись правленія Сигизмунда, чѣмъ бунтовщиковъ. Поэтому безпорядокъ остался въ силѣ, король простилъ бунтовщиковъ, но, возвратившись къ прежней политикѣ, отстранилъ Жолкевскаго отъ правительства.

Такая незначительная смута, какъ бунтъ, не только не грозила Польшѣ никакой опасностью, но напротивъ могла сдѣлаться наиболѣе удобной исходной точкой для новой жизни и реформы Рѣчи Посполитой. Только ошибочное разрѣшеніе дѣла бунта, покореніе бунта и, несмотря на это, оставленіе анархіи сдѣлалось страшнымъ несчастьемъ для страны. Впослѣдствіи забыли о всемъ ходѣ бунта и спрашивали только: если Сигизмундъ III, побѣдивъ бунтовщиковъ, не устранилъ анархическихъ законовъ, но подтвердилъ ихъ и призналъ благотворными, то кто же осмѣлился бы посягнуть на эти законы. Поэтому если намъ въ дальнѣйшемъ теченіи нашей работы придется не разъ порицать бунтъ, то мы будемъ подражывать не самый бунтъ, но его фатальное разрѣшеніе.

Самую любопытную, лучше сказать, самую грустную роль сыграли во время бунта іезуиты. Какъ бы ни порицали мы внѣшнюю политику, къ которой они побуждали Польшу, нужно сознаться, что въ этомъ отношеніи вина въ концѣ концовъ падала не на нихъ, а на короля, дѣлавшаго членовъ ордена своими министрами. Это было впрочемъ зло временное, которое легко могъ исправить слѣдующій болѣе самостоятельный король. Нельзя также отказать въ признаніи той дѣятельности іезуитовъ, которая стремилась къ усиленію въ народѣ монархическихъ понятій, уваженія къ правительству и власти, которая вступала въ открытую борьбу съ своеволіемъ и безнарядьемъ. Нужно прочесть отвратительныя сочиненія Крыштофа Варшевицкаго (О лучшемъ состояніи свободы—*De optimo statu libertatis* 1598), рекомендующія Польшѣ деспотизмъ Филиппа II, чтобы оцѣнить то искусство, съ какимъ Скарга въ своихъ «Сеймовыхъ проповѣдяхъ» (*Kazania sejmowe* 1600) поставилъ Польшѣ образцомъ католическую монархію; достаточно познакомиться съ одной изъ этихъ проповѣдей, чтобы почувствовать, съ какой глубокой вѣрой защищалъ свои убѣжденія краснорѣчивый проповѣдникъ. Почему же іезуиты не устояли въ этомъ направленіи, почему при первомъ испытаніи, при бунтѣ Зебржидовскаго, они отступились отъ своего знамени? Быть можетъ, они замѣтили, что, продолжая призывать къ неограниченной монархіи, они компрометируютъ короля и безъ нужды навлекаютъ на себя крики и негодованіе поверхностныхъ по уму и наслаждавшихся своимъ своеволіемъ людей среди шляхты. Они знали, что католицизмъ уже одержалъ побѣду и что въ достиженіи безусловнаго вліянія на весь народъ имъ больше поможетъ прославленіе шляхетской свободы, чѣмъ абсолютной власти. Поэтому они ни на минуту и не колеблются, пропускаютъ въ новыхъ изданіяхъ сеймовыхъ проповѣдей Скарги знаменитую проповѣдь о монархіи, смѣло становятся передъ взволнованной шляхтой, оправдываются, что они никогда не стояли за монархію, и заявляютъ, что нѣтъ болѣе горячихъ, чѣмъ они, приверженцевъ шляхетскихъ вольностей, избранія и единогласія. Іезуиты первые выступаютъ съ доктриной, что католическая церковь есть наилучшій стражъ своеволія шляхты, что золотая свобода и католицизмъ представляютъ два однозначія понятія.

Незачѣмъ прибавлять, какъ страшенъ былъ этотъ ядъ, влитый въ шляхетскіе умы съ начала XVII вѣка. Народъ возвратился къ католической церкви въ томъ убѣжденіи, что эта цер-

ковъ охранить его отъ реформаціонныхъ смуть и укрѣпить его, но неискусные апостолы католицизма въ Польшѣ обманули его надежды и ради личной своей временной выгоды сами подсунули ему ядовитый напитокъ.

Мы начинаемъ періодъ постоянного внутренняго упадка Польши только съ бунта Зебржидовскаго. Дѣйствительно, хотя отсутствіе правительства сильно давало себя чувствовать уже со временъ Сигизмунда I, однако при обоихъ послѣднихъ Ягеллонахъ не было еще законовъ, которые бы составляли легальное препятствіе къ реформѣ правительства, напротивъ отъ временъ Альбрехта и Александра существовали законы, наиболѣе пригодные для образованія правительства, нужно было только дополнить и осуществить ихъ. Позднѣе, послѣ 1573 года, Польша имѣла уже пагубные законы, которые дѣлали въ принципѣ правительство невозможнымъ, но въ виду народа, полнаго жизни и содержанія, эти законы оставались мертвой буквой, которая при Баторіи фактически утратила уже значеніе, а при его преемникѣ могла окончательно разлетѣться какъ мыльный пузырь. Только бунтъ Зебржидовскаго возвысилъ и осуществилъ эти зловѣщія законы, придавъ имъ дѣйствительное значеніе и отпечаталъ ихъ неизгладимыми чертами уже не въ сборникахъ законовъ, но въ сердцахъ и умахъ всего народа. Бунтъ создалъ общее убѣжденіе, что эти законы хороши и благотворны, что единственно они обусловливаютъ счастье и будущность страны. Бунтъ окончательно задержалъ сердцебіеніе организма, образуемаго Польшей, и сдѣлалъ изъ нея мертвое тѣло, которое само по себѣ уже не могло развиваться, т. е. жить и мыслить. Съ тѣхъ поръ внезапныя событія и бѣдствія временно гальванизовали этотъ организмъ, иногда даже удачно, но не смогли оживить его. Польша безвозвратно упустила два великія историческія движенія, несшія съ собою сильное правительство и развитіе, то есть реформацію и затѣмъ католическую реакцію, и благодаря этому должна была втеченіе двухъ вѣковъ ожидать новаго историческаго движенія, какимъ оказалась только французская революція.

§ 86. Золотая свобода.

Присмотримся къ той уродливой политической теоріи, которая, будучи основана на законахъ 1573 года, а затѣмъ подтверждена и дополнена на сеймахъ послѣ бунта, на два столѣтія сдѣлалась единственнымъ обязательнымъ и непоколебимымъ закономъ. Въ

ея буквальному значеніи это была теорія величайшаго равенства и свободы гражданъ, это былъ идеаль, ошибка котораго заключалась только въ томъ, что онъ былъ идеаломъ, мыслью невозможной для осуществленія. Въ дѣйствительности она представлялась иначе.

Существуетъ столько государствъ, сколько воеводствъ, соединенныхъ въ одинъ союзъ Рѣчи Посполитой. Этотъ союзъ имѣетъ свой высшій органъ въ сеймѣ. Отдѣльные государства не утрачиваютъ однако своей самостоятельности, они высылаютъ на сеймъ своихъ пословъ съ обязательными для послѣднихъ инструкціями, такъ что сеймъ является конгрессомъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ государствъ, въ которомъ рѣшеніе можетъ быть постановлено только единогласіемъ. Сеймъ пользуется верховной властью въ законодательствѣ, судѣ и администраціи и районъ его дѣятельности ничѣмъ не ограниченъ. Онъ не можетъ однако для исполненія своихъ рѣшеній избирать никакой коммисіи, не можетъ назначать никакой исполнительной власти. Очевидно думали, что такая власть, хотя и избранная изъ сейма, хотя и республиканская, могла бы нарушить шляхетскую свободу. И сеймъ продолжительный могъ бы взяться за правленіе, могъ бы стать опаснымъ, поэтому онъ не долженъ продолжаться болѣе шести недѣль и, кромѣ экстренныхъ случаевъ, собирается только черезъ два года.

Нужно однако имѣть кого-нибудь, на комъ бы тяготѣла отвѣтственность за теченіе государственныхъ дѣлъ. Такимъ лицомъ по старому обычаю является король. Король отвѣчаетъ за все, что произошло, король долженъ все устраивать, король долженъ покрывать государственные расходы изъ доходовъ съ коронныхъ имѣній и прежде всего изъ личнаго своего имущества и только въ экстренныхъ случаяхъ требовать отъ сейма установленія налоговъ. Въ принципѣ король пользуется исполнительной властью, но онъ могъ бы сдѣлать изъ нея плохое употребленіе, могъ бы стремиться къ абсолютному правленію, и потому власть эта такъ ограничивается, что фактически она у него отнимается. Король не долженъ ничего предпринимать безъ совѣта сенаторовъ, особенно не долженъ ничего начинать безъ нихъ въ дѣлахъ дипломатическихъ. Второй контроль составляютъ великіе коронные и литовскіе сановники, особенно канцлеры, подскарбии и гетманы. Ни каждый изъ нихъ въ отдѣльности, ни все они вмѣстѣ не могутъ ничего предпринять безъ короля, но каждый изъ нихъ имѣетъ право отказать въ повиновеніи, если ему кажется, что

король дѣйствуетъ противозаконно. Поэтому они пользуются своими должностями на началахъ пожизненности и несменяемости, король же также пользуется своимъ саномъ только пожизненно и избирается всею шляхтой поголовно, чтобы онъ помнилъ, что получаетъ свой санъ по волѣ народа, и чтобы наследственность трона не угрожала свободѣ. Третій контроль надъ королемъ находится въ рукахъ сейма, который можетъ отиѣнить и уничтожить всякій его шагъ. Наконецъ четвертымъ и послѣднимъ контролемъ надъ королемъ и сеймомъ пользуется каждый шляхтичъ, такъ какъ онъ можетъ королю отказать въ повинности, а сеймъ сорвать и уничтожить путемъ *liberum veto*, о которомъ мы скажемъ впоследствии.

Излишне прибавлять, что такое политическое устройство, стѣснявшее «короля» и еще болѣе стѣснявшее «сеймъ», было создано только для того, чтобы эти двѣ магистратуры всегда взаимно парализовали другъ друга и не приводили ни къ какому правительству, какъ фактору, стѣсняющему свободу. Если бы еще по крайней мѣрѣ каждое воеводство образовывало дѣйствительно хорошо организованное государство и имѣло свое правительство, но и этого не было, такъ какъ на воеводскомъ сеймикѣ основу его опять составляло единогласіе и такимъ образомъ одинъ шляхтичъ могъ уничтожить рѣшеніе сеймика, а тѣмъ самымъ и сейма.

Окончательное принятіе принципа единогласія въ 1589 году было смертнымъ приговоромъ для всякой болѣе глубокой реформы на поприщѣ ли права, судопроизводства, финансовъ, войска или администраціи. Всякая такая хорошо обдуманная реформа должна по природѣ вещей нарушить чьи-либо интересы, вызвать чье-нибудь сопротивление, а это сопротивление благодаря принципу единогласія никто не въ силахъ былъ сломить. Поэтому съ концомъ 16-го вѣка окончательно падаетъ все законодательство, нѣкогда справедливо составлявшее гордость Польши. Увеличивается, правда, число сеймовыхъ конституцій, но онѣ представляютъ изъ себя разрозненныя постановленія, продиктованныя минутной нуждою, поверхностныя по содержанию, все болѣе запутанныя и непонятныя по своему отрывочному изложенію. Польское право вошло, правда, во второй половинѣ 16-го вѣка на новые пути развитія, все болѣе пользовалось пробудившимся изученіемъ римскаго права, присвоивало себѣ его принципы, къ чему сильную инициативу дало уже знаменитое сочиненіе Пржидускаго, сдѣлалось предметомъ научнаго изслѣдованія и обра-

ботки, но всё эти усилія не дали желанныхъ плодовъ благодаря отсутствію надлежащимъ образомъ дѣйствующей законодательной власти. Единогласіе сдѣлало невозможнымъ всякое измѣненіе къ лучшему.

Современники хорошо чувствовали это, и если они отстаивали золотую свободу, какъ идеаль, которымъ Польша возвышается надъ всѣми народами, если въ защиту этого идеала выдумали позднѣе такую очевидную нелѣпость, какъ пресловутая пословица «Польша безнарядьемъ (т. е. вслѣдствіе безнарядья) стоитъ», то легко догадаться, что золотая свобода должна была служить только прикрытіемъ другому стремленію, скажемъ прямо—матеріализму и частнымъ интересамъ.

Золотая свобода позволила уклониться отъ обязанностей по отношенію къ отечеству, отъ войска и податей и грабить остатки государственной казны. Золотая свобода дѣлала невозможнымъ всякій порывъ къ болѣе возвышеннымъ, идеальнымъ цѣлямъ, дѣлала невозможной наступательную войну, которую нельзя себѣ представить безъ пожертвованія жизнью и имуществомъ. Не идеалы губили поляковъ, но эгоизмъ.

Мы возвратимся еще къ этому замѣчанію, когда передъ нашими глазами развернется уже исторія XVII вѣка, теперь же спросимъ дѣйствительно-ли золотая свобода была свободою. Если истинная свобода заключается въ томъ, чтобы каждый гражданинъ въ предѣлахъ закона могъ свободно двигаться, мыслить и дѣйствовать, чтобы большинство народа могло проявлять свое политическое направленіе и съ помощью хорошаго правительства осуществлять это направленіе, то такой истинной свободы Польша въ XVII вѣкѣ уже совершенно не знала и ея прославленная золотая свобода была жесточайшей неволей.

Изъ страха за себя она прежде всего стѣсняла всякую болѣе смѣлую мысль въ словѣ и письмѣ, ввела страшнѣйшую цензуру, которая убила исторію и всегда непріятную для отдѣльныхъ личностей историческую истину и поддерживала только плоскіе, смѣшныя панегирики. Золотая свобода, увѣривъ себя, что католицизмъ является сильнѣйшей обороной и щитомъ ея, проявляла нетерпимость къ иновѣрцамъ, считая ихъ элементомъ опаснымъ не государству и общественному порядку, но тому однообразію, той одинаковости мысли, какія были условіемъ свободы. Золотая свобода ненавидѣла всякаго, кто характеромъ ли своимъ, разумомъ или новою мыслью осмѣливался подняться надъ массами, и свергала его съ его высоты; проходя рубанкомъ по всему обществу,

она оттискивала на немъ печальную печать духовнаго равенства, т. е. посредственности, и развивала матеріализмъ до цинизма.

Золотая свобода была прежде всего свободой шляхетской и слѣдовательно привилегіей одного сословія, влекшей за собою униженіе городовъ и неволю сельскаго люда. Вредные финансовыя законы временъ Сигизмунда Августа произвели уже свой плодъ: полное экономическое паденіе городовъ. Шляхта, ломая ихъ самостоятельность, присвоивала себѣ надъ отдѣльными городами, особенно менѣе значительными, почти такую же власть, какъ надъ подчиненными ей крестьянами. Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ какъ Сигизмундъ III перенесъ резиденцію въ Варшаву, некому даже было уже и защищать интересы городовъ. Краковъ, совершенно обезлюдѣвшій и опустившійся, не счумѣлъ сдѣлать употребленія изъ своихъ правъ и привилегій. Послы его едва бывали допускаемы на сеймъ для подписанія акта избранія. Быстро же поднимавшаяся Варшава не имѣла никакихъ правъ. Сельское населеніе совершенно уже утратило опеку закона въ своихъ отношеніяхъ къ панамъ, утратило свою личную свободу. Шляхтичъ, владѣвшій одной деревенькой, пользовался надъ нимъ правомъ жизни и смерти, преслѣдовалъ бѣжавшихъ крестьянъ и прикрѣплялъ ихъ къ своей землѣ, шляхтичъ видѣлъ въ немъ рабочую машину, на которую накладывалъ столько панщины, сколько могли выдержать ея физическія силы. Свойственная полякамъ мягкость характера, старыи патриархальный обычай, наконецъ христіанская религія были единственной защитой крестьянина, совершенно покинутого закономъ. Но не только для сельскаго люда, и для самой шляхты золотая свобода подъ лозунгомъ равенства готовила страшную неволю.

И еслибы еще это безусловное равенство могло быть осуществлено въ дѣйствительности, но и того не было, такъ какъ этому противились экономическія условія. Въ странѣ неключительно земледѣльческой, ведшей въ широкихъ размѣрахъ колонизацію, должны были возникать и соединяться въ однихъ рукахъ громадныя поземельныя имѣнія, и у владѣльцевъ этихъ имѣній скоплялись такія огромныя матеріальныя средства, что каждый изъ нихъ держалъ толпы окрестной, особенно мелкой, размножившейся шляхты въ полной экономической зависимости отъ себя. Еслибы такіе магнаты имѣли обезпеченное участіе въ правительствѣ или еслибы они могли по крайней мѣрѣ сами взяться за руки и создать легальное правительство, Польша имѣла бы, можетъ быть, очень хорошую, во всякомъ случаѣ энергичную армию.

стократическую форму правительства. Но для чего же существовалъ король, для чего существовали сеймъ и сеймики, для чего самое единогласіе, какъ не для того, чтобы сдерживать всякаго магната въ его наилучшихъ стремленіяхъ, чтобы не дать имъ соединиться и наоборотъ возбуждать ихъ другъ противъ друга. Зато если такой магнатъ бросался на попріще анархіи, если онъ провозглашалъ себя защитникомъ свободы, если изъ-за оскорбленнаго честолюбія, ради корысти или мести, онъ хотѣлъ разорвать сеймъ или унижить короля, шляхта становилась за него, законы оставляли ему полную свободу дѣйствій.

Несмотря на принципъ гражданскаго равенства, несмотря на лозунгъ: «шляхтичъ на огородѣ равенъ воеводѣ», польская шляхта въ XVII вѣкѣ утрачиваетъ дѣйствительное вліяніе на государственныя дѣла, перестаетъ быть самостоятельнымъ политическимъ факторомъ, все въ Польшѣ съ этихъ поръ составляетъ олигархію.

Въ предѣлахъ закона ни король и ни одинъ благомыслящій гражданинъ не могъ ничего сдѣлать. Мы говоримъ «въ предѣлахъ закона», такъ какъ пагубные законы не позволяли послужить родной странѣ ничѣмъ дѣйствительнымъ и благотворнымъ. Отсюда вытекало естественное слѣдствіе, что тѣ исключительные люди, которые не подверглись общей испорченности, которые еще думали о благѣ и спасеніи народа, могли развивать свою дѣятельность только внѣ предѣловъ обязательныхъ законовъ, должны были видѣть первую свою задачу въ уничтоженіи этихъ законовъ, въ насильственномъ извращеніи ихъ. Это было несказанно грустное явленіе, что лучшіе граждане должны были дѣлаться величайшимъ анархистами. Такая анархія, неизбежная по самому строю Рѣчи Посполитой, вызываемая ея основными законами, создала себѣ даже извѣстную постоянную форму, къ которой обыкновенно прибѣгала: конфедерацію. Это былъ добровольный, явный и подтвержденный присягой союзъ гражданъ, которые ставили себѣ какую-либо болѣе крупную цѣль «для блага отечества» и, видя, что не могутъ достигнуть ея въ опредѣленныхъ обязательными законами границахъ, на время устраняли ихъ и составляли особое конфедератское правительство. Такое правительство состояло изъ сейма, въ которомъ дѣла рѣшались по большинству голосовъ, и энергической исполнительной власти, во главѣ которой становился маршалокъ конфедераціи. Каждая конфедерація старалась втянуть въ свой союзъ всѣ земли и всѣхъ гражданъ, и прежде всего старалась встать при королѣ, т. е. захватить господство надъ королемъ, если только цѣлью

ея не было сверженіе короля и лишеніе его трона. Если бы конфедерация могла удержаться постоянно, Польша не страдала бы отсутствіемъ правительства. Всѣмъ, что ни сдѣлала Польша хорошаго въ XVII и XVIII вѣкахъ, именно защитой своей отъ нападений извнѣ, она обязана временнымъ конфедерациямъ, основывавшимся съ благородной цѣлью и разумной мыслью. Но конфедерацию могъ основывать не только король и сеймъ, а каждый гражданинъ; противъ конфедерации, стремившейся къ реформѣ Рѣчи Посполитой, могла встать и становилась другая конфедерация, которая, руководясь благими намѣреніями, но пребывая въ вредномъ заблужденіи, готова была стоять и бороться за сохраненіе золотой свободы и уродливыхъ законовъ. Наконецъ конфедерацию могъ каждую минуту основать оскорбленный въ своемъ честолюбіи магнатъ или даже явный измѣнникъ своего отечества и, если онъ умѣлъ ловко прикрыться плащомъ стража свободы, если имѣлъ многочисленныхъ кліентовъ, то всегда находилъ посредственные умы, которые становились за него и помогали ему въ уничтоженіи всякой здоровой мысли. Никто другой, какъ конфедерация, окончательно сгубила Польшу.

V.

**Ошибочная внѣшняя политика доводитъ Польшу до потери политическаго значенія въ Европѣ.
(1608—1655).**

Л И Т Е Р А Т У Р А.

Первая половина XVII-го вѣка всего подробнѣе сравнительно представлена въ «Исторіи» Шуйскаго («Dzieje», t. III). До болѣе глубокой и обстоятельной обработки ея еще не дошло.

Только отдѣльные эпизоды изъ исторіи этого періода дали монографіи: Дзѣдушицкаго, Маврикія: «Краткій очеркъ исторіи и дѣлъ Лисовчиковъ» («Krótki rys dziejów i spraw Lisowczyków», tt. 2. Lwów 1843—4).

Мосбаха, Августа: «Два посольства въ Польшу въ 1611 и 1620 годахъ» («Dwa poselstwa do Polski w latach 1611 i 1620». Poznań 1863) и «Избраніе князя Карла Фердинанда» («Die Wahl des Prinzen Karl Ferdinand». Posen 1871).

Котлубая, Эдуарда: «Отбитіе Смоленска и поляновскій миръ» («Odsiecz Smoleńska i rokój polanowski». Dodatek do Czasu. Kraków. 1858).

«Жизнь Януша Радзивилла, великаго короннаго гетмана». («Życie Janusza Radziwiłła, hetmana w. k.» Wilno 1859).

Балинскаго, Михаила: «Памятники, служащіе для выясненія государственныхъ дѣлъ въ Польшѣ въ XVII вѣкѣ». («Pamiętniki do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku posługujące». Wilno 1859).

Балицкаго, Бернарда: «Владиславъ IV въ качествѣ короля хлоповъ» («Władysław IV-ty królem chłopów». Przegląd polski. Kraków 1867).

Луске, Кеверія: «Турецко-польская кампанія въ 1620 году» («Der türkisch-polnische Feldzug im Jahre 1620». Archiv für Kunde österr. Geschichte, Bd. XLI) и

«Эпизодъ изъ исторіи московской войны 1633—1634 гг.» (Przyczy-

nek do historii wojny moskiewskiej z lat 1633 do 1634». Bibl. Oss. tom XI. Lwów 1868).

Адамовичъ А. Адольфа: «Хроника Павла Пясецкаго» («Kronika Pawła Piaseckiego»). Kraków 1870).

А. Р.: Первые годы общественной дѣятельности Адама Киселя (1628—1635)». («Pierwsze lata publicznego zawodu Adama Kisiela (1628—1635)». Przewodnik naukowy. Lwów 1874. I).

Дубецкаго, Маріана: «Кудакъ, пограничная крѣпость и ея окрестности» («Kudak, twierdza kresowa i jej okolica». Kraków 1879).

Важнѣйшимъ сочиненіемъ, относящимся къ этому періоду польской исторіи, была работа Карла Шайнохи: «Два года нашей исторіи, 1646—1648». («Dwa lata dziejów naszych. 1646—1648» t. t. 2. Lwów 1865—1869), уже по тому одному, что авторъ ея съ большимъ талантомъ затронулъ козацкій вопросъ, вокругъ котораго въ концѣ концовъ вращается польская исторія середины XVII вѣка, и, исправивъ прежнія басни объ Украинѣ и козакахъ, печатавшіяся въ многочисленныхъ сочиненіяхъ Михаила Глищинскаго и Яна Чарновскаго, бросилъ истинный свѣтъ на козачество. На этой работѣ основывался и Кулишъ въ своемъ извѣстномъ, основанномъ на первоисточникахъ, сочиненіи: «Исторія воссоединенія Руси» т. т. 3. Петербургъ и Москва. 1874—1877. Этой похвалы нельзя примѣнить къ многочисленнымъ и старательнымъ, но страстно-партийнымъ работамъ Владиміра Антоновича, касающимся южно-русскихъ отношеній и печатавшимся въ «Архивѣ юго-западной Россіи», и особенно къ его труду: «Исслѣдованіе о козачествѣ». (Архивъ, часть III, томъ I. Кіевъ 1863). Дальнѣйшія движенія козачества представляетъ Н. Костомаровъ въ IX—XI томахъ «Историческихъ монографій и изслѣдованій» (Богданъ Хмельницкій) изд. 3-е, Петербургъ, 1870, но онъ въ этой работѣ, цѣнной по заимствованнымъ изъ источниковъ подробностямъ, не одолѣлъ затрудненій къ безпристрастной и правдивой оцѣнкѣ такой загадочной личности, какою является Хмельницкій. Наконецъ въ послѣднее время вопросомъ о козачествѣ занялся Александръ Яблоновскій въ трудахъ: «Украинскія староства въ первой половинѣ XVII вѣка» («Starostwa ukraiinne w pierwszej połowie XVII-go wieku». Źródła dziejowe t. V. Warszawa 1877) и «Украинскія границы» («Kresy ukraiinne». Ateneum. Warszawa 1878).

Насколько однако путемъ этихъ работъ освѣщался вопросъ о козачествѣ, настолько же другіе факты современной ему польской исторіи представлялись въ романическомъ освѣщеніи, вращались вокругъ созданнаго безъ критики апофеоза Владислава IV, который въ прекрасныхъ образахъ нарисовалъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи Шайноха. Этотъ недостатокъ старается устранить Людовикъ Кубаля въ цѣломъ рядѣ историческихъ очерковъ, печатавшихся съ 1873 года въ «Przewodniku literackim i nau-

kowym», выходящемъ во Львовѣ, а теперь собранныхъ вмѣстѣ и напечатанныхъ подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки» («Szkice historyczne». Ser. 1 i 2-ga. Lwów 1880). Здѣсь помѣщаются очерки: королевичъ Янъ Казиміръ, Осада Львова въ 1648 г., Осада Збаража и Зборовскій миръ, Посольство Пушкина въ Польшу въ 1650 г., Битва подъ Берестечкомъ, Костка-Наперскій, Процессъ Радзѣвскаго, Первое *liberum veto*, Кровавые сваты, Черная смерть, Жванецкій походъ, Польскій мѣщанинъ XVII-го вѣка. Но наиболѣе подробно разбираетъ Кубала это время въ обширной работѣ: «Юрій Оссолинскій» («Jerzy Ossoliński»), съ 1878 года печатающейся въ *Przewodniku nauk. i liter.* во Львовѣ.

Эту последнюю мы должны упрекнуть въ неполной еще обработкѣ предмета и вслѣдствіе этого частой неясности сужденія, оставленіи нерѣшенными болѣе трудныхъ вопросовъ или недостаткѣ надлежащей связи подробностей, но зато мы находимъ въ ней впервые очерченное по первоисточникамъ и съ большимъ талантомъ царствованіе Владислава IV, благодаря чему личность короля сведена съ того пьедестала, на которомъ ее поставилъ Шайноха, и не мало выяснился общій ходъ тогдашней польской исторіи.

Рядомъ съ работами Кубалы надо поставить здѣсь небольшое сочиненіе I. К. Плебанскаго: «Янъ Казиміръ Ваза. Марія Людвика Гонзага» («Jan Kazimierz Waza. Marya Ludwika Gonzaga» Warszawa 1862), написанное еще раньше, но дающее удачную и хорошо схваченную характеристику. Обоихъ этихъ писателей можно бы упрекнуть въ томъ, что они въ своемъ историческомъ сужденіи, повидимому, слѣдуютъ тому мнѣнію, будто король при тогдашней организаціи могъ что-либо сдѣлать на легальномъ пути, и вслѣдствіе этого въ нелегальныхъ поступкахъ королей видятъ причину неудачи задуманныхъ ими реформъ. Оба историка не доказали однако этой основной своей точки зрѣнія, которой противорѣчатъ и всѣ выясненные ими факты. Въ предѣлахъ обязательныхъ анархическихъ законовъ ничего хорошаго нельзя было сдѣлать, всякая реформа могла быть мыслима только путемъ государственнаго переворота.

§ 87. *Войны Сигизмунда III-го.*

Пагубный компромиссъ, съ помощью котораго окончательно убить былъ бунтъ, уничтожалъ уваженіе къ власти, заглушалъ въ самомъ зародышѣ всякую мысль о внутренней реформѣ, откуда бы она ни исходила, изъ шляхетскихъ ли массъ или отъ королевскаго трона, былъ признакомъ полнаго внутренняго разстройства, но во внѣшней политикѣ онъ не произвелъ сперва ни

застоя, ни какого-либо измѣненія. Польша сохранила свое значеніе въ Европѣ, могла еще усилить его и могла въ этомъ успешномъ значеніи, въ своей внѣшней политикѣ найти исходный пунктъ для своей внутренней реформы. Войны, веденныя втеченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, настолько уже пріучили народъ къ военному ремеслу, что онъ не могъ сразу удержаться въ своемъ увлеченіи. Бунтъ еще увеличилъ число элементовъ, которые искали въ войнѣ хлѣба и занятія, а болѣе здоровые умы въ народѣ, видя, что имъ пресѣчены пути во внутренней политикѣ, стремились въ военномъ бѣшенствѣ потопить воспоминаніе объ испытанномъ разочарованіи и предчувствіе близкаго упадка. Польша была переполнена солдатами, превосходившими другихъ и военной опытностью, и искусствомъ, и мужествомъ своимъ, имѣла много знаменитыхъ вождей и желала войнъ. Сигизмундъ воспользовался этимъ и тотчасъ послѣ подавленія бунта, продолжая развивать свою прежнюю политику, вызвалъ войну на трехъ концахъ Рѣчи Посполитой: съ Москвою, Турціей и Швеціей. Часто одновременно боролись со всѣми тремя противниками и если съ однимъ изъ нихъ заключалось временное перемиріе, то только для того, чтобы собрать и направить большія силы противъ двухъ другихъ.

Началось съ войны съ Москвою. Прекращеніе династіи, создавшей московское княжество, честолюбіе и взаимное соперничество бояръ, съ которыми не могъ справиться новый, избранный въ 1606 году царь Василій Шуйскій, домашняя война Шуйскаго съ вторымъ самозванцемъ Димитріемъ, котораго поддерживали польскіе авантюристы, а Марина Мнишекъ признала чудесно спасеннымъ первымъ Димитріемъ и своимъ мужемъ, все это привело Москву на самый край пропасти. Спасти ее отъ гибели могла только новая сильная династія, а такъ какъ среди общей смуты и зависти вельможъ было неправдоподобнымъ, чтобы такая династія могла выйти изъ среды самого московскаго народа, то Польша возымѣла намѣреніе положить конецъ раздорамъ и посадить династію Вазъ на тронѣ царей. Этотъ планъ, къ которому призывали поляковъ сами московскіе бояре, открывалъ путь вліянію западной цивилизаціи на широкій сѣверъ, прекращалъ дальнѣйшія кровопролитныя войны между обоими государствами и долженъ былъ постепенно сблизить ихъ между собою. Не все однако въ Польшѣ такъ понимали задачи польской политики по отношенію къ Москвѣ. Значительная часть солдатъ видѣла въ войнѣ единственно надежду на добычу, король же заботился глав-

нымъ образомъ о религіозной католической пропагандѣ, которую разжигали въ немъ іезуиты, пропагандѣ не политической, такъ какъ никакое правительство, хотя бы и польское, установленное въ Москвѣ, не могло отречься отъ восточной церкви, составлявшей наиболѣе крѣпкую связь и силу этого государства.

Едва началась война, какъ уже наступила минута важнаго, богатаго неизчислимыми послѣдствіями рѣшенія. Когда король осадилъ Смоленскъ, Жолкевскій во главѣ шеститысячнаго польскаго отряда разбилъ въ 1610 году подъ Клушинымъ превышавшее его численностью войско Шуйскаго и поддерживавшихъ его шведовъ, подошелъ безъ сопротивленія къ стѣнамъ Москвы, отогналъ отъ нихъ Дмитрія Самозванца съ Марпной и привлекъ на свою сторону поддерживавшихъ ихъ поляковъ. Тогда московскіе бояре собрались въ такъ называемую «думу», родъ сейма, свергли ненавистнаго Шуйскаго съ трона, выбрали на его мѣсто царемъ молодого Владислава, сына Сигизмунда III, и, призвавъ Жолкевскаго въ Москву, составили съ нимъ условія избранія. Новый царь долженъ былъ уважать греческую церковь и права бояръ, ввести польскій принципъ «*neminem captivabimus*», доставить Москвѣ союзъ съ Польшей и побѣдить Дмитрія Самозванца. Шуйскихъ выдали Жолкевскому. Посольство московскихъ бояръ явилось въ королевскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ, прося себѣ въ царя Владислава. Это была несомнѣнно минута, рѣшавшая судьбы Москвы, а вмѣстѣ съ ней и Польши. Сигизмундъ безвозвратно пропустилъ ее. Условія, поставленныя боярами, свобода греческой религіи, показалась ему неудобными для принятія, собственный сынъ въ качествѣ московскаго царя не возбуждалъ въ немъ довѣрія въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, несмотря на заклинанія Жолкевскаго, Сигизмундъ отправилъ боярское посольство ни съ чѣмъ и рѣшилъ завоевать Смоленскъ, оружіемъ покорить Москву, самому сѣсть на ея тронъ и силой открыть въ нее доступъ католической пропагандѣ. Но только первая часть предпріятія удалась королю. Въ 1611 году Сигизмундъ дѣйствительно взялъ Смоленскъ, въ Москвѣ вспыхнула страшная домашняя война, обезсилившая всякое сопротивленіе внѣшнимъ врагамъ, но король не умѣлъ торопиться. Только когда польскія войска, недовольныя затягиваніемъ жалованья, начали составлять конфедераціи и возвращаться въ Польшу, король Сигизмундъ въ 1612 году, пренебрегая непріателемъ, двинулся съ небольшою арміею на Москву и, когда наконецъ остановился подъ ея стѣнами, не засталъ уже ея во власти поля-

ковъ. Польскій гарнизонъ въ Кремль, осажденный народомъ, который подъ предводительствомъ Минина и Пожарскаго грозно возсталъ въ защиту своей независимости, долженъ былъ капитулировать. Такимъ образомъ Сигизмундъ, пропустившій единственную удобную минуту, долженъ былъ со стыдомъ возвратиться въ Польшу, а на великомъ соборѣ въ Москвѣ въ 1613 году провозгласили царемъ пятнадцатилѣтняго Михаила Романова, находившагося въ родствѣ по женской линіи съ царемъ Иваномъ. Въ 1616 году новый царь осадилъ Смоленскъ. Тогда Сигизмундъ отправилъ Владислава съ сильнымъ войскомъ подъ предводительствомъ гетмана Ходкевича за московской короной. но было уже поздно. Смоленскъ былъ защищенъ, поляки взяли въ 1617 году Дорогобужъ и Вязьму, но московскій народъ не обратилъ болѣе своихъ взоровъ на Владислава; оскорбленный въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, онъ воспользовался польскимъ натискомъ только для того, чтобы примирить свои внутреннія несогласія и поставить новую династію Романовыхъ, которая, организуя страну наново, должна была возобновить политику Ивановъ и съ такою же настойчивостью, но большей проницательностью направить ее на Польшу. Сперва Михаилъ Романовъ, побѣжденный Владиславомъ и видя его уже подъ стѣнами Москвы, позволилъ склонить себя въ 1618 г. только къ шестнадцатилѣтнему перемирію, на основаніи котораго земли Сѣверская, Черниговская и Смоленская остались за Польшей.

Тѣмъ временемъ Польша должна была обратить вниманіе въ другую сторону, такъ какъ приближалась минута, когда ей пришлось заглянуть въ глаза гиганту, передъ которымъ дрожала тогда вся Европа, Турціи. Война Польши съ Турціей и теперь не имѣла непосредственной и неизбѣжной причины. Обѣ стороны немного могли выиграть въ войнѣ, не нарушали настолько интересовъ другъ друга, чтобы прибѣгать къ кровавой борьбѣ, и потому съ незапамятныхъ временъ находились въ примѣрномъ мирѣ. Причины разрыва вышли извнѣ. Первую подавали козаки, отъ которыхъ Турція терпѣла не меньше, чѣмъ Польша отъ татаръ. Козацкій гетманъ Конашевичъ, энергичнѣе всѣхъ поддерживавшій съ своимъ войскомъ Владислава въ его походахъ на Москву, въ 1615 году сжегъ два главные торговые турецкіе города на Черномъ морѣ—Трапезундъ и Синопъ. Долгое время турки терпѣливо сносили козацкіе набѣги, жаловались Польшѣ, требовали ихъ усмиренія, грозили войной, но война оттягивалась, такъ какъ Польша не щадила обѣщаній и во свою очередь указывала

на татаръ и громко требовала удержанія ихъ хищническихъ загоновъ. Второй причиной неудовольствія между Турціей и Польшей сдѣлалась Валахія, страна, населенная небольшимъ, но испорченнымъ и дикимъ народомъ, постоянно свергавшимъ своихъ господрей и приглашавшимъ своихъ сосѣдей къ вмѣшательству въ его дѣла. Надъ нимъ по-очереди пользовались протекторатомъ Польша и Турція съ видимымъ перевѣсомъ однако этой послѣдней; польскіе паны совершали въ эту страну самовольные, обыкновенно грустно кончавшіеся походы, какъ Стефанъ Потоцкій въ 1612 году, Михаилъ Вишневецкій и Самупль Корецкій въ 1616 г. Такимъ образомъ тратились лучшія силы, которыя, заключенныя въ рамки дисциплины и эксплуатируемыя государствомъ, могли обезпечить Польшѣ берега Чернаго моря. Во все это вмѣшалась Австрія, горячо желавшая впутать своего союзника Сигизмунда въ войну съ Турціей и по крайней мѣрѣ временно обратить на Польшу турецкое могущество, всегда бывшее грознымъ для Габсбурговъ. Это ей вполнѣ удалось. Въ Чехіи вспыхнула именно тридцатилѣтняя война, въ которой могуществу Габсбурговъ угрожали протестантскіе народы и государства, и Австрія могла потребовать отъ Сигизмунда помощи не для себя, но для католицизма. Заключивши уже въ 1613 году съ императоромъ Матвѣемъ наступательный и оборонительный союзъ, Сигизмундъ и доставилъ ей эту помощь и тѣмъ отвлекъ отъ Австріи ея величайшихъ враговъ, Турцію и Швецію. Сперва король согласился только на наборъ польскихъ солдатъ подъ габсбургскія знамена. Восемь тысячъ храбрыхъ польскихъ авантюристовъ подъ предводительствомъ Лисовскаго явилось на призывъ императора и двинулось противъ Бетленъ-Габора, седмиградскаго князя, который во главѣ венгерской оппозиціи и подъ опекой Турціи началъ кровавую борьбу съ императоромъ. Это было со стороны Польши открытымъ нарушеніемъ послѣдняго мира, заключеннаго съ Турціей въ 1617 г. въ Яругѣ и обизывавшаго Польшу къ нейтралитету относительно княжества Седмиградскаго и Молдавіи. Чаша недоразумѣній переполнилась, вспыхнула война и первой ея жертвой палъ великій гетманъ Станиславъ Жолкевскій въ кровавой битвѣ подъ Цецорой въ 1620 г. Небольшое гетманское войско, не поддержанное во время подкрѣпленій, окруженное массами турокъ и татаръ и смѣшавшееся въ послѣднюю минуту при переправѣ черезъ Днѣстръ благодаря переполоху и отсутствію дисциплины въ нѣкоторыхъ отрядахъ, легло на поляхъ Цецоры геройскою смертью. Это было какъ бы вступленіемъ къ

дальнѣйшей борьбѣ. Въ слѣдующемъ году передъ безчисленными басурманскими толпами, съ самимъ султаномъ Османомъ I во главѣ выступившими на завоеваніе Польши, на поляхъ Хотина стало тридцать двѣ тысячи польскаго войска подъ предводительствомъ Карла Ходкевича съ сорока тысячами козаковъ, надъ которыми начальствовалъ ихъ славный атаманъ Конашевичъ Сагайдачный. Не будучи въ состояніи устоять въ чистомъ полѣ противъ численнаго перевѣса непріятели, поляки окопались въ большомъ лагерѣ и втеченіе сорока дней, отражая яростныя нападенія турокъ и дѣлая на нихъ постоянныя вылазки, удерживались на полѣ битвы и наносили врагу значительный вредъ. Нельзя представить себѣ ничего великолѣпнѣе этихъ гигантскихъ битвъ, въ которыхъ Польша у своей границы продиктовала непобѣдимой Турціи: до сихъ поръ, но не дальше! и принудила ее къ возобновенію прежняго мира.

Изъ подъ Хотина однако польскія войска должны были спѣшить сейчасъ же на сѣверъ, въ Лифляндію. Кирхгольмская побѣда, которой не воспользовались благодаря бунту Забржидовскаго, далеко не закончила войны со Швеціей, которая еще два раза (въ 1608 году и въ 1617 году) возобновлялась среди московскихъ и турецкихъ войнъ и окончилась завоеваніемъ нѣсколькихъ крѣпостей шведами и отнятіемъ ихъ поляками. Съ обѣихъ сторонъ вели ее лѣнливо, поляки—по недостатку силъ, занятыхъ въ другихъ мѣстахъ, шведы—по отсутствію большого интереса, руководимые только желаніемъ удержать Сигизмунда отъ интригъ въ Швеціи и принудить его къ окончательному отреченію отъ шведской короны. Теперь однако положеніе измѣнилось. Въ моментъ вспышки тридцатилѣтней войны на шведскомъ тронѣ сидѣлъ молодой и честолюбивый сынъ Карла IX, Густавъ Адольфъ, желавшій какъ можно скорѣе вмѣшаться въ эту войну для защиты сѣверо-германскихъ протестантовъ и строившій смѣлые планы о побѣдѣ надъ Габсбургами и достиженіи императорской короны. Сигизмундъ, союзникъ Габсбурговъ, титуловавшійся шведскимъ королемъ и постоянно думавшій о возвращеніи утраченной короны, былъ для него грознымъ врагомъ, котораго онъ долженъ былъ непременно устранить съ дороги и принудить къ отреченію отъ титула и притязаній на шведскій тронъ передъ тѣмъ, какъ вмѣшаться въ германскія дѣла. Поэтому онъ собралъ всѣ свои силы и, пользуясь хотинской войной, въ 1621 году напалъ на Лифляндію, завоевалъ Ригу и Динамунде, вторгся въ Курляндію, занялъ Митаву и, заключивши перемиріе съ гетма-

номъ Крыштофомъ Радзивилломъ, предложилъ, какъ побѣдитель, миръ, лишь-бы Сигизмундъ отрекся отъ своихъ правъ на шведскую корону. Но Сигизмундъ, поддерживаемый въ своихъ планахъ императоромъ, для котораго важно было занять Густава войной съ Польшей и отвратить его отъ Германіи, обольщаемый общаніями на помощь испанскаго флота на Балтійскомъ морѣ, съ еще большимъ упорствомъ держался за свои права, гордо отвергъ миръ и началъ войну. Густавъ Адольфъ, согласившись съ герцогомъ прусскимъ, завоевалъ и занялъ королевскую Пруссію, за исключеніемъ Гданска и Торна. Втеченіе слѣдующихъ лѣтъ гетманъ Конецпольскій поразилъ его, правда, нѣсколько разъ, именно въ 1627 г. подъ Гаммерштейномъ, а въ 1628 г. подъ Тициной, но не смогъ окончательно вытѣснить его изъ Пруссіи. Выставленный Сигизмундомъ флотъ шведы уничтожили въ 1628 г. и Густавъ Адольфъ, стоя въ Пруссіи, снова предложилъ миръ, отдавая Польшу Пруссію, Курляндію, Лифляндію и даже Эстонію. Подъ вліяніемъ Франціи, желавшей развязать руки Густаву и направить его противъ императора, начаты были переговоры о мирѣ. Польскій народъ негодовалъ на такую бесполезную и вредную для интересовъ Польши войну и такъ же, какъ и шведы, желалъ заключенія прочнаго мира, но Сигизмундъ и теперь не хотѣлъ отступить отъ своего титула и правъ на корону и вмѣсто того, чтобы принять почетный миръ, едва согласился въ 1627 году въ Альтмаркѣ на шестилѣтнее унизительное перемиріе. Шведы удержали свои завоеванія въ Лифляндіи и приморскіе города въ Пруссіи, Мальборгъ и Штурмъ были переданы въ секвестръ герцогу прусскому съ обязательствомъ возвратить ихъ Швеціи, еслибы втеченіе шестилѣтняго перемирія не былъ заключенъ постоянный миръ. Рѣчь Посполитая потеряла порты на Балтійскомъ морѣ: Пилаву, Эльбингъ и Мемель, а данцигскія таможенныя пошлины должны были идти шведскому королю. Густавъ Адольфъ получилъ наконецъ свободу дѣйствій въ Германіи.

§ 88. Польша въ тридцатилѣтнюю войну.

Все это происходило во время тридцатилѣтней войны и оттого принимало тѣмъ худшій для Польши видъ. Прошли уже тѣ времена, когда европейскія государства, одинаково слабыя извнѣ, не могли серьезно угрожать другъ другу и если между ними начинались споры и борьба изъ-за границы, то они не принимали

колоссальныхъ размѣровъ. Народы не выступали тогда въ нихъ всѣми силами и не ставили всего своего существованія на карту. Войска были невелики, уничтожали одно, собиралось второе и третье и давали энергическій отпоръ. Теперь европейскіе народы организовались уже въ централистическія государства, высоко поставившія свое военное и финансовое устройство и пріобрѣвшія возможность собрать всѣ свои силы, бросить ихъ на противника и вести долгую и рѣшительную регулярную войну. Система европейскаго равновѣсія, о которой мы уже говорили при Сигизмундѣ I, дала свои плоды. Королю французскому Генриху IV удалось дѣйствительно съ началомъ XVII вѣка подорвать могущество Габсбурговъ и теперь, когда возгорѣлась тридцатилѣтняя война, она вскорѣ изъ религіознаго приняла чисто политическій характеръ, втянула въ себя всѣ европейскія государства и заставила ихъ занять ясное и опредѣленное положеніе въ новой системѣ. Каждое государство должно было показать, какую оно представляетъ силу, въ чью пользу хочетъ и можетъ употребить эту силу, и сообразно этому пріобрѣсти постоянную поддержку отъ другихъ государствъ, заинтересованныхъ въ томъ же направленіи, и занять надлежащее мѣсто въ европейскомъ ареопагѣ. Прежде всего показать это должна была Польша, которая не успѣла создать себѣ здоровой и прочной политической организаціи, но импонировала въ центральной Европѣ своимъ пространствомъ, населенностью и богатствомъ, импонировала еще и численностью, опытностью и мужествомъ своего войска. Польша держала въ своихъ рукахъ судьбы тридцатилѣтней войны и среди ея перемѣнъ, пользуясь ослабленіемъ многихъ враговъ, могла разрѣшить различныя свои жизненныя задачи.

И нужно же было завистливой судьбѣ, чтобы на польскомъ тронѣ въ такую рѣшительную минуту сидѣлъ Сигизмундъ III, король, жертвовавшій наиболѣе жизненными интересами страны и государства религіозной пропагандѣ и своей личной шведской политикѣ. Никогда у человѣка съ здравымъ практическимъ разсудкомъ не найдется столько настойчивости, сколько упрямства выказалъ Сигизмундъ въ своей политикѣ. Онъ окружилъ себя нѣсколько строгимъ величіемъ въ своей столицѣ, которую перевезъ изъ Кракова въ Варшаву, какъ въ городъ, назначенный уже послѣ 1573 года для избраній и сеймовъ. Тихій, замкнутый въ себѣ, мало общительный съ людьми, онъ никогда не позволялъ себѣ становиться въ близкія отношенія съ шляхтой. Глубоко религіозный, образованный, онъ ввелъ при своемъ дворѣ

нѣкоторую нравственную атмосферу, занимался астрологіей и золотыхъ дѣлъ мастерствомъ, дѣятельно работалъ надъ государственными дѣлами, но, устраняя изъ своего совѣта наиболѣе заслуженныхъ въ народѣ людей, какъ мы выше уже упоминали, оставался до конца идеологомъ.

Политика не могла склонить Сигизмунда къ союзу съ Франціей и протестантскими князьями, что легко понять, какъ скоро онъ ради своихъ шведскихъ претензій отвергалъ миръ съ Швеціей и ожидалъ болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ для возобновленія этихъ претензій отъ ослабленія ея въ тридцатилѣтней войнѣ. Зато нельзя простить ему, что, ставя Польшу на сторону католицизма и Габсбурговъ, онъ не поставилъ ее въ положеніе явнаго союзника, который имѣетъ право и союзомъ и побѣдой пользоваться и для себя, трудно понять такое ослѣпленіе Сигизмунда, что онъ позволилъ изъ себя и изъ страны сдѣлать орудіе чужихъ плановъ и цѣлей, что, вызывая бесполезныя войны Польши съ Турціей и Швеціей и тѣмъ самымъ освобождая Австрію отъ злѣйшихъ ея враговъ, онъ не только не доставлялъ странѣ никакихъ выгодъ за понесенныя ею громадныя жертвы, но еще и лишалъ ее всякаго вліянія на дѣла Запада.

Особеннымъ образомъ также Сигизмундъ начиналъ и велъ свои войны. Ни къ одной изъ ихъ сеймъ, народъ, не склонялся добровольно, каждая вызывалась искусственно: московская — самозванцамъ, шведская — путемъ интригъ въ Швеціи и отставанія титула, турецкая — черезъ Лисовчиковъ и Австрію. Только тогда, когда непріятель уже грозилъ, сеймы должны были постановлять подати. Король самовольно набиралъ свои войска и, когда въ время войны оказывался не въ состояніи уплачивать имъ выговореннаго жалованья, принуждалъ ихъ къ конфедераціи. Взбунтовавшіеся солдаты возвращались въ страну, занимали королевскія и церковныя имѣнія и объѣдали ихъ до тѣхъ поръ, пока сеймъ накладывалъ новыя подати для покрытія неуплаченнаго жалованья, котораго онъ не объщалъ. И такимъ образомъ подъ давленіемъ конфедераціи одинъ сеймъ въ 1613 году послѣ московской войны долженъ былъ установить громадныя подати. Ясно, что такимъ образомъ нельзя было вести послѣдовательно никакой войны. Поэтому — то московская война должна было окончиться занятіемъ нѣсколькихъ областей; война турецкая — отраженіемъ грознаго нападенія, а шведская была такъ непопулярна, что вслѣдствіе отсутствія поддержки народа Сигизмундъ долженъ былъ въ концѣ концовъ согласиться на продолжительное

переміріе. Народъ, принуждаемый къ войнѣ вопреки своимъ дѣйствительнымъ интересамъ и цѣлямъ, долженъ былъ окончательно потерять охоту къ ней и предпочитать глухой, бессмысленный нейтралитетъ и такимъ образомъ течение всей тридцатилѣтней войны Польша оставалась безъ того вліянія, какое должна бы была имѣть. Это было добровольное и крайне вредное отреченіе отъ политическаго значенія и голоса въ обще-европейскихъ дѣлахъ. Съ мертвымъ колоссомъ, какому все болѣе уподоблялась Польша, переставали считаться, ему отказывали въ помощи, такъ какъ помощь даетъ только тотъ, кто тѣмъ самымъ обезпечиваетъ ее и для себя, и на польскихъ границахъ поднялись силы, которыя вскорѣ уже должны были сдѣлаться для Польши роковыми. Для одной изъ нихъ заложилъ основаніе самъ Сигизмундъ. Тѣ лнніи бранденбургскихъ князей, которыя получили въ 1525 г. ленное право на прусскій тронъ, вымерли. Герцогская Пруссія на основаніи акта 1563 года переходила къ болѣе далекой лнніи, правившей въ бранденбургскомъ курфюршествѣ, но жизненный интересъ Польши поэтому самому заставлялъ уничтожить этотъ актъ. Къ этому стремились польскія сословія и даже и прусскія, для которыхъ болѣе тѣсное соединеніе съ Польшей представляло большія выгоды въ экономическомъ отношеніи и въ смыслѣ гражданской свободы. Сигизмундъ не воспользовался однако такимъ настроеніемъ прусскаго населенія и въ 1611 г. отдалъ герцогскую Пруссію въ ленъ бранденбургскимъ курфюрстамъ, увеличивая черезъ это ихъ силы и создавая для Польши врага, который неизбѣжно долженъ былъ думать о захватѣ королевской Пруссіи, отдѣлявшей его отъ Бранденбурга. Альтмаркское перемиріе 1627 года отдало уже ему, хотя и временно, два важные города въ польской Пруссіи, а тридцатилѣтняя война необыкновенно усилила его къ невыгодѣ Польши.

О возвращеніи Силезіи не было уже рѣчи и сверхъ того Сигизмундъ, подкрѣпляя императора, спокойно смотрѣлъ на поражение чеховъ въ 1620 году и не хотѣлъ и не могъ помѣшать полному уничтоженію ихъ политической и національной жизни.

Точно также король въ 1628 г. пропустилъ единственный случай къ захвату и подчиненію Крыма, храбрый ханъ котораго, Шагинъ-Гирей, взбунтовался противъ Турціи и отдавался въ польское владычество.

Одно обстоятельство въ значительной степени снмаетъ съ

короли вину этихъ неуспѣховъ. Такимъ обстоятельствомъ было отсутствіе внутренняго порядка и все болѣе усиливающаяся анархія.

§ 89. *Дальнѣйшее внутреннее разстройство.*

Польша была велика главнымъ образомъ тѣмъ, что оставалось отъ прежняго величія, но новыхъ мыслей она уже не производитъ. Вымираютъ послѣдніе поэты золотого вѣка: славный переводчикъ «Освобожденнаго Іерусалима» и «Неистоваго Роланда» Аріоста, Петръ Кохановскій († 1620), возвышенный и глубоко религіозный Касперъ Мясковскій († 1622), лирическій Симонъ Зиморовичъ († 1629), и ихъ рядъ замыкаетъ болѣе крупный по своему поэтическому таланту Матвѣй Казиміръ Сарбевскій († 1640), іезуитъ, который въ своихъ одахъ бросаетъ отечественный языкъ и, подражая Горацию, ищетъ лавровъ при папскомъ и императорскомъ дворѣ. Еще славится лагерный проповѣдникъ Фабіанъ Бирковскій († 1636), который ни по своимъ политическимъ взглядамъ, ни по красотѣ языка не можетъ равняться со Скаргой. Нашелся еще одинъ историкъ, епископъ Перемышльскій, Павелъ Пясецкій († 1649), который представилъ исторію пагубной политики Сигизмунда III и іезуитовъ во всемъ ея ужасѣ; наконецъ при самомъ концѣ золотого вѣка еще блестяли, какъ всегда и вездѣ, юристы: Дрезнеръ, Бурзіушъ, Чарадзкій, Завацкій, и съ ними окончательно пала польская сигизмундовская цивилизація.

Зато возобладали три новыя направленія. Нельзя сказать, какое изъ нихъ было пагубнѣе.

Однимъ изъ нихъ была нетерпимость. Ею не воспользовались въ XVI вѣкѣ короли, какъ политическимъ средствомъ для образованія сильной правительственной власти, теперь ее взяли въ свои руки необразованныя и фанатическія массы. Въ другихъ странахъ нетерпимость имѣла и выгодныя политическія послѣдствія, въ Польшѣ же, несмотря на свои скромные размѣры, она становилась только источникомъ анархіи и смутъ. Вся религіозная ревность іезуитовъ и Сигизмунда была недостаточна, польское правительство не могло уже взять въ свои руки нетерпимость, такъ какъ шляхта, защищая своеволие, усердно защищала и свободу вѣроисповѣданія, и на сеймахъ поднимались страстные и энергическіе голоса въ защиту протестантовъ и православныхъ. Унія восточной церкви, которая открывала такія политическія перспективы, но безъ энергической поддержки ея силой прави-

тельства, не могла быть осуществлена, по тому самому никогда и не получила такой поддержки и не приобрѣла себѣ популярности. Нетерпимость существовала однако, но была дѣломъ единичныхъ личностей, имѣла характеръ отдѣльныхъ насилій и потому приносила только пагубные результаты. Иновѣрцы и диссиденты утратили поддержку сверху въ глазахъ черни и воспитывавшейся въ этомъ направленіи школьной молодежи. Соборы иновѣрцевъ безнаказанно разрушались въ Польшѣ и Литвѣ. Закрытие и отнятіе восточныхъ церквей униатскими епископами, хотя только спорадическое, имѣло характеръ безправія и толкало православныхъ въ объятія Москвы, тѣмъ самымъ открывая ей вліяніе на восточныя области. Закрывались славныя и стоявшія на высокой степени развитія протестантскія школы и такимъ образомъ, уничтожая благотворное соперничество, ускорили паденіе школъ іезуитскихъ, которыя до тѣхъ поръ держались на своей высотѣ главнымъ образомъ благодаря этому соперничеству. Одностороннее и преувеличенное стремленіе іезуитовъ къ величайшей правотѣ приводило ихъ къ тому, что они изгоняли изъ своихъ школъ свободу мысли, скрывали отъ учениковъ заграничную научную литературу, сокращали древнихъ авторовъ и совершенно устранили греческій языкъ и литературу, такъ какъ во всемъ этомъ могли скрываться начала невѣрія и ереси. Со всею яростью набросились теперь на всю реформаціонную литературу и безъ сожалѣнія уничтожали принадлежавшія къ ней прекраснѣйшія произведенія XVI вѣка; въ 1627 году былъ произнесенъ первый приговоръ лишенія чести за напечатаніе еретической книги и къ этой религіозной цензурѣ, убивавшей самостоятельность мысли, вскорѣ присоединилась другая, еще худшая цензура, служившая шляхетскому легкомыслію и убивавшая всякую, даже историческую, истину. Эта цензура произнесла приговоръ, осуждавшій Длугоша, запретила Гербурту печатать его и убила исторіографію, которая одна только могла еще открывать народу глаза на его ошибки и клеймить преступленія и подлости единичныхъ личностей. Человѣкъ очень трудолюбивый, но мало талантливый, Симонъ Старовольскій, который въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ («Голосъ о реформѣ Рѣчи Посполитой» — *Votum o naprawie Rzpltej.* 1625, «Разговоръ священника съ земледѣльцемъ» — *Rozmowa plebana z ziemianinem.* 1641, «Реформація польскихъ нравовъ» — *Reformacja polskich obyczajów.* 1645/6), караетъ ошибки народа, не поднимается до высшей политической точки зрѣнія, а въ историческихъ произведеніяхъ («*Sarmatiae bel-*

latores» 1631. ««Scriptorum polonicorum Hekatontas» 1627 и т. д.) оказывается неспособным ни на что болѣе, кромѣ плоскихъ панегириковъ. Станиславъ Любенскій (Opera 1643), писатель не лишенный таланта и глубокихъ взглядовъ, рассказывая исторію Сигизмунда III, устраняетъ пзъ нея все, что могло-бы показаться неелестнымъ для короля, церкви и сенаторскихъ семей. Литература, не будучи въ состояніи возбудить интереса своимъ содержаніемъ, лишенная печати истины и мысли, старается импонировать возможно болѣе искусственной формой; возникаетъ мода макаронизма, т. е. перемѣшиванія польскихъ словъ съ латинскими, печезаетъ чувство истинной красоты и появляются громадныя кучи панегириковъ, печатавшихся по случаю свадьбы, крестинъ, путешествія или погребенія всякой болѣе извѣстной личности. Въ этихъ писаніяхъ, представляющихъ массу непонятныхъ бредней, особенно отличались іезуитскія учрежденія въ честь своихъ благодѣтелей. Монополія іезуитовъ на поприщѣ просвѣщенія столкнулась однако съ старой монополіей государственнаго образованія, которой пользовалась краковская академія. Когда іезуиты пожелали основать школы въ самомъ Краковѣ, когда они начали хлопотать о приобрѣтеніи титула академіи для своихъ школъ, познанской и львовской, краковскій университет очнулся, не для того, чтобы реформировать себя и вступить въ благородное соперничество съ іезуитами, но чтобы удержать свою монополію высшаго образованія. Не было конца раздорамъ и спорамъ передъ свѣтскими и церковными судами, королемъ, сеймомъ, сеймпками и наконецъ папой. Въ концѣ концовъ университетъ выигралъ къ величайшему несчастью для страны, такъ какъ теперь и іезуитамъ былъ закрытъ путь къ прогрессу, а университетъ вообще ограничивался подражаніемъ всѣмъ недостаткамъ іезуитскихъ школъ, въ распушенности же школьной дисциплины, въ битвахъ учениковъ съ протестантами и въ панегирикахъ несомнѣнно еще превышалъ іезуитовъ. Университетъ тратилъ громадныя суммы на канонизацію святого Яна Канта и на постройку церкви святой Анны, а многіе профессора терпѣли жесточайшую нужду. Все это происходило въ то время, когда на Западѣ наука, пробужденная гуманизмомъ и реформациею, дѣлала гигантскіе успѣхи во всѣхъ отрасляхъ естественныхъ и математическихъ наукъ, философій, исторіи и права. Тогда какъ на Западѣ подъ вліяніемъ новыхъ открытій побѣждала система Коперника, въ Польшѣ ее еще клеймили, какъ ересь, а объ солнцѣ, мѣсяцѣ и звѣздахъ говорили только въ астрологическихъ

календаряхъ и въ панегирическихъ описаніяхъ шляхетскихъ гербовыхъ щитовъ.

Третьей причиною внутренняго упадка сдѣлалась неволя сельскаго люда. Исчезли уже остатки самоуправленія, какимъ пользовался народъ въ своихъ селеніяхъ. Произволь пановъ, мелкихъ корольковъ, высасываетъ и гнететъ его, панщина не знаетъ опредѣленныхъ закономъ границъ, убійство не находитъ себѣ судебнаго наказанія, государственная власть отказывается крестьянину въ опекѣ; бѣлаго крестьянина шляхтичъ преслѣдуетъ и разыскиваетъ, какъ невольяпка. Земли, обработывавшейся до тѣхъ поръ, уже не хватаетъ и втеченіе XVI вѣка подъ защитой пограничной охраны, импровизованной на юго-восточныхъ предѣлахъ, заселилась и подверглась обработкѣ благодаря сильной шляхетской и крестьянской колонизаціи земля Подольская и Волынская, охваченная великой оборонной линіей, шедшей черезъ Кіевъ, Бѣлую Церковь, Каневъ, Черкасы и Брацлавъ до самаго Каменца. Въ XVII вѣкѣ переступали однако и эту прежнюю границу, многочисленныя поселенія проникали все глубже въ такъ называемыя «дпкія поля» по нижнему теченію Днѣпра и Днѣстра, которыя не имѣли настоящаго владѣльца, но, отдѣляя широкой полосой Польшу отъ крымскихъ татаръ и турокъ, служили мѣстомъ пребыванія и исходнымъ пунктомъ для хищническихъ походовъ какъ запорожскимъ козакамъ, такъ и разрозненнымъ мелкимъ ордамъ такъ называемыхъ Буджацкихъ татаръ. Основываемыя на этой плодородной землѣ колоніи приносятъ громадныя доходы польскимъ панамъ и шляхтѣ, но требуютъ большихъ расходовъ и постоянной защиты; поэтому болѣе мелкія хозяйства падаютъ, а зато тѣмъ сплнѣе на ихъ счетъ развиваются гигантскія имуществва знатныхъ пановъ, главнымъ образомъ Вишневецкихъ и Острожскихъ. Легкое пріобрѣтеніе значительныхъ имуществъ порождаетъ жажду богатства и роскоши, не знающую предѣловъ, обращающую въ крѣпостныхъ тѣхъ, кого первоначально привлекали къ колонизаціи большими обѣщаніями. Національныя, религіозныя или политическія соображенія не играютъ въ этомъ никакой роли: польскіе паны не заботятся о католичествѣ или національности привлекаемаго ими польскаго населенія, для нихъ все дѣло заключается въ возможно болѣе и скорѣйшей эксплуатаціи его для увеличенія доходовъ, и поэтому они сами живутъ въ прежнихъ своихъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, а восточныя колоніи предоставляютъ на милость и немилость своихъ недобросовѣстныхъ управителей или аренда-

торовъ, которыми слишкомъ часто бываютъ евреи. Трудно однако среди этой бурной пограничной жизни такъ же удержать крестьянина на привязи, какъ въ глубинѣ страны. Крестьянинъ бѣжитъ далѣе и далѣе на востокъ, къ запорожскому козачеству, и козачество усиливается и растетъ. Шляхта смотритъ на это, смотритъ на эти массы свободного крестьянства, смотритъ на эти громадные, плодородныя и лежащія въ заустѣнни пространства и разсчитываетъ доходы, какіе бы можно было извлечь изъ нихъ, если бы удалось подчинить себѣ эту своевольную республику. Начинается стремленіе въ этомъ смыслѣ все болѣе сильное и безусловное, тѣмъ болѣе необходимое для польскихъ колонизаторовъ, что своевольная козацкая республика своими безпрестанными нападеніями раздражаетъ крымскихъ татаръ и турокъ и побуждаетъ ихъ къ грознымъ набѣгамъ. .

Еслибы за польскими «королевичами» стояло сильное правительство, еслибы это правительство соединило общественныя силы, дѣйствовавшія въ Украинѣ, достигло Чернаго моря и замкнуло Украину въ ея естественныхъ границахъ, Польшѣ легко было бы совершенно подавить своеволіе козаковъ и, поддерживая среди нихъ дисциплину, воспользоваться ими для государства и сохранить невозмутимое спокойствіе въ этихъ странахъ. Но такого правительства не было; то же, которое существовало, благодаря общей анархіи не могло рѣшиться на смѣлыя дѣйствія, хотя неоднократно въ тяжелыя минуты пользовалось подкрѣпленіями козаковъ, какъ отличной пѣхоты. То же самое правительство часто становилось однако орудіемъ близорукой шляхетской политики по отношенію къ козакамъ, когда нужда въ нихъ проходила и они дѣлались благодаря своему своеволію болѣе опасными. Совершенно устраняя и уничтожая ихъ, вскорѣ затѣмъ ихъ призывали къ еще болѣе прочному существованію. Поэтому польская политика относительно козаковъ была непримѣрно шаткою и вредною. Такъ подъ угрозой опасности со стороны Турціи сеймъ 1590 года организовалъ запорожскихъ или низовыхъ козаковъ, жившихъ собственно за границей Рѣчи Посполитой, въ реестровое войско, содержимое на жалованьѣ и находящееся подъ верховною властью короннаго гетмана, а всѣхъ своевольныхъ козаковъ приказалъ преслѣдовать или обращать въ крестьянство. Но казаки, когда имъ запретили походы на турокъ, обратились на имѣнія украинскихъ пановъ и поднимали бунты подъ предводительствомъ Косинскаго (1593) и Наливайки (1596), которые Острожскій и Жолкевскій подавили

съ большими успліями. Конституція 1596 года рекомендовала полное истребленіе низовыхъ своевольниковъ, но вскорѣ настоящая нужда Рѣчи Посполитой заставила снова призвать ихъ для защиты послѣдней.

Московскія, шведскія и турецкія войны, въ которыхъ казаки играли видную роль подъ предводительствомъ своего атамана Конашевича, крайне возвысили ихъ значеніе и обаяніе. Въ награду за оказанныя услуги имъ возвратили въ 1601 году ихъ организацію и сверхъ того позволили жить въ королевскихъ и шляхетскихъ имѣніяхъ на Украинѣ. Когда войны окончились, а казаки начали неслыханныя нападенія на турокъ и даже сожгли предмѣстья Царьграда, Рѣчь Посполитая изъ страха передъ Турціей ограничила число реестровыхъ казаковъ тысячею человекъ, но уже въ 1618 г. Конашевичъ привелъ королевичу Владиславу двадцать тысячъ казаковъ для московской войны. Королевскіе комиссары вели съ казаками переговоры, обѣщали имъ жалованье и признавали ихъ реестровую организацію, лишь бы удержать ихъ отъ самовольныхъ походовъ на турокъ и удержать въ зависимости. По смерти Конашевича новый атаманъ ихъ Змошля началъ держать себя болѣе гордо и выставялъ себя защитникомъ восточной церкви отъ поляковъ. Только послѣ кровавой битвы гетманъ Конецпольскій въ 1625 году возстановилъ среди нихъ порядокъ, ограничилъ число реестровыхъ казаковъ 6.000 и назначилъ гетманомъ Дорошенка. Но ни казаки, ни поляки не умѣли сохранять договоровъ: самовластные поступки Конецпольскаго и приводъ польскихъ войскъ на Украину уже въ 1629 году вызвали новую возстаніе казаковъ; началась страшная убійственная борьба, о которой рады были бы промолчать польскіе историки, хорошо чувствуя, что побѣды, одержанныя надъ казаками, не приносятъ чести народу, какъ не принесли пользы государству.

Такія вредныя теченія уже тогда распространялись въ польскомъ обществѣ и угрожали его будущности. Но какъ близка была катастрофа, никто тогда не умѣлъ отгадать. Современникамъ при Сигизмундѣ III Польша представляла не только извнѣ, но и внутри картину великой предприимчивости, прогресса и великолѣпія.

Люблинская унія дала свои плоды. Умственная жизнь и экономическое движеніе не ограничивались уже тѣсными рамками «Короны», но приобрѣли себѣ широкое поприще на пространствѣ всей Польши, Литвы и Руси. Втеченіе удивительно ко-

роткаго времени цивилизація и польская свобода произвели свое дѣйствіе на тѣхъ, кто былъ допущенъ къ ихъ благодѣяніямъ, т. е. на литовскую и русскую шляхту. Она за малыми исключеніями уже въ первой половинѣ XVII вѣка приняла польскій языкъ и римско-католическую вѣру, въ границахъ своей воеводской автономіи сдѣлала польскій языкъ оффиціальнымъ и такимъ образомъ, правда, только въ одномъ общественномъ классѣ польское государство пріобрѣло себѣ цѣльное національное основаніе. Моментъ, въ который эти разнородные элементы перекрещивались другъ съ другомъ, можетъ быть и не безъ причины былъ моментомъ авантюристской предприимчивости пзвнѣ. Земледѣльческое хозяйство необыкновенно расширилось, а вывозъ хлѣба и сырыхъ произведеній изъ Польши дошелъ до своего максимума въ половинѣ XVII вѣка.

§ 90. *Владиславъ IV (1632—1648) сохраняетъ нейтралитетъ Польши въ Тридцатилѣтней войнѣ.*

Въ такомъ состояніи Сигизмундъ III ¹⁾ въ 1632 г. оставилъ государство своему старшему сыну, Владиславу IV, который послѣ краткаго и имѣвшаго только формальное значеніе безкорольевя и послѣ избранія, взялъ жезлъ правленія. Вступая на тронъ, Владиславъ не былъ челоуѣкомъ, чуждымъ народу. Всѣ знали его какъ по походамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, такъ и по его убѣжденіямъ и склонностямъ, которыхъ онъ нисколько не скрывалъ. Трудно было бы представить себѣ двѣ большихъ противоположности, чѣмъ Сигизмундъ III и Владиславъ IV. Насколько первый былъ скрытнымъ, настолько второй обнаруживалъ себя откровеннымъ; насколько первый былъ упорнымъ и упрямымъ, настолько второй снисходительнымъ и уступчивымъ; насколько первый не любилъ народа и попиралъ его

¹⁾ Сигизмундъ III, сынъ Іоанна III, короля шведскаго, и Екатерины Ягеллонки, дочери Сигизмунда Стараго, родившійся въ 1566 г., царствовалъ въ Польшѣ съ 1587 г., умеръ въ 1632 г. Отъ первой жены Анны, эрцгерцогини австрійской, вышедшей замужъ въ 1593 г., умершей въ 1598, имѣлъ четырехъ дочерей: Анну, Марію и двухъ Екатеринъ, умершихъ въ молодости, и сверхъ того сына Владислава IV. Отъ другой, Констанціи, вышедшей замужъ въ 1605 г., умершей въ 1635, имѣлъ дочь Екатерину, вышедшую замужъ за рейнскаго пфальцграфа Филиппа, и сыновей: Яна (род. 1607, † 1608), короля Яна Казимира, Яна Альберта, епископа вармійскаго, впоследствии краковскаго (род. 1612, † 1634), Карла Фердинанда, епископа вроцлавскаго, впоследствии плоцкаго (род. 1613, † 1655) и Александра Карла (1614 † 1635).

права, настолько второй любилъ народъ и уважалъ его права; насколько первый былъ ревностнымъ католикомъ и направлялъ политику въ интересахъ церкви, настолько второй отличался религиозной терпимостью, не выносилъ іезуитовъ и отдавалъ предпочтеніе государственнымъ соображеніямъ. Однако было кое-что общее между отцомъ и сыномъ. Владиславъ не думалъ о католической пропагандѣ въ Москвѣ и въ Швеціи, но о своемъ избраніи въ московскіе цари не забылъ, наравнѣ съ отцомъ мечталъ о возвращеніи своего наследственнаго трона въ Швеціи, для обѣихъ этихъ личныхъ цѣлей стремился воспользоваться силами Польши, не освѣдомляясь о ея интересахъ, и ради обѣихъ внѣшнихъ задачъ безъ колебанія жертвовалъ внутренней политикой Польши.

Это обнаружилось уже во время безкоролья и избранія. Видя, что католическая ревность воспрепятствовала бы ему добраться до Стокгольма и Москвы, Владиславъ не только сталъ на почвѣ свободы вѣроисповѣданій, гарантированной религиозной конфедераціей 1573 г., но по своей личной инициативѣ провелъ такъ называемое соглашеніе (*ugoda*) между униатской и православной церквами, въ силу котораго православные заняли многія церкви, отобранныя у нихъ униатами, и, получивъ обратно признаніе со стороны государства, перестроили свою церковную организацію. Имъ была отдана кievская митрополія и епархіи луцкая, перемышльская, львовская и могилевская (къ этой последней должны были принадлежать всѣ православные въ Литвѣ). Православные были успокоены, чтобы тѣмъ успѣшнѣе вести войну съ Москвою.

Въ 1633 г. кончилось перемиріе съ Москвою, которая употребила его на сосредоточеніе своихъ силъ и, выставивъ громадное войско, выступила съ грознымъ возмездіемъ. Вождь царя Михаила, Шеннъ, занявъ нѣсколько меньшихъ крѣпостей, наконецъ обложилъ Смоленскъ и предпринялъ рядъ отчаянныхъ штурмовъ. Однако численный перевѣсъ его войска долженъ былъ и теперь еще уступить высшему военному искусству. Владиславъ IV выступилъ съ пятнадцатитысячнымъ войскомъ на защиту Смоленска и не только освободилъ крѣпость, но въ свою очередь осаждавшаго ее Шенна окружилъ въ лагерь подъ Смоленскомъ, отрѣзалъ его отъ всякой связи съ Москвою, разбилъ прибывавшія къ нему вспомогательныя войска и наконецъ въ 1634 г. принудилъ его къ полной капитуляціи. Снова двинулись польскія войска на Москву, и подъ этимъ давленіемъ царь Михаилъ Федоровичъ

склонился къ заключенію прочнаго мира. По Поляновскому миру Владиславъ IV отказался отъ своихъ правъ на корону царей, а Москва, уплачивая военныя издержки, отступилась отъ всякихъ притязаній на Сѣверскую, Черниговскую и Смоленскую земли, на Эстонию, Курляндію и Лифляндію.

Одновременно выступили на войну съ Польшею подбученные Москвою турки, именно виддинскій паша Абаза, который, соединясь съ татарами и валахами, подъ собственной отвѣтственностью выступилъ противъ Польши. Однако Конецпольскому удалось съ малыми силами усмирить и обуздать эти порывы, а султанъ Амуратъ, занятый персидскою войною, видя, что нельзя пренебрегать польскимъ могуществомъ, видя вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ войнѣ съ Польшею Турція не имѣетъ никакихъ существенныхъ видовъ и цѣлей, казнилъ Абазу-пашу и торжественно возобновилъ въ 1634 г. выгодный для Польши миръ.

Король спѣшилъ съ окончаніемъ этихъ дѣлъ, чтобы пріобрѣсти свободу дѣйствій на иномъ поприщѣ; онъ благополучно окончилъ ихъ, потому что поступалъ согласно съ мнѣніемъ народа и въ немъ находилъ подкрѣпленіе, насколько оно могло имѣть мѣсто при анархіи, господствовавшей на сеймѣ. Зато въ дальнѣйшей своей политикѣ Владиславъ окончательно разошелся съ убѣжденіемъ и волей народа. Обязавшись при избраніи отказаться отъ своихъ правъ на Швецію взамѣнъ уступки Пруссіи и Лифляндіи, занятыхъ шведами, онъ однако все усилія направлялъ къ тому, чтобы получить шведскій престолъ. Въ 1635 г. кончилось перемиріе со Швеціей; Франція, Англія и Голландія, стремясь замѣнить его прочнымъ миромъ и удержать шведскія силы для происходящей въ Германіи войны, выступили съ выгоднымъ для Польши посредничествомъ. Однако Владиславъ стремился къ войнѣ и поэтому столкнулся съ противоположной волей народа, который на сеймѣ 1635 г. назначилъ комиссію, долженствовавшую трактовать о мирѣ, и, опасаясь воинственнаго настроенія короля, хотя разрѣшилъ подати на войско, однако отдалъ ихъ въ вѣдѣніе отдѣльныхъ воеводствъ. Въ эту критическую минуту въ первый разъ выказался характеръ короля. Провозгласить войну, обойти и сломить народную волю, какъ то дѣлалъ Сигизмундъ, — онъ не отважился, но и не допустилъ постоянного мира. Вслѣдствіе этого осуществилось что-то половинчатое: въ 1635 г. въ Штумсдорфѣ было продолжено на двадцать шесть лѣтъ перемиріе, которое возвратило Польшѣ Пруссію, сохранило въ Лифляндіи status quo, а у короля не отнимало надежды на

войну и на возвращеніе шведской короны при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Отъ этого намѣренія Владиславъ не отступилъ въ ближайшіе затѣмъ года. Въ то время казалось, что Польша, порывая связь съ ошибочной политикой Сигизмунда, обезопасивъ себя съ востока и съ сѣвера, всѣми силами обратится на западъ и въ послѣдній моментъ еще попытается приобрѣсти себѣ надлежащее значеніе въ равновѣсіи европейскихъ державъ. Руку помощи въ этомъ дѣлѣ подавала Польшѣ Франція, въ которой правилъ мощной рукою великій дипломатъ Ришелье. Черезъ своего посла д'Аво Ришелье предложилъ Владиславу IV союзъ, обязывавшій его доставить 10.000 войска для войны въ Германіи, но зато вполне обеспечивавшій его отъ Швеціи, открывавшій ему перспективу на возвращеніе Силезіи и на приобрѣтеніе себѣ рѣшающаго голоса въ центральной Европѣ. Почти въ то же самое время возникала иная комбинація: женитьба на прекрасной Елизаветѣ, дочери Фридриха, пфальцграфа рейнскаго, супружество, посредствомъ котораго Владиславъ открыто переходилъ на сторону протестантовъ въ Германіи и склонялся къ союзу съ Англіей и Франціей вопреки Габсбургамъ. Король открыто носился съ этими планами, чтобы обезпечить себѣ подкрѣпленіе со стороны западныхъ государствъ противъ Швеціи, но въ то же время позволялъ Австріи домогательства въ Польшѣ и старался привлечь ее на свою сторону. Онъ льстилъ себя надеждою, что такимъ образомъ станетъ примирителемъ въ борьбѣ, раздѣлившей Европу, и при совѣщаніяхъ о всеобщемъ мирѣ доведетъ до конца свое шведское дѣло. Однако убѣдившись, что эта двусмысленная игра всѣхъ отъ него отдаляетъ, король выгородилъ себя мнѣніемъ сената, противившимся женитьбѣ на пфальцграфинѣ-ли рейнской или на Маріи Гонзага, княжнѣ де-Неверъ, которую Ришелье предлагалъ королю вмѣсто пфальцграфини, — и, надѣясь на болѣе дѣйствительную помощь отъ Австріи, женился неожиданно въ 1637 г. на Цециліи Ренатъ, дочери Фердинанда II-го, австрійскѣ, выговаривъ себѣ помощь Австріи въ вопросѣ о шведскомъ престолѣ. Выдачею Цециліи Ренаты за Владислава Австрія обезпечивала себѣ нейтралитетъ Польши и позволеніе набирать въ свои войска польскихъ солдатъ, но ни на минуту не думала объ исполненіи своихъ обѣщаній. Западные государства, утративъ довѣріе къ королю, выказывали къ нему съ тѣхъ поръ сдержанную, но явную неприязнь. Датчане, въ соглашеніи съ жителями Данцига (Гданска) сожгли польскіе корабли, стояв-

шіе для сбора таможенной пошлины въ Гданскѣ; польскій народъ отказалъ королю въ какихъ бы то ни было средствахъ, справедливо опасаясь, что король употребитъ ихъ на войну со Швеціей. Владиславъ не могъ или не хотѣлъ идти на проломъ, и кончилось полнымъ бездѣйствіемъ во внѣшней политикѣ. Это бездѣйствіе, принося Польшѣ долголѣтній покой, было однако признакомъ ея полного упадка и съ внутренней и съ внѣшней стороны, было тѣмъ моментомъ, когда народъ утратилъ и остатокъ политическаго смысла, и энергію, и собственное достоинство.

Внутреннія дѣла Польши вплоть до 1646 г. незанимательны. Состоялось нѣсколько бурныхъ сеймовъ, на которыхъ непрерывно росло недовѣріе между народомъ и трономъ, а посольская пѣза служила орудіемъ оскорбленнаго честолюбія отдѣльных магнатовъ. Окончательно были отброшены всякія мысли хотя бы о самой невинной реформѣ, велись споры съ королемъ относительно уплаты долговъ, сдѣланныхъ для послѣдней московской войны, безпрестанно ограничивалась его власть, было увеличено число сенаторовъ, которые должны были находиться постоянно при особѣ короля, посольская пѣза дѣятельно занялась внѣшней политикой, приказывала прочитывать себѣ постановленія сената и все болѣе и болѣе лишалась права утвержденія податей, перенося его на такъ называемые докладные сеймики (*sejmiki relacyjne*), происходившіе въ каждомъ воеводствѣ по окончаніи сейма.

Много шума причиняли постоянныя насилія, которыя дозволяли себѣ католики по отношенію къ иновѣрцамъ и обратно. Эти насилія были необходимымъ слѣдствіемъ религіозной терпимости, какъ она тогда понималась. Мы знаемъ, что король осуществилъ ее по личному убѣжденію и по мотивамъ внѣшней политики. Выступая на сеймѣ 1638 г. противъ однихъ только аріанъ и закрывая у нихъ ихъ раковскія школы, король впрочемъ намѣревался довести до конца соглашеніе между протестантами и католиками и притомъ путемъ взаимной дружеской бесѣды, которая дѣйствительно состоялась въ Торнѣ въ 1646 г., но, какъ это можно было предвидѣть, окончилась ничѣмъ. Народъ въ этомъ содѣйствовалъ королю, но понималъ терпимость иначе. Католики, но анархисты, они хорошо сознавали, что поддержка католической церкви и уніи силою правительства ведетъ къ усиленію самого правительства, и поэтому удерживали его отъ всякихъ шаговъ въ этомъ направленіи. Терпимость должна была означать бездѣйствіе и пассивность правительства и самоуправство частныхъ лицъ въ церковной области; поэтому, когда король издалъ

суровое постановленіе относительно Якова Сененскаго, аріанина, который срубилъ и повалилъ придорожное распятіе (Межа Pańska), то шляхта взяла его подъ защиту не какъ аріанина, но какъ брата-шляхтича.

Возвысивши въ 1632 г. восточную церковь, Владиславъ носился съ мыслью о болѣе тѣсномъ сближеніи ея съ государствомъ. По соглашенію съ митрополитомъ Могилою онъ хотѣлъ, чтобы восточная церковь порвала сношенія съ Царьградомъ, установилась въ предѣлахъ Польши въ качествѣ отдѣльнаго патриархата и впоследствии соединилась съ униатской церковью. Однако наткнувшись въ этомъ отношеніи на сопротивленіе со стороны папы Урбана VIII, онъ отступилъ отъ похвальнаго предпріятія и оставилъ униатскую и восточную церкви на положеніи воюющихъ сторонъ. Вслѣдствіе этого росло раздраженіе, которое какъ увидимъ, сыграло весьма вредную роль въ великомъ социальномъ движеніи, готовившемся на юго-восточныхъ границахъ Рѣчи Посполитой.

Внезапная бездѣятельность, въ которой замкнулся народъ, пожертвованіе всякими интересами государства, которые потребовали бы вооруженной поддержки внѣ его границъ, безусловная любовь къ миру имѣли болѣе глубокой причиной разбушевавшееся господство частныхъ интересовъ, превосходящее всякое описаніе. Шляхта дрожала отъ одной мысли о войнѣ, дрожала передъ возможностью ея, потому что каждая война прерывала усиленный трудъ надъ матеріальнымъ благосостояніемъ, налагала тяжести, грозила колонизаціонному хозяйству на Украинѣ, въ которомъ находился центръ тяжести интересовъ шляхты, а еще болѣе олигарховъ. Въ этомъ направленіи не жалѣли усилій. На сеймѣ 1635 г. рѣшено было окончательно подавить козаковъ, ихъ подчинили контролю старость, была приведена въ исполненіе постройка крѣпости Кудака, и былъ помѣщенъ на Украинѣ гетманъ Конецпольскій во главѣ вооруженной силы, готовой усмирить всякое сопротивленіе. Начались подъ предводительствомъ Павлюка страшные бунты притѣсненнаго козачества, которое поднималось для защиты своихъ. Послѣ кровавыхъ битвъ и рѣзни, въ которыхъ гетманъ Николай Потоцкій окончательно сдоложилъ Павлюка, сеймъ 1638 г. уничтожилъ привилегіи козаковъ и постановилъ «обратить ихъ въ хлоповъ» («obrócić w chłopów»), а Конецпольскій съ Потоцкимъ занялись исполненіемъ этого постановленія. Козакамъ были навязаны польскіе комиссары и полковники, а большая часть народа, которая находилась

при козакахъ, была возвращена и прикована къ плугу. На неизмѣримыхъ пространствахъ Украйны, на землѣ, орошенной польской и козацкой кровью, подъ защитою Кудака, снова начали подниматься громадныя имѣнія Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Калиновскихъ, Потоцкихъ; подъ защитою пановъ пристроились іезуиты, и вся польская шляхта предавалась благой надеждѣ, что порядокъ воцарился на Украйнѣ. Еслибы съумѣли подняться на точку зрѣнія общаго блага въ этой полигигѣ, дойти до болѣе обширныхъ перспективъ! Но на самомъ дѣлѣ было не то. Сеймъ 1645 г. отвергъ проектъ похода на Крымъ, несмотря на его очевидныя выгоды, несмотря на всякія условія успѣха и на рѣшительную поддержку со стороны гетмана Конецпольскаго.

Полную тишину, которая господствовала надъ Польшей, прервала только смерть королевы Цециліи Ренаты въ 1644 г. Теперь Владиславъ уже обратилъ вниманіе на пренебреженную прежде Марію Гонзага. Это супружество, заключенное въ 1645 г., не имѣло того политическаго значенія, которымъ оно обладало бы за десять лѣтъ тому назадъ, потому что тридцатилѣтняя война уже кончилась, Франція побѣдоносно вела ее безъ содѣйствія Польши, и теперь уже не нуждалась въ союзѣ послѣдней. Во всякомъ случаѣ женитьба на французской княжнѣ, когда было для выбора нѣсколько австрійскихъ княженъ, означала несомнѣнное удаленіе отъ Австріи и избраніе болѣе самостоятельной политики въ дипломатическихъ отношеніяхъ. Кромѣ того, въ лицѣ Маріи Гонзага появлялась въ Польшѣ королева зрѣлаго возраста, съ опытнымъ умомъ, знавшая толкъ въ политическихъ дѣлахъ, имѣвшая живое сознаніе силы правительства и самостоятельности королевской власти. Жѣнщина съ большимъ честолюбіемъ и характеромъ, она не могла спокойно смотрѣть на полный застой во всѣхъ отношеніяхъ въ своей новой отчизнѣ и должна была побудить мужа къ дѣятельности въ какомъ-либо направленіи. Сильное впечатлѣніе, которое она произвела на умъ короля, усиливали сверхъ того двѣ другія личности: венеціанскій посолъ Тіеполо и подканцлеръ, а впоследствии коронный канцлеръ Юрій Оссолинскій. Первый прибылъ въ Польшу съ намѣреніемъ привлечь короля къ военной лигѣ противъ турокъ, которые въ то время все свое могущество направляли противъ венеціанскихъ владѣній на востокъ и готовились нанести послѣдній ударъ вліянію Венеціи въ тѣхъ странахъ. Хитрый итальянецъ зналъ, что въ подобной войнѣ Польша собственно ничего не могла пріобрѣсти; но раздвоеніе турецкихъ силъ и натискъ части ихъ на Польшу

казались Венеціи послѣднимъ якоремъ спасенія. Поэтому задача Тіепола состояла въ томъ, чтобы воспламенить восторженный духъ Владислава планами великаго христіанскаго крестоваго похода противъ полумѣсяца, предводительства въ этомъ крестовомъ походѣ и видами на неизгладимую заслугу въ войнѣ. Однако онъ навѣрное не добился бы этого, еслибы въ такихъ намѣреніяхъ не нашелъ союзника въ канцлерѣ. Юрій Оссолинскій былъ человѣкомъ, не принадлежавшимъ ни къ одной можновладческой семьѣ; своимъ высокимъ положеніемъ онъ обязанъ былъ собственнымъ талантамъ и дѣятельности. Онъ не имѣлъ обширныхъ помѣстій на Украинѣ, слѣдовательно не принадлежалъ къ той можновладческой кликѣ, которая единственную цѣль своей жизни видѣла въ омузиченіи козаковъ. Человѣкъ образованный и отполировавшийся за границею, онъ сохранилъ вѣрный взглядъ на политическія отношенія и болѣе трезвую оцѣнку ихъ, стремился къ возвышенію и вліянію и могъ достигнуть того и другого только черезъ короля и посредствомъ близкой помощи его намѣреніямъ; онъ былъ роялистомъ. Ревностный католикъ, проникнутый большимъ уваженіемъ къ императорской и папской политикѣ, онъ, правда, не старался о томъ, чтобы совѣтовать союзъ съ Франціей, однако думалъ, какъ бы иными способами поднять силу государства и королевскую власть. Возвратившись изъ посольства къ папѣ, которое имѣло цѣлью разрѣшеніе споровъ между духовенствомъ и свѣтскимъ сословіемъ въ Польшѣ, именно относительно десятины и пріобрѣтенія свѣтскихъ помѣстій духовенствомъ, Оссолинскій привезъ для себя титулъ князя отъ императора и отъ папы и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальный проектъ политической организаціи, скрытый подъ названіемъ «Ордена безпорочнаго зачатія» («Order niepokalanego rozżecia»). Орденъ долженъ былъ быть внѣшнимъ знакомъ тѣсной связи между людьми, которые, посвятивъ себя католической вѣрѣ и войнѣ съ язычниками, въ то же время поклялись бы въ особенной вѣрности и преданности королю. Въ разьединенномъ польскомъ обществѣ, въ которомъ предводительствовала только олигархія, должна была появиться аристократія, проникнутая солидарностью и сосредоточенная около короля. Не нужно прибавлять, что такой проектъ, выставленный выскочкой и поддерживаемый королемъ, встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны олигарховъ и безвозвратно погибъ. Унижая этимъ Оссолинскаго и проводя на сеймѣ постановленіе, запрещающее принимать иностранные титулы, польскіе паны не измѣнили однако образа мыслей канцлера. Теперь, съ

появленіемъ новой королевы и Тіеполо, пробудились въ немъ прежніе замыслы, съ турецкой войной соединились планы внутренней реформы и подавленія анархіи. Былъ привлеченъ король, который, будучи полонъ жажды славы, вступивъ на тронъ съ планомъ пріобрѣтенія Москвы и Швеціи и предписыванія мира Европѣ, послѣ крушенія этихъ намѣреній, погрузился въ презрѣнную бездѣятельность и напрасно заглушалъ обманутыя надежды роскошью и распушенностью, а теперь снова пробудился и составлялъ фантастическіе планы пріобрѣтенія Константинополя. Съ вліяніемъ Тіеполо и Оссолинскаго шли въ одномъ направленіи и проекты Конецпольскаго, несомнѣнно болѣе практичныя и болѣе выгодныя,—походъ на Крымъ. Происходили долгіе, безпрестанныя, никому неизвѣстные совѣты, король видимо помолодѣлъ и предавался прекраснѣйшимъ мечтаніямъ. Въ 1646 г. была рѣшена война съ Турціей и союзъ съ Москвой и Венеціей, собраны послѣднія деньги, набрано большое войско, организована многочисленная артиллерія; король обратилъ вниманіе на козаковъ, такъ жестоко угнетенныхъ и грозившихъ бунтомъ, тайно вызвалъ въ Варшаву Барабашенка и Хмельницкаго, назначилъ перваго гетманомъ, а втораго писаремъ козацкимъ и поручилъ имъ, чтобы они подняли все козачество и самовольнымъ походомъ на Турцію навлекли на Польшу войну, за которую сеймъ добровольно никогда не взялся бы.

Дѣло кончилось печально. Король безпрестанно перемѣнялъ свои проекты по мѣрѣ препятствій, которые онъ встрѣчалъ, хотѣлъ вести войну безъ народнаго разрѣшенія, а подъ давленіемъ оппозиціи повертывалъ на легальную дорогу, уступалъ и снова съ тѣмъ большей горячностью возвращался къ своимъ планамъ. Прежде чѣмъ онъ отважился на рѣшительный шагъ, собрался сенатъ и грозно выступилъ противъ королевскихъ намѣреній. Тысячи интригъ и раздоровъ, которые происходили между Альбрехтомъ Радзивилломъ, Опалинскимъ, Любомірскимъ, Потоцкимъ, Вишневецкимъ, Острожскимъ и Калпновскимъ, тысячъ обидъ, отъ которыхъ каждый изъ нихъ сгоралъ по отношенію къ королю, по поводу неполученія какой-либо должности или мѣста старосты,—все это слилось въ одинъ хоръ противъ войны, которая прерывала плантаторскую политику на Украинѣ, могла возвысить нѣкоторыя личности и отзывалась какими-то внутренними таинственными замыслами. Неожиданно умеръ Конецпольскій и Оссолинскій занялъ двусмысленное положеніе. Тогда взбунтовали ближайшіе сеймики и посольскую избу, поднялся

шумъ, что король думаетъ объ абсолютной власти; на сеймѣ 1646 г. отъ него потребовали распущенія набранныхъ рекрутъ, уменьшенія придворной гвардіи и торжественнаго обѣщанія, что безъ позволенія сейма онъ никогда не будетъ производить наборовъ. Король заколебался, могъ идти только на проломъ, подумалъ о своемъ семилѣтнемъ сынѣ Сигизмундѣ, объ упроченіи за нимъ короны,—уступилъ и согласился на требованія сейма, содержащія унижительную для него просьбу о прощеніи. Въ Владиславѣ обнаружилась большая слабость характера и та довольно часто встрѣчающаяся физическая и вмѣстѣ съ тѣмъ духовная неповоротливость, которая всю энергію тратитъ на выдумку смѣлыхъ плановъ, а передъ дѣломъ всегда однако отступаетъ. Уступивши шляхтѣ, согласившись на ея унижительныя требованія, король послѣ сейма снова возвратился къ военнымъ планамъ.

Все это дѣло, какъ и вообще все царствованіе Владислава, до тѣхъ поръ пока исторія не разоблачитъ его во всей правдѣ, останется благодарной темой для поэзіи, которая безконечно будетъ превозносить величіе и таинственность королевскихъ замысловъ, вмѣшательство въ нѣхъ козаковъ, нѣсколько гнѣвныхъ выходовъ Владислава противъ іезуитовъ и сенаторовъ, наконецъ его отцовскую нѣжность. Однако исторіку нельзя быть поэтомъ, онъ долженъ цѣнить дѣла и людей не сообразно прекраснымъ чувствамъ, намѣреніямъ и мыслямъ, а только на основаніи дѣяній и фактовъ.

Къ чему должна была клониться война? Какъ война съ Турціей, она не имѣла для Польши никакой дѣйствительной цѣли; какъ война вообще, она должна была направить бурный духъ народа на внѣшнія дѣла и укрѣпить его силы; она выдалась съ планами внутренней реформы, должна была занять козаковъ и отвратить ихъ покушенія на Польшу. Только съ такою цѣлью мы можемъ понять ее и одобрить. Кто однако устремляется къ великому дѣлу, тотъ обязанъ поразмыслить, можетъ ли онъ достигнуть его предположенными средствами, чтобы не подвергнуться униженію со стороны современниковъ и тяжкому упреку въ легкомысліи со стороны исторіи. Что онъ встрѣтитъ большой и большой отпоръ, о томъ Владиславъ долженъ былъ знать; что только силой и насиліемъ онъ можетъ обуздать этотъ отпоръ и анархію олігарховъ, къ этому онъ долженъ былъ приготовиться и приготовлялся, какъ скоро привлекъ къ союзу угнетенныхъ сеймами и шляхтою козаковъ. Отпоръ, выказанный войнѣ сеймомъ и магнатами, не былъ для него неожиданностью и однако

Владиславъ, начавъ дѣло безъ сейма и раздраживъ тѣмъ народъ, въ концѣ концовъ обратился къ сейму и уступилъ его требованіямъ.

Развѣ онъ не имѣлъ физической возможности начать войну? Развѣ онъ не могъ вызвать Турцію противъ Польши и изъ наступательной сдѣлать войну оборонительной? Такимъ способомъ Сигизмундъ III велъ войны со Швеціей гораздо менѣ популярныя. Принявшись за наборъ рекрутъ, разгласивъ свои намѣренія, насколько уже лучше было броситься въ опасность и уступить лишь силѣ фактовъ, чѣмъ заранѣе испугаться крика шляхты, убѣдить ее такимъ образомъ, что этотъ крикъ имѣетъ свое значеніе, и совершенно уронить свое королевское достоинство.

Наконецъ самое худшее обстоятельство: есть такія силы, которыя безнаказанно приводить въ движеніе можетъ только мастеръ. Такою силою были въ Польшѣ козаки. Владиславъ смотрѣлъ на страшное усмиреніе козаковъ въ 1632 г. и не имѣлъ силы помѣшать этому. Пробуждать ихъ теперь къ жизни какимъ бы то ни было способомъ, подъ защитой королевскаго имени, вопреки законамъ, которые продиктовала имъ побѣдоносная шляхта, значило не что иное, какъ воспламенить социальную, домашнюю войну. Возбуждать козаковъ король могъ только въ томъ случаѣ, если рѣшился на страшную внутреннюю войну, если въ ней хотѣлъ стать во главѣ козаковъ и польскихъ хлоповъ и въ шляхетской крови погасить шляхетскую анархію. Можетъ быть, Владиславъ о томъ и помышлялъ, но когда дошло до дѣла, то испугался уже не домашней войны, а крика шляхты. Поэтому царствованіе Владислава въ польской исторіи является тѣмъ царствованіемъ, которое переполнило чашу несчастія страны. Элементъ, опрометчиво возбужденный королемъ-фантазеромъ и оставленный имъ безъ вниманія, уже послѣднія минуты его жизни освѣтилъ кровавымъ заревомъ. При извѣстіи о возстаніи козаковъ и о польскомъ пораженіи подъ Желтыми водами, Владиславъ внезапно умеръ 20 мая 1648 г. ¹⁾.

¹⁾ Владиславъ IV, старшій сынъ Сигизмунда III и первой его жены Анны, эрцгерцогини австрійской, род. 1595 г., вступилъ на тронъ въ 1632 г., умеръ въ 1648. Жены его: 1) Цецилія Рената, дочь императора Фердинанда II, вышедшая замужъ въ 1637 г., ум. 1644. Отъ нея двое дѣтей, умершихъ въ молодости, Сигизмундъ (1640—1647) и Марія. 2) Марія Людвика Гонзага де-Неверъ, дочь князя Мантуи, род. 1611 г. въ Парижѣ, вступила въ бракъ въ 1646 г., по смерти Владислава вышла за его брата Яна Казимира въ 1649 г., умерла 10 мая 1667 г.

§ 91. *Янъ Казиміръ (1648—1668). Козацкія войны.*

Послѣ десяти лѣтъ суроваго угнетенія, козаки поднялись въ 1648 г. съ страшной отплатой и, увлекая за собой весь народъ въ Подоліи, на Волыни и на Украинѣ, принялись рѣзать шляхту. Это движеніе нашло себѣ вождя въ Богданѣ Хмельницкомъ, польскомъ шляхтичѣ, который, будучи обиженъ подстаростой Чаплинскимъ, поклялся отомстить, убѣжалъ къ козакамъ и добился тамъ положенія и вліянія. Теперь, выбранный козаками гетманомъ, онъ благодаря своей необычайной энергіи и безпорнымъ талантамъ сумѣлъ захватить все движеніе въ сильныя руки, придать ему извѣстную организацію, болѣе опредѣленное направленіе и политическое значеніе. Заключивъ союзъ съ татарами, Хмельницкій 15 мая 1648 г. безъ труда разбилъ выступившія противъ него польскія войска подъ Желтыми водами и Корсунью и взялъ въ плѣнъ обоихъ гетмановъ, Потоцкаго и Калиновскаго. Вѣсть объ этомъ пораженіи потрясла шляхту; конвокаціонный сеймъ постановилъ большой походъ на козаковъ съ цѣлью отплаты имъ, вводя однако въ этотъ походъ анархію на подобіе сеймовой: онъ поставилъ во главѣ его трехъ не способныхъ главнокомандующихъ (впослѣдствіи прозванныхъ перпной, латынью и дитяткомъ, pierzyna, łacina, dziecina) и двадцать шесть комиссаровъ. Вслѣдствіе отсутствія единоличнаго предводительства многочисленная польская армія, увеличенная тысячами обозныхъ служителей, неспособная къ болѣе быстрымъ движеніямъ вслѣдствіе безмѣрнаго количества возовъ, лишенная дисциплины и надменная, будучи опережена козаками и татарами подъ Пилявцами, постыдно ударилась вразсыпную. Хмельницкій съ ханомъ Тугай-беемъ, захвативъ огромную добычу, осадилъ Львовъ, но, встрѣтивъ мужественный отпоръ со стороны горожанъ, удовольствовался откупомъ, подвинулся къ Замостью и на избирательный съѣздъ, какъ разъ происходившій въ это время въ Варшавѣ, отправилъ посольство, требовавшее скорого избранія короля въ лицѣ Яна Казиміра, потому что козаки хотятъ подчиняться только королю и только съ королемъ вести переговоры ¹⁾. Подъ такимъ давленіемъ

¹⁾ Янъ Казиміръ, второй сынъ Сигизмунда III, родившійся въ 1609 г. отъ второй жены Констанціи австрійской, въ 1643 г. вступилъ въ іезуитскій орденъ, въ 1645 г. сдѣлался кардиналомъ, въ 1648 г. избранъ польскимъ королемъ, царствовалъ до 1668 г., когда сложилъ корону, умеръ 1672 г. въ Неверѣ, во Франціи. Отъ жены Маріи Людвики, вдовы брата Владислава IV, не имѣлъ потомства.

ніемъ королевичъ Карлъ отказался отъ кандидатуры въ пользу своего брата Яна Казимира ¹⁾, и выборъ состоялся 17-го ноября 1648 г.

Въ полномъ расцвѣтѣ силъ вступилъ на польскій престолъ, осиротѣвшій послѣ его брата Владислава, Янъ Казимиръ, нелюбимый шляхтою и въ свою очередь ея не любившій, мужественный въ бою, энергичный и упорный въ своихъ рѣшеніяхъ, но скоро утомлявшійся и нетерпѣливый, бросавшійся изъ одной крайности въ другую, въ сущности натура холодная, безъ воодушевленія и стремленія къ высшимъ планамъ и цѣлямъ. Передъ вступленіемъ на престолъ онъ не умѣлъ найти себѣ мѣста въ Польшѣ, скитался за-границей, сражался въ императорской службѣ въ Германіи; будучи схваченъ французами, когда ѣхалъ въ Испанію, просидѣлъ у нихъ долгое время въ непріятномъ заключеніи, вступилъ въ іезуитскій орденъ и получилъ наконецъ кардинальскую шляпу. При самомъ вступленіи въ правленіе онъ долженъ былъ быть очевидцемъ катастрофы, которая обрушивалась въ неудержимомъ порывѣ, какъ результатъ внутренняго и виѣшняго упадка народа и государства.

Передъ королемъ прежде всего сталъ козацкій вопросъ во всемъ своемъ ужасѣ. Его до тѣхъ поръ не умѣли разрѣшить. Польское правительство не было достаточно сильнымъ, чтобы привлечь въ свою службу буйный элементъ, который, подъ прикрытіемъ правительственной слабости, создался на «дикихъ поляхъ», чтобы упорядоченіемъ своей юго-восточной границы и расширеніемъ ея вплоть до береговъ Чернаго моря запрудить тотъ источникъ, изъ котораго непрерывно создавалось козачество. Если однако козаки въ прежнее время брались за вооруженное сопротивленіе, то польское правительство находило во всякомъ случаѣ достаточно силы, чтобы подавить это сопротивленіе, потому что козаки, элементъ на половину разбойничій, не заботившійся ни о какихъ высшихъ религіозныхъ или національных основахъ, были ужасомъ для мирнаго населенія, жившаго на южно-русскихъ земляхъ, не щадили его въ своихъ набѣгахъ и не производили на него болѣе глубокаго вліянія. Теперь однако условія перемѣнились, потому что козаки, не давъ истребить себя, пробудили чувство вольности въ сельскомъ населеніи южно-русскихъ провинцій, возста-

¹⁾ Карлъ Фердинандъ, четвертый сынъ Сигизмунда III, род. въ 1613 г. отъ второй его жены Констанціи австр., въ 1633 г. епископъ вроцлавскій, въ 1647 г. плоцкій, ум. 1666 г.

новили его противъ поляковъ и русиновъ, бывшихъ до того времени его господами, воспользовались его соціальной ненавистью и навязали ему себя руководителями. Козацкій вопросъ сталъ внутреннимъ соціальнымъ вопросомъ и перемѣстилъ свой центръ тяжести съ «дѣкихъ полей» въ плодороднѣйшія провинціи Рѣчи Посполитой, на которыя опирался правящій классъ въ народѣ, можновладство. Около побѣдоноснаго козачества сосредоточилось все, что не могло выдержать соперничества въ Рѣчи Посполитой и, не имѣя точки опоры, медленно уничтожалось, какъ напримѣръ восточная церковь, падавшая вслѣдствіе униі, а также народный русскій элементъ, постепенно поддававшийся культурному польскому вліянію. Хотя только часть русиновъ, а не всѣ православные, обращали взоры на козаковъ, однако послѣдніе, и прежде всего Хмельницкій, умѣли, когда выпадалъ случай, пользоваться ихъ дѣломъ и тѣмъ самымъ необычайно укрѣплять свое положеніе.

Богданъ Хмельницкій мечталъ о созданіи отдѣльнаго государства на счетъ нѣсколькихъ земель Рѣчи Посполитой, а условій существованія для этого государства искалъ въ соперничествѣ сосѣднихъ державъ: Польши, татаръ, Москвы и турокъ. Двѣ первыя были самыми близкими къ нему и самыми грозными; поэтому онъ признавалъ верховную власть польскаго короля, чтобы не попасть въ татарскую неволю и, обратно, воюя съ поляками, прикрывался татарскимъ союзомъ. Слѣдовательно козацкій вопросъ неразрывно сплелся съ татарскимъ. Безъ завоеванія Крыма не могло быть и рѣчи о прочномъ усмиреніи козачества.

Во всякомъ случаѣ козацкій вопросъ въ новомъ своемъ видѣ требовалъ со стороны Польши энергичной, послѣдовательной, рѣшительной дѣятельности, какой не допускала тогдашняя организація Рѣчи Посполитой. Образовались въ Польшѣ двѣ партіи, одна перевѣшивающая, потому что заключала въ себѣ почти всю массу шляхты, которая со всѣмъ непствствомъ бросалась на взбунтовавшуюся хлопскую чернь,—она только такъ представляла козаковъ,—партія, которая, стремясь какъ можно скорѣе достигнуть возвращенія своихъ помѣстій на Украинѣ, захваченныхъ хлопами, стремилась проложить себѣ путь мечемъ, партія, которая не знала состраданія къ бунтовщикамъ. Во главѣ ея сталъ гордый князь Іеремія Вишневецкій, знаменитый, но жестокий и страшный для народа воитель. Эта партія однимъ уже своимъ численнымъ перевѣсомъ понуждала правительство къ войнѣ, вела ее на свою отвѣтственность, и такъ десятками лѣтъ тяну-

лись кровавыя распри съ козачествомъ, въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ не знали и не просили пощады. Однако величайшія старанія ни къ чему не годились, какъ только въ нихъ не было съ польской стороны постоянства и порядка. Помимо неистовства, съ какимъ шляхта бросалась въ козацкую войну, шляхта эта еще не отдѣлалась отъ своей анархіи. Подати назначались скупо или, что хуже, ихъ не выплачивали; войско, когда жалованье не выплачивалось въ срокъ, расходилось по домамъ; посполитое ружье, непослушное и неповоротливое, не могло ни въ чемъ имѣть успѣхъ; магнаты ни на минуту не позабывали взаимной зависти и постоянныхъ обидъ на короля; сеймы, какъ въ самыя мирныя времена, проходили въ ничтожныхъ спорахъ, а сеймъ 1652 года далъ первый, устрашающій примѣръ *liberum veto*.

Издавна господствовалъ принципъ, что только единогласіемъ можетъ состояться на сеймѣ какое-либо рѣшеніе; поэтому бывали примѣры тому, что буйное меньшинство прерывало совѣщанія на шесть недѣль, не допускало продолженія сейма и принуждало его разойтись ни съ чѣмъ; бывали примѣры, что это буйное меньшинство «срывало» сеймъ, то-есть оставляло засѣданія и принуждало большинство и короля закрыть сеймъ, который уже не представлялъ всего народа, и постановленія котораго не приобрѣли бы себѣ признанія. Но не было примѣра, чтобы одинъ депутатъ посредствомъ протеста и оставленія засѣданій принуждалъ разойтись цѣлый сеймъ, чтобы одинъ депутатъ срывалъ цѣлый сеймъ своимъ «*nie rozwalam*». Только въ первый разъ, 9 марта 1652 г. упитскій депутатъ Сидинскій, по наущенію Януша Радзивилла, предъявилъ протестъ противъ дѣйствительности совѣщаній во имя защиты угрожаемой свободы! Онъ покинулъ залу засѣданій, а оставшіеся депутаты признали себя изъ-за этого непьющими права дальнѣйшаго совѣщанія и объявили сеймъ прекращеннымъ. Однако нельзя буквально взваливать все на *liberum veto*. Одинъ депутатъ не могъ сорвать сеймъ, потому что, еслибы сеймъ былъ согласенъ, то не обратилъ бы вниманія на протестъ одного члена и продолжалъ бы совѣщаться и производить постановленія, какъ тому часто бывали примѣры позже. Если однако внутри сейма появлялись грозные раздоры, если значительное меньшинство, или по политическимъ побужденіямъ или подстрекаемое нѣсколькими олигархами, стремилось поставить на своемъ и не допустить большинства ни до какого результата, то оно хваталось за *liberum veto*, какъ за удобное средство. Всегда находился ослѣпленный или низкій человекъ, ко-

торый пзъ-за призрака золотой свободы или за деньги срывалъ сеймъ и бралъ на себя все безчестіе этого поступка, потому что общественное мнѣніе, обоготворяя *liberum veto*, какъ необходимое послѣдствіе единогласія, какъ оборону свободы, въ принципѣ, всегда клеймило срывавшаго сеймъ. Цѣлая партія никогда не захотѣла бы отяготить себя такимъ безславіемъ и сорвать сеймъ, но, если находила кого-либо, кто принималъ на себя такой позоръ, то принуждала сеймъ къ всеобщему признанію его протеста и къ прекращенію засѣданій ради обороны свободы.

Если этого не происходило, если сеймъ приходилъ къ результатамъ и устанавливалъ подати на войну, то воеводскіе сеймики въ значительной мѣрѣ портили хорошія послѣдствія такого рѣшенія. Уже при Сигизмундѣ III они начали отнимать у сейма его прерогативы. Не довольствуясь тѣмъ, что они выбирали депутатовъ на сеймъ и снабжали ихъ стѣснительными инструкціями, эти сеймики принуждали депутатовъ, чтобы тѣ окончательное рѣшеніе податныхъ вопросовъ отлагали до сеймиковъ, созывавшихся послѣ сейма, такъ называемыхъ докладныхъ (*sejmiki relacyjne*). Итакъ, отдѣльные сеймики утверждали или перемѣняли постановленія сейма относительно податей. Король долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что депутаты на сеймѣ отъ имени своей земли обязывались представить пзвѣстную сумму податей, а докладной сеймикъ утверждалъ родъ подати, назначалъ сборщиковъ и завѣдующихъ подъ своимъ собственнымъ контролемъ, наконецъ самъ начиналъ нанимать солдатъ на эти деньги. Такая полная децентрализація податной и военной организаціи дополняла мѣру безначалія, потому что сеймикъ не создалъ пзъ себя никакой исполнительной власти, а съ 1666 г. въ его многочисленныхъ засѣданіяхъ начало появляться *liberum veto*.

Нѣтъ ничего удивительнаго при такой организаціи, что польскія войска, отправленныя противъ козаковъ, не слишкомъ многочисленныя, не получавшія жалованья, не имѣвшія дисциплины, несмотря на подвиги великаго мужества, чаще всего не могли сладить съ превосходившими ихъ своею численностью и строгимъ порядкомъ козаками и соединенными съ ними татарами. Уже въ 1649 г. польскія войска, обложенныя безчисленными толпами козаковъ и татаръ въ лагеряхъ подъ Збаржемъ и Зборовымъ, послѣ геройской, но безуспѣшной защиты, успѣли спастись только привлеченіемъ на свою сторону хана Исламъ-Гирея. Когда же въ 1651 г. собралась гораздо бѣльшая, стотысячная армія подъ предводительствомъ самого короля и одержала подъ

Берестечкомъ большую побѣду надъ козаками и татарами, то не съумѣла ея воспользоваться и, поднявъ мятежъ подъ руководствомъ Христофора Опалинскаго и Иеронима Радзѣвскаго, немедленно возвратилась домой. Съ трудомъ былъ возвращенъ Кіевъ наемнымъ войскомъ. А въ слѣдующемъ году польный гетманъ Калиновскій, благодаря бунту собственнаго войска, понесъ чувствительное пораженіе подъ Батогомъ, а король, окруженный въ лагерьъ подъ Жванцемъ, снова долженъ былъ спастись переговорами съ татарскимъ ханомъ.

Впродолженіе войны время отъ времени бывали однако моменты, въ которые дальнѣйшее веденіе ея казалось невозможностью. Тогда-то брала верхъ въ Польшѣ умѣренная партія, состоявшая изъ нѣсколькихъ болѣе опытныхъ мужей съ канцлеромъ Оссолинскимъ и съ каштеляномъ брацлавскимъ, впоследствии воеводой кіевскимъ, русинномъ Киселемъ, во главѣ. Видя страшныя послѣдствія домашней войны, не будучи въ состояніи ни отвратить зла, ни одержать надъ нимъ верхъ, она считалась съ совершившимся фактомъ, признавала самостоятельность за козачествомъ, лишь бы только удержать его въ связи съ Рѣчью Посполитою. Эту политику принималъ Хмельницкій, потому что въ признаніи верховной власти польскаго короля видѣлъ единственный способъ обезпечить себя отъ грознаго и обманывавшаго его союзника, отъ зависимости отъ татарскихъ хановъ; принималъ эту политику и козаки, потому что польскій элементъ обладалъ большою силою среди ихъ самихъ, чувство традиціонной связи съ Польшей нельзя было уничтожить сразу, польская цивилизація привлекала ихъ къ себѣ, соединеніе съ польскимъ рыцарствомъ, состоявшееся на принципѣ равенства, льстило ихъ гордости. Итакъ съ козаками было заключено перемиріе и состоялся договоръ. Зборовскій договоръ 1649 г. признавалъ права козаковъ, устанавливалъ демаркаціонную линію, за которую не должны были переходить коронныя войска, обезпечивалъ кромѣ того изгнаніе евреевъ и іезуитовъ изъ Украйны, мѣсто въ сенатѣ для кіевского митрополита и три воеводства для православныхъ: кіевское, брацлавское и черниговское, однако ограничивалъ число реестровыхъ козаковъ сорока тысячами. Бѣлоцерковскій договоръ 1651 г., заключенный послѣ берестечкаго сраженія, ограничивалъ число реестровыхъ козаковъ уже двадцатью тысячами и назначалъ имъ для жительства только королевскія помѣстья въ кіевскомъ воеводствѣ, а цѣлью козакамъ указывалъ борьбу съ татарами. Однако и это средство требовало не только добросовѣстности съ

обѣихъ сторонѣ, не только пожертвованія многими частными выгодами, но сверхъ того сильнаго правительства въ Польшѣ, которое было бы въ состояніи держать въ дисциплинѣ организованное такимъ образомъ козачество и принудить польское общество уважать его. Но обѣ стороны или не хотѣли, или не могли выполнить условій договора. Шляхта не хотѣла выполнить ихъ, потому что никакой договоръ не могъ привести ее къ возвращенію потерянныхъ на Украинѣ помѣстій и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостныхъ; шляхетская гордость не позволяла сравняться со шляхтою тѣмъ самымъ козакамъ, которыхъ рѣшено было обратить въ хлопы; епископы не хотѣли сдержатъ условій, потому что ложная релігіозная ревность не позволяла имъ терпѣть подлѣ себя въ сенатѣ епископовъ восточной церкви, какъ того справедливо требовали козаки и какъ то обезпечивали условія; магнаты, тотъ или другой, не хотѣли сдержатъ условій, потому что просто не хотѣли, не умѣли уважать никакой законъ и вопреки сеймовымъ постановленіямъ самовольно начинали обижать козаковъ и нападать на нихъ, отъ чего вскорѣ происходила всеобщая война. Равнымъ образомъ и Хмельницкій не могъ сдержатъ договора, который ограничивалъ козаковъ извѣстнымъ числомъ, не могъ хлоповъ, которые соединились съ нимъ и обратились въ козаковъ, распустить и склонить къ возвращенію въ крѣпостное иго; не могъ удержать черни, безпрестанно раздражаемой шляхтою и побуждаемой къ кровавому мщенію. Противоположности были слишкомъ рѣзки, чтобъ ихъ возможно было уладить.

Итакъ всякіе договоры, наравнѣ съ войнами, вели только къ страшному пролитію крови и къ опустошенію нѣкогда процвѣтавшей Руси, приводили къ тому, что обѣимъ воюющимъ сторонамъ поочередно навязывался въ союзники и примирители ханъ татарскій изъ Крыма и переходя отъ однихъ къ другимъ, не допуская ни тѣхъ, ни другихъ до окончательной побѣды, раззорялъ край въ конецъ и предписывалъ свои условія. То были страшныя времена. Наконецъ отыскалось средство рѣшить козацкій вопросъ. Его невозможно было рѣшить введеніемъ порядка въ Польшѣ, рѣшили его безсознательно перенесеніемъ польской анархіи въ козачество. Гетманъ козацкій, который до тѣхъ поръ по отношенію къ своимъ толпамъ представлялъ идею порядка и соглашенія съ Польшей, не будучи въ состояніи чего-либо добиться отъ послѣдней, все болѣе и болѣе терялъ въ уваженіи, принужденъ былъ насиліемъ подавлять бунты, поднимавшіеся противъ него самого, и, убѣдившись окончательно, что онъ не

может опереться на Польшу, безпрестанно подверженный унижительной зависимости отъ своего союзника, хана татарскаго, котораго поляки подстрекали противъ козаковъ, не будучи въ состояніи вслѣдствіе этого думать о самостоятельности, началъ въ другомъ мѣстѣ разыскивать прочной поддержки. Ее уже давно охотно предлагала ему Москва, сближенная съ козачествомъ и абсолютнымъ правленіемъ и одинаковою вѣрою, покровительницею которой она выставляла себя по сравненію съ Польшею. Москва принимала къ себѣ и селила толпы сельскаго населенія, которое устремлялось къ Хмельницкому и котораго Хмельницкій не могъ помѣстить у себя. Итакъ, когда въ 1653 г. поляки заключили подъ Жванцемъ союзъ съ татарами, а козачество увидѣло себя подверженнымъ опасности и начались внутри его волненія, Хмельницкій искалъ помощи въ Москвѣ и 8 февраля 1654 г. подчинился царю Алексѣю. Все болѣе и болѣе умножались признаки полнаго разложенія въ нѣдрахъ козачества.

Подчиненіе козачества стало съ того времени лозунгомъ Москвѣ для вступленія въ войну съ Польшею и для отмщенія за пораженія, нанесенныя ей Сигизмундомъ и Владиславомъ. Войска царя Алексѣя вступили въ одно и то же время съ сѣвера и съ юга въ предѣлы Рѣчи Посполитой. Хотя они проиграли въ Украинѣ вмѣстѣ съ козаками большую битву подъ Охматовымъ, зато въ Лѣтвѣ добыли Смоленскъ и, пользуясь шведской войной, которая вспыхнула въ то же самое время, пробрались въ глубь края и заняли самую Вильну въ 1655 г.

§ 92. Шведскія нападенія.

Шведское нападеніе дополнило мѣру несчастія Рѣчи Посполитой. Несмотря на настоянія Франціи, Янъ Казиміръ не хотѣлъ заключить съ Швеціей вѣчнаго союза, къ которому Швеція склонялась въ началѣ его царствованія; онъ надѣялся, что, успокоивъ козацкое возстаніе, достигнетъ болѣе выгодныхъ условій. Тѣмъ временемъ настроеніе въ Швеціи уже перемѣнилось. Дочь благороднаго и отличавшагося очень глубокой политической проницательностью короля Густава, Адольфа, Христина, отеклась отъ престола въ 1654 г. въ пользу своего двоюроднаго брата, пфальцграфа Цвейбрюккенскаго Карла Густава, который сталъ представителемъ новаго направленія въ Швеціи. Это авантюристское направленіе породилось среди тридцатилѣтней войны и побуждало короля и народъ къ хищническимъ нападеніямъ. Въ Германію

преграждалъ ему дорогу Вестфальскій миръ съ 1648 г., съ Польшей существовало только перемиріе и притомъ съ Польшей, потрясенной до глубины козацкими войнами, подвергшейся нападенію со стороны Москвы и разстроенной внутри. Это была готовая добыча для Швеціи. Когда поэтому при шведскомъ дворѣ очутился Іеронимъ Радзѣвскій, котораго маршальскій судъ въ 1652 г. объявилъ безчестнымъ за кровавый раздоръ, произведенный при королевскомъ дворѣ, и когда этотъ измѣнникъ, мстя своему королю и отчизнѣ, подстрекалъ шведовъ къ нападенію, Карлъ Густавъ прервалъ переговоры, ведшіеся съ Польшей о заключеніи вѣчнаго союза, и въ 1655 г. съ двумя арміями вступилъ въ Великую Польшу и въ Литву. И вотъ тогда польская шляхта, собранная для отраженія нападенія, не желая сражаться, утративъ всякое чувство любви къ отчизнѣ и національнаго достоинства, подбиваемая нерасположенными къ Яну Казимиру магнатами, именно Христофоромъ Опалинскимъ и Янушемъ Радзивилломъ, сложила оружіе и перешла подъ протекторатъ Карла Густава на основаніи договоровъ, заключенныхъ въ Устьѣ и Кейданахъ. Это было естественнымъ слѣдствіемъ гибельной политики Сигизмунда III, который, жертвуя благомъ края ради своихъ личныхъ династическо-шведскихъ интересовъ, приучилъ шляхту раздѣлять интересы короля отъ интересовъ народа и государства, уклоняться отъ общественныхъ обязанностей подъ тѣмъ предлогомъ, что не государство, а лишь король обратитъ ихъ въ свою выгоду. Это заблужденіе дошло до такой степени, что теперь сочли шведское нападеніе направленнымъ только противъ короля. Шляхтѣ казалось, что, оставляя этого короля, отдаваясь подъ протекторатъ Карла Густава, она устранитъ причину войны. Почти безъ битвы шведскія войска заняли Варшаву и, двигаясь въ Малую Польшу, отовсюду собирая подданническіе адреса отъ шляхты, даже принимая въ свои ряды не получавшее жалованья и деморализованное польское войско, сокрушая его частичное сопротивление, осадили Краковъ и, встрѣтивъ тутъ первый разъ геройскую оборону со стороны Стефана Чарнецкаго, принудили все-таки этотъ королевскій городъ къ капитуляціи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Карлъ Густавъ сталъ господиномъ всей Польши, за исключеніемъ земель, занятыхъ Москвой и козаками, а Янъ Казиміръ съ горстью вѣрныхъ ему сенаторовъ долженъ былъ искать убѣжища въ Глоговѣ, въ Силезіи. Таковъ былъ конечный результатъ внутренней анархіи и гибельной и ложной внѣшней политики, которая своевольно породила Польшѣ враговъ и лишила ее союзниковъ.

VI.

Ошибочная внѣшняя политика дѣлаетъ напрасными усилія подняться изъ упадка.

(1655—1717).

Л И Т Е Р А Т У Р А .

Вторая половина XVII-го и начало XVIII-го столѣтій нашли себѣ многочисленныя спеціальныя изслѣдованія, опирающіяся на источники:

Янъ Валевскій: «Исторія освобожденія Польши въ царствованіе Яна Казимира», 2 тома. (Jan Walewski: «Historya wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza». Kraków 1866—1868). Кромѣ того: «Исторія освобожденія Рѣчи Посполитой», 2 тома. («Historya wyzwolenia Rzeczy Pospolitej». Kraków 1870—1872).

Валишевскій, Казиміръ: «Польско-французскія отношенія въ XVII в. 1644—1667». (Waliszewski Kazimierz: «Polsko-francuskie stosunki w XVII wieku. 1644—1667». Kraków 1889).

Чермакъ, Викторъ: «Янъ Казиміръ, опытъ характеристики». (Czermak Wiktor: «Jan Kazimierz, próba charakterystyki». Kwartalnik historyczny. Lwów 1889). «Переправа Чарнецкаго на островъ Альсенъ». («Przeprawa Czarnieckiego na wyspę Alsen». Przewodnik nauk. Lwów 1884).

«Дѣло Любомірскаго въ 1664 г.». («Sprawa Lubomirskiego w r. 1664». Ateneum. Warszawa 1885 i 1886).

«Счастливый годъ». Событія московско-польской войны 1660 г.». («Szczęśliwy rok». Dzieje wojny moskiewsko-polskiej z r. 1660». Przegląd polski. Kraków 1886, 1887 i 1889).

«Конецъ Юрія Любомірскаго». («Koniec Jerzego Lubomirskiego». Kwartalnik historyczny. Lwów 1890).

Яроховскій, Казиміръ: «Великая Польша во время первой шведской войны 1655—1657 г.». (Jarochoński Kazimierz: «Wielkopolska w czasie

pierwszej wojny szwedzkiej od r. 1655—1657». Poznań 1864), кроме того: «Дѣло Калькштейна 1670—1672». («Sprawa Kalksteina 1670—1672». Ateneum. Warszawa 1877, I). «Первоначальная политика короля Яна III». («Pierwotna polityka króla Jana III». Niwa 1880. Warszawa). «Политика короля Яна III». («Polityka króla Jana III». Niwa 1882. Warszawa).

Хржановскій, Леонъ: «Помощь Вѣнѣ въ битвѣ 1683 г.» (Chrzanowski Leon: «Odsiecz Wiednia w bitwie 1683 г.» Оттискъ изъ Biblioteki warszawskiej. Warszawa 1886) и Ключицкій, Францискъ: «Вѣнскій походъ». (Kluczowski Franciszek: «Wyprawa wiedeńska». Kraków 1883),—даютъ литературу этого предмета.

Люкасъ, Станиславъ: «Дипломатія Собѣскаго». (Lukas Stanisław: «Dyplomacya Sobieskiego». Ateneum. Warszawa 1881).

Мыцѣльскій, Юрій: «Польскій землянинъ во время помощи Вѣнѣ». (Mycielski Jerzy: «Ziemiańim polski z czasów odsieczy wiedeńskiej». Niwa 1883. Warszawa).

Кантецкій, Клементій: «Заговоръ въ 1688 г.» (Kantecki Klemens: «Spisek w r. 1688». Przewodnik naukowy. Lwów 1877, I).

Шайноха, Карлъ: «Разсказъ о королѣ Янѣ III». (Szajnocha Karol: «Opowiadanie o królu Janie III». Żytomierz 1860).

Гельцель, Антонъ Сигизмундъ: «О двукратномъ замужествѣ княжны Людвиги Каролины Радзивилловны». (Helcel Antoni Zygmunt: «O dwukrotnem zameżciu księżniczki Ludwiki Karoliny Radziwiłłówniej». Rocznik Tow. nauk. krak. t. XXIV. Kraków 1857).

Гельцель, Антонъ Сигизмундъ: «Предисловіе къ письмамъ Яна Собѣскаго». («Przedmowa do listów Jana Sobieskiego». Biblioteka ord. Myszkowskich 1860).

Яблоновскій, Александръ: «Христофоръ Гржимультовскій, историческій очеркъ». (Jablonowski Alexander: «Krysztof Grzymultowski, szkic hist.». Ateneum 1876. I).

Тарновскій, Станиславъ: «Тайна 1688 г.» (Tarnowski Stanisław: «Tajemnica roku 1688». Rocznik Akademii umiej. 1883).

Валевскій, Антонъ: «Исторія безкоролевья по смерти Яна III», томъ I. (Walewski Antoni: «Dzieje bezkrólewia po skonie Jana III». Kraków 1874).

Завадскій: «Яковъ и Константинъ Собѣские». (Zawadzki: «Jakób i Konstanty Sobieski». Lwów 1862).

Дройзенъ: «Трехдневная битва при Варшавѣ». (Droysen: «Die dreitägige Schlacht bei Warschau». Leipzig 1864).

Яроховскій, Казиміръ: «Исторія царствованія Августа II отъ смерти Яна III до момента вступленія Карла XII на польскую землю». (Jaro-

chowski Kazimierz: «Dzieje panowania Augusta II od śmierci Jana III do chwili wstąpienia Karola XII na ziemię polską». Poznań 1856).

«Исторія царствованія Августа II отъ вступленія Карла XII до выбора Станислава Лещинскаго» («Dzieje panowania Augusta II od wstąpienia Karola XII do obioru Stanisława Leszczyńskiego». Poznań 1874).

«Историческіе рассказы» 3 тома. («Opowiadania historyczne». Poznań 1860—1879). «Историческіе рассказы и этюды», новая серія. («Opowiadania i studia historyczne». Poznań 1884), собственно цѣлый рядъ разсужденій, которыя, будучи соединены въ одно цѣлое и пополнены, составлять третій томъ Исторіи Августа II.

«Покушеніе Августа II на Варшаву въ 1704 г.». («Zamach Augusta II na Warszawę w r. 1704». Ateneum. Warszawa 1877, III).

«Конецъ Радзѣвскаго въ 1704—5 г.». («Koniec Radziejowskiego roku 1704—5». Ateneum. Warszawa 1879, III).

«Осада Познани Паткулемъ въ 1704 г.». («Obleżenie Poznania przez Patkula 1704». Poznań 1879).

«Катастрофа Паткуля 1704—1707 г.». («Katastrofa Patkula 1704—1707». Ateneum, Warszawa 1879, I).

«Бранденбургская политика въ первыхъ годахъ войны Карла XII и миссія Пржебендовскаго въ 1704 г.». («Polityka brandenburska w pierwszych latach wojny Karola XII i misya Przebendowskiego w r. 1704». Niwa. Warszawa 1879, I).

Всѣ эти труды, между которыми выдаются обширностью предмета и изслѣдованіемъ по источникамъ сочиненія Валевскаго и Яроховскаго, относятся однако только къ развитію политическихъ событій. Внутреннія же общественныя отношенія до сихъ поръ не нашли себѣ особой разработки по источникамъ. Совокупность этого историческаго отдѣла самостоятельно представлена въ Исторіи Шуйскаго (III и IV томы).

§ 93. *Отраженіе шведскихъ нападений.*

Польская шляхта подчинилась шведскому королю, какъ протектору, и думала дѣйствительно, что найдетъ въ немъ покровителя, который за нее возьметъ на себя всю государственную тяжесть, именно внѣшнюю оборону государства, а ей самой предоставитъ свободно пользоваться неограниченной вольностью, до сугомъ и матеріальнымъ благосостояніемъ. Къ такимъ послѣдствіямъ приводила мысль, которая уже пробивалась во всѣхъ раста сопвента съ 1573 г., мысль присвоенія народу правъ и выгодъ и возложенія всѣхъ общественныхъ тяжестей и обязан-

ностей на государя. Однако обнаружилось, что Карль Густавъ не думаетъ унизиться до такой оскорбительной роли покорнаго орудія польской шляхты и слуги ея, что въ качествѣ протектора онъ требуетъ отъ народа большихъ жертвъ и повиновенія, что онъ не позволитъ себѣ приказывать и понимаетъ свое положеніе, не какъ законный государь и покровитель, а какъ врагъ и грабитель. Притѣсненіе и деспотизмъ шведскихъ генераловъ, стоявшихъ въ Польшѣ гарнизономъ, безпрестанныя неслыханныя хищничества, которыя позволяли себѣ шведскіе солдаты, сдѣлавшіеся пахальными вслѣдствіе легкаго завоеванія, систематическіе грабежи и надруганія надъ святынями убѣдили въ этомъ шляхту. Только въ то время пробудились въ народѣ болѣе здоровые и не въ конецъ еще искалѣченные вѣковой анархіей инстинкты, пробудилось сознаніе національнаго достоинства, пробудилось прежде всего религіозно-католическое чувство, столько разъ поруганное шведами. Первымъ проявленіемъ этого возрожденія разума и чувства въ польскомъ народѣ была геройская защита въ 1655 г. прославленнаго, какъ мѣсто паломничества, монастыря о.о. паулиновъ въ Ченстоховѣ, подъ руководствомъ Стефана Замойскаго и энергичнаго настоятеля Августина Кордецакаго. Почти чудесный отпоръ, какой давалъ немногочисленный, но воспламененный великимъ духомъ гарнизонъ, принудилъ шведскаго генерала Мюллера отступить послѣ пятинедѣльной осады и послѣ многихъ геройски возобновлявшихся штурмовъ. Одинъ этотъ фактъ потрясъ до глубины души опустившійся народъ. Этимъ воспользовался изгнанникъ Янъ Казиміръ, который съ своей отважной супругой ни на минуту не погнулся передъ несчастіемъ. Отъ короли вышли универсалы, призывавшіе народъ къ вооруженному возстанію противъ шведовъ; гетманы Потоцкій и ланцкоронскій, склоняя коронныя войска къ возвращенію подъ знамя своего собственнаго короля, составили конфедерацію въ Тышовцахъ, въ Люблинской землѣ (29 декабря 1655 г.), отказывая въ повиновеніи Карлу Густаву и вмѣстѣ съ тѣмъ объявляя войну его войскамъ и сторонникамъ; въ Великой Польшѣ первымъ выступилъ съ партизанской войной Жегодкій, въ Малой Польшѣ Стефанъ Чарнецкій и Юрій Любомірскій, въ Литвѣ Петръ Сапѣга, особенно когда со смертью Януша Радзивилла пала тамъ шведская партія. Король переѣхалъ въ Львовъ, одновременно на всѣхъ пунктахъ началась борьба, безмѣрно утомительная для шведовъ, разсѣивающая ихъ силы и ограничивающая ихъ господство тѣми мѣстностями, которыя они были въ состояніи обложить

своимъ войскомъ. Въ этой войнѣ отличился какъ дѣятельный и неутомимый партизанъ Стефанъ Чарнецкій, который, будучи разбитъ сначала подъ Голембемъ, отважно и счастливо выступилъ противъ шведскаго оружія подъ Варкою. Карлъ Густавъ, не могши добраться до Львова, выбравшись къ Вислѣ изъ стѣсненной позиціи при устьѣ Сана, долженъ былъ въ половинѣ 1656 года отступитъ вплоть до Пруссіи и обратиться за помощью къ курфирсту бранденбургскому. Янъ Казиміръ, собравъ большія силы, временно даже возвратилъ Варшаву, но потомъ, послѣ трехдневной битвы, происшедшей при Прагѣ, долженъ былъ снова удалиться изъ нея. Но всѣ похвальныя усилія и стремленія поляковъ не могли быть достаточными для того, чтобы окончательно выгнать грабителей. Непріятель отличался организаціей войска, имѣлъ въ своихъ рукахъ крѣпости, соединился съ курфирстомъ бранденбургскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ герцогомъ прусскимъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ, и даже съ княземъ семиградскимъ Юріемъ Ракоціемъ, наконецъ съ Богданомъ Хмельницкимъ и съ ними уговаривался о раздѣлѣ Польши. Ракоцій, собравши 50000 венгровъ, валаховъ и разной голытьбы, вторгся въ страну и производилъ еще худшія опустошенія и убійства, чѣмъ шведы. Польскія силы были немногочисленны, по большей части составлены изъ всеобщаго ополченія, безъ надлежащаго порядка и организаціи; денегъ не хватало; зависть между польскими панами не угасла, каждый дѣйствовалъ на свою отвѣтственность, и такимъ образомъ, не смотря на свое огромное злополучіе, Польша была уже не въ состояніи подняться собственными силами вслѣдствіе слишкомъ укоренившейся анархіи.

Слѣдовало поискать внѣшней помощи. Предложилъ помощь Польшѣ ханъ татарскій, который не безъ причины боялся перевѣса Россіи и зависимаго отъ нея козачества и поэтому мѣшалъ Хмельницкому и отвлекалъ его отъ движенія на Польшу. Помощь эта, принятая по необходимости, не была однако рѣшающею. Ища лучшихъ союзниковъ, нужно было выбирать между Франціей и Габсбургами, между двумя государствами, которыя, не смотря на окончаніе тридцатилѣтней войны, нисколько не перестали соперничать другъ съ другомъ и то въ дипломатической области, то на бранномъ полѣ оставались въ вѣчной борьбѣ между собою. Австрія могла оказать Польшѣ непосредственную помощь оружіемъ, могла склонить Россію къ союзу съ Польшей и къ обращенію оружія противъ небезопасной и для нея самой Швеціи, но Австрія могла видѣть въ помощи Польшѣ только

отдаленный интересъ. Ей, какъ государству, представлявшему католическое дѣло, было важно не допустить протестантовъ-шведовъ, враждебныхъ ей, обосноваться въ Польшѣ; ей важно было удержать католическую Польшу, которая могла бы отъ времени до времени выручать ее въ войнѣ съ турками, нападавшими на Венгрію, или въ войнѣ съ князьями семиградскими Ракочами, поддерживаемыми Франціей. Зато внутреннее возрожденіе и укрѣпленіе Польши не заключалось въ австрійскихъ видахъ. Сильная, съ здоровымъ монархическимъ правленіемъ Польша слишкомъ близко встрѣчалась съ Австріей, чтобы не быть для нея грозной; внезапный, всегда возможный, переходъ такой Польши на сторону Франціи могъ сдѣлаться для Австріи рѣшительной гибелью. Для Польши слѣдовательно болѣе легкимъ былъ французскій союзъ, который основывался на взаимномъ интересѣ, потому что Франція при Людовикѣ XIV, для распространенія своего вліянія на Востокъ, для нанесенія рѣшительнаго удара Германіи и Австріи, нуждалась въ независимой и сильной Польшѣ и готова была помочь ей въ томъ. Вслѣдствіе разстоянія, раздѣлявшаго обѣ страны, тутъ трудно было думать о непосредственной военной помощи, но въ то время болѣе дѣйствительной для Польши была помощь дипломатическая. Интересъ, какой Швеція имѣла въ Германіи, хотя бы только въ обладаніи Помераніей и торговлѣ на Балтійскомъ морѣ, соединялъ ее съ Франціей и дѣлалъ зависимой отъ послѣдней. Франція, въ то время тѣсно соединенная съ Англіей, могла легко отклонить Швецію отъ авантюристскаго и безцѣльнаго нападенія на Польшу, заключить миръ между этими двумя государствами и направить ихъ противъ Россіи, угрожавшей Лифляндіи, Эстоніи и Финляндіи. Франція держала въ критическомъ положеніи честолюбиваго курфюрста бранденбургскаго, который точилъ зубы какъ на польскую Пруссію, такъ равно и на шведскую Померанію и больше всего былъ въ накладѣ отъ польско-шведскаго союза. Франція, издавна связанная съ Турціей и управлявшая ея нападеніями на Австрію, могла предотвратить польско-турецкія войны; Франція наконецъ, хотя и вела на рѣдкость эгоистическую политику, однако, первенствуя въ то время во всемъ свѣтѣ и своими политическими учрежденіями и цивилизаціей, только тѣмъ однимъ, что завязывала ближайшія сношенія съ польскимъ дворомъ, необходимо должна была привлечь къ себѣ болѣе просвѣщенные элементы въ Польшѣ, политически воспитать ихъ и направить ихъ на искорененіе господствовавшей до тѣхъ поръ анархіи.

Не было недостатка въ Польшѣ въ замѣчательныхъ людяхъ, которые, получивъ образованіе при дворѣ Маріи Людвики, составили такъ называемую французскую партію. Но масса народа, воспитанная іезуитами, обладала только однимъ сильнымъ религіознымъ чувствомъ, которое въ данный моментъ побуждало его къ блестящимъ и исполненнымъ достоинства, хотя всегда непродолжительнымъ вспышкамъ; но потому именно, что это чувство было только экзальтированнымъ чувствомъ, оно затемняло политическій взглядъ. Шляхта поэтому опасалась тѣхъ новаторовъ, которые громко и свысока выражались о польской анархіи и отклонялись отъ польскихъ обычаевъ; она не могла оцѣнить всѣхъ выгодъ сближенія съ отдаленной Франціей, не могла уразумѣть тонкихъ комбинацій, вытекавшихъ изъ этого сближенія, вмѣсто того тяготѣла къ Австріи, въ которой видѣла единственную представительницу католическихъ интересовъ въ Европѣ. Короли, которые сидѣли на польскомъ тронѣ во второй половинѣ XVII вѣка, или по своимъ личнымъ симпатіямъ, или по религіознымъ взглядамъ склонялись къ Австріи, не имѣли достаточно энергіи, чтобы противиться давленію шляхты и окончательно перейти на сторону Франціи, и такимъ образомъ польская исторія за весь этотъ пятидесятилѣтній періодъ представляетъ намъ непрерывную борьбу двухъ могущественныхъ вліяній: французскаго и австрійскаго, которыя, сталкиваясь другъ съ другомъ, не будучи въ состояніи дать какой-либо результатъ, бросили наконецъ это неблагоприятное для себя поприще и предоставили Польшу ея участи.

Въ первыя минуты своего несчастья, въ то время какъ Карлъ Густавъ занималъ Краковъ, Янъ Казиміръ съ сенаторами, которые съ нимъ скрылись въ Силезіи, обратилъ свое вниманіе на ближайшую сосѣдку, Австрію. Правда, королева, которая еще раньше старалась предотвратить шведскую войну союзомъ Польши съ Франціей, и теперь совѣтовала искать помощи въ союзѣ съ Франціей; однако короля всѣ его личные чувства и все прошедшее соединяли съ Австріей; въ силезскомъ совѣтѣ его засѣдали всѣ епископы, склонявшіеся на сторону католической, правотворной Австріи, и Австрія вообще была всѣхъ ближе къ Польшѣ и могла поспѣшить съ самою скорою помощью. Императору Фердинанду III было предложено наследовать престолъ послѣ Яна Казиміра, но и это не могло склонить все еще колебавшуюся Австрію къ присылкѣ требуемыхъ вспомогательныхъ войскъ. Только прибытіе французскаго посла Деломбра (des Lumbres) въ

Польшу въ половинѣ 1656 г. и союзъ шведовъ съ бранденбургскимъ курфирстомъ, угрожавшій Австріи въ Германіи, побудили ее поставить въ Силезіи observationalный корпусъ и быть посредницей въ заключеніи перемирія между Польшей и Россіей. Перемиріе это, заключенное въ Немежѣ подъ Вильною, обязывало Россію возвратить завоеванія и воевать со Швеціей, а Польшу—избрать царя Алексѣя наследственнымъ королемъ по смерти Яна Казимира, съ тою оговоркою, чтобы договоръ былъ утвержденъ ближайшимъ сеймомъ.

Пользуясь временнымъ облегченіемъ со стороны Россіи и козаковъ, Польша теперь смѣлѣе вела борьбу со шведами, бранденбургскимъ курфирстомъ и Ракочіемъ. Госевскій напалъ на герцогскую Пруссію, Петръ Опалинскій—на Новую Мархію, война со шведами главнымъ образомъ перенесена была въ Пруссію. Вступили въ борьбу съ оставленнымъ шведами и отступавшимъ Ракочіемъ, отразивъ его хищническія толпы, и принудили его къ постыдному для него договору (1657 г.). На возвращающагося домой Ракочія напали татары и совершенно уничтожили. Между тѣмъ отношенія между Франціей и Австріей стали еще болѣе натянутыми. Людовикъ XIV выступилъ противъ Леопольда, сына Фердинанда III, какъ грозный соперникъ въ императорской коронѣ Германіи. Избиратели подѣлились поровну между обѣими сторонами, и перевѣсъ вѣсовъ зависѣлъ отъ курфирста бранденбургскаго. Только соединеніемъ его съ Польшею Австрія могла отклонить его отъ Швеціи и Франціи и привлечь на свою сторону. Поэтому въ послѣднія минуты своей жизни Фердинандъ заключилъ союзъ съ Польшею въ концѣ 1656 г., который немедленно подтвердилъ его преемникъ Леопольдъ; австрійское войско принудило шведовъ оставить Краковъ, оказывая черезъ то Польшѣ немалую услугу. При посредничествѣ Австріи обратились къ курфирсту и, освобождая его отъ зависимости въ герцогской Пруссіи велявско-быдговскимъ трактатомъ (1657 г.), достигли союза. Къ нему приступила Данія, Швеція вдругъ увидѣла себя отовсюду угрожаемой и уже серьезно стремилась къ почетному миру. Однако Австрія, осуществивъ дѣло на половину, не умѣла окончить его; ея войска занимали южныя части Польши вмѣсто того, чтобы выступить противъ шведовъ въ Пруссіи и въ Помераніи, а Польша, стремясь какъ можно скорѣе покончить со Швеціей, главнымъ образомъ подъ влияніемъ королевы Маріи Людвики, ухватилась наконецъ за посредничество, которое издавно навязчиво предлагала ей Франція.

Благодаря этому посредничеству, среди непрекращавшейся вплоть до послѣдней минуты борьбы въ Пруссіи и на Поморьѣ, миръ со Швеціей становился осуществимымъ. Польское войско подъ предводительствомъ Чарнецкаго, спѣша на помощь союзной съ Польшей и угрожаемой со стороны шведовъ Даніи, нанесло имъ въ Даніи чувствительныя пораженія и совершило достопамятную переправу вплавь черезъ морской проливъ на островъ Альзень. Курфирстъ изъ опасенія, чтобы его не пропустили при заключеніи мира, поддерживалъ теперь поляковъ своими вспомогательными войсками. Когда умеръ Карлъ Густавъ, въ 1660 г. состоялся наконецъ при французскомъ посредничествѣ миръ въ Оливѣ подъ Гданскомъ, по которому Янъ Казиміръ отъ своего имени и отъ имени своихъ преемниковъ отрекся отъ наследственныхъ правъ на шведскій тронъ съ сохраненіемъ пожизненнаго титула короля шведскаго, а Швеція отказалась отъ всякихъ приобрѣтеній въ Польшѣ; въ Лифляндіи общей границей была установлена рѣка Двина, Курляндія была возвращена Польшѣ, и подтверждена независимость герцогской Пруссіи.

Тѣмъ временемъ сеймъ, созданный въ 1658 г., отвергъ договоръ, заключенный съ Россіей въ 1656 г., и тѣмъ самымъ положилъ начало новой войнѣ, въ которой рѣшительную роль сыграли козаки. Ибо когда, по смерти Хмельницкаго, сталъ на Украинѣ гетманомъ Выговскій, поляки заключили съ нимъ открытый договоръ въ Гадячѣ въ 1658 г. На основаніи этого договора три воеводства: кievское, черниговское и брацлавское должны были составлять отдѣльное цѣлое въ организмѣ Рѣчи Посполитой, на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и Литва, съ особымъ маршаломъ, канцлеромъ, подскарбіемъ и выборнымъ гетманомъ во главѣ. Изъ предѣловъ этого русскаго государства религіозная унія должна была быть исключена, а епископы восточной церкви получали право засѣдать въ польскомъ сенатѣ. Этотъ договоръ, подобный первому, будучи заключенъ и исполненъ, могъ рассчитывать на продолжительное существованіе, но теперь подрывало его уже не столько непріязненное настроеніе поляковъ, сколько анархія въ нѣдрахъ козачества и перевѣшпающее вліяніе, которое на него приобрѣла Россія. Гадячскій договоръ, подтвержденный сеймомъ 1659 г., не смотря на протесты нунція и епископовъ, сначала доставлялъ Польшѣ одного союзника. Выговскій съ вспомогательнымъ польскимъ войскомъ уже въ 1659 г. разбилъ князя Трубецкаго при Конотопѣ. Въ слѣдующемъ году (1660) двѣ многочисленныя московскія арміи двинулись противъ

Польша, одна на Литву подъ предводительствомъ Хованскаго, другая на Украйну подъ предводительствомъ Шереметьева, но встрѣтили солдатъ, обученныхъ и закаленныхъ въ войнѣ со шведами, которые въ то время были первыми въ Европѣ по своей военной тактикѣ и организаціи. Чарнецкій съ Сапѣгою разбили Хованскаго при Ляховицахъ, а потомъ при рѣкахъ Базин и Дручъ, принуждая его повернуть къ Полоцку; Потоцкій и Любомірскій принудили Шереметьева капитулировать въ лагерѣ подъ Чудновымъ. По возвращеніи Литвы и Украйны, вся война вращалась съ тѣхъ поръ около приобрѣтенія перевѣса надъ козачествомъ, которое, безпрерывно бунтуя противъ своихъ гетмановъ, переходило то на ту, то на другую сторону. Въ 1659 г. козакъ выгнали Выговскаго, избрали гетманомъ Юрія Хмельницкаго, сына Богдана, и, порывая гадячскій договоръ, снова поддались Россіи. Побѣда при Чудновѣ вернула ихъ Польшѣ, однако заднѣпровская Украйна оторвалась, при особомъ гетманѣ осталась подъ Россіей и постоянно вела борьбу съ польскимъ козачествомъ. Стефанъ Чарнецкій съ новымъ козацкимъ гетманомъ, доброжелательнымъ Польшѣ Тетерею, едва только успѣлъ удержаться на этой сторонѣ Днѣпра, а большіе походы Яна Казимира въ 1663 и 1664 г. не привели ни къ какимъ результатамъ вслѣдствіе внутренняго замѣшательства, мѣстомъ дѣйствія котораго стала Польша. Последняя была уже слишкомъ озабочена своими внутренними дѣлами, чтобы умѣть настойчиво воспользоваться военнымъ перевѣсомъ надъ Россіей.

§ 94. *Мятежъ Любомірскаго уничтожаетъ первую попытку реформы, предпринятой французской партіей.*

Страшная шведская катастрофа должна была открыть глаза народу на зло, которое его снѣдало и привело на самый край пропасти, должна была побудить его къ внутренней реформѣ. Въ моментъ наибольшаго упадка повсюду и много разговаривали объ этой реформѣ, слышались даже такіе голоса, которые отважились все несчастіе представлять карою за притѣсненіе сельскаго люда; самъ король въ 1656 г. произнесъ въ Львовѣ торжественное обѣщаніе, что по возстановленіи мира онъ со всѣми сословіями постарается освободить народъ отъ «несправедливыхъ повинностей и притѣсненій»; на засѣданіи сената въ 1659 г. шла рѣчь объ исправленіи порядка разсужденій на сеймахъ, царю Алексѣю, при жизни короля, было предложено «наслѣд-

ственное» вступленіе на тронъ, и никто не протестовалъ противъ такого нарушенія свободнаго избранія. По заключеніи ольвскаго мира, возгласы о реформѣ притихли, обнаружилось напротивъ того, что тяжелыя пораженія и горькая опытность вовсе не выдѣлили помѣшавшагося на химерѣ золотой свободы народа. Проявленія его нравственнаго и политическаго разстройства были такъ очевидны и постоянны, что невозможно было опровергать ихъ или пройти молчаніемъ. На нихъ обратилъ вниманіе въ своихъ политическихъ произведеніяхъ («Реформація нравовъ», *Reformatycya obyczajów* 1645—1646 и «Плачь короны польской», «*Lament korony polskiej*») Симонъ Старовольскій († 1656); во всей наготѣ и даже съ очевиднымъ преувеличеніемъ представилъ ихъ Христофоръ Опалинскій въ Сатирахъ (1652 г.), посредствомъ которыхъ онъ, вѣроятно, хотѣлъ оправдать свои собственные преступленія и измѣны. Однако тогдашнее общественное мнѣніе представлялъ только Андрей Максимилианъ Фредро, большой доктринеръ, который изучалъ исторію перваго безкоролья и даже написалъ ее («Исторія царствованія Генриха Валуа», «*Gesta sub Henrico Valesio*» 1659) для того, чтобы подновить гибельную теорію шляхетской вольности, выставленную въ первый разъ Замойскимъ, и развить ее самымъ блестящимъ образомъ. Въ своихъ многочисленныхъ политическихъ разсужденіяхъ, перескакивая отъ одного софизма къ другому, Фредро также толковалъ сбитымъ съ толку умамъ шляхты, что только золотая свобода, избраніе королей, *liberum veto*, упадокъ городовъ, притѣсненіе народа, прекращеніе войнъ и полное отстраненіе отъ всего заграничнаго въ состояніи избавить Польшу отъ хлопотъ и обезпечить ей невозмутимое спокойствіе. Однако самые просвѣщенные умы въ народѣ ухватились за мысль о реформѣ и порѣшили приступить къ ней безотлагательно. Оливскій миръ, заключенный подъ вліяніемъ Франціи, доставилъ политическій перевѣсъ французской партіи, во главѣ которой стала королева и многія вліятельныя личности, какъ напримѣръ Любомірскій, Морштынъ, Пражмовскій, Ольшовскій, и эта партія вознамѣрилась осуществить реформу посредствомъ избранія сына князя Конде (Энгіенскаго) преемникомъ Яна Казимира. Повидимому такой выборъ только предохранялъ Польшу отъ бурь безкоролья, но въ сущности дѣла простирался по своимъ послѣдствіямъ чрезвычайно далеко. Избраніе французскаго князя обезпечивало рѣшительный союзъ съ Франціей и всѣ политическія выгоды послѣдняго; совершеніе избранія при жизни царствующаго ко-

роля было устраненіемъ одной изъ самыхъ главныхъ причинъ анархіи; а если бы удалась хоть одна такая попытка, можно было бы безопасно предпринять и дальнѣйшія. Ожидали вооруженнаго, хотя и слабого сопротивленія, французская партія была приготовлена къ его усмирению, а подавленіе мятежа могло собственно стать наилучшимъ исходнымъ пунктомъ для самыхъ важныхъ реформъ. Къ несчастію все дѣло разбилось о два препятствія, съ которыми не посчитался: олигархію и военныя отношенія.

Что среди польскихъ магнатовъ выщется не одинъ, такъ другой, который станетъ на защиту анархіи, гарантирующей его произволь, и будетъ искать подкрѣпленія въ невѣжественныхъ рядахъ шляхты, этого можно было ожидать. Трудно было однако предвидѣть, что роль эту возьметъ на себя человекъ, который въ началѣ былъ главнымъ столпомъ всей реформы, полководецъ, покрытый лаврами въ послѣднихъ войнахъ, маршалъ и польный гетманъ, Юрій Любомірскій. Только ненасытная гордость побудила его къ этому. Если реформа должна была имѣть успѣхъ, къ ней слѣдовало привлечь многихъ. Любомірскаго оскорбило то, что не онъ одинъ приводитъ въ исполненіе реформу; онъ началъ отдаляться отъ нея, поступать на свой собственный страхъ, внимательно прислушиваться къ непрязненнымъ французскому вліянію нашептываніямъ австрійскаго двора; произошли неприятности съ королевой, а когда король со всей французской партіей выказалъ готовность осуществить реформу даже и безъ Любомірскаго, дѣло дошло до открытаго разрыва. Въ 1661 г. собрался сеймъ, на которомъ Янъ Казиміръ указывалъ на свободное избраніе, какъ на источникъ зла и уже предсказалъ пророчески раздѣлъ страны. Однако сеймъ подъ предводительствомъ своего маршала, извѣстнаго намъ доктринера и ревнителя золотой свободы, Андрея Максимилиана Фредро, благодаря нѣсколькимъ голосамъ не допустилъ требуемаго единогласія и тѣмъ самымъ отложилъ вопросъ объ избраніи.

Между тѣмъ войска, не получая жалованья за время шведской и московской войнъ, образовали конфедерацію подъ предводительствомъ Стефана Свндерскаго и Жеромскаго въ 1661 г., названную священнымъ союзомъ, и, отказывая королю въ повиновеніи, кормясь на счетъ королевскихъ и церковныхъ помѣстій, настойчиво домогались жалованья, неуплаченнаго въ срокъ. Для усмирения мятежа король собралъ новое войско, такъ называемый благочестивый союзъ, и отдалъ его подъ начальство Чарнецкаго.

Начались переговоры съ бунтовщиками, королева съ французской партией старалась воспользоваться ими для реформы, но въ этихъ стараніяхъ препятствовалъ ей Любомірскій. Еслибы имъ въ его оппозиціи руководила какая-нибудь политическая идея и честолюбіе, то онъ могъ бы совершенно привлечь на свою сторону мятежъ, кичившійся своими силами, и, какъ второй Кромвель, осуществить свои замыслы. Однако его раздраженное высокомеріе удовлетворялось тѣмъ, что онъ принудилъ короля къ переговорамъ и къ успокоенію мятежа и вмѣстѣ съ тѣмъ къ отказу на сеймѣ 1662 г. отъ мысли объ избраніи Конде. Король временно подчинился, однако не думалъ оставить побѣду за Любомірскимъ, и еще менѣе помышляла объ этомъ энергическая королева. Маршала отстранили отъ двора и дали ему почувствовать ненависть и пренебреженіе, а черезъ это затронули его самымъ чувствительнымъ образомъ, такъ что онъ дошелъ до тайныхъ переговоровъ съ Австріей и Бранденбургомъ. Этого только и нужно было польскому двору. Сеймовый судъ въ 1664 г., не смотря на срываніе сейма сторонниками Любомірскаго, присудилъ его къ лишенію имѣнія, должностей и чести за государственную измѣну. Булава польнаго гетмана досталась Стефану Чарнецкому, къ несчастію уже въ послѣднія минуты его жизни, а маршалство—Яну Собѣскому. Тогда Любомірскій представилъ себя толпамъ шляхты жертвою короля, стремящагося къ абсолютизму, защитникомъ находящейся въ опасности свободы и, нашедши достаточно невѣжественной и позволявшей себя сбивать съ толку шляхты, срывалъ сеймъ за сеймомъ и началъ открытую войну съ королемъ. Къ несчастію королевскія войска, преслѣдуя искусно уходившаго отъ нихъ Любомірскаго, вслѣдствіе отсутствія хорошаго предводителя, два раза попали въ засаду и подверглись кровавой рѣзнѣ подъ Ченстоховымъ въ 1665 г. и подъ Монтвами въ 1666 г., вслѣдствіе чего Янъ Казиміръ увидѣлъ себя вынужденнымъ по Ланговицкому договору отказаться отъ поддержки избранію, а Любомірскій, получивъ амнистію, удалился въ Силезію и тамъ умеръ въ слѣдующемъ году.

Проектъ реформы палъ, а шестилѣтняя буря, которую онъ вызвалъ въ Польшѣ, помогла только подняться побѣжденной въ 1660 г. Россіи. Во время систематическаго срыванія сеймовъ, во время войсковыхъ союзовъ и конфедераціи для Польши невозможно было благополучно докончить войну. Ее только отерочили на двадцать лѣтъ Андрусовскимъ перемиріемъ въ 1667 г. и, оставляя за Россіей Смоленскъ, Сѣверскъ, Черниговъ и за-

дѣпровскую Украйну, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Кіевъ на два года, приготовлялся къ отраженію новаго непріятеля, который выступилъ теперь съ неслыханнымъ натискомъ на югъ Рѣчи Посполитой. Козаки втягивали безучастную доголѣ Турцію въ дѣла Рѣчи Посполитой. Новый гетманъ ихъ Дорошенко, угрожаемый со стороны Россіи, безпрестанно безпокоимый татарами, нерасположенный къ Польшѣ и не видѣвшій въ ней рѣшительной точки опоры, напалъ на мысль, которая свидѣтельствовала уже объ окончательномъ разстройствѣ козачества, поддался въ 1664 г. оттоманской Портѣ. Разбитый вмѣстѣ съ помогавшими ему татарами въ 1667 г. при Подгайцахъ Яномъ Собѣскимъ, въ то время уже короннымъ польнымъ гетманомъ, онъ присягнулъ въ вѣрности королю, а союзники его, крымскіе татары, опасаясь какъ Россіи, такъ равно и Турціи, за уплату ежегоднаго подарка обязались помогать Рѣчи Посполитой. Однако же вниманіе Турціи, при всякомъ случаѣ стремившейся къ захватамъ и въ первый разъ рѣшительно отраженной Австріей въ 1664 г. при Сенъ-Готардѣ, уже не отклонилось отъ этого театра постоянныхъ замѣшательствъ и политическихъ переворотовъ.

§ 95. *Избраніе Михаила Вишневецкаго (1669—1673)—второе пораженіе французской партіи.*

Только тѣсное соединеніе съ Франціей могло бы еще отвратить отъ Польши турецкія войны. Поэтому Янъ Казиміръ, сокрушенный столькими пораженіями, растерзанный смертью своей мужественной супруги (1667 г.), рѣшилъ при жизни отречься отъ польскаго престола и черезъ это проложить къ нему дорогу кандидату, поддерживаемому Франціей. Это намѣреніе Янъ Казиміръ дѣйствительно исполнилъ въ 1668 г. Договорившись съ французскимъ королемъ о поддержкѣ Фридриха Вильгельма, князя нейбургскаго, его преемникомъ, онъ созвалъ сеймъ и, объявивъ ко всеобщему смятенію, что заботы царствованія совершенно сломали его силы, сложилъ корону и немедленно удалился на жительство во Францію (ум. тамъ же въ 1672 г.). Однако дальнѣйшіе планы, которые онъ связывалъ съ своимъ отреченіемъ, не осуществились. Когда дѣло дошло до выбора, кандидатура князя нейбургскаго не нашла отклика, можновластво разбилось на различные лагеря; французская партія, съ примасомъ Пражмовскимъ, гетманомъ Собѣскимъ и подскарбіемъ Морштыномъ, а также съ могущественнымъ на Лптвѣ родомъ Пацовъ во главѣ, поддержи-

вала Конде; завидовавшіе имъ Радзивиллы и Димитрій Вишневецкій, польный гетманъ, остались при князѣ нейбургскомъ, Австрія выступила съ Карломъ, княземъ лотарингскимъ; но всѣ эти безпрестанно сталкивавшіяся между собой партіи одурчили честолюбивый и развращенный коронный подканцлеръ, Андрей Ольшовскій. Толпамъ, собравшимся на избраніе, онъ искусно предложилъ кандидатуру Пяста въ лицѣ Михаѣла Вишневецкаго, сына князя Іереміи, и эти толпы, издавна чувствовавшія отвращеніе къ заграничнымъ интригамъ вельможъ, опасаясь за свою золотую свободу, почитая память Іереміи, внезапно и единодушно выкрикнули королемъ Михаѣла. Это избраніе, состоявшееся въ 1669 г., было открытымъ протестомъ шляхты противъ олигарховъ, издавна ведшихъ ее на помочахъ, было проявленіемъ самостоятельности. Къ несчастью каждый шагъ, который шляхта дѣлала на этомъ пути, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ проявленіемъ ея полнаго паденія и утраты всякаго политическаго пониманія. Выборъ сына Іереміи Вишневецкаго былъ перчаткой, брошенной козачеству; выборъ его какъ Пяста былъ перчаткой, брошенной единственной искренней союзницѣ, Франціи. Молокососъ, который неожиданно очутился на тронѣ, безъ способностей, безъ заслуги и вліянія, не нашедши въ шляхтѣ другой поддержки кромѣ крикливыхъ и безсмысленныхъ конфедерацій, долженъ былъ искать внѣ точку опоры и, не могши сблизиться съ Франціей пзъ-за страха, какъ бы не утратить популярности, искалъ помощи въ австрійскомъ союзѣ и запечатлѣлъ его женитьбою на Элеонорѣ, сестрѣ императора Леопольда. Избраніе Михаѣла и австрійскій союзъ, уничтожая мысль о внутренней реформѣ, равнялись объявленію войны козакамъ, татарамъ, и прежде всего Турціи, которая какъ разъ въ это время устремилась къ смертельной и окончательной борьбѣ съ Австріей. Поэтому весь конецъ XVII столѣтія въ польской исторіи озаряетъ турецко-татарская война, наложившая на него особенный характеръ.

Толпамъ шляхты легче было бессмысленно провозгласить войну, чѣмъ въ послѣдствіи вести ее. Когда Дорошенко соединился съ татарами и снова подчинился Турціи, а султанъ для его защиты объявилъ войну Польшѣ, стали срывать сеймы, а шляхта, собранная въ лагерь подъ Голэмбемъ, вмѣсто того, чтобы идти на непріятеля, составила конфедерацію и поднимала громкіе крики противъ французской партіи. Турки тѣмъ временемъ заняли единственную польскую крѣпость на югѣ, Каменецъ, пробрались къ

Львову и продиктовали Михаилу въ 1672 г. постыдный миръ въ Бучачѣ. Польша теряла Подолье и Украину и обязывалась уплачивать ежегодную дань.

Этимъ моментомъ рѣшила воспользоваться французская партія для осуществленія реформы. Собѣскій, который во время турецкой войны одинъ только съ малыми силами не поддавался неприятелю и, искрещивая Русь по всеѣмъ направленіямъ, отважно громилъ татарскіе отряды, поддерживаемый примасомъ Пражмовскимъ, человекъ рѣдкой рѣшимости, постановилъ разъ навсегда покончить съ шляхетской глупостью, силой разсѣять конфедерациі, сбросить съ трона бессильную куклу, посадить на него князя де-Лонгвиля и положить предѣлъ своеволію.

Печальныя были это времена, когда существовавшіе обязательные законы устанавливали анархію и содѣйствовали ей, и только отъ насильственнаго покушенія на эти законы можно было ожидать спасенія. Поэтому-то историкъ, глубже вникающій въ прошедшее, не можетъ отстаивать испорченный организмъ Рѣчи Посполитой и ея ослѣпленныхъ сторонниковъ, но долженъ съ своимъ судомъ рѣшительно перейти на сторону всякаго посягательства на такой порядокъ, выходило-ли оно отъ короля или отъ болѣе благоразумныхъ людей въ народѣ.

Собѣскій, собравши войско, послѣ двухъ удачныхъ стычекъ съ шляхетской партіей, сталъ подъ Варшавой въ Ловичѣ. Нуженъ былъ одинъ смѣлый шагъ, чтобы довести дѣло до конца, однако въ послѣднюю минуту въ Собѣскомъ взяла перевѣсъ польская натура, мягкая и мало честолюбивая, еще болѣе перевѣсило соображеніе о турецкомъ могуществѣ, которое среди внутренней борьбы могло приготовить самую худшую участь. Предположенія реформы были отложены, склонились къ примиренію съ королемъ, на сеймѣ въ 1673 г. изысканы были мѣры обороны, и Турціи было отказано въ дани. Съ тридцатитысячнымъ мужественнымъ войскомъ Янъ Собѣскій одержалъ блестящую побѣду надъ турками при Хотинѣ въ тотъ самый моментъ, когда король Михаилъ *разставался съ жизнью во Львовѣ.*

§ 96. *Янъ Собѣскій (1674—1696) обманываетъ надежды французской партіи.*

Побѣда при Хотинѣ доставила Собѣскому корону на выборномъ сеймѣ 1674 г., такъ какъ противныя партіи, французская и австрійская, не могли сойтись ни на одномъ изъ чужихъ кандидатовъ.

Избраніе Собѣскаго королемъ поднимало Польшу изъ упадка, который въ царствованіе Михаила Вишневецкаго уже грозилъ ей полной потерей независимости. Можно было надѣяться, что побѣдитель при Хотинѣ и избавитель народа съумѣетъ пріобрѣсти и упрочить свою популярность въ народѣ — шляхтѣ, что эту шляхту, раздраженную противъ интригъ олигарховъ, онъ устранилъ изъ-подъ ихъ вліянія и придастъ разумное направленіе ея сильному, но не сознающему своихъ цѣлей движенію; не надлежало сомнѣваться, что король останется вѣренъ тѣмъ политическимъ принципамъ, которымъ онъ слѣдовалъ передъ своимъ выборомъ, какъ глава французской партіи, сторонниковъ реформы. Не иначе понимала выборъ Собѣскаго и Европа, которая, услышавъ о погромѣ турокъ при Хотинѣ, снова обратила вниманіе на Польшу, какъ на силу, съ которой слѣдуетъ считаться, и начала добиваться пріобрѣтенія этой силы. Дѣйствительно, Австрія надѣялась въ той войнѣ, какую и она вела, на будущее время удержать и привязать къ себѣ героя, который пріобрѣлъ себѣ лавры въ борьбѣ съ магометанскимъ міромъ; однако это были слабыя надежды, потому что все политическое прошлое соединяло Собѣскаго съ Франціей. Людовикъ XIV былъ божествомъ какъ для всѣхъ современныхъ монарховъ Европы, такъ и для Собѣскаго, а жена короля Яна, Марія Казимира, француженка изъ двора Маріи Гонзага, должна была, — такъ думали всѣ, — слѣдовать по стопамъ послѣдней и склонять покорнаго мужа къ французскому союзу. Поэтому французскій король открыто торжествовалъ при извѣстіи объ избраніи великаго гетмана.

Въ первые годы царствованія мы видимъ Собѣскаго на французской сторонѣ. Трактатомъ, заключеннымъ въ 1675 г. въ Яворовѣ, Собѣскій обязался за уплату субсидіи помогать венгерскимъ мятежникамъ противъ Австріи и вступить въ борьбу съ курфирстомъ бранденбургскимъ съ цѣлью возвращенія герцогской Пруссіи. Внутреннія реформы, государственный переворотъ и введеніе наслѣдственности трона должны были явиться необходимымъ послѣдствіемъ этой политики. Турецко-татарская война еще велась, король одерживаетъ надъ татарами знаменитую побѣду при Львовѣ въ 1675 г., а въ слѣдующемъ году, окопавшись въ лагерь подъ Журавнымъ, побѣдоносно отражаетъ всѣ приступы въ нѣсколько разъ превосходившаго его числомъ непріятеля; но эта борьба имѣетъ только благородную цѣль отмстить за позорный бучацкій миръ и вмѣстѣ съ тѣмъ политическую цѣль — возстановить прежнія, почетныя для Польши, отношенія къ Турціи. Журавскій

миръ 1676 г., заключенный подъ вліяніемъ Франціи, осуществляетъ эти планы, двѣ трети Украйны возвращаются къ Польшѣ, третья остается подъ турецкимъ покровительствомъ, вопросъ о Подолии откладывается до дальнѣйшихъ переговоровъ; населеніе, захваченное въ полонъ, возвращается на родину, дань уничтожена, напротивъ того: по приглашенію Рѣчи Посполитой турки и татары должны доставлять вспомогательныя войска. Всѣ турецкія силы обращались теперь противъ Россіи и Австріи; Польша смотрѣла сквозь пальцы, какъ Геронимъ Любомірскій на французскія деньги вербовалъ въ Польшѣ солдатъ и помогалъ венгерскимъ бунтовщикамъ, боровшимся противъ деспотизма, навязаннаго венграмъ Леопольдомъ I. Но гораздо болѣе жизненное дѣло открывалось для Польши на западѣ. Уже съ 1674 г. велась упорная борьба между Швеціей и курфирстомъ бранденбургскимъ, который, силой и обманомъ работая надъ постройкою великаго государства, напалъ на шведскую Померанію и въ 1675 г. одержалъ надъ шведами знаменитую побѣду при Фербеллинѣ. Франція поддерживала Швецію и, открывая глаза празднои Польшѣ на ея прежняго вассала, который въ войнахъ при Ячѣ Казимірѣ уже недвусмысленно дѣлился Польшею съ Карломъ Густавомъ и Ракоціемъ, приглашала Собѣскаго вмѣшаться въ войну противъ курфирста и воспользоваться единственнымъ въ своемъ родѣ случаемъ для пріобрѣтенія герцогской Пруссіи. Собѣскій, принимая этотъ планъ, лично пріѣхалъ въ Гданскъ, пользуясь значительной французской субсидіей, набралъ войско и въ 1677 г. заключилъ тайный трактатъ со Швеціей съ цѣлью общаго веденія войны и возвращенія герцогской Пруссіи, населеніе которой, будучи въ значительной части польскимъ, охотно обращало взоры къ Польшѣ.

И однако, не смотря на всѣ эти приготовленія и трактаты, король не вступилъ въ концѣ концовъ въ войну съ курфирстомъ. Курфирстъ поэтому не только счастливо справился съ одной Швеціей, но вскорѣ вошелъ въ дружественныя отношенія съ Франціей, принимая на себя роль, которую Польша не хотѣла или не могла принять. Вслѣдствіе того этотъ моментъ имѣетъ такое необыкновенное значеніе въ нашей исторіи. Послѣдній случай возвратитъ Пруссію, послѣдній случай взять на себя самостоятельную роль въ западно-европейской политикѣ миновалъ безвозвратно. Съ этого времени Польша окончательно отброшена на востокъ, и французская политика, наравнѣ съ австрійской, лишь настолько входитъ съ Польшею въ соприкосновеніе, чтобы про-

извести въ ней внутреннюю смуту, ослабить и черезъ то самое исключить ее изъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ запада. Для западныхъ государствъ Польша становится предметомъ эксплуатаціи безъ всякой выгоды для нея самой.

§ 97. *Австрійскій союзъ уничтожаетъ планы реформы Собьскаго.*

На сеймѣ 1678 г. отвергнуть былъ союзъ съ Франціей, отвергнута ратификація журавинскаго мира, и священная война съ невѣрными, съ татарами и съ Турціей, была поставлена наивысшей и исключительной задачей Польши. Ради этого посланничество были прекращены всякія непріязненные выходки противъ Пруссіи и Австріи, успѣшили заключить перемиріе съ Россіей, за которой признаны были Кіевъ и Смоленскъ за обязательство приступитъ къ священной войнѣ и за уплату двухъ милліоновъ золотыхъ польскихъ.

Какъ это случилось? Къ французской партіи принадлежало несомнѣнно много выдающихся личностей: Станиславъ Яблоновскій, великій гетманъ, и коронный польный гетманъ Сѣнявскій, Казиміръ Сапѣга, великій гетманъ литовскій, Рафаилъ Лещинскій и прежде всѣхъ другихъ Андрей Морштынъ, коронный подскарбій, люди, рѣшившіеся довести дѣло до конца. Кромѣ того французская политика пустила глубокіе корни, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ польскомъ обществѣ уже со времени Маріи Гонзага. Идя въ этомъ отношеніи вмѣстѣ со всею тогдашней Европой, и поляки стали подражать всему, что выходило отъ версальскаго двора; вмѣстѣ съ модою въ нарядахъ перенимали также французскій языкъ и французскую литературу. Польскіе паны и пани часто путешествовали во Францію, и это содѣйствовало укрѣпленію такихъ связей, а подъ прогрессивнымъ французскимъ вліяніемъ даже создалась новая школа въ польской словесности, именно въ поэзіи. Начали появляться многочисленные переводы тогдашнихъ знаменитыхъ французскихъ трагиковъ, а глава французской партіи, Андрей Морштынъ, прослылъ довольно хорошимъ поэтомъ, воспитаннымъ на французскихъ образцахъ. Весь этотъ французскій классицизмъ, обремененный мнѳологіей, фантастичностью и любовнымъ сентиментализмомъ, не имѣлъ ничего общаго съ безсмертными образцами древней (греко-римской) литературы, которою въ XVI вѣкѣ Польша пользовалась изъ первыхъ рукъ, но во всякомъ случаѣ представлялъ собою элементъ лучшаго литературнаго вкуса, элементъ прогрессивный въ ту эпоху, когда

народное образованіе понизилось до схоластики и панегириковъ. Выгоды отъ французскаго союза были, впрочемъ, осязательны и говорили каждому нѣсколько болѣе трезвому уму; къ этому союзу склонялась даже и шляхта, опасавшаяся большихъ турецкихъ войнъ, которыя могли возникнуть благодаря союзу съ Австріей. Такимъ образомъ французская политика имѣла сначала сильный перевѣсъ въ народѣ и, рѣшительно поддержанная королемъ, могла точно также удержать его и на будущее время. Однако Собѣскій отвернулся отъ нея.

Прежде всего король долженъ былъ считаться съ золотой свободою шляхты, которая, утвердившись на основныхъ законахъ, не давала ему сколько-нибудь большой свободы дѣйствій и каждый его шагъ, болѣе политическій и менѣе популярный, представляла преступнымъ посягательствомъ подозрительнымъ умамъ сбитой съ толку и неспособной къ размышленію шляхты. Король долженъ былъ считаться также съ полнымъ упадкомъ и нравственнымъ разстройствомъ народа, приводившимъ уже къ тому, что каждый иностранный дворъ лестью и деньгами могъ организовать себѣ въ Польшѣ партію, готовую поддерживать его, срывать сеймики и сеймы, уничтожать исполненіе самыхъ благодетельныхъ постановленій и ставить собственному правительству самыя сильныя препятствія. Такихъ сторонниковъ въ Польшѣ съумѣлъ приобрести себѣ даже курфирстъ бранденбургскій; насколько же легче было достигнуть этой цѣли Австріи, угрожаемой польско-французскимъ союзомъ, и римской куріи, поддерживавшей Австрію противъ Турціи. Епископы-сенаторы слушали римскихъ приказаній и приказаній нунція, полтора—два десятка магнатовъ были склоняемы обычными средствами, въ шляхтѣ было возбуждаемо единственное благороднѣйшее, какое еще у ней осталось, именно религіозное чувство; ее воспламеняли къ священной войнѣ противъ турокъ, а апостольская столица употребляла все свое вліяніе, чтобы возбудить въ Польшѣ отвращеніе къ французской политикѣ, какъ не христіанской, и не допустить ратификаціи журавинскаго мира. Слѣдовательно Янъ III находился подъ немалымъ давленіемъ австрійскихъ пословъ, папскихъ нунціевъ, духовенства и шляхты, и наконецъ не устоялъ противъ него.

И однако только этимъ давленіемъ мы не можемъ объяснить всего, потому что не нужно забывать, что, переходя на сторону Австріи и турецкой войны, король возстановлялъ противъ себя въ одинаковой мѣрѣ сильную французскую партію и побуждалъ

ее къ открытой оппозиціи. Не забудемъ равнымъ образомъ и того, что шесть лѣтъ понадобилось для того, чтобы создалась въ Польшѣ австрійско-папская партія, что только нерѣшительность Собѣскаго помогла ей организовать въ силу, грозную уже потомъ и для короля. Только въ государствѣ, гдѣ править большинство, государь принужденъ подчиняться этому большинству и можетъ изъ-за него освободиться отъ исторической отвѣтственности. Въ анархической Польшѣ управлялъ каждый, кто хотѣлъ, каждый магнатъ велъ свою собственную политику, а король былъ точно такимъ же магнатомъ, только самымъ сильнымъ. Большія коронныя имѣнья и раздача вакантныхъ мѣстъ, конечно, создавали ему извѣстную партію, но его политика, какова бы она ни была, всегда сталкивалась съ политикой противныхъ ему магнатовъ, должна была бороться съ нею, уже никогда не могла рассчитывать на поддержку со стороны всего народа, была политикой не государственной, но олигархической, не могла съ успѣхомъ содѣйствовать великимъ дѣлямъ, но благодаря всеобщей анархіи ей была предоставлена свобода слѣдовать какому угодно направленію. Итакъ, если Собѣскій отбросилъ французскій союзъ и оперся, какъ увидимъ, на австрійскій, то лишь очень глубокія личныя побужденія могли окончательно склонить его къ этому.

Собѣскій несомнѣнно стоялъ выше всего общества, его окружавшаго, стоялъ выше по любви и преданности къ странѣ, которая призвала его на тронъ, стоялъ выше по безспорному военному таланту и геройству, имѣлъ искреннее желаніе поднять Польшу изъ ея внутренняго разстройства, осуществить реформы, упрочить династію, но то общество, среди котораго онъ выросъ, само насквозь испорченное и падшее, и его принижало до себя, забывая настоящую энергію и тотъ политическій разсудокъ, какіе онъ выказалъ въ началъ своего царствованія. Въ этомъ отношеніи совершенно не измѣнились тѣ печальныя условія, которыя мы, изображая царствованіе Яна Казимира, представили въ общихъ чертахъ; усиливалось только религіозное чувство, которому Сигизмундъ III далъ прочную опору и которому шведское нашествіе, отбитое подъ лозунгомъ обороны вѣры, помогло распространиться въ сердцахъ и умахъ народа. Никогда церковь не находила столько преданности въ обществѣ; лишая наслѣдства собственныхъ дѣтей, ее засыпали пожертвованіями и вкладами; казалось, что вся земля перейдетъ въ ея владѣніе, и тѣ же самыя сеймы, которые въ 1658 г. изъ изгнанія изъ Польшы аріанской

секты дѣлали жертвоприношеніе Богу, увидѣли себя принужденными ограничить пожертвованія имѣній на церковь. Вся Польша приняла видъ одного монашескаго лагеря. Въ болѣе образованныхъ слояхъ общества всемъ заправляли іезуиты, руководя всемъ воспитаніемъ и домашнею жизнью, предписывая шляхтѣ тотъ же самый однообразный шаблонъ мысли, чувства, вкуса, какими они сами руководились во всехъ своихъ дѣлахъ, даже въ постройкѣ костеловъ и монастырей, которые, не отступая отъ разъ навсегда избраннаго неуклюжаго и скучнаго стиля барокко, разнились между собою только размѣрами. Однако одни іезуиты не могли удовлетворить весь народъ. Ихъ образованіе, какъ бы ничтожно оно ни было, нѣкоторая аристократичность и высокоуміе въ обхожденіи и, болѣе всего, громадныя состоянія не позволяли слишкомъ приближаться къ нимъ толпамъ мелкой невѣжественной, грубой шляхты. Эти толпы, подражая панамъ, также нуждались въ монахѣ, который бы вмѣстѣ съ ними ѣлъ, пилъ, проводилъ время и братался, и нашли его въ орденахъ нищенствующихъ бернардиновъ, францисканцевъ и капуциновъ, которые широко распространились теперь по всей Польшѣ и ни образованіемъ, ни имуществомъ, ни высокоуміемъ не поражали бѣднаго шляхтича, владѣвшаго одной полосой или деревней. Однако этотъ бѣдный шляхтичъ не былъ въ состояніи прокормить многочисленную монашескую братію, а тѣмъ менѣе воздвигать для нея многочисленные костелы и монастыри, и тутъ нужно было прибѣгнуть къ панской протекціи и милости. Сначала трудно было соперничать съ іезуитомъ, однако по мѣрѣ того, какъ уровень народной интеллигенціи понижался, и нищенствующіе ордена подходили къ настроенію болѣе зажиточной шляхты. Братъ-милостынникъ (kwestarz) не разъ принималъ на себя роль старинныхъ дворовыхъ шутовъ, еще болѣе низкую потому, что, остерегаясь говорить горькую правду, онъ разсыпалъ одну только лесть, ѣздилъ отъ двора къ двору, забавлялъ, смѣшилъ, служилъ мишенью общаго остроумія, а если умѣлъ отбиваться, если терпѣливо сносилъ учинявшіяся надъ нимъ проказы, то возвращался въ монастырь на полномъ возу, съ набитымъ кошелемъ, гоня передъ собою много скота. Несмотря на то, и этой готовности жертвовать на церковное дѣло, и религіозному чувству, и благочестивымъ обрядамъ не доставало въ то время болѣе глубокаго содержанія, такъ какъ рядомъ съ властью и закономъ удобно помѣщались кичливость и своеволие, рядомъ съ интересами всей страны—интересы частныхъ лицъ.

Ведя подобную жизнь, былъ ли въ состояннн народъ трезво смотрѣть на свое положеніе и вести хладнокровную и разсчитливую политику? Народъ жилъ уже только возбужденной до неестественности фантазіей и чувствомъ, а для такого народа турецкій вопросъ принималъ странный видъ. Турецко-татарское могущество представлялось болѣе грознымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; частыя татарскія нападенія, сопровождавшіяся уведеніемъ населенія въ неволю и надругательствомъ надъ женскою честью, создали въ рыцарской и христіанской Польшѣ, среди всеобщей неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, духъ религіозной борьбы, который не возлагалъ никакой надежды на примѣненіе той или другой комбинаціи дипломатическихъ средствъ къ отраженію опасности. Своей славой и возвышеніемъ Собѣскій былъ обязанъ турецкимъ и татарскимъ войнамъ; развѣ не могло ему казаться, при общемъ настроеннн народа, что, полагая конецъ этимъ войнамъ, какъ того требовалъ политическій интересъ, онъ утратитъ свою славу и поколеблетъ свое положеніе? Его воинственный и всецѣло религіозный духъ легко воспламенялся отъ великой мысли крестоваго похода на враговъ креста и подчинялся вліянію римской курии, которая, подсунувъ ему впоследствии духовникомъ іезупта отца Воту производила на него медленное, но тѣмъ болѣе дѣйствительное и непрерывное давленіе въ политическихъ дѣлахъ. Кромѣ того Собѣскій имѣлъ подлѣ себя злого генія въ лицѣ своей жены, нѣжно любимой Марусеньки (Marysienka), которую онъ боготворилъ и которой слѣпо подчинялся. Эта суетная и ничтожная женщина пользовалась такою слабостью своего мужа, чтобы во всемъ принизить его до себя и сдѣлать орудіемъ своихъ капризовъ и низменнаго честолюбія. Француженка по происхожденію, она смертельно обидѣлась на Людовика XIV за то, что онъ ея отца, маркиза д'Аркіенъ, человѣка неспособнаго и слабохарактернаго, не хотѣлъ сдѣлать, по ея намекамъ, княземъ и перомъ Франціи, и воспламенилась такою ненавистью къ нему, что, хотя Людовикъ XIV и постарался впоследствии исправить свою ошибку, она позволила себѣ увлечься перспективой, искусно подставленною ей Австріей, — выходомъ замужъ за ея сына Якова эрцгерцогини австрійской и обезпеченіемъ за нимъ престола. Изъ-за этого королева передавала противникамъ всѣ переговоры, которые ея мужъ велъ съ Франціей и Швеціей, и, рѣшительно помѣшавъ этому предпріятію, наконецъ толкнула мужа въ объятія Австріи. Въ свою очередь разсердился и гордый король Франціи и склонялъ свою партію къ лишенію

престола Яна III, но черезъ это только ускорилъ упадокъ своей политики въ Польшѣ. На сеймѣ 1683 г. былъ привлеченъ къ суду главный сторонникъ Франціи, коронный подскарбій Андрей Морштынъ; послѣ перехвата его тайной корреспонденціи у него были отняты должности и почести, и тѣмъ наведенъ былъ страхъ на всю французскую партію. При посредничествѣ папы заключенъ былъ наступательно-оборонительной союзъ съ императоромъ Леопольдомъ, обязывавшій Австрію и Польшу вести общую войну съ Турціей вплоть до одолженія послѣдней и заключенія съ ней общаго мира. вмѣстѣ съ тѣмъ по тайному договору Австрія обязывалась выдать одну изъ своихъ княженъ за сына Собѣскаго Якова и помочь ему достигнуть польскаго престола по смерти отца.

Вся вторая половина царствованія Яна III является непрерывной вереницей великихъ подвиговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несчастій, которыя принесъ Польшѣ этотъ неполитичный и противорѣчившій ея интересамъ союзъ. Единственнымъ человѣкомъ, который искренно понималъ и выполнялъ этотъ союзъ, былъ Собѣскій. Въ 1683 г. Вѣнѣ угрожали несмѣтныя войска Магомета IV подъ предводительствомъ воинственнаго визири Кара-Мустафы. Столица Австріи, несмотря на геройскую оборону, стѣсненная штурмовавшими турками, совсѣмъ было готовилась стать ихъ добычей; вспомогательныя войска князей, слабыя и недостаточныя, мало доставляли помощи, тревога объяла весь христіанскій міръ. Единственная надежда Леопольда заключалась въ Собѣскомъ. 5 августа императорскій посолъ и папскій нунцій заклинали его, чтобы онъ помогъ Вѣнѣ и христіанству, а 10 сентября Янъ III уже стоялъ подъ Вѣною во главѣ двадцатидвухъ-тысячнаго превосходнаго польскаго войска и нѣмецкихъ вспомогательныхъ отрядовъ. Геройское мужество поляковъ избавило столицу Австріи отъ неизбѣжной гибели. Стѣсненные отряды турокъ, разбитые страшными въ своемъ натискѣ панцырными хоругвями гусаръ, обратились въ постыдное беспорядочное бѣгство, и весь турецкій лагерь, переполненный величайшими богатствами и роскошью, достался въ руки побѣдителей. Собѣскій преслѣдовалъ убѣгающихъ и, еще разъ разбивъ ихъ въ большой битвѣ при Парканахъ, въ первый разъ уничтожилъ турецкое господство въ Венгріи.

Эти великіе военные подвиги Яна III несомнѣнно задержали народъ, шедшій по скользкой дорогѣ упадка, потому что подняли въ немъ болѣе благородныя чувства и воображеніе, воспитали

тотъ религіозно-рыцарскій духъ, который уже при Янѣ Казиміръ сосредоточивался вокругъ популярныхъ фигуръ Чарнецкаго и Кардецкаго. Вѣрнымъ типомъ такой рыцарской шляхты изъ второй половины XVII вѣка является въ своихъ мастерскихъ запискахъ Янъ Пасекъ. Шляхтичъ безъ широкаго политическаго кругозора, приверженецъ свободы и всего гнилого строя Рѣчи Посполитой, не получившій основательнаго образованія, но бывшій напыщеннымъ ораторомъ, благородный и вѣжливый въ общеніи, веселый, но быстро хватавшійся за саблю въ товарищеской компаніи, онъ, какъ солдатъ, довѣряетъ вождю, который увлекаетъ его за собою, слѣпо бросается въ опасность и не жалѣетъ собственной крови, потому что борется за высшую идею, которая свѣтитъ ему. Этотъ рыцарскій духъ проявился даже въ литературѣ и произвелъ въ эпоху Собѣскаго двухъ знаменитыхъ поэтовъ. Одинъ изъ нихъ, Веспасіанъ Коховскій, придворный историографъ Яна III, трудолюбиво, но безъ широкаго взгляда изобразившій царствованія Яна Казиміра и Михаила (*Annales Poloniae climacteres*. 1683, 1688, 1698) и вмѣстѣ съ тѣмъ написавшій дневникъ вѣнской осады (*Commentarius*, 1684), въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ («Непраздное бездѣлье»—«*Niepróżniujące gróźpowanie*» 1674 и «Псалмодія»—«*Psalmodyi*» 1693) поднялся до возвышенной лирики и, прославляя священную войну и побѣды своего короля-героя, съ болѣзненнымъ чувствомъ затронулъ нравственный и политическій упадокъ народа. Другой поэтъ, Вацлавъ Потоцкій († около 1693 г.), бросивъ добродушныя бездѣлушки и фантастическія повѣсти, настроилъ свою лиру на ладъ настоящей возвышенной поэзіи и создалъ «Хотинскую войну» (1621 г.), великую польскую эпопею, въ которой хотя чувствуется испорченность языка и недостатокъ художественной концепціи, но зато поражаетъ сила выраженія, характеристика личностей, живописные образы и возвышенное поэтическое чувство.

Этотъ подъемъ народнаго чувства, проявленіемъ котораго была поэтическая литература Польши, не удалось однако сохранить на болѣе продолжительное время, потому что дальнѣйшее пребываніе въ австрійскомъ союзѣ готовило и Польшѣ и Собѣскому одни только униженія и пораженія. Возвратившись изъ вѣнскаго похода, во время котораго онъ имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться въ неискренности Австріи и ея общацій, Собѣскій старался привлечь Россію въ христіанскую лигу для болѣе успѣшнаго содѣйствія турецкой войнѣ. Король предоставилъ ей полную свободу для внутренняго развитія и укрѣпленія точно

такъ же, какъ и Пруссiи, и не поколебался даже заключить съ ней вѣчный миръ въ 1686 г. черезъ Крыштора Гржимутовскаго. За обѣщаніе помощи противъ татаръ за Россіей окончательно были признаны Смоленскъ и Черниговъ, а за полтора милліона также и Кіевъ, обладаніе которыми доставляло ей исключительной перевѣсъ въ Украинѣ.

Помогая Австріи выгнать турковъ изъ Венгріи, Собѣскій принуждалъ ихъ дѣлить свои силы для отраженія большихъ походовъ, которые онъ предпринималъ нѣсколько разъ въ 1684, 1685, 1686, и 1687 годахъ, для возвращенія Каменца и въ Молдавію. Это превосходно служило Австріи, но походы Собѣскаго кончились ничѣмъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя подготовили нѣкогда Яну Альбрехту страшное буковинское пораженіе. Польша не имѣла достаточной организаціи, чтобы медленно, но систематически подвигаться впередъ въ Молдавіи и, занимая кусокъ страны, создавать изъ него прочную опору для дальнѣйшихъ дѣйствій. Единовременные походы, предпринятые хотя бы съ многочисленнѣйшимъ войскомъ, хотя бы подъ предводительствомъ Собѣскаго, побѣдоносно проникали, правда, въ глубь безлюдной страны и сокрушали слабый отпоръ, въ 1686 г. польскія войска проникли до самаго Дуная, но перемѣна времени года и недостатокъ провіанта всегда принуждали ихъ къ отступленію, за которое нужно было заплатить тяжелыми жертвами. Собѣскій каждый разъ рассчитывалъ на обѣщанную ему помощь отъ Австріи, которая держала въ своихъ рукахъ ключъ къ военной ситуаціи, Трансильванію. Однако Австрія, не желая допустить, чтобы Молдавія досталась подъ власть династіи Собѣскихъ, какъ это было выговорено при заключеніи союза, всегда обманывала относительно помощи. Пользуясь легковѣріемъ Яна III, Леопольдъ не щадилъ даже самыхъ щекотливыхъ отцовскихъ чувствъ его, и выдалъ за курфирста баварскаго эрцгерцогиню Марію Антонину, уже обѣщанную королевичу Якову, и все-таки Собѣскій продолжалъ твердо стоять за австрійскій союзъ, отвергъ особый миръ съ Турціей, къ которому склоняла его Франція, и еще разъ, но безуспѣшно, совершилъ походъ въ Молдавію въ 1691 г. для диверсіи австрійскимъ войскамъ, сражавшимся въ Венгріи.

Король, на котораго взваливали всю вину въ неудачѣ, потерялъ поэтому всякое значеніе и уваженіе въ народѣ; на него обрушились горькіе упреки и оскорбленія отъ собственныхъ подданныхъ, а чѣмъ болѣе королевская политика пренебрегала политической идеей и истиннымъ интересомъ страны и позабывала

о нихъ, тѣмъ болѣе усиливалось господство частныхъ интересовъ и въ средѣ народа, и въ средѣ его высокоумѣрныхъ олигарховъ. Каждый думалъ только о своихъ собственныхъ выгодахъ. Выдача замужъ Каролины Радзивиллъ, послѣдней изъ линіи Радзивилловъ Биржанскихъ (Radziwiłłowie па Birży), наслѣдницы громаднато имѣнія, наслѣдство въ майоратѣ Замоискихъ (послѣ бездѣтной смерти Яна Замоискаго, внука учредителя, въ 1665 г.) и въ майоратѣ Острожскихъ (по смерти Александра, послѣдняго изъ прямыхъ наслѣдниковъ майората, князей Заславскихъ, въ 1673 г.),— вотъ важнѣйшія дѣла, около которыхъ все вращалось и изъ-за которыхъ безпрестанно были срываемы сеймы. На Литвѣ партія Сапѣгъ завладѣла всею послѣ упорной борьбы съ другими могущественными родами. Даже Франція, до тѣхъ поръ содѣйствовавшая всякой реформѣ въ Польшѣ, видя теперь послѣднюю среди своихъ враговъ, образовала въ ней свою собственную партію и безсовѣстно помогала внутреннему разстройству государства, лишь бы только сдѣлать его какъ можно меньше сильнымъ и наименѣе вредный для Франціи. Среди страшной неурядицы въ 1696 г. умеръ Янъ III ¹⁾, жалуясь на свѣтъ, въ которомъ «грѣхъ, злость и измѣна такъ разрослись.»

Отцовская непопулярность досталась въ удѣлъ и королевичу Якову, а его скандальныя ссоры съ матерью Маріей Казимірой изъ-за наслѣдованія родовыхъ имѣній и имущества, оставленныхъ отцомъ, затѣмъ вялое содѣйствіе со стороны Австріи наряду съ рѣшительной непріязнью Франціи и ея сильной партіи въ Польшѣ лишили его всякой надежды на польскій тронъ. Дѣло дошло до того, что преемникомъ Яна III долженъ былъ стать тотъ, кто лучше заплатитъ и больше всего приобрѣтетъ сторонниковъ за

¹⁾ Янъ III Собѣскій—младшій сынъ Якова Собѣскаго, каштеляна краковскаго, и Теофіліи, урожденной Даниловичъ, род. 1629 г., сдѣлался войсковымъ короннымъ хорунжимъ 1656 г., короннымъ польнымъ гетманомъ и маршалкомъ въ 1665, короннымъ великимъ гетманомъ въ 1668, избранъ польскимъ королемъ 1674, короновался въ 1676, царствовалъ до 1696 г., въ которомъ и умеръ. Въ 1665 г. женился на Маріи Казимірѣ д'Аркленъ, гофмейстеринѣ (ochmistrzynia) королевы Маріи Людвики Гонзага, вдовѣ Яна Замоискаго, воеводы сандомирскаго, которая, послѣ смерти Собѣскаго, отправилась въ 1699 г. въ Римъ, оттуда въ 1713 во Францію, гдѣ умерла въ 1716 въ Блуа. Сыновья: 1) Яковъ, род. 1677, женился 1691 на Елизаветѣ Амаліи, княгинѣ нейбургской, ум. 1737 г., имѣлъ одного сына, умершаго ребенкомъ, и четырехъ дочерей, изъ которыхъ Марія Клементина, род. 1702 г., жена Іакова Стюарта, претендента на англійскій тронъ, ум. 1735 г. 2) Александръ Бенедиктъ, род. 1667, ум. 1714 бездѣтнымъ, 3) Константинъ Владиславъ, род. 1680, ум. 1726

деньги. Начался аукціонъ между французскимъ принцемъ Людовикомъ де-Конти, котораго поддерживалъ Людовикъ XIV черезъ своего посла Полиньяка, и саксонскимъ курфюрстомъ Фридрихомъ Августомъ, который перешелъ въ католицизмъ, чтобы сдѣлать возможной свою кандидатуру. Однако французскій кандидатъ преждевременно израсходовалъ деньги, и ему не хватило ихъ въ рѣшительную минуту, когда дѣло дошло до избранія; курфюрстъ же саксонскій сохранилъ свой капиталъ для этого окончательнаго момента и тѣхъ, которые уже поживились на счетъ князя Конти, перекупилъ на свою сторону черезъ своего посла Флемминга. Получивъ на избирательномъ съѣздѣ 1697 г. значительное большинство голосовъ, онъ довелъ избраніе до конца и уже короновался въ Краковѣ, прежде чѣмъ принцъ Конти, избранникъ французской партіи, прибылъ изъ Франціи въ Гданскъ. Поэтому принцъ Конти, не нашедши болѣе сильной поддержки, вскорѣ долженъ былъ удалиться изъ Польши, и страна, признавъ Августа II королемъ, предохранила себя отъ бѣдствій внутренней войны.

§ 98. *Августъ II (1697—1733). Его планы государственнаго переворота въ союзъ съ Россіей (до 1717 г.).*

Избраніе Августа II, поддерживаемое Австріей и Россіей, означало окончательное уничтоженіе въ Польшѣ французскаго вліянія и его возможныхъ выгодъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщало на польскомъ тронѣ короля, который, въ качествѣ самостоятельнаго государя Саксоніи, могъ безопасно опираться на нее и, не завися отъ самоувѣрія польскихъ магнатовъ, могъ внушить имъ уваженіе, возвысить власть, находившуюся въ упадкѣ, и въ данномъ случаѣ пособить осуществленію своихъ намѣреній въ Польшѣ саксонскимъ войскомъ, не слишкомъ многочисленнымъ, но дисциплинованнымъ и обученнымъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что Августъ серьезно понималъ свое избраніе польскимъ королемъ и соединялъ съ нимъ широкіе планы.

Августъ II не только напоминалъ Людовика XIV своимъ исполненнымъ ростомъ, но и видѣлъ въ этомъ королѣ свой политическій идеалъ и стремился непременно сыграть его роль на Востокѣ. Маленькая Саксонія не представляла ему для этого нужной сцены, и онъ не поколебался пожертвовать ей интересами, перейти въ католицизмъ и черезъ это отдать бранденбургскимъ курфюрстамъ то первенство, какимъ до тѣхъ поръ обладала Сак-

сонія между протестантскими князьями сѣверной Германіи, лишь бы только обладать трономъ въ томъ государствѣ, которое численностью своего населенія и пространствомъ могло создать ему основу для того, чтобы воздвигнуть первостепенное государство въ Европѣ. Добившись первой цѣли, то есть польскаго трона, Августъ счумѣлъ также изо всѣхъ силъ устремиться къ дальнѣйшей цѣли: къ уничтоженію своеволія поляковъ и къ навязанію Польшѣ сильнаго, если можно, абсолютнаго правительства. Эти намѣренія поддерживалъ въ королѣ и съ рѣдкимъ постоянствомъ работалъ надъ ихъ осуществленіемъ его саксонскій маршалъ и министръ, Яковъ Флеммингъ. Итакъ еще разъ блеснула для Польши надежда выбиться изъ глубокого упадка. Задача была велика, но возможна для короля, который счумѣлъ бы во внѣшней политикѣ стоять на стражѣ народныхъ интересовъ, а въ своей внутренней политикѣ подать руку помощи слабымъ и притѣсненнымъ и наконецъ въ рѣшительный моментъ выступить съ своей саксонскою силою противъ бунтовщиковъ.

Къ несчастью Августъ не былъ такимъ человѣкомъ; кутила и развратникъ, онъ моталъ свои доходы въ самыя критическія минуты на бесполезныя празднества и безумныя оргіи и, безъ милосердія высасывая свою наслѣдственную страну Саксонію, давалъ Польшѣ только устрашающій примѣръ того, до чего можетъ довести абсолютное правленіе. Саксонское войско, введенное въ Польшу вмѣсто того, чтобы поддержать порядокъ и спокойствіе, совершало только вымогательства, грабежи и насилія, какъ будто въ непріятельской землѣ, и такимъ образомъ польское общество вмѣсто того, чтобы убѣдиться на практикѣ въ благотѣльномъ вліяніи сильнаго и заботящагося о немъ правительства и доставлять помощь королю въ его намѣреніяхъ, должно было возненавидѣть его и стремиться къ освобожденію изъ-подъ гнета.

Первымъ дѣломъ Августа былъ походъ съ цѣлью возвращенія Каменецъ-Подольска, занятаго турками въ 1672 г., къ чему обязывали его раста сопвента. Однако Августъ II воспользовался этимъ походомъ только какъ предлогомъ для введенія саксонскихъ войскъ въ Польшу. Вмѣсто того, чтобы осадить Каменецъ, польскія и саксонскія войска начали между собой грозныя распри въ лагерѣ между Львовомъ и Бржежанами. Счастье еще, что Турція, окончательно разбитая мужественнымъ австрійскимъ вождемъ, княземъ Евгениемъ Савойскимъ, въ 1699 г., склонилась къ заключенію мира въ Карловицахъ, на основаніи котораго, усту-

пая Австріи Венгрію и Славонію, Россіи Азовъ, она также уступала Польшѣ Каменецъ-Подольскъ. Черезъ это уничтожился предлогъ держать въ Польшѣ саксонскія войска, а шляхта, раздраженная ихъ вымогательствами, вынудила ихъ удаленіе изъ коронныхъ земель на сеймѣ 1699 г.

Зато королю представился превосходный случай удержать эти войска въ Литвѣ и сохранить тамъ свой перевѣсъ. Могущественная семья Сапѣгъ, завладѣвъ еще при Янѣ III высшими должностями на Литвѣ, именно великимъ гетманствомъ, производила неслыханныя насилія надъ шляхтой и вызвала противъ себя вооруженное возстаніе послѣдней. Король сталъ на сторону шляхты, которая, соединившись въ конфедерацію, въ 1700 г. разгромила гетманское войско Сапѣгъ подъ Олькениками и отняла у нихъ всѣ имѣнія и должности.

Въ тотъ моментъ, когда Августъ приступалъ къ введенію абсолютнаго правленія въ Польшѣ, на сѣверѣ начался послѣдній актъ великой борьбы за Балтійское море. Съ тѣхъ поръ, какъ Польша по оливскому миру 1660 г. уступила Швеціи Лифляндію и тѣмъ самымъ отеклась отъ своихъ правъ на Балтійское море, тѣмъ настойчивѣе возобновила Россія старинные планы Ивана Грознаго и, заключивъ въ 1683 г. столь выгодный для себя андрусовскій миръ, обезпечивъ себя по отношенію къ Польшѣ занятіемъ Смоленска и Кіева, напрягла свои силы для внутренняго укрѣпленія и реформъ и приготавлиалась начать смертельную борьбу съ единственной уже противницей, Швеціей. Нужно было только человѣка, который сѣумѣлъ бы окончательно объединить эти приготовленія и повести народъ къ рѣшительной борьбѣ, и такой человѣкъ явился въ лицѣ Петра Великаго. Молодой царь намѣревался совершенно преобразовать свой народъ и государство по образцу западной Европы и не отступалъ ни передъ какимъ препятствіемъ при достиженіи этой цѣли. Видя однако, что всѣ старанія его напрасны, вслѣдствіе недостатка доступа къ западной цивилизаціи, что Швеція заграждаетъ ему этотъ доступъ, онъ рѣшилъ устремиться на нее и, приобрѣтая гавани на Балтійскомъ морѣ, черезъ это приобрѣсти и средства для внутренней реформы. Народная, популярная война должна была даже облегчить ему введеніе этой реформы, уничтоженіе старинныхъ предрассудковъ.

Въ лицѣ Августа II Петръ Великій неожиданно нашелъ союзника, благодаря стараніямъ изгнаннаго изъ Швеціи и мстившаго ей лифляндскаго дворянина, Иоганна Рейнгольда Паткуля. Августъ

старался и Польшу вовлечь въ военную неурядицу для осуществленія своихъ намѣреній внутри государства, но однако не пошелъ по слѣдамъ Петра Великаго и вмѣсто того, чтобы начать истинно-народную политику, вмѣсто того, чтобы возвысить духъ народа популярной войной, стремился къ ней единственно съ тою цѣлью, чтобы, среди замѣшательства войны, легче добиться своихъ выгодъ, и не поколебался для усмиренія противной ему партіи въ Польшѣ призвать чужую помощь. Это былъ первый гибельный примѣръ призванія чужого государства къ замѣшательству во внутреннія дѣла страны, шагъ, несказанно легкомысленный, потому что могущественный союзъ принималъ подобное призваніе только съ тою цѣлью, чтобы навязать себя въ примирители польскимъ партіямъ, усилить внутреннюю неурядицу въ Польшѣ, ослабить послѣднюю, а себѣ приобрести болѣе силы и вліянія. Не задумываясь однако надъ этими послѣдствіями, Августъ заручился отъ Петра обѣщаніями помощи во введеніи абсолютнаго правленія въ Польшѣ, заключилъ съ нимъ союзъ и вмѣстѣ съ нимъ бросился на шведскую Лифляндію.

Враги Швеціи, соединившись между собой на ея погибель, не подозревали впрочемъ, что въ юномъ ея королѣ, Карлѣ XII, они найдутъ великаго полководца, а въ шведахъ — мужественныхъ, какъ и всегда, солдатъ и гораздо лучше обученныхъ, чѣмъ ихъ солдаты. Едва только въ 1700 г. началась война нападеніемъ саксонскихъ и московскихъ войскъ на шведскую Лифляндію, какъ Карлъ XII уже вторгся въ Данію, продиктовалъ ей миръ, немедленно перебросился въ Лифляндію, одержалъ блестящую побѣду надъ войскомъ Петра Великаго, осаждавшимъ Нарву, очистилъ Лифляндію отъ саксонцевъ, занялъ Курляндію, второй разъ разбилъ саксонцевъ и русскихъ при Ригѣ, въ 1701 г., и, сдѣлавшись господиномъ въ данную минуту, рѣшилъ уничтожить враговъ и лишить престола Августа, а, если удастся, также и Петра. Примасъ Михаилъ Радзѣвскій, сенатъ, а впоследствии и польскій сеймъ старались отдѣлить дѣло Августа отъ дѣла Рѣчи Посполитой, принудили Августа вывести саксонскія войска изъ польскихъ предѣловъ и черезъ свои посольства представляли Карлу XII, что Августъ только какъ саксонскій курфирстъ, а не какъ король польскій объявилъ ему войну, потому что сдѣлалъ это помимо вѣдома и воли Рѣчи Посполитой, и требовали поэтому сохраненія прежняго мира. Надменный и смѣлый Карлъ XII въ отвѣтъ потребовалъ сверженія Августа съ престола, выбора Якова Собѣскаго въ короли и напалъ на Польшу съ своими войсками.

Въ польскомъ народѣ уже не было столько патриотизма, чтобы отвѣтить войною гордому хищнику на такое оскорбленіе. Большинство народа осталось равнодушнымъ и, отдѣляя себя отъ Августа, пыталось вести со шведами бесплодные переговоры о мирѣ. Правда, что и самъ король, не заботясь о благѣ страны, ввѣрившейся его попеченію, предлагалъ Карлу миръ въ ущербъ Рѣчи Посполитой. Нашлись, наконецъ, и такіе, подобно Сапѣгамъ, которые, метя Августу и стремясь къ возвращенію потерянныхъ высшихъ должностей, сами призывали Карла къ нападенію на Польшу. Король шведскій, вторгшись въ Польшу, разбилъ саксонскія войска и помогавшихъ имъ немногочисленныхъ поляковъ въ 1702 и 1703 годахъ подъ Клишовымъ и Пултускомъ, занялъ Варшаву и Краковъ и покорилъ Торнъ. Тогда малопольскія земли составили конфедерацію въ Сандомірѣ за короля Августа, а Сапѣги, примасъ Михаилъ Радзѣвскій и могущественная въ Великой Польшѣ семья Лещинскихъ составили анти-конфедерацію въ Великой Польшѣ и по требованію Карла провозгласили безкорольеве въ 1704 г.; а когда Августъ II измѣннически схватилъ въ Силезіи и заточилъ въ замкѣ Плейссенбургѣ Якова и Константина Собѣскихъ, избрали королемъ Станислава Лещинскаго, воеводу познанскаго, котораго полюбилъ Карлъ и предлагалъ возвести на тронъ. Въ отвѣтъ на это избраніе Августъ II и стоявшая на его сторонѣ часть шляхты заключаютъ наступательно-оборонительный союзъ съ Петромъ Великимъ; русскія войска двигаются на Литву противъ шведовъ, начинаются жестокія, разоряющія цѣлый край битвы и марши шведскихъ, русскихъ и саксонскихъ войскъ. Къ нимъ присоединяются съ польской стороны упорныя, губящія всю страну междуусобныя битвы, въ которыхъ значительная часть деморализованной шляхты, не имѣя никакой политической мысли, искала только приключеній и добычи. Возникали грабительскія шайки, которыя, переходя отъ саксонца къ шведу и снова возвращаясь къ саксонцу, при каждомъ случаѣ разоряли владѣнія болѣе богатыхъ сторонниковъ противнаго лагеря, а настоящаго боя избѣгали. Какъ предводитель одной изъ такихъ шакъ, пріобрѣлъ себѣ печальную извѣстность Адамъ Смигельскій. За всѣмъ тѣмъ однако Карлъ XII и сторонники Лещинскаго одержали рѣшительный перевѣсъ. Августъ, чувствуя, что почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ, хватался все за худшія и худшія средства и, чтобы спастись, принялъ составленный Паткулемъ планъ раздѣла Польши между Пруссіей и Россіей. Курфирстъ бранденбургскій, который, пользуясь об-

щимъ замѣшательствомъ, уже въ 1701 г. произвольно короновался «*прусскимъ* королемъ» и тѣмъ самымъ объявилъ свои намеренія относительно польской Пруссіи, занявъ ее теперь. Петръ Великій господствовалъ въ Литвѣ, Августъ временно воротилъ Варшаву. Этимъ планамъ помѣшалъ Карлъ XII, быстрыми передвиженіями выгналъ Августа изъ Польши, разбилъ его вмѣстѣ съ союзными русскими войсками при Олькеникахъ въ Литвѣ, а когда генераль его Ренкъелдъ побѣдилъ саксонцевъ при Всковѣ, Карлъ неожиданно вступилъ въ самую Саксонію, въ одинъ моментъ овладѣлъ ею и принудилъ Августа по Альтранштадтскому миру 1706 г. отказаться отъ польской короны. Россія не признавала этого мира, не признавала его также часть поляковъ, которая подъ предводительствомъ Шембека (котораго Августъ назначилъ примасомъ по смерти Радзѣвскаго) и гетмана Сѣнявскаго, изъ зависти къ Лещинскому заключила въ Жолквѣ новый союзъ съ Россіей. Поэтому Карлъ XII въ 1708 г. бросился на русскихъ, вытѣснилъ ихъ изъ Гродна и Могилева, разбилъ подъ Головчинымъ и, не дожидаясь вспомогательнаго войска, приближавшагося къ нему изъ Швеціи подъ начальствомъ Левенгаупта, повернулъ на Украйну, куда призывалъ его козацкій гетманъ Мазепа, желавшій освободиться отъ господства Россіи. Однако Мазепа обманулся въ смѣлыхъ планахъ; казаки подъ начальствомъ Скоропадскаго подняли бунтъ въ пользу Россіи, и только нѣсколько тысячъ ихъ присоединились къ Карлу. Левенгауптъ, разбитый на дорогѣ, привелъ къ нему только половину своего войска; русскіе уничтожили запасы, приготовленные въ Батуринѣ Мазепою для шведовъ, а когда Карлъ весною 1709 г. легкомысленно бросился на Полтаву, онъ не устоялъ противъ численнаго перевѣса русскихъ войскъ и, потерявъ всю армію, принужденъ былъ съ жалкими остатками удалиться въ Турцію, въ Бендеры.

Полтавское пораженіе въ одинъ моментъ ниспровергло власть Лещинскаго. Приверженцы покидали его толпами, Августъ съ помощью русскихъ вступилъ въ Польшу: варшавскій съѣздъ 1710 г., происходившій подъ давленіемъ конфедераціи, возвратилъ ему тронъ и объявилъ недѣйствительнымъ все, что только сдѣлали Карлъ XII и Лещинскій. Августъ возобновилъ союзъ съ прусскимъ королемъ, который, въ соглашеніи съ Петромъ, составлялъ планъ окончательнаго покоренія Швеціи и раздѣла Польши. Король прусскій и Петръ Великій за отдачу имъ польской Пруссіи, Жмуди и Бѣлоруссіи должны были помочь Августу

устроить изъ остальной Польши наследственное и абсолютно управляемое королевство. Прежде чѣмъ однако осуществились эти планы, Карлу XII удалось побудить Турцію къ войнѣ съ Россіей. Петръ, неосторожно вступивъ въ Молдавію, увидѣлъ себя внезапно окруженнымъ въ десять разъ превосходившимъ его по численности непріателемъ. Правда, ему удалось подкупить визиря и избѣгнуть постыдной капитуляціи, однако по миру, заключенному въ 1711 г. на берегахъ Прута, онъ уступилъ Турціи Азовъ и обязался совершенно удалиться изъ Польши. Съ тѣхъ поръ война со Швеціей велась уже только на берегахъ Балтійскаго моря. Августъ II, потерявъ покровительство Петра Великаго, все-таки окончательно рѣшилъ произвести государственный переворотъ въ Польшѣ собственными силами.

Моментъ былъ подходящимъ, потому что многіе изъ магнатовъ, которые перешли на сторону Лещинскаго, потеряли свои должности и имѣнія, что устрашило остальныхъ и сдѣлало ихъ уступчивыми по отношенію къ королевскимъ планамъ; народъ былъ въ высшей степени утомленъ и обезсиленъ долготѣней внутренней войной и, оставляя въ сторонѣ всѣ другія дѣла, ждалъ мира и порядка. Поэтому Августъ излишне медлилъ исполненіемъ своего намѣренія вплоть до 1714 г., когда Швеція, окончательно побѣжденная въ Лифляндіи, Эстоніи и Помераніи, угрожаемая новою войною съ Англіей и Даніей, обратилась наконецъ къ Петру Великому и, уступая ему прибалтійскія провинціи, склонила его къ прекращенію военныхъ дѣйствій и тѣмъ самымъ развязала ему руки относительно Польши. Равнымъ образомъ странный путь выбралъ Августъ для осуществленія своихъ плановъ. Вѣроятно опасаясь прямо и открыто приступить къ дѣлу, онъ разставилъ свое саксонское войско въ Польшѣ и приказалъ ему частыми насиліями вызывать мятежи, которые затѣмъ надѣялся подавить и при этомъ случая осуществить новый порядокъ вещей. Первая часть намѣренія вполне удалась ему. Возмущенная шляхта начала составлять конфедераціи для защиты своей жизни и имущества, но эти конфедераціи приняли очень большіе размѣры, и когда къ нимъ приступила бѣльшая часть польскаго войска, замѣнились въ 1715 г. всеобщей, грозной тарноградской конфедераціей, требовавшей удаленія саксонскихъ войскъ и гарантіи польскихъ вольностей. Изъ этого возникла новая внутренняя война, въ которой Августъ II хитростью и оружіемъ одержалъ полный перевѣсъ. Но въ рѣшительную минуту шляхта, которая уже привыкла выше всего цѣнить свой произволь, отдалась подъ по-

кровительство Петра Великаго и обратилась къ его посредничеству. Русское войско вступило въ Литву, русскій посоль пріѣхалъ, какъ посредникъ между борющимися сторонами и продиктовалъ имъ миръ въ 1716 г., подписывая его въ качествѣ посредника черезъ своего уполномоченнаго. Конфедераціи разошлись и саксонское войско оставило Польшу.

Такимъ образомъ Рѣчь Посполитая уже лишилась собственно своей самостоятельности и свое внутреннее управленіе ввѣрила попеченію сосѣдняго государства. Организациа, продиктованная въ 1717 г., очевидно имѣетъ ту цѣль, чтобы, обезпечивая внутренній миръ, сдѣлать невозможнымъ настоящее усиленіе Польши и реформу и черезъ это именно держать ее въ зависимости.

Для обезпеченія спокойствія были введены нѣкоторыя финансовыя и военныя реформы. Устраняя въ этой области сеймикovou децентрализациу, которая выработалась въ XVII вѣкѣ и была самою главною причиною неурядицы, опять сосредоточили войско и казну въ рукахъ государства. Было введено постоянное войско, коронное, числомъ 18.000, литовское, числомъ 6.000, власть гетмановъ была ограничена однимъ предводительствомъ, была установлена постоянная поголовная подать (pogłówne), которою, для уплаты войску, завѣдывалъ финансовый трибуналъ (trybunał skarbowy). Сеймики были упорядочены, причемъ введены были такъ называемые хозяйскіе (sejmiki gospodarskie) и въ ихъ распоряженіи были оставлены потребительные налоги (konsumpcyjne podatki), копеечный (szelągowe) и питейный (szorowe). Войско было маленькое, и еще меньшею была поголовная подать, такъ какъ ея не хватало даже на содержаніе войска; но принципъ постоянного войска и опредѣленнаго налога былъ несомнѣнно первымъ шагомъ впередъ.

Этотъ принципъ могъ бы быстро развиваться, но этому помѣшали дальнѣйшія постановленія, потому что при сохраненіи всей, до тѣхъ поръ существовавшей, анархической организации государства увеличеніе налоговъ и увеличеніе войска было поставлено въ зависимость отъ согласія сейма, въ которомъ и на будущее время должно было господствовать liberum veto. Примирительный сеймъ (sejm racyfikacyjny) 1717 г., на которомъ никому не было позволено держать рѣчь и который поэтому называли нѣмымъ, молча принялъ эти постановленія.

VI.

Перевѣсъ Россіи. Полная анархія кончается первымъ раздѣломъ страны.

(1717—1773)

Л И Т Е Р А Т У Р А .

Лелевель, Іоакимъ: «Царствованіе Станислава Августа Понятовскаго» (Lelewel Joachim: «Panowanie Stanisława Augusta Poniatowskiego». Warszawa 1831, Paryż 1839, Bruxella 1851. (Z Pamiętnika Warszaw. 1818, oraz Dodatku do Teodora Wagi) 6-ой томъ полного собранія сочиненій. Познань 1859).

Бартошевичъ, Юліанъ: «Знаменитые мужи Польши въ XVIII в.» (Bartoszewicz Julian: «Znakomici mężowie Polscy w XVIII w.», tomów 3. Petersburg 1853—6).

Шмитъ, Генрихъ: «Польская исторія XVIII и XIX вѣковъ» (Schmitt Henryk. «Dzieje polskie XVIII i XIX wieku», tomów 3. Kraków 1866—7. tom. 4-ty. Poznań).

Самостоятельную, по источникамъ, обработку XVIII в. нашель себѣ только лишь въ IV-мъ томѣ Исторіи Шуйскаго. Львовъ. 1866.

Въ послѣднее время ревностно занялись объясненіемъ политики Чарторыйскихъ и Потоцкихъ, именно:

Ричардъ Рёпель: «Польша въ среднѣй XVIII вѣка» (Ryszard Roepell: «Polen um die Mitte des XVIII-ten Jahrhunderts». Gota. 1876).

Вл. Тад. Киселевскій: «Реформа князей Чарторыйскихъ на конвокаціонномъ сеймѣ 1764 г.» (Wł. Tad. Kisielewski: «Reforma książąt Czartoryskich na sejmie konwokacyjnym r. 1764». Sambor. 1880).

Я. Н. Крашевскій: «Польша въ половинѣ XVIII вѣка» (J. J. Kraśzewski: «Polska w połowie XVIII wieku». Ateneum. 1876. I).

Докторъ Антоній І.: «Русская политика въ Польшѣ съ 1752 до 1762 г.» (Dr. Antoni J.: «Polityka rosyjska w Polsce 1752 do 1762». Przewodnik liter. nauk. 1878. I).

Валишевскій, Казиміръ: «Потоцкіе и Чарторыйскіе. Борьба партій и политическихъ программъ передъ паденіемъ Рѣчи Посполитой 1734—1763» («Waliszewski Kazimierz: «Potoccy i Czartoryscy. Walka stronnictw i programów politycznych przed upadkiem Rzpltej 1734—1763». Т. I. Kraków 1887). «Политическіе и общественные обычаи XVIII вѣка въ Польшѣ и въ Англии» («Polityczne i społeczne obyczaje XVII wieku w Polsce i w Anglii». Ateneum. Warszawa 1888). «Графъ де-Брольи» («Hrabia de Broglie». Ateneum. 1884).

Брониславъ Залѣскій: «Жизнь кн. Адама Чарторыйскаго» (Bronisław Zaleski: «Żywot ks. Adama Czartoryskiego». Т. I. Poznań 1881).

Климентъ Кантецкій: «Станиславъ Понятовскій, отецъ короля Станислава Августа» (Klemens Kantecki: «Stanisław Poniatowski ojciec króla Stanisława Augusta». Poznań. 1880).

Съ новымъ во многихъ отношеніяхъ взглядомъ на саксонскую эпоху выступилъ Ѡаддей Войцѣховскій въ рефератѣ: «О вторичномъ выборѣ Станислава Лещинскаго въ 1733 г.» (Tadeusz Wojciechowski: «O powtórnej elekcji Stanisława Leszczyńskiego w r. 1733». Rocznik Akademii. Kraków. 1887).

Тогдашнюю политику Франціи по отношенію къ Польшѣ излагаетъ Брольи: «Королевская тайна» (Broglie: «Le secret du roi». Paris 1878).

Менѣе значительные труды: Юсіфъ Шуйскій: «Юрій Ожаровскій и кардиналъ Флери» (Józef Szujski: «Jerzy Ożarowski i kardynał Fleury». Rozzrąsania. Kraków. 1876).

Казиміръ Яроховскій: «Эмансипаціонная попытка августовской политики и интрига Посадовскаго, прусскаго резидента въ Варшавѣ въ 1720 г.» («Próba emansypacyjna polityki Augustowskiej i intryga Posadowskiego rezydenta pruskiego w Warszawie r. 1720». Przewodnik liter. nauk. Lwów 1878. I). «Янъ Станиславъ Яблоновскій и его распря съ королемъ Августомъ II» («Jan Stanisław Jabłonowski i zatarg jego z królem Augustem II». Rocznik Tow. przyj. nauk. Poznań. 1876).

Изъ политической литературы: Александръ Рембовскій: «Станиславъ Лещинскій, какъ государственннй человекъ» (Alexander Rembowski: «Stanisław Leszczyński jako statysta». Warszawa. 1875. Odbitka z «Niwy»).

Литературу по исторіи раздѣловъ см. въ слѣдующей главѣ.

§ 99. *Картина паденія.*

Съ началомъ XVIII вѣка всѣ государства Европы уже увидѣли свои вѣковыя старанія увѣнчанными благоприятнымъ результатомъ. Всюду окончательно завершилось созданіе правительственной власти, понятой новымъ образомъ. Всюду правительство сосредоточило въ своихъ рукахъ не только верховную власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ силы и средства народа; обширная администрація обезпечивала ему быстрое и точное исполненіе приказаній, а постоянныя, хорошо обученныя арміи поддерживали его заграничную политику своимъ вооруженнымъ давленіемъ. Такъ организовались въ то время три государства, сосѣднихъ съ Польшею: Австрія, Пруссія и Россія. Австрія по Карловицкому миру 1699 г. окончательно вытѣснила турокъ изъ Венгріи, подавила вмѣстѣ съ тѣмъ зародышъ безпрестанныхъ бунтовъ въ послѣдней и Прагматической Санкціей Карла VI соединила свои разнородныя нѣмецкія, чешскія и венгерскія владѣнія въ одно неразрывное цѣлое, въ одну австрійскую монархію, въ которой существовало одно общее главное управленіе (придворная канцелярія) въ Вѣнѣ, общее государственное казначейство и общее войско.

Въ царствованіе Маріи Терезіи Австрія должна была начать большую работу надъ своимъ дальнѣйшимъ внутреннимъ развитіемъ равнымъ образомъ въ духѣ полной централизаціи. Пруссія, соединенная въ 1611 г. съ Бранденбургомъ, по велявскому трактату 1657 г. и по оливскому миру 1660 пріобрѣла признаніе своей независимости отъ Польши, точно также лихорадочно работала надъ казною и войскомъ и, принимая хотя съ малыми силами рѣшительное участіе во всѣмъ обще-европейскихъ дѣлахъ, увеличивалась новыми владѣніями. Фридрихъ I въ 1702 г. добился признанія за собой новаго титула, королевскаго; Фридрихъ II, идя далѣе по стопамъ своихъ предшественниковъ и неустанно трудясь надъ внутренней организаціей, возвысилъ Пруссію на степень европейскаго государства и началъ борьбу съ Австріей за первенство въ Германіи. Наконецъ Петръ Великій, принимая въ 1721 г. титулъ императора всероссійскаго, изъ московскаго царства, своими одеревѣвшими учрежденіями удаленнаго отъ европейскаго прогресса и европейскихъ учреждений, создалъ современную Россію, государство, внушающее уваженіе къ себѣ своею военною силою, численностью населенія и силой производительности, государство, которое, занявъ послѣ внезапной смерти

Карла XII (1717 г.) Эстонию и Лифляндію по ништадтскому договору 1721 г., тѣмъ самымъ приобрѣло себѣ господствованіе надъ Балтійскимъ моремъ, тяжко нависло надъ всѣмъ востокомъ Европы и начало великую наступательную борьбу съ Турціей, ослабленной Собѣскимъ.

И вотъ среди этихъ централизованныхъ, абсолютныхъ, военныхъ государствъ Польша увидѣла себя такою, какою утвердилъ ее примирительный сеймъ 1717 г., безъ всякой внутренней организаци, безъ энергической власти, безъ соотвѣтствующаго войска и налоговъ, причемъ былъ прегражденъ путь и всякой реформѣ въ этомъ направленіи. Въ XVII вѣкѣ у Польши не было недостатка въ военной силѣ. Она безмѣрно дорого стоила странѣ, потому что войска, набранныя для войны, не получая въ срокъ должной платы, составляли конфедераціи, производили наѣзды на королевскія, церковныя и частныя имѣнія, содержались посредствомъ контрибуціи съ нихъ и потомъ предъявляли баснословныя претензіи къ государственному казначейству, которыя сеймъ въ концѣ концовъ принужденъ былъ удовлетворять. Однако, хотя и составлявшіе конфедераціи и недисциплинированныя, но многочисленныя военныя отряды постоянно находились подъ оружіемъ; со времени Баторія значительная часть шляхты бросилась на рыцарское ремесло, ища въ немъ пропитанія, добычи, должностей и славы. Въ минуту опасности имѣлись обученныя и мужественныя солдаты, которые производили чудеса подъ предводительствомъ великихъ полководцевъ и героев. Недоставало единственно регулярно уплачиваемыхъ податей и вслѣдствіе того лучшей, способной къ совершенствованію, организаци.

Съ началомъ XVIII вѣка отношенія совершенно измѣнились. Военное искусство основывалось преимущественно на артиллеріи и пѣхотѣ, которыхъ почти вовсе неоставало въ польскомъ войскѣ, составленномъ изъ конницы; новая военная тактика прежде всего требовала организаци и дисциплины, которыхъ не могло замѣнить самое величайшее мужество. И въ такой-то моментъ примирительный сеймъ, правда, назначилъ постоянныя подати на постоянную армію, но опредѣлилъ ея численность до смѣшной малой. Общее разстройство весьма ярко отразилось и въ военной администраціи. Вслѣдствіе неслыханныхъ злоупотребленій едва только половина опредѣленнаго числа, т. е. 12.000 человекъ, стало подъ оружіемъ, о пѣхотѣ и артиллеріи почти не было рѣчи, военной дисциплины совсѣмъ не существовало, значитель-

ная часть войска состояла изъ иностранцевъ, военный духъ совершенно исчезъ.

Примирительный сеймъ совершенно похожъ на тотъ компромиссъ, которымъ, за сто лѣтъ передъ тѣмъ, закончился мятежъ Зебржидовскаго. Въ то время народъ и всѣ партіи сказали себѣ: «Зачѣмъ намъ бороться за осуществленіе извѣстной формы правленія, если наши усилія навлекаютъ на насъ только безплодные труды; такъ будемъ, съ золотою нашей свободой, пользоваться драгоценнымъ внутреннимъ спокойствіемъ!» Теперь весь народъ повторилъ то же самое разсужденіе и примѣнилъ его къ внѣшней политикѣ: «Зачѣмъ намъ заботиться о содержаніи большой военной силы и о прежнемъ нашемъ вліяніи на внѣшнюю политику, какъ скоро намъ это стоитъ такъ дорого? Мы лучше откажемся отъ всякаго голоса въ Европѣ, дадимъ ручательство нашимъ сосѣдямъ, что мы всегда останемся безсильными и слабыми, и когда мы ни для кого не будемъ опасными, всѣ оставятъ насъ въ покоѣ!» Все стремилось въ Польшѣ къ спокойствію, къ наслажденію, не замѣчая, что такое спокойствіе можетъ быть только временнымъ, что народъ, до тѣхъ поръ, пока живетъ, долженъ необходимо двигаться, что, не желая прогрессировать и развиваться, онъ неизбежно долженъ идти назадъ. Жажда спокойствія была такою сильною, что единственно въ этомъ направленіи сохраненія спокойствія народъ выказывалъ рѣшимость и силу и уничтожилъ всѣ интриги Августа, могшія нарушить спокойствіе. Полная, абсолютная апатія народа предохраняла его отъ насилія сосѣдей, конечно, лишь до поры до времени, пока не наступило согласіе между ними относительно раздѣла Польши. Политика Россіи побуждала ее включить въ свой составъ всю Польшу. До тѣхъ поръ, пока Россія думала, что она только одна сможетъ всю Польшу включить въ свой составъ, она, будучи уже увѣрена въ своемъ перевѣсѣ, ждала удобнаго момента, чтобы ей не нужно было обращать вниманія на Пруссію и на Австрію и чтобы не допустить ихъ до участія въ раздѣлѣ. Однако Пруссія и Австрія стали на стражѣ своихъ интересовъ, приготовившись не допускать Россію занять цѣлую Польшу и черезъ это чрезвычайно увеличиться. Такъ до извѣстнаго времени дѣйствительно оправдывался лозунгъ тогдашней польской шляхты: «Польша стоитъ безпорядкомъ» (*Polska nierządem stoi*).

Эта апатія народа въ саксонскую эпоху сообщается и намъ теперь, когда мы слышимъ его исторію. Исторія XVII вѣка болѣзненно потрясала насъ, потому что въ ней мы видѣли болѣе здравыхъ и разсудительныхъ людей и такія же партіи, и эти

люди и партіи надламывались въ борьбѣ съ невѣжествомъ, которое охватывало умы, съ чудовищными учрежденіями, которыя способны были обезсилить ихъ самые благородные порывы. Исторія же первой половины XVIII в.—это сплошная картина грубаго матеріализма, лишенная свѣта. Мы уже заранѣе знаемъ, къ чему все стремится, не имѣемъ никакой надежды, ничто уже не встрѣчаетъ насъ неподготовленнымъ, не поражаетъ, не волнуетъ.

Странное невѣжество овладѣло польскими умами, нѣкогда такъ стремившимися къ совѣту, съ такою лихорадочною жадностью усвоивавшими себѣ результаты общаго развитія и знанія. Польская молодежь, сыновья шляхтичей, перестала ѣздить учиться въ заграничныя университеты, потому что чему же она могла научиться въ нихъ? Хотя бы она и избѣгла протестантскихъ или вольномысленныхъ идей, которыя распространялись въ нѣмецкихъ и французскихъ университетахъ, то все-таки должна была пріобрѣсти въ нихъ лучшія и болѣе здравыя политическія понятія и, возвратившись на родину, стремиться къ преобразованію и перемѣнѣ отечественныхъ условій. А этого не хотѣли отцы и потому держали молодежь вдали отъ науки, столь опасной, воспитывали дѣтей на родинѣ, а если—что рѣдко случалось—уже и посылали ихъ за границу, то только для усвоенія заграничныхъ модъ, языка и испорченности. Подобный недоученый паничъ, возвратившись на родину, дѣйствительно, пренебрегалъ ею, но, не думая серьезно о томъ, какъ бы освободить ее отъ злополучія, и будучи неспособенъ къ работѣ, самымъ отличнымъ образомъ пользовался анархіей и изъ-за личной выгоды служилъ своимъ и чужимъ самымъ лучшимъ орудіемъ для окончательнаго паденія отчизны. А каковы были польскія школы съ половины XVII вѣка, мы уже говорили выше. Спросимъ теперь, почему польскіе іезуиты, составлявшіе вѣдь отрасль громаднaго космополитическаго и централизованнаго общества, не воспользовались для своей организаціи иностранной наукой, не удержались на высотѣ ея и не только не сдумѣли съ успѣхомъ противодѣйствовать общему упадку польскаго общества, но и сами принимали дѣятельное участіе въ этомъ упадкѣ? Ведя народную политику по ложному пути вслѣдствіе своего космополитизма, они должны были вслѣдствіе его же поддерживать народное просвѣщеніе на одномъ уровнѣ съ другими странами. Однако это предположеніе нисколько не оправдывается въ исторіи Польши. Іезуиты-поляки слишкомъ были поляками, слишкомъ мало пользовались своими космополитическими связями, и, принимая ихъ отрицательныя стороны,

не умѣли принимать положительныхъ. Польская провинція, которую составили іезуиты, предоставленная самой себѣ и находившаяся въ сторонѣ отъ другихъ, даже въ самомъ ордентѣ не пользовалась большимъ довѣріемъ, не нашла точки опоры, и польскіе іезуиты вмѣстѣ со всѣмъ народомъ обрушились въ бездну паденія. Ихъ первый гибельный и ошибочный шагъ мы указали уже въ бунтѣ Зебржидовскаго. Вмѣсто того, чтобы противиться массѣ и распространять здравыя понятія о любви къ родинѣ, о сильномъ правительствѣ, объ уваженіи къ закону, какъ это дѣлалъ Скарга, іезуиты отбросили свое политическое ученіе, ринулись въ объятія золотой свободы и, лстя массѣ, стали учить, что золотая свобода имѣетъ самый сильный оплотъ въ католичествѣ и въ іезуитахъ. Эта лесть ихъ погубила, потому что, когда польское общество стало все болѣе и болѣе падать, все болѣе и болѣе унижаться и превозносить свои ошибки, какъ добродѣтели, они, идя по той же скользящей дорогѣ лести, вмѣсто того, чтобы противиться злу, прилаживали свои школы къ понятіямъ испорченнаго общества и создали наконецъ ту систему воспитанія, надъ которой справедливо тяготѣло проклятiе послѣдующихъ поколѣній.

Безъ этой системы обученія, которой въ точности соответствовало домашнее воспитаніе, мы, дѣйствительно, не могли бы понять, почему народъ втеченіе полутора ста лѣтъ не могъ возродиться нравственно и умственно, но съ каждымъ поколѣніемъ падалъ все ниже и ниже.

Иезуитское обученіе, какъ мы уже объ этомъ упоминали, прежде всего держало молодежь вдали отъ всякой истинной самостоятельной науки, потому что такая наука могла довести до ереси и невѣрія. Молодежь питали только крупинками наукъ, изъ которыхъ тщательно вытравлена была всякая внутренняя связь, всякая тѣнь свободнаго изслѣдованія, свободной мысли. Поэтому польское шляхетское общество въ своемъ просвѣщеніи далеко отстало отъ другихъ европейскихъ народовъ, за которыми оно нѣкогда шло такъ смѣло и отважно. Въ массѣ своей это общество не имѣло теперь понятія объ истинномъ просвѣщеніи, и тогдашняя польская литература ни въ одномъ направленіи не могла достигъ оригинальности. Какъ панегирики и діалоги подавили всякую настоящую поэзію, какъ напыщенное ораторство подавило политику и право, такъ эрудиція, соединенная съ цензурой, не допускавшей никакой критики и самостоятельной мысли, подавила настоящую науку. Поэтому мы видимъ бесполезную

эрудицію и только эрудицію въ огромныхъ по размѣрамъ произведеніяхъ этой эпохи, въ «Коронѣ польской» или гербовникѣ Каспара Несецкаго (1728—1733), въ «Политическихъ и нравственныхъ разговорахъ Артаксеркса съ Эвандромъ» (1709) Станислава Гераклія Любомірскаго, въ «Правѣ польскаго государства» (*ius regni Poloniae*) (1702) Николая Заляшовскаго и въ самыхъ лучшихъ сравнительно, статистико-географическихъ сочиненіяхъ Владислава Александра Любенскаго († 1767). Но и одна эта эрудиція была удѣломъ единственно небольшого слоя людей, которые оставались безъ всякаго вліянія на массу общества. Литература саксонской эпохи также наплодила чудовищныя чудачества, вродѣ четырехтомнаго творенія Бенедикта Хмелевскаго: «Новыя Аѳины или академія, наполненная всяческимъ знаніемъ» (1746—1756), представляющаго изъ себя кучу безмыслицъ и бредней, которыми однако восхищалась шляхта.

Другую основу іезуитскаго воспитанія было соревнованіе, соперничество, надежда на отличія и награды. Молодежь должна была учиться не изъ чувства обязанности, не для служенія родинѣ, а по суетности и эгоизму. Можно-ли удивляться поэтому, что молодежь выростала надутыми пузырями, которые отбрасывали отъ себя всякую возвышенную мысль и уничтожали каждаго человѣка, стоявшаго выше ихъ, выростала гражданами, которые въ своей общественной жизни точно также, какъ и на школьныхъ скамейкахъ, стремились только къ отличіямъ и наградамъ, къ чинамъ и доходнымъ староствамъ и, не будучи въ состояніи все получить ихъ, метили королю, раздававшему вакантныя мѣста, и Рѣчи Посполитой? Въ системѣ іезуитскаго воспитанія встрѣчались впрочемъ странныя противорѣчія. Рядомъ съ величайшимъ самоволіемъ, терпимостью къ кровавымъ насиліямъ и пріучиваніемъ молодежи къ праздности постоянными праздниками и торжествами, въ іезуитскихъ школахъ господствовала нагайка («*bizun*»). Плетью на коврѣ говорила школа честолюбію своихъ воспитанниковъ, плетью на коврѣ угощала, по этому примѣру, отецъ сына, если не было причины для наказанія и гнѣва, такъ по отцовской нѣжности и любви. Это вовсе не было средствомъ школьной или родительской дисциплины, но средствомъ для искорененія чувства собственнаго достоинства и возвышеннаго честолюбія. Пропитывая молодежь смѣшнымъ обоготвореніемъ шляхетскаго герба и соединенной съ нимъ золотой свободы, уча ее пренебрегать всѣмъ, что только не принадлежало къ шляхтѣ, іезуиты уже въ школахъ умѣли готовить ее къ

раболюбству передъ магнатами, учили, какъ льстить и кадить еяііаііомъ передъ панами, какъ унижаться передъ иііи, какъ отступать отъ своего убѣжденія, какъ терять свое личное достоинство. Изъ школъ молодые люди отправлялись на панскіе дворы для пріобрѣтенія свѣтскаго лоска и довершенія воспитанія и для карьеры, которая безъ панской протекціи была уже невозможна.

Общество, лишенное такимъ образомъ не только образованія, но и истиннаго честолюбія, отстраненное отъ всего, что могло бы возвышать его мысль и чувство и закалять волю, должно было не только замкнуться въ грубомъ эгоизмѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ потерять охоту и силу даже къ экономическому труду, въ которомъ нѣкогда такъ высоко стояло. Впродолженіе долголѣтняго мра затянулись раны, нанесенныя сельскому хозяйству послѣдними войнами, плодородныя южно-русскія провинціи снова заселились и стали обрабатываться, но, если брать въ общемъ, почти единственная основа матеріальнаго благосостоянія, земледѣліе, упало неслыханнымъ образомъ. Большія пространства въ середнѣ Рѣчи Посполитой сдѣлались пустыней, потому что шляхтичъ лѣнился теперь работать, сдавая даже управленіе имѣніемъ въ руки безсовѣстныхъ слугъ и управителей; хлопъ же, на плечи котораго была взвалена вся тяжесть труда, не видя въ немъ никакой выгоды для себя, несмотря на жестокое принужденіе, исполнялъ этотъ трудъ худо и небрежно, какъ рабъ. Королевскіе города совершенно упали не столько вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ, сколько вслѣдствіе губительной экономической политики, надъ которой мы уже выше останавливались. Подчиненные власти городскихъ старостъ, подверженные насиліямъ и буйствамъ шляхты, они утратили свою независимость. Участь частныхъ городовъ мало разнилась отъ участи крестьянъ, которыхъ шляхтичъ, хотя бы и самый мелкій, такъ называемый заііоновый ¹⁾ считалъ своимъ имуществомъ. Поэтому, несмотря на обильныя природныя богатства Польши, не только въ государственной казнѣ зіяла теперь пустота, но и масса общества чрезмѣрно обѣднѣла. Громадные доходы нѣсколькихъ богатыхъ фамилій нисколько не содѣйствовали увеличенію богатства страны, потому что вмѣсто того, чтобы находить себѣ производительное помѣщеніе въ ней, они, за рѣдкими исключеніями, шли за границу на предметы распутства и роскоши.

¹⁾ Zagony—владѣющій одной полосой земли (zagon).

Средь такихъ печальныхъ политическихъ, культурныхъ и экономическихъ условий легко представить себѣ новую группировку польскаго общества. Хлопъ, утративъ чувство своего человѣческаго достоинства, утратилъ, очевидно, и всякую инициативу и предприимчивость и сдѣлался той мертвой массой, которую вывести изъ оцѣпенѣнія не могли уже никакія, хотя бы самыя энергическія, средства. Обезлюдѣвшіе города, представлявшіе только развалины прежняго величія, перестали быть въ народной жизни не только политическимъ, но даже экономическимъ факторомъ, за исключеніемъ немногихъ прибалтійскихъ нѣмецкихъ городовъ, бывшихъ посредниками въ хлѣбной торговлѣ. Но и у шляхты дѣла шли сравнительно не лучше. Обезсиливъ власть короля и авторитетъ закона, она сама досталась въ добычу олигархамъ. Бѣда грозилъ тому шляхтичу, который осмѣлился бы стать на собственные ноги, имѣть свое убѣжденіе и дѣйствовать самостоятельно. Когда словесное внушеніе не дѣйствовало, ближайшій раздраженный магнатъ дѣлалъ наѣздъ на него, обижалъ, грабилъ, жегъ, а правосудіе, услужливое для магната, молчало. Низшіе суды не имѣли никакого значенія, на сеймовые суды эти дѣла не доходили, потому что сеймы были срываемы, а трибуналы, составленные изъ депутатовъ, выбранныхъ шляхтою, становились теперь орудіемъ той магнатской партіи, которая одержала побѣду на выборахъ. При выборахъ депутатовъ на сеймикахъ совершалась всѣ тѣ же самыя скандальныя сцены, что и при выборѣ пословъ. Масса судей не имѣла научнаго юридическаго образованія, потому что юридическихъ школъ не было; вкрались ябедничество и продажность, обращающія въ посмѣшище отправленіе правосудія. Распространилась легенда, что послѣ одного засѣданія трибунала, на которомъ была обижена убогая вдова, черги собрались на судъ и постановили справедливое рѣшеніе. Итакъ, если шляхтичъ хотѣлъ найти въ судѣ защиту отъ сосѣдской обиды, если хотѣлъ приобрести для себя матеріальную помощь и кредитъ, если желалъ воспитать сыновей и подвинуть ихъ выше, то долженъ былъ жить во дворѣ знатнаго господина, слѣпо повиноваться его волѣ, дѣлать, что онъ прикажетъ, не спрашивая зачѣмъ, служить всѣмъ его прихотямъ и личнымъ цѣлямъ. Шляхта средняго состоянія, нѣкогда сравнительно многочисленная, образованная и державшая участь государства въ своихъ рукахъ, еще могла удалиться въ затишье домашней жизни, въ которомъ, по крайней мѣрѣ, оберегала свое достоинство, отрекаясь отъ политическаго значенія и вліянія. Но толпы шляхты,

обладавшей мелкой земельной собственностью или не имѣвшей ея вовсе (такъ называемая голь, голытьба, — *golota* или *holota*), не могли этого сдѣлать, потому что не имѣли средствъ для спокойной жизни. Несмотря на предубѣжденіе противъ городовъ, много этой шляхты по необходимости поселялось въ городахъ, теряя черезъ это шляхетскій гербъ и шляхетскія традиціи. Остальному огромному количеству не давали подходящаго поприща для дѣятельности и прокормленія ни войско, ни бюрократія, потому что обоихъ этихъ факторовъ почти совершенно недоставало. Слѣдовательно, нужно было отправляться на службу къ богатымъ панамъ, сносить отъ нихъ явныя оскорбленія и пренебреженіе во всякомъ видѣ, но проводить зато праздную жизнь по ихъ милости и на ихъ хлѣбахъ. Шляхта перестала группироваться около опредѣленныхъ политическихъ принциповъ, исчезли политическія партіи, и всею странною управляли только личныя партіи, кліенты нѣсколькихъ могущественныхъ магнатовъ. Каждый изъ такихъ магнатовъ содержалъ королевскій дворъ: Радзивиллы въ Несвижѣ, Потоцкіе въ Тульчинѣ, Браницкіе въ Бѣлостокѣ, Сѣнявскіе въ Сѣнявѣ, Чарторыйскіе въ Пулавахъ, каждый окружалъ себя придворнымъ войскомъ и даже одѣвалъ въ ливреи подчиненную ему шляхту (албанскій мундиръ князя Карла Радзивилла, по прозванію *Rapie Kochanku*). Такимъ образомъ каждый магнатъ представлялъ изъ себя настоящее государство, и, если бы всѣ подали другъ другу руки, хотя бы даже и раздѣлились на извѣстныя политическія партіи, но только дѣйствовали бы съ опредѣленной политической мыслью, то легко создали бы сильное аристократическое правленіе и исцѣлили бы государство. Однако та же самая умственная и нравственная ржа, которая погубила народъ, не пощадила также и магнатовъ. При упадкѣ хозяйства и при безумной роскоши, нужно было имѣть очень, очень много, чтобы удержаться на высотѣ панскаго положенія. Польша не знала принципа нераздѣльности наслѣдственныхъ имѣній и перехода ихъ въ цѣлости къ одному изъ сыновей. Величайшія имѣнія, идя въ раздѣлъ между сыновьями, раздроблялись, и ни одна можновладческая семья не была увѣрена, сможетъ ли она надолго удержать свое пмущественное положеніе. Отсюда возникала потребность и необходимость поддержать себя большими богатствами, обладаніе которыми было соединено съ духовными и свѣтскими должностями, отсюда—борьба за эти должности, за староства, борьба на жизнь и смерть, безъ всякаго разбора въ средствахъ, становится осью всей можновладческой дѣятельности.

И они дѣйствовали массой, но каждый для своей личной выгоды, для поддержанія своего общественнаго положенія, и они требовали наградъ, и они не колебались унижаться съ этою цѣлью. Половина бѣды еще съ тѣми, которые унижались передъ своимъ собственнымъ королемъ ради его цѣлей, которые отдавали собственныхъ женъ и дочерей для кратковременнаго развлеченія Августа II или наперерывъ женились на незаконныхъ дочеряхъ короля. Къ несчастью, XVIII вѣкъ, во всѣхъ государствахъ Европы, представлялъ довольно подобныхъ примѣровъ. Вскорѣ однако польскій дворъ сталъ слишкомъ мало привлекателенъ для польскихъ магнатовъ.

У народа оставалась еще одна вещь, на которую онъ возлагалъ большое упованіе, — религія. Впродолженіе XVII столѣтія католическая церковь одержала полную побѣду надъ своими прежними соперниками. Отъ многочисленныхъ протестантскихъ сектъ уцѣлѣли только незначительные остатки, отчасти между шляхтой, а отчасти въ прусскихъ городахъ. Восточная унія, вытерпѣвъ тяжелую для себя годину въ царствованіе послѣднихъ королей изъ династіи Вазы, снова поднялась съ того момента, какъ главный центръ православія, Кіевъ, достался въ обладаніе Россіи, а козачество совершенно упало. Лишенные этой опоры епископы: перемышльскій, львовскій и луцкій, которые до того времени спльно противились уніи, приступили къ ней въ 1692, 1700 и 1702 годахъ, а сравнительно немногочисленные православные могли удержать за собою одно только могилевское епископство. Достигнувъ такого перевѣса, уніатскіе епископы старались поднять и реформировать свою церковь въ духѣ западной церкви и, собравшись въ 1720 г. на соборъ въ Замостьѣ, сдѣлали первые важные шаги въ этомъ направленіи. Нѣсколько позже, въ 1743 г. имъ удалось осуществить реформу базилианскаго ордена, который въ уніатской церкви игралъ роль іезуитовъ, почти исключительно представлялъ собою ея интеллигенцію и доставлялъ епископовъ изъ свой среды. Но всѣ эти усилія остались безъ того политическаго вліянія, какого слѣдовало отъ нихъ ожидать. Латинскіе епископы не допустили епископовъ уніатскихъ до равноправности, русская шляхта толпами переходила въ западное вѣроисповѣданіе, и унія, такимъ образомъ запущенная и политически униженная, стала «хлопской вѣрой» (*wiara chłopska*). Не лучше было однако и въ господствующей католической церкви. Во время всеобщаго развращенія и религія выродилась въ рукахъ испорченнаго духовенства. Низшее необразованное духовенство падало нравственно

и руководилось по преимуществу матеріальными интересами точно такъ же, какъ шляхта; высшее утратило всякое понятіе о своемъ священническомъ призваніи и, заботясь исключительно о своихъ огромныхъ доходахъ, соперничало съ магнатами въ дѣлѣ политической анархіи и нравственной испорченности. Эту печальную дѣйствительность скрывала однако искусно надѣтая маска набожности и благочестія. За поруганіе самыхъ священныхъ религиозныхъ основъ старались умиловить Бога отнятіемъ у иновѣрцевъ свободы вѣроисповѣданія и гражданскихъ правъ и подстрекательствомъ невѣжественной толпы къ насилію и обезпечиванію ихъ богослуженія. Послѣ изгнанія аріанъ въ 1660 г., остались еще кальвинисты, лютеране и православные, окрещенные общимъ названіемъ диссидентовъ. Особыя постановленія запрещали имъ строить новые храмы, ограничивая ихъ, насколько возможно, частнымъ богослуженіемъ; отъ исправленія должностей они были отстранены по обычаю. Это дѣлалось вездѣ, и еще хуже дѣлалось въ Европѣ, гдѣ однако существовало сильное правительство; тамъ жалобы притѣсненныхъ не находили отклика и проходили безъ явнаго вреда для правительства. Напротивъ, въ слабой и разложившейся Польшѣ религиозная нетерпимость вмѣсто того, чтобы укрѣплять общество, только усиливала его внутреннее разстройство. Диссиденты обращались съ своими жалобами къ сосѣдямъ, родственнымъ имъ по вѣрѣ, и, мстя отчизнѣ, всегда предоставляли имъ готовый предлогъ для вмѣшательства въ польскія дѣла. Иновѣрцы играли печальную роль въ русскихъ и шведскихъ войнахъ, а польское католическое общество отплачивало имъ неблагоразумною мстью, вслѣдствіе которой еще болѣе отвращало ихъ отъ себя. Сеймы 1717 и 1733 г. отняли у нихъ послѣднія политическія права: засѣданія въ сеймахъ, комиссіяхъ и трибуналахъ. Печальную извѣстность пріобрѣло въ Европѣ торнское дѣло 1724 г. Іезуиты напали въ Торнѣ на протестантское населеніе, а когда это послѣднее бросилось на ихъ коллегію, обратились съ жалобой въ ассессорскій судъ, который казнилъ смертью городского голову, невиннаго Рёснера, и десять другихъ мнимыхъ виновниковъ и отменилъ такимъ образомъ за оскорбленіе іезуитской коллегіи. Епископы выказывали такое усердіе въ этомъ дѣлѣ, что даже папскій нунцій долженъ былъ обуздывать ихъ, хотя и безуспѣшно. Такое духовенство низводило до пустыхъ церемоній и возвышенные религиозные обряды, но за то въ вопросахъ, касавшихся расшатанной частной и общественной нравственности, сохраняло выгодное молчаніе. Ни все-

общее пьянство и развращенность, ни торгъ правосудіемъ, ни явная продажа отчизны не принудили его привести въ движеніе тѣ дѣйствительныя средства, которыми еще оно одно могло распоряжаться.

§ 100. *Планы Потоцкихъ.*

На такомъ мрачномъ фонѣ тогдашняго общества тѣмъ ярче вырисовываются отдѣльныя исключительныя фигуры, въ которыхъ, рядомъ со многими темными сторонами и ошибками, мы можемъ все-таки указать опредѣленную политическую мысль и положительное направленіе. Эти люди работаютъ для лучшаго будущаго, время отъ времени нарушаютъ всеобщую тишину, сосредоточиваютъ вокругъ себя все большій и большій кружокъ гражданъ, устремляются къ все болѣе смѣлымъ планамъ, но вплоть до послѣднихъ минутъ XVIII вѣка не въ состояніи вызвать массу народа изъ оцѣпенѣнія, въ которое она впадала.

Впервые съ мыслью о поднятіи страны выступила могущественная фамилія Потоцкихъ, во главѣ которой стали Юсифъ, воевода кievскій, и Федоръ, примасъ. Внушая уваженіе шляхетскому обществу своей знатностью и несмѣтнымъ имуществомъ, они стремились сыграть видную политическую роль. Основывая ее на широкомъ популярномъ началѣ, они напали на политическую зависимость, въ которой очутилось государство, хотѣли сбросить ее, не задавая себѣ вопроса, возможно-ли осуществить это намѣреніе при томъ политическомъ и общественномъ строѣ, какимъ обладаетъ народъ, и приступили къ дѣлу, не дожидаясь внутренняго возрожденія народа.

Смерть Августа II ¹⁾, которая похитила его 1 февраля 1733 г., среди самаго разгара замысловъ о введеніи въ Польшу абсолютной монархіи и объ утвержденіи наслѣдственнаго трона за сыномъ, представила Потоцкимъ желанный случай для этого. Рѣшительно выступивъ и пріобрѣтя себѣ помощь другихъ могущественныхъ фамилій, которыя возвысились за послѣдніе годы, а именно Станислава Понятовскаго и Чарторыйскихъ, они рѣшили не допускать до престола ни саксонской династіи, ни какого-

¹⁾ Августъ II, сынъ курфюрста саксонскаго, Іоганна Георга III и Анны Софіи, княжны датской, род. 1670 г., избранъ польскимъ королемъ 1697 г., отказался отъ этого престола въ пользу Станислава Лещинскаго 1706 г., возвратился на престолъ 1709 г., умеръ 1733. Отъ жены Христіны, кн. Байрейтской, оставилъ единственнаго сына, Фридриха Августа III.

либо другого кандидата, поддерживаемаго иностранными дворами, но выбрать королемъ Пяста въ лицѣ популярнаго и благороднаго Станислава Лещинскаго и провести этотъ выборъ, употребивъ силу противъ возможныхъ посягательствъ сосѣднихъ государствъ, мѣшавшихся въ польскія отношенія. Лещинскій, проживавшій со времени отреченія за границей, принялъ приглашеніе и, будучи тѣсно соединенъ съ Людовикомъ XV, который женился на его дочери Маріи, привезъ съ собою обѣщаніе помощи со стороны Франціи, которая, будучи занята въ то время войною съ Австріей, хотѣла диверсіей въ Польшѣ причинить затрудненіе своимъ противникамъ. Эти старанія, дѣйствительно, привели къ тому, что значительное большинство шляхты, собравшееся на избирательномъ полѣ близъ Варшавы, провозгласило королемъ Лещинскаго (12 сентября 1733 г.). Однако Фридрихъ Августъ, сынъ Августа II, не пропустилъ этого дѣла. Выборъ Лещинскаго, какъ тестя французскаго короля Людовика XV, обезпечивалъ Франціи преимущественное вліяніе на Польшу, а этого не могли допустить Австрія и Россія. Признавая прагматическую санкцію императора Карла VI, упрочивавшую за его дочерью Марією Терезіею наслѣдство на австрійскомъ престолѣ, курфистъ саксонскій выговорилъ себѣ содѣйствіе австрійскаго двора, а для привлеченія Россіи на свою сторону пожертвовалъ дѣломъ Курляндіи. Это княжество получилъ въ качествѣ польскаго лена (смотри § 75) въ 1561 г. магистръ ордена Меченосцевъ Кетлеръ въ награду за подчиненіе Лифляндіи Сигизмунду Августу. Въ 1711 г. династія Кетлеровъ прекратилась, и отъ послѣдняго герцога осталась вдова Анна Іоанновна, дочь царя Іоанна Алексѣевича; она предъявляла претензіи на тронъ, который и получила вопреки Польшѣ (домагавшейся присоединенія Курляндіи) и вмѣстѣ съ тѣмъ вопреки Августу II (сажавшему на этотъ престолъ своего побочнаго сына, мужественнаго Морица Саксонскаго), и которымъ она могла тѣмъ вѣрнѣе распоряжаться теперь, когда, по смерти Петра II, въ 1730 г. взошла на русскій престолъ. Она хотѣла отдать курляндское герцогство своему любимцу, Бирону, и, заранѣе получивъ согласіе на этотъ планъ отъ Фридриха Августа, обѣщала ему помощь Россіи при достиженіи польской короны. Нашлось также меньшинство шляхты съ Любомірскимъ и Вишневецкими во главѣ, которое, изъ ненависти къ Потоцкимъ, уперлось на саксонскомъ кандидатѣ, удаленномъ въ Прагу и, при помощи саксонскихъ и русскихъ войскъ, которыя вступили въ Польшу, выбрало коро-

лемъ Фридриха Августа подъ именемъ Августа III (5 октября 1733 г.).

Началась предвидѣнная война, но сторонники Лещинскаго и Потоцкихъ, составивъ многочисленныя конфедераціи (главная въ Тарнобрегѣ), не подкрѣпили своего выбора съ надлежащей энергіей и ограничились небольшими стычками съ чужими войсками. Между польскимъ всеобщимъ ополченіемъ (*ruszawka*) и обученною иностранною арміей оказалось такое неравновѣсіе, что вскорѣ уже никто не имѣлъ охоты биться, и всякій подчинился превосходству силы. Хотя Франція начала въ 1733 г. войну на Рейнѣ и въ Италіи, такъ называемую войну за польское наслѣдство, но она вела ее въ собственныхъ видахъ, пользуясь именами Лещинскаго и Польши единственно какъ предлогомъ. Саксонскія и русскія войска заняли тѣмъ временемъ Рѣчь Посполитую, Августъ III въ началѣ 1734 г. короновался въ Краковѣ, Лещинскій долженъ былъ удалиться въ Гданскъ. Осажденный тамъ союзными войсками, послѣ пораженія Юсифа Потоцкаго, направлявшагося на помощь къ нему съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человекъ, и по отраженіи небольшого вспомогательнаго войска, прибывшаго моремъ изъ Франціи, видя невозможность дальнѣйшей защиты, Лещинскій, переодѣвшись крестьяниномъ, ускользнулъ изъ крѣпости; Гданскъ капитулировалъ. Фридрихъ Вильгельмъ принялъ Лещинскаго въ Кенигсбергѣ, но Августъ, поддерживаемый Россіей, быстро подавилъ военныя дѣйствія и вскорѣ добился общаго признанія. Франція, вполне обманувъ Польшу, заключила съ Австріей вѣнскій миръ въ 1735 г., въ силу котораго Лещинскій подписалъ отреченіе взамѣнъ Лотарингскаго княжества, которое онъ получилъ въ пожизненное владѣніе.

Избраніе Лещинскаго, хотя предпринятое подъ прекраснымъ девизомъ, оказалось неполитичнымъ шагомъ. Три сосѣднія державы уже соединились между собою въ постоянный союзъ, который имѣлъ цѣлью не допустить упорядоченія польскихъ отношеній. Внутренняя война, которую вызвало это избраніе, дала имъ желанный случай снова вмѣшаться въ польскія внутреннія дѣла. Августъ III сѣлъ на престолъ благодаря чужой помощи и насилію и подпалъ совершенно подъ эту чужую зависимость, а съ нимъ и Польша. Хотя сынъ наслѣдовалъ отцу, однако принципъ наслѣдственности престола не сыгралъ роли при этомъ и не принесъ результатовъ.

Паденіе короля Станислава не осталось также безъ самаго худого вліянія на польское общество. Съ трудомъ еще было оно

наэлектризовано для того, чтобы выборомъ проявить народную независимость; эта послѣдняя попытка оказалась напрасною, отъ этого потеряли охоту и довѣріе къ дальнѣйшимъ. Всѣ планы реформы и поднятiя Польши изъ упадка съ этихъ поръ разбивались не только о все болѣе и болѣе растущій перевѣсъ Россіи надъ Польшей, Турціей и Швеціей, но также и о всеобщую апатію польской шляхты, которая въ царствованіе неспособнаго Августа III дошла до крайнихъ предѣловъ и создала себѣ извѣстный лозунгъ:

При саксонскомъ королѣ
Ѣшь, пей и распускаяй поясъ.
(Za króla Sasa
Jedz, pij i popuszczaj pasa).

Въ Августъ III шляхта нашла короля, который въ точности подражалъ ей и во всѣхъ отношеніяхъ шелъ впереди ея. Отстраняя отъ себя всякія политическія занятія и предоставляя ихъ своимъ фаворитамъ, сначала Сулковскому, а потомъ (въ 1738 г.) всемогущему и безсовѣстному Брюлю, Августъ заботился исключительно о матеріальныхъ удобствахъ и бессмысленныхъ удовольствіяхъ, которыя время отъ времени прерывалъ только ревностнымъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ.

§ 101. Покушеніе на переворотъ со стороны Чарторыйскихъ.

Тридцатилѣтнее царствованіе Августа III занимаетъ собою непрерывная, мучительная и бесплодная борьба Чарторыйскихъ и Потоцкихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ общая ихъ дѣятельность при избраніи Лещинскаго не удалась, эти два можновладческихъ дома расходятся въ своихъ намѣреніяхъ и средствахъ. Тогда какъ гетманъ Іосифъ Потоцкій опирается въ будущемъ на Францію, носится съ планами увеличенія войска, соединенія шляхты въ конфедерацію противъ Россіи и приобрѣтенія турецкой и шведской помощи, Чарторыйскіе: Михаилъ, подканцлеръ, а впоследствии канцлеръ литовскій, и Августъ, воевода русскій, вступаютъ на иную политическую дорогу. Рожденные Изабеллою Морштынъ (1696 и 1697 г.), они были воспитаны и образованы подъ французскимъ вліяніемъ и, съ необычайнымъ талантомъ и искусствомъ поддерживая Августа II, въ короткое время успѣли возвыситься надъ старинными можновладческими родами. Выдавъ свою сестру Констанцію за Станислава Понятовскаго, они съумѣли привлечь

на свою сторону этого необыкновеннаго человѣка, который, начавъ съ зауряднаго шляхтича, приобрѣлъ себѣ высокое положеніе въ службѣ Карла XII, а потомъ, перешедши на сторону Августа II, въ качествѣ мазовецкаго воеводы и короннаго главнокомандующаго (regimentarz), сдѣлался одною изъ первыхъ политическихъ силъ. Главною причиною ихъ значенія была однако только женитьба Августа Чарторыйскаго на послѣдней представительницѣ рода Сѣнявскихъ, которая принесла въ ихъ домъ громадное богатство, и путемъ многочисленныхъ родственныхъ связей дала имъ такое семейное могущество, что всю партію, которою предводительствовали Чарторыйскіе, называли въ Польшѣ «фамиліей». Съ тогдашнимъ можновладствомъ Чарторыйскіе раздѣляли личную гордость, нравственную испорченность и неразборчивость въ выборѣ средствъ, но превосходили его политическимъ смысломъ, образованіемъ и болѣе широкимъ взглядомъ на европейскія дѣла. Послѣ смерти Августа II они неожиданно очутились въ лагерѣ Лещинскаго, за котораго стали Франція и Понятовскій, но, видя, что дѣло народнаго избранника падаетъ, Чарторыйскіе заблаговременно переходятъ на сторону Августа III и содѣйствуя успокоенію края, обезпечиваютъ себѣ при дворѣ новаго короля тѣмъ болѣе прочное положеніе, чѣмъ грознѣе время отъ времени выступала оппозиція Потоцкихъ и ихъ военные планы, направленные противъ Россіи. Увеличивая свое значеніе и могущество, Чарторыйскіе берегутъ то и другое для дальнѣйшихъ и болѣе обширныхъ видовъ и цѣлей.

Чарторыйскіе уже воспользовались тѣмъ новымъ направлениемъ, начало которому далъ Лещинскій. Поселившись въ Лотарингіи, король-изгнанникъ не забылъ о своей отчизнѣ и посвятилъ ей прекраснѣйшій трудъ. Его сочиненіе «Свободный голосъ» («Głos wolny» 1733 г.) является дѣйствительно первымъ свободнымъ голосомъ¹⁾, т. е. порывающимъ узы, наброшенные всеобщимъ ослѣпленіемъ народа, голосомъ политическимъ, который осторожно, но рѣшительно изобличаетъ недостатки всего устройства Рѣчп Посполитой и даетъ указанія для возвышенія правительства. Король-философъ собиралъ польскую молодежь, чтобы образовать ее посредствомъ настоящей науки, напитать здравыми политическими принципами, и своихъ учениковъ отправлялъ обратно въ Польшу, какъ піонеровъ просвѣщенія и внутренней

¹⁾ Подобная по содержанію знаменитая брошюра Карвицкаго, написанная въ первыхъ годахъ XVIII вѣка, не дождалась въ то время напечатанія.

реформы. Изъ этой школы вышли оказавшіе услуги распространенію науки и литературы въ тогдашней Польшѣ Богомольцы и Забускіе; изъ этой же школы вышелъ пiаристъ Станиславъ Конарскій (1700—1773), который первый началъ успѣшную борьбу съ монополіей іезуитскаго воспитанія. Этотъ великій человекъ вдохнулъ въ окружающую его среду новый, прогрессивный духъ, воспиталъ учителей, написалъ книги для школъ и реформировалъ пiаристскія училища (въ Варшавѣ, Львовѣ и Вильнѣ), которыя, привлекая къ себѣ самую богатую молодежь, сообщали ей новый духъ. Основательно ознакомившись въ своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ съ тогдашнимъ французскимъ просвѣщеніемъ и литературою, Конарскій открылъ имъ обоимъ широкій доступъ въ Польшу, а, примѣняя заимствованное къ польскимъ понятіямъ и потребностямъ, съ помощью его стремился возродить народъ умственно и политически. Онъ выбросилъ изъ школы панегирики и литературную смѣсь (макагонизм), ввелъ вмѣсто того классическія занятія, исторію, естественныя науки, а прежде всего изученіе отечественнаго языка, поднималъ сознание личнаго и національнаго достоинства въ молодежи и открывалъ ей глаза на упадокъ родины. Его политическое произведеніе «Объ успѣшномъ способѣ совѣтовъ» («O skutecznym rad sposobie» 1760 — 1763), борясь съ мнѣніемъ, что «Польша стоитъ безнарядьемъ», выставило всѣ ужасающія послѣдствія этого безнарядья и, нападая въ концѣ на способъ единогласнаго рѣшенія, и на *liberum veto*, прокладывало путь для внутренней реформы.

Внутренняя реформа, уничтоженіе золотой свободы и *liberum veto*, введеніе сильнаго правительства, хотя бы вопреки воли народа посредствомъ государственнаго переворота, хотя бы съ употребленіемъ самыхъ крайнихъ средствъ,—вотъ цѣль и лозунгъ политики Чарторыйскихъ. Мы видимъ эту цѣль, начертанную перомъ Станислава Понятовскаго въ знаменитомъ сочиненіи подъ названіемъ «Письмо польскаго шляхтича» («List polskiego szlachcisa»). Подъ новымъ лозунгомъ собирались вокругъ Чарторыйскихъ новые люди, но это была небольшая кучка; народная масса нисколько не измѣнилась, драгоценное время убѣгало съ каждою минутой, а между тѣмъ окончательная гибель, казалось, грозила Польшѣ каждую минуту. Поэтому нельзя удивляться Чарторыйскимъ, что они не хотѣли выжидать съ осуществленіемъ своихъ намѣреній до тѣхъ поръ, пока подростетъ новое поколѣніе и здравый политическій взглядъ распространится въ широкихъ слояхъ общества. Они рѣшили дѣйствовать безотлагательно,

но легальнымъ путемъ, въ тѣсномъ соглашеніи съ королемъ, собственно съ всемогущимъ при его дворѣ саксонскимъ министромъ, Фридрихомъ Брюлемъ. Однако проекты реформъ, внесенные на сеймы 1744 и 1750 годовъ и направленные къ увеличенію войска и доходовъ казны и вмѣстѣ съ тѣмъ къ уничтоженію *liberum veto*, встрѣтили упорное сопротивленіе съ двухъ сторонъ. Прежде всего имъ противились Франція и Пруссія изъ опасенія, чтобы Польша, укрѣпившись внутренно, не стала вмѣстѣ съ Саксоніей и Австріей въ ряду ихъ враговъ. Къ несчастію, этимъ государствамъ легко было найти въ Польшѣ покорное орудіе для своихъ цѣлей. Имъ доставила его упорная борьба между Чарторыйскими и Потоцкими, потому что оба эти дома, долго уравнивавшаяся взаимно по своему вліянію и значенію, взаимно уничтожали другъ у друга всѣ свои предпріятія. Сорванные сеймы 1744 и 1750 годовъ разошлись ни съ чѣмъ.

Итакъ, Польша осталась безъ войска и безъ казны въ тотъ моментъ, когда даже съ малымъ вспомогательнымъ войскомъ могла имѣть большой вѣсъ въ исторіи Европы. Въ войнѣ за наследство по смерти императора Карла VI (1740 г.) и въ семилѣтней войнѣ (1756 г.), въ которыхъ вся Европа принимала участіе, и даже Августъ III, какъ курфиреть саксонскій, одна Рѣчь Посполитая сохраняла строгій нейтралитетъ, съ тѣмъ единственно исключеніемъ, что русскія войска выбрали ее себѣ за базисъ для дѣйствій противъ Пруссіи, устраивали въ ней магазины, забирали провіантъ и лошадей и хозяйничали, какъ въ собственной странѣ, а Фридрихъ II, король прусскій, наводнялъ ее фальшивой монетой, грабилъ фуражъ, разорялъ населеніе и позволялъ себѣ безчисленныя насилія. Нейтральное государство стало постоянной корчмою для чужестранцевъ.

Эти пораженія и оскорбленія, обрушивавшіяся извнѣ, еще увеличивали собою число тѣхъ средствъ, къ которымъ партіи прибѣгали въ своей борьбѣ. Ареной неурядицъ и насилій становился каждый сеймъ и сеймикъ и даже сессіи трибунала, который былъ прерванъ совершенно незаконно въ 1749 г. Особенный же поводъ для этой борьбы доставлялъ вопросъ о наследствѣ въ майоратѣ острожскомъ и вопросъ о курляндскомъ герцогствѣ, на престолъ котораго король посадилъ своего сына Карла въ 1759 г. безъ утвержденія сейма.

Неудача, которую Чарторыйскіе испытали на пути легальныхъ реформъ, толкнула ихъ между тѣмъ на путь конфедераций. Они ухватились за ту мысль, чтобы произвести увеличеніе войска и

реформу трибуналовъ въ 1752 г., въ моментъ, весьма выгодный для нихъ, когда оппозиція увидѣла себя осиротѣвшей вслѣдствіе смерти Иосифа и Федора Потоцкихъ. Однако и на этотъ разъ ихъ планы рухнули. Ловкій французскій посоль Брюль нашель оппозиціи новаго предводителя въ лицѣ великаго короннаго гетмана Яна Климента Браницкаго. Этотъ въ высшей степени тщеславный человѣкъ, слабого однако характера и слабыхъ дарованій, своимъ высокимъ саномъ обязанъ былъ своей женѣ, Понятовской, но не поколебался порвать связи съ «фамиліей», лишь бы только во главѣ новой партіи, названной народною, сыграть самостоятельную роль. Браницкій сдѣлалъ невозможную предположенную конфедерацію. Положеніе Чарторыйскихъ сдѣлалось неприятнымъ, потому что самъ Брюль, видя ихъ неудачи и наскучивъ ихъ чрезмѣрнымъ вліяніемъ, наконецъ порвалъ съ ними (1754 г.) и, образовавъ новую третью партію, названную придворной, поставилъ во главѣ ея короннаго маршалка, Юрія Мишка и отъ долговременной дружбы перешелъ къ тѣмъ болѣе упорной борьбѣ съ Чарторыйскими.

Однако послѣдніе изъ новой неудачи извлекли для себя новое поученіе. Убѣдившись, что оппозиція почерпаетъ наибольшую силу въ иностранныхъ государствахъ, стремящихся къ сохраненію въ Польшѣ анархіи, они убѣдились вмѣстѣ съ тѣмъ, что и реформы нельзя осуществить безъ рѣшительной поддержки извнѣ, безъ чужой силы. Потоцкіе опирались на Францію и Пруссію, «фамилія» съ тѣмъ большею рѣшимостью обратилась къ Россіи, съ которой уже издавна поддерживала хорошія отношенія. Въ 1762 г. наступилъ подходящий моментъ. По смерти царицы Елизаветы и Петра III, на російскомъ престолѣ сѣла женщина великаго честолюбія и дарованій, Екатерина II, которая, тѣсно соединившись съ Пруссіей, тѣмъ самымъ упрочила за собой чрезмѣрное вліяніе на Польшу, устраняя изъ нея французское и австрійское соперничество. Однако съ этою самою Екатериной Чарторыйскіе вошли въ непосредственныя сношенія черезъ молодого Станислава Понятовскаго, отправленнаго къ петербургскому двору еще при жизни царицы Елизаветы (1756—1759). Итакъ, къ ней обратились они теперь съ требованіемъ дѣятельной помощи для поддержанія предположенной конфедераціи. Екатерина, выславъ свои войска на Литву въ 1763 г., приостановила однако переворотъ, на половину уже совершенный, и это подъ вліяніемъ Фридриха, короля прусскаго, который сумѣлъ успѣшно направить ея вниманіе на опасность, угрожающую обоимъ государствамъ

отъ усиленія Польши. Между тѣмъ шагъ Чарторыйскихъ вызвалъ въ Польшѣ неслыханное раздраженіе протвнныхъ партій. Готовую начаться борьбу прервала только внезапная смерть Августа III, 5 октября 1763 г. ¹⁾. Враждующія стороны остановились, чтобы тѣмъ лучше и свободнѣе приготовиться къ рѣшительному бою.

Однако это сдѣлали только Чарторыйскіе. Тѣсно организуя свою партію, они приобрѣли для нея примаса Любенскаго, важную личность во время безкорольвья, собрали военныя силы, которыми могли распорядиться, наконецъ приобрѣли рѣшительную помощь Россіи. Россія, по соглашенію съ Пруссіей, давала ее въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ, границахъ. Исключая иностранную кандидатуру и поддерживая черезъ своего посла Кайзерлинга молодого Станислава Понятовскаго, какъ будущаго короля, она однако требовала сохраненія свободнаго избранія. Соглашаясь на конфедерацію и на внутреннія реформы, она требовала сохраненія существовавшей формы правленія и отдачи польской конституціи подъ свою собственную гарантію.

Противъ такой силы соединились придворная и народная партіи подъ предводительствомъ гетмана Браницкаго въ одну гетманскую партію, надѣясь на свои силы, на свою популярность, наконецъ на поддержку Франціи и Австріи. Но всѣ эти надежды оказались обманчивыми. Франція и Австрія не смѣли и не хотѣли выступить въ Польшѣ противъ Россіи и Пруссіи. Старшій сынъ Августа III, Фридрихъ Христіанъ, намѣченный въ короли, внезапно умеръ 7 декабря 1763 г.; началось глухое соперничество за корону между предводителями гетманской партіи: гетманомъ Браницкимъ, Францискомъ Салезіемъ Потоцкимъ и Станиславомъ Любомірскимъ, и такимъ образомъ гетманская партія, подвергшись внутреннему разложенію, всю свою силу выказала и потратила въ безплодныхъ протестахъ и манифестаціяхъ.

Уже на сеймикахъ, предшествовавшихъ конвокаціонному сейму,

¹⁾ Августъ III, сынъ Августа II, род. 1696 г., въ 1712 г. перешелъ въ католичество, въ 1733 г. по смерти отца вступилъ на саксонскій престолъ, а вслѣдствіе избранія вмѣстѣ съ тѣмъ и на польскій, умеръ въ 1763 г. Женился въ 1719 г. на эрцгерцогинѣ австрійской Маріи Жозефинѣ, дочери императора Иосифа I, отъ которой оставилъ дѣтей: 1) курфирста Фридриха Христіана († 17 декабря 1763), отъ котораго происходитъ царствующій теперь саксонскій домъ, 2) Ксаверія, регента Саксоніи (1763—1768), 3) Карла, герцога курляндскаго († 1796), 4) Альберта, князя цѣшинскаго († 1823), 5) Климента, епископа вrocławскаго († 1812), 6) Кунигунду († 1826).

Чарторыйскіе устрашили гораздо болѣе многочисленныхъ противниковъ своимъ и русскимъ войсками и одержали верхъ на выборахъ. 7 мая 1764 г. собрался конвокаціонный сеймъ въ Варшавѣ. Обѣ стороны прибыли на него вооруженныя; однако гетманская партія, видя превосходство отрядовъ Чарторыйскихъ, подкрѣпленныхъ русскими войсками, не осмѣлилась противиться имъ и, предъявивъ протестъ, оставила Варшаву. Радзивиллъ съ частью войска двинулся на Литву, Браницкій съ другою повернулъ на югъ, и оба, выказавши рѣдкую неспособность въ военныхъ дѣйствіяхъ, безъ борьбы удалились наконецъ за предѣлы страны.

Между тѣмъ Чарторыйскіе, развязавшись съ противниками, утвердили на варшавскомъ сеймѣ конфедерацію, составленную передъ тѣмъ въ Вильнѣ, назначили время выбора короля на 27-е августа, стремясь къ уничтоженію поголовнаго избранія, дозволили воеводствамъ принимать въ ней участіе только черезъ представителей, склонивъ къ этому шляхту увеличеніемъ втрое числа пословъ, и привели въ исполненіе предполагавшуюся внутреннюю реформу. Она касалась четырехъ важнѣйшихъ вопросовъ:

1) Для поднятія городовъ изъ очевиднаго упадка имъ было возвращено ихъ старинное самоуправленіе; всѣ жители города должны были исправлять городскія повинности и платить городскіе налоги; уничтожены были шляхетскіе суды (такъ называемые *jurudyki*), освобождавшіе отъ городского права и отъ судебной компетенціи городовъ, что незаконно присвоили себѣ шляхта и духовенство въ городахъ къ ущербу городскихъ властей. Также къ выгодѣ городовъ состоялась одновременная реформа ассессорскихъ судовъ, которые составляли послѣднюю инстанцію для горожанъ и для крѣпостнаго населенія королевскихъ имѣній, за ассессорами обезпечили постоянныя и частыя засѣданія, а для ограниченія произвола канцлера и подканцлера въ постановленіи приговоровъ, эти послѣдніе были предоставлены всей коллегіи ассессоровъ и большинству ихъ голосовъ.

2) Подобнымъ же образомъ было улучшено многочисленными постановленіями шляхетское судопроизводство, земское и гродское, уничтоженіемъ въ немъ вопіющихъ злоупотребленій, и прежде всего трибуналы. Въмѣсто одного короннаго трибунала, который не могъ справиться съ массою дѣлъ, были учреждены два трибунала, одинъ для Малой, другой для Великой Польши, были опредѣлены ихъ засѣданія и порядокъ дѣятельности, установленъ нормальный способъ выбора депутатовъ и баллотировка простымъ

большинствомъ голосовъ, съ уничтоженіемъ такимъ образомъ буйныхъ и насильственныхъ сценъ. Составленіе проектовъ дальнѣйшихъ реформъ въ судопроизводствѣ и кодификаціи на будущемъ сеймѣ было поручено особой комиссіи.

3) Изданъ первый обстоятельный «порядокъ отправленія сейма» (porządek sejmowania), или регламентъ сеймовыхъ засѣданій, вслѣдствіе отсутствія котораго сеймы не въ состояніи были привести къ какому-либо результату. Такъ какъ многіе сеймы уничтожались уже при выборѣ маршалка посольской избы, то было постановлено, что этотъ выборъ изба должна производить большинствомъ голосовъ тотчасъ же на первомъ засѣданіи, изъ котораго исключили «арбитровъ» (arbitrowie), т. е. публику, которая въ прежнее время, вмѣшиваясь въ среду депутатовъ, играла дѣятельнѣйшую роль въ каждомъ безпорядкѣ. Отмѣняя обычай въ одно и то же время разсуждать о всѣхъ дѣлахъ, постановили, что каждое дѣло должно быть обсуждаемо особо до тѣхъ поръ, пока не состоится рѣшеніе. Дѣла должны были представляться на совѣщанія въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) отчеты подскарбіевъ и финансовой комиссіи; 2) правительственныя предложенія, сдѣланныя въ такъ называемыхъ пропозиціяхъ, разсылавшихся на сеймики; 3) представленія сеймиковъ, заключенныя въ посольскихъ инструкціяхъ; 4) просьбы частнаго характера. Предупреждая поспѣшную формулировку постановленій, безъ надлежащаго разсмотрѣнія, рекомендовали, чтобы каждое предложеніе было напередъ вручено маршалку и депутатамъ, которые должны были приготовить его къ засѣданіямъ сейма. Осуждая вредъ стѣснительныхъ посольскихъ инструкцій, запретили посламъ давать присягу на нихъ и прежде всего отняли у сеймиковъ узурпированное ими право наложенія податей, возвращая его во весь объемъ сейму. Такимъ образомъ сеймики начали возвращаться къ своей истинной роли мѣстной администраціи, а значеніе сейма необычайно увеличилось черезъ это. Наконецъ былъ поколебленъ принципъ единогласія, такъ какъ его оставили только при установленіи законовъ, а въ вопросахъ экономическихъ ввели въ сеймѣ голосованіе большинствомъ. Наконецъ конфедерация была удержана.

4) Но важнѣйшею реформою, которую утвердилъ конвокаціонный сеймъ, было установленіе правительственной власти въ видѣ двухъ комиссій, финансовой и военной. Каждая изъ нихъ должна была состояться изъ соответствующихъ министровъ (подскарбіевъ и гетмановъ), четырехъ сенаторовъ и двѣнадцати шляхти-

чей, выбираемыхъ на каждомъ сеймѣ большинствомъ голосовъ. Коммисіи рѣшаютъ дѣла также большинствомъ голосовъ и представляютъ высшую исполнительную власть въ дѣлахъ войска и казны въ предѣлахъ, означенныхъ постановленіями сейма. Каждая коммисія имѣетъ подчиненныхъ себѣ платныхъ чиновниковъ. Первою дѣятельностью финансовой коммисіи должно было быть введеніе важныхъ податныхъ постановленій, касающихся таможенныхъ пошлинъ, кварталы и поголовнаго налога. При сборѣ таможенныхъ пошлинъ были уничтожены старинныя изытія; для опредѣленія истиннаго размѣра кварталы были назначены новыя описи (*lustracye*).

Во всѣхъ этихъ реформахъ можно указать много недостатковъ и пробѣловъ. Коммисіи, рѣшающія дѣла коллегіально, не могли развить энергіи бюрократическаго правительства; сверхъ того, въ соотвѣтствіи съ принципомъ люблинской уніи, пришлось установить особыя коммисіи для Польши, особыя для Литвы. Обративъ однако вниманіе на то, въ какой степени должны были считаться Чарторыйскіе и съ категорической волей Россіи и съ предубѣжденіемъ невѣжественной шляхты, мы должны признать, что положеніями конвокаціоннаго сейма они воздвигли себѣ памятникъ необычайнаго государственнаго пониманія и сослужили хорошую службу родинѣ, потому что отважно и рѣшительно двинули ее на дорогу внутренняго улучшенія. Нехороша была коллегіальность въ исполнительной власти, но то былъ, быть можетъ, единственный способъ, чтобы привести къ соглашенію противорѣчивые до сихъ поръ и независимые элементы: министровъ, сенатъ и палату депутатовъ, чтобы учредить самостоятельную исполнительную власть, узурпированную сеймомъ.

На избирательномъ сеймѣ 7 сентября единогласно былъ избранъ королемъ любимецъ Екатерины, сильный ея поддержкою, Станиславъ Понятовскій. Онъ не былъ человекомъ, обладавшимъ большою силою воли, политической инициативой и характеромъ, но имѣлъ искреннее желаніе дополнить и осуществить реформу, начатую Чарторыйскими, его дядями. Получивъ французское образованіе, опираясь на очень большія связи вслѣдствіе пребыванія втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ за границею, онъ, правда, не избѣжалъ тогдашней испорченности и расточительности, но вынесъ зато болѣе широкій политическій взглядъ на печальное положеніе Польши. Подчиненность его Россіи и ея царицѣ была у него не только слѣдствіемъ привычки и сердечныхъ отношеній, но въ не меньшей мѣрѣ проистекала и изъ того убѣжденія, что это един-

ственное средство, которое спасетъ страну отъ гибели и дастъ ей возможность внутренняго возрожденія. Тотчасъ по вступленіи на престолъ Станиславъ Августъ приступилъ къ успѣшной дѣятельности надъ поднятіемъ страны въ умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Были основаны монетный дворъ, оружейная и литейная фабрики, а такъ называемая кадетская школа, открытая въ Варшавѣ въ 1765 г. сдѣлалась заведеніемъ, изъ котораго выходили не только офицеры, получившіе специальное образованіе, но также и граждане, трезво мыслящіе, съ незапятнанной честью, пріученные къ политической дисциплинѣ.

Какъ же на все это соглашалась, какъ принимала въ этомъ дѣятельное участіе Россія, несмотря на противорѣчившія представленія со стороны Фридриха прусскаго? Екатерина очевидно опасалась, что безграничная анархія побудитъ Австрію и прежде всего Пруссію протянуть руку къ легкой добычѣ, стремилась сохранить Польшу цѣлой и нераздѣльной для Россіи и для этой цѣли содѣйствовала подавленію слишкомъ грозныхъ проявленій анархіи. Дѣятельное и повидимому безкорыстное вмѣшательство въ польскія дѣла и такъ давало ей верховную власть надъ Рѣчью Посполитой безъ всякаго выкупа въ пользу сосѣдей. Россія хорошо знала, что польское правительство, установленное съ ея помощью, втеченіе долгаго времени не будетъ въ состояніи обойтись безъ ея поддержки, что оно или станетъ ея послушнымъ орудіемъ или, выступивъ противъ нея, падеть. Помѣстивъ посломъ въ Варшавѣ ловкаго и неразборчиваго князя Рѣпина, Россія оказалась непреклонною въ дѣлѣ сохраненія зависимости Польши. За оказанную помощь Рѣпинъ потребовалъ заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза съ Россіей и воздержанія отъ дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами.

Какъ же отвѣтили на это требованіе король и Чарторыйскіе? Политика, которую они вели до сихъ поръ, только въ томъ могла найти оправданіе, что отчаянными средствами, призваніемъ чужой помощи и подчиненіемъ ея вліянію, она не только поднимала страну во внутреннемъ отношеніи, но и предотвращала грозившую опасность раздѣловъ. Такая политика не исключала возможности занять болѣе самостоятельное положеніе, освободиться изъ-подъ чужого вліянія, но это могло наступить только послѣ полнаго внутренняго возрожденія, среди исключительно благоприятныхъ условій, а тѣмъ временемъ слѣдовало подчиниться и соблюдать условія договора. Но Чарторыйскіе, осмѣлившись уже на столь многое, не имѣли теперь отваги противиться оппозиціи,

не умѣли устоять въ абсолютномъ подчиненіи Россіи, которое было выкупомъ за оказанное содѣйствіе. Итакъ, они оттолкнули предложенный Россіей наступательный и оборонительный союзъ, позволявшій Польшѣ увеличить свою армію до 50.000 человекъ, отшатнулись даже отъ короля, который имѣлъ намѣреніе остаться на той дорогѣ, на какую онъ вступилъ. Едва только укрѣпивъ немного правительство, Чарторыйскіе хотѣли немедленно употребить это противъ Россіи и начать самостоятельную иностранную политику. Ихъ паденіе произошло неожиданно легко. Екатерина II ухватила за дѣла иновѣрцевъ въ Польшѣ, такъ называемыхъ диссидентовъ, и потребовала, чтобы имъ были возвращены политическія права и полная свобода вѣроисповѣданія. Поднялся крикъ въ привыкшей къ нетерпимости и искусно возбужденной шляхтѣ; каждая уступка въ пользу диссидентовъ была обзывается посягательствомъ на драгоценную для народа вѣру, а Чарторыйскіе, позволивъ себѣ увлечься этимъ крикомъ, присоединились къ требованію шляхты и стали противъ Россіи. Россіи тяжело отплатила имъ за это отступничество: отнявъ свою поддержку и перейдя на сторону противной Чарторыйскимъ партіи, она провела отмѣну большей части реформъ въ 1764 г. и въ особенности уничтоженіе конфедераціи. Диссидентскій вопросъ, который былъ пущенъ въ ходъ, какъ испытаніе для Чарторыйскихъ, былъ отложенъ въ долгій ящикъ.

Однако недовольно этого. Подъ руководствомъ Рѣпнина протестанты и православные составили въ 1767 г. конфедераціи въ Торнѣ и Луцкѣ, а вскорѣ послѣ нихъ, подъ тѣмъ же самымъ руководствомъ, сдѣлала то же самое безпримѣрно ослѣпленная шляхта и вмѣстѣ съ нею магнаты, побужденные частными интересами и завистью. Общая конфедерація въ Радомѣ, обращаясь къ помощи Россіи, рѣшила лишить престола короля и защищать свободу, находящуюся въ опасности отъ него и отъ Чарторыйскихъ. Во главѣ конфедераціи сталъ Радзивиллъ «раніе kochaŋku», призванный изъ заграницы и получившій назадъ свои имѣнія и должности, панъ съ громаднымъ состояніемъ, популярный изъ за своихъ фантазій между массою шляхты, сближенный съ нею полнымъ отсутствіемъ образованія, раздѣлявшій всѣ ея предразсудки, а что касается способностей и характера, человекъ съ безпримѣрно тупой и ограниченной головой. Между тѣмъ Рѣпнинъ представилъ радомской конфедераціи заявленіе, признающее короля и приглашающее его приступить къ конфедераціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ признающее требованія диссидентовъ и подчиняющее Польшу

покровительству царицы. Конфедерация была перенесена въ Варшаву, на сеймигахъ и на сеймахъ проявилась слишкомъ поздно громкая оппозиція. Эта оппозиція, выходящая изъ среды магнатовъ и депутатовъ шляхты, пропитанная анархіей, не имѣвшихъ никакой политической программы и доступныхъ прежде всего личнымъ выгодамъ и видамъ, не могла однако оказать никакого сопротивленія. Рѣшительнѣе, опираясь на русскія войска, размѣщенные въ странѣ, былъ господиномъ данной минуты и, увезя въ Калугу трехъ сопротивлявшихся сенаторовъ (Солтыка, епископа краковскаго, Залускаго, епископа кievскаго, Ржевускаго, воеводу краковскаго), продиктовалъ свою волю сейму. Делегация, избранная сеймомъ подъ предводительствомъ примаса Гавриила Подоскаго, составила радомскій манифестъ и выработала трактатъ, гарантирующій Польшѣ со стороны императрицы ея владѣнія и основные законы (см. § 102) и вмѣстѣ съ тѣмъ признающій большія вольности за диссидентами, а сеймъ 1768 г. утвердилъ постановленія делегациі.

Но въ то же время шляхта, подъ предводительствомъ главнымъ образомъ Адама Красинскаго, епископа каменецкаго, устремилась къ дѣятельному протесту. Противъ вліянія Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ для защиты стариннаго религіознаго и политическаго строя, Иосифъ Пуласкій, староста варецкій, составилъ конфедерацию 29 февраля 1768 г. въ Барѣ, небольшой крѣпости брацлавскаго воеводства, распространившуюся вскорѣ на всѣ провинціи. Такая конфедерация, какъ бы мы ни цѣнили благороднѣйшія изъ тѣхъ побужденій, которыя вызвали ее, не могла привести къ цѣли. Необученное, недисциплинированное общее ополченіе, выступавшее по очереди въ различныхъ мѣстностяхъ безъ общаго плана, несмотря на многіе смѣлые и мужественные подвиги партизановъ, какъ Зарембы и Казимира Пуласкаго, никакъ не могло успѣшно дѣйствовать противъ регулярнаго войска Россіи и только подвергло всю страну большимъ опустошеніямъ и бѣдствіямъ. На Украинѣ, подъ предводительствомъ Гонты и Желѣзняка, возгорѣлся страшный бунтъ крестьянства, которое вырѣзало въ одной Умані 20.000 населенія и которое съ большою жестокостью усмиралъ лишь обозный коронный Стемпковскій. Война съ Россіей, предпринятая Турціей, на которую конфедераты возлагали главную надежду, окончилась пораженіемъ турокъ. Помогала конфедерациі и протягивала войну Франція присылкою генерала Дюмурье съ небольшимъ вспомогательнымъ войскомъ, однако съ тою только цѣлью, чтобы причинить затруд-

неніе Россіи въ Польшѣ и связать ея силы; кокетничала съ Польшей Австрія, соглашаясь на то, чтобы общій конфедератскій совѣтъ, составленный въ мѣстечкѣ Бѣлой, отправлялъ свои засѣданія въ Цѣшинѣ, а потомъ въ Прешовѣ, въ Венгріи; но въ этомъ совѣтѣ никогда не могли прійти къ согласному и единодушному образу дѣйствій. Политическая программа конфедераціи отдаляла отъ нея короля и всѣхъ болѣе опытныхъ людей, которые видѣли надежду на лучшее будущее только въ поддержкѣ королевской власти; но однако Станиславъ Августъ съ Чарторыйскими неизмѣнно противились требованію Россіи образовать анти-конфедерацію и заявить себя на сторонѣ Россіи; напротивъ того—они искали у западныхъ государствъ по крайней мѣрѣ дипломатическаго покровительства противъ Россіи. Напрасно. Въ иностранной помощи они обманулись; не были приняты совѣты Адама Красинскаго, епископа каменецкаго, наиболѣе виднаго политическаго дѣятеля среди конфедератовъ; наконецъ конфедерація вмѣсто того, чтобы сблизиться съ правительствомъ и черезъ это значительно увеличить свои силы, подъ вліяніемъ магнатовъ, высокоомѣріе которыхъ не могло стерпѣть земляка на тронѣ, скомпрометировала себя передъ Европой провозглашеніемъ безкоролевья (9 августа 1770 г.) и неудавшимся похищеніемъ короля изъ Варшавы (3 ноября 1771 г.) и окончательно пала отъ истощенія силъ.

Послѣдствіемъ партизанской войны, продолжавшейся такъ долго и безъ видовъ на побѣду, было не только громадное опустошеніе и обезлюдѣніе страны. Эта война доставила давно искомый предлогъ хищническимъ замысламъ прусскаго короля. Не справляясь съ юридическими или нравственными соображеніями и стремясь единственно къ увеличенію своихъ незначительныхъ владѣній на счетъ слабаго сосѣда, какимъ была тогдашняя Польша, Фридрихъ II прежде всего старался о томъ, чтобы не допустить усиленія польскаго правительства и замутить и потрясти отношенія Польши и Россіи, составлявшія нѣкотораго рода равновѣсіе, съ несомнѣнной выгодой для Россіи. Поэтому онъ изо всѣхъ силъ содѣйствовалъ репрессивнымъ мѣрамъ, къ которымъ прибѣгла Екатерина по отношенію къ королю и Чарторыйскимъ, и особеннымъ трактатомъ отъ 23 апрѣля 1767 г. обязался выступить противъ Австріи, еслибы,—на что дѣло было похоже,—она захотѣла доставить помощь Польшѣ противъ Россіи. Достигнувъ своего намѣренія, онъ въ концѣ 1769 г. выступилъ съ планомъ раздѣла Польши, какъ средствомъ для прекращенія неуря-

диды, который Россія, занятая одновременно турецкой войной, не могла скоро обдумать, и все сильнѣе и сильнѣе напиралъ на свои требованія. Это былъ планъ, направленный въ равной мѣрѣ противъ Польши, какъ и противъ Россіи, потому что Россія, и такъ уже имѣя всю Рѣчь Посполитую подъ своимъ вліяніемъ и властью, должна была всякое уменьшеніе ея объема считать уменьшеніемъ области своего воздѣйствія и вліянія. Екатерина не иначе понимала это и потому, вмѣстѣ съ канцлеромъ своимъ Панинымъ, рѣшительно воспротивилась ему и, отправляя въ 1771 г. своего посла Сальдерна въ Варшаву, поручила ему прибѣгнуть ко всѣмъ средствамъ съ цѣлью успокоенія Польши и отнятія предлога для раздѣловъ. Къ несчастью Сальдернъ не сумѣлъ выполнить эту задачу. Никто въ Польшѣ не предполагалъ такой грозной опасности, все подчинялось чувству непріязни противъ Россіи; даже король и Чарторыйскіе не осмѣливались высказаться за нее.

Опасность увеличилась вслѣдствіе колеблющагося поведенія Австріи. Изъ нравственныхъ побужденій Марія Терезія весьма противилась раздѣлу; за нею слѣдовалъ вліятельный канцлеръ Кауницъ. Для того, чтобы помочь Польшѣ, Австрія искала союза, но западные государства, и главнымъ образомъ Франція, подъ бессильнымъ и безсовѣстнымъ управленіемъ Людовика XV, умѣли раздувать неурядицу въ Польшѣ нетрудною поддержкою конфедераціи, но изъ опасенія войны отказали Австріи въ соучастіи. Страхъ передъ Пруссіей сковывалъ Австрію въ самостоятельныхъ дѣйствіяхъ. Итакъ дѣло кончилось съ ея стороны пріязненными намѣреніями для Польши; но дипломатическіе переговоры вѣнскаго кабинета съ французскимъ внушили петербургскому двору опасеніе, чтобы Россія, отвергая проекты Фридриха, внезапно не нашла противъ себя въ Польшѣ Пруссіи и Австріи. Подъ вліяніемъ этого опасенія, подъ вліяніемъ раздраженія на Польшу и на ея «неблагодарнаго» короля, Екатерина въ началѣ 1772 г. согласилась дать Пруссіи выкупъ. Въ то же время и Австрія, опасаясь увеличенія силъ Россіи, а прежде всего Пруссіи, подъ вліяніемъ Іосифа, сына Маріи Терезіи, рѣшила занятіемъ части польской земли обезпечить себя и, разъ преодолѣвъ сомнѣнія, заняла для себя львиную часть.

5 августа 1772 г. между тремя дворами состоялся договоръ о первомъ раздѣлѣ Польши. При полномъ безсиліи страны, истощенной до конца барской конфедераціей, среди совершенной апатіи остальной Европы, Пруссія заняла Вармию, воеводства маль-

боргское, поморское, хелминское и часть Куявіи, оставляя однако Польшѣ Гданскъ и Торнѣ. Австрія захватила краковское и сандомірское воеводства по Вислу, Червонную Русь и часть Подоліи, Россіи досталась въ удѣлъ наибольшая часть по объему, наименьшая по населенію и значенію: воеводства мстиславское, витебское, полоцкое, лифляндское и часть минскаго, расположенная за Днѣпромѣмъ.

Трудно намъ вдаваться въ оцѣнку, чѣмъ сталъ фактъ раздѣла въ своихъ историческихъ послѣдствіяхъ, незаконченныхъ еще и теперь и не могущихъ быть предвидѣнными. Безусловную выгоду принесъ онъ только Пруссіи, потому что огромнымъ увеличеніемъ ея объема и соединеніемъ раздѣленныхъ дотоле владѣній онъ положилъ основаніе ея первостепенному значенію. Увеличеніемъ силъ равнымъ образомъ могла похвастаться Австрія, но оно нисколько не было соразмѣрно съ одновременнымъ увеличеніемъ прусскаго могущества, и такъ уже грознаго въ Германіи для Австріи, а забота объ удержаніи новыхъ владѣній сдѣлала Австрію во внѣшнихъ отношеніяхъ зависимою отъ Пруссіи и отъ Россіи. Больше всего при раздѣлѣ осталась въ накладѣ безъ сомнѣнія Россія. То, что она пріобрѣла непосредственно, было для нея ничѣмъ, а между тѣмъ связывало ея политику относительно Австріи и Пруссіи. Вину раздѣла приписали въ Польшѣ не Пруссіи, а ей, подѣ влияніемъ ли раздраженія, обусловленнаго недавнимъ непосредственнымъ давленіемъ и борьбою, или же подѣ влияніемъ сознанія, что Россія, господствуя въ Польшѣ и распространивъ надъ нею свое покровительство, все-таки дозволила отдать польскія владѣнія въ добычу германизации. Россія обладала сознаніемъ, что ей слѣдуетъ овладѣть всею Польшей, и не сѣмѣла удержаться на этой позиціи, въ концѣ концовъ приняла раздѣлъ, навязанный ей Пруссіею.

Державы, участвовавшія въ раздѣлѣ, приказали оставшейся Польшѣ ратификовать уступку занятыхъ земель, грозя въ противномъ случаѣ идти далѣе въ захватахъ, а короля лишить престола. Подѣ влияніемъ этой угрозы Станиславъ Августъ созвалъ сеймъ на 19 апрѣля 1773 г. Народъ имѣлъ для выбора два пути,—разъ не могло быть рѣчи о вооруженномъ сопротивленіи,—или, не обращая вниманія на угрозы, спасти свою честь и рѣшительно воспротивиться требованію, или, высылая на сеймъ свои наилучшія силы и удовлетворяя требованію державъ, пріобрѣсти за то возможно лучшія условія для оставшагося государства. Однако каждый изъ этихъ путей требовалъ большей нравствен-

ной твердости, чѣмъ та, какою въ то время обладалъ народъ. Выбрали третій путь, несомнѣнно самый худшій,—путь отстраненія себя отъ дѣла. Что еще было болѣе благоразумнаго въ обществѣ, удержалось и отъ сейма и отъ сеймиковъ,—съ исключеніями, которыя можно пересчитать,—а самые худшіе элементы, какіе могла выискать только испорченность XVIII вѣка въ соединеніи съ политическимъ упадкомъ народа, вслѣдствіе этого выплыли на поверхность и захватили въ свои руки управленіе общественнымъ дѣломъ, чтобы воспользоваться имъ самымъ наилучшимъ образомъ для себя. Во главѣ ихъ сталъ коронный кукмистръ Адамъ Понинскій.

Передъ собраніемъ сейма составила на нѣсколько дней конфедерация подъ предсѣдательствомъ маршалковъ Адама Понинскаго и Михаила Радзивилла. Войска державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ, вступили въ Варшаву. Не обращая вниманія на протесты Рейтана, Кюсака и нѣсколькихъ другихъ пословъ, остальная часть немногочисленнаго сейма признала конфедерацию и назначила полномочную делегацію, которая подъ предсѣдательствомъ Понинскаго, несмотря на сопротивленіе короля, 18 сентября 1773 г. подтвердила раздѣлъ торжественными трактатами.

VIII.

Возрожденіе въ упадкѣ.

Л И Т Е Р А Т У Р А .

Ни одинъ періодъ въ исторіи Польши не вызвалъ столь многихъ и столь обстоятельныхъ работъ, какъ исторія ея раздѣловъ. Точно также нигдѣ такъ выразительно не проявляется тотъ переворотъ въ методѣ и въ выводахъ, который наступилъ въ польскихъ новѣйшихъ историческихъ трудахъ послѣ упадка лелевелевской школы.

Въ сочиненіяхъ Лелевеля: «Царствованіе Станислава Августа Понятовскаго» («Panowanie Stanisława Augusta Poniatowskiego». Warszawa. 1831. Paryż 1839. Bruksela 1851. Poznań 1859 въ полномъ собр. соч.), и его вѣрнаго ученика Генриха Шмита: «Исторія Польши XVIII и XIX вѣка» (Dzieje Polski XVIII-go i XIX-go wieku» 3 tomu, Kraków 1866—1867, tom 4-ty, Poznań 1878) и «Царствованіе Станислава Августа» («Panowanie Stanisława Augusta», 2 tomu, Lwów 1880), мы видимъ прежде всего большой недостатокъ основаннаго на источникахъ обнаруженія и подтвержденія фактовъ и затѣмъ, несмотря на достойную уваженія и патриотическую тенденцію, сужденіе, всецѣло проникнутое чувствомъ, доктринерское, неполитическое. Эти авторы поддались на удочку патриотическихъ фразъ, которыми изобиловало парламентское краснорѣчіе въ эпоху Станислава Августа, и, принимая слова и чувства за поступки, представили въ ложномъ свѣтѣ какъ тогдашнія партіи, такъ и исторію страны, бывшую результатомъ ихъ дѣятельности и борьбы.

На иной путь повернулъ историческія изслѣдованія этой эпохи лишь Юсифъ Шуйскій въ IV томѣ своей «Исторія Польши» («Dzieje Polski». Lwów 1866), потому что при помощи обширнаго изслѣдованія источниковъ обнаружилъ много рѣшающихъ фактовъ и на такой широкой основѣ представилъ первыя указанія для болѣе справедливой оцѣнки людей и

отношеній и вмѣстѣ съ тѣмъ для болѣе вѣроятнаго объясненія всего хода событий.

Это новое направленіе еще сильнѣе развило всендѣзъ Валеріанъ Калинка въ сочиненіяхъ: «Послѣдніе годы царствованія Станислава Августа» («Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta» Poznań. 1868) и «Четырехлѣтній сеймъ» («Sejm czteroletni». 3 тома. Kraków. 1880—86). Обиліемъ изслѣдованныхъ источниковъ, рѣдкимъ достоинствомъ и безпристрастіемъ историческаго суда, отличнымъ изображеніемъ предмета эти труды возвышаются надъ всеми, до сихъ поръ существовавшими плодами польской историографіи.

Любопытное по множеству новыхъ подробностей дополненіе къ выше названнымъ сочиненіямъ даетъ кропотливый трудъ Тадеуза Корзона: («Внутренняя исторія Польши во время Станислава Августа». (Tadeusz Korzon: «Wewnętrzne dzieje Polski z czasów Stanisława Augusta». Kraków. 1882—1886).

Равнымъ образомъ любопытныя подробности тогдашней культуры собираетъ и сопоставляетъ обширное сочиненіе И. Я. Крашевскаго: «Польша въ эпоху трехъ раздѣловъ 1772—1797. Этюды по исторіи духа и обычаевъ» («Polska w czasie trzech rozbiorów 1772—1797. Studya do historii ducha i obyczajów» 3 тому. Poznań 1874—1875); однако изобильный матеріалъ данъ здѣсь въ довольно сыромъ видѣ, безъ болѣе основательной переработки и безъ одной цѣльной конструкціи.

Кромѣ этихъ большихъ сочиненій существуетъ много менѣе значительныхъ трудовъ:

Романъ Пилатъ: «Политическая литература четырехлѣтняго сейма» (Roman Pilat: «Literatura polityczna sejmowi czteroletniego» Przegląd polski», tom I. 1872), монографія, написанная съ большихъ трудовъ и талантомъ.

Валеріанъ Калинка: «Политика австрійскаго двора въ дѣлѣ конституціи 3 мая» (Waleryan Kalinka: «Polityka dworu austriackiego w sprawie konstytucyi 3 maja». Kraków. 1873).

Левъ Вагнеръ: «Исторія 3 и 5 мая 1791 г.» (Leon Wagner: «Dzieje dnia 3-go i 5-go maja 1791 g.» Poznań 1865).

«Конфедерація воеводствъ Великой Польши 1792 г.» («Konfederacja województw wielkopolskich 1792 g.»). Poznań. 1866).

«Послѣдній гродненскій сеймъ». («Sejm grodzieński ostatni». Poznań. 1866).

«Гугонь Коллонтай на засѣданіи королевскаго совѣта 23 іюля 1792 г.» («Hugo Kollataj na posiedzeniu rady królewskiej z d. 23 lipca 1792». Poznań 1869).

«Послѣдніе дни возстанія Костюшки». («Ostatnie dni powstania Kościuszkowskiego». Poznań. 1871).

Брониславъ Залѣскій: «Корреспонденція Станислава Августа въ предѣлахъ Польши». (Bronisław Zaleski: «Korespondencya krajowa Stanisława Augusta». Poznań. 1872).

Евстафій Тышкевичъ: «Послѣднее пребываніе короля Станислава Августа въ Гроднѣ». (Eustachy Tyszkiewicz: «Króla Stanisława Augusta ostatni pobyt w Grodnie». Poznań 1878).

Докторъ Антонъ Ролле: «Чарторыйскіе и Рѣпнинъ (1794—1797)». (Dr. Antoni Rolle: «Czartoryscy i Repnin (1794—1797)». Przewodnik naukowy z maja i czerwca. Lwów 1877).

Ксаверій Лиске: «Къ характеристикѣ Елатеріны П» (Xawery Liskei. «Zur Charakteristik Katharina II». Sybel Hist. Zeitschrift 1878).

Сигизмундъ Глѳгеръ: «Антонъ Тизенгаузъ, надворный литовскій подскарбій 1733—1785». (Zygmunt Gloger: «Antoni Tyzenhaus podskarbi nadworny litewski 1733—1785». Kwartalnik Kłosów. Warszawa 1877).

Михаилъ Хылинскій: «Гугонъ Коллонтай въ отношеніи къ Тарговицѣ». (Michał Chyliński: «Hugo Kołłataj wobec Targowicy». Lwów 1875).

Казиміръ Хлѣдовскій: «Торговый трактатъ между Австріей и Польшей 1775 г.». (Kazimierz Chłędowski: «Traktat handlowy między Austryją a Polską z roku 1775». Przewodnik naukowy z kwietnia. Lwów 1880). «Занятіе Галиціи». («Zajęcie Galicyi». Ateneum. Warszawa 1880 styczeń).

Владиславъ Смоленскій: «Консервативные элементы и эдукціонная коммиссія». (Władisław Smoleński: «Żywioły zachowawcze i komisya edukacyjna». Ateneum. Warszawa 1881). «Коллонтаевская вузница». («Kuznica Kołłatajowska». Kraków 1885).

Большимъ значеніемъ для польской исторіи эпохи раздѣловъ обладаютъ также многочисленныя, по источникамъ, изслѣдованія иностранныхъ ученыхъ, хотя въ нихъ обыкновенно не хватаетъ знаомства съ польскими внутренними отношеніями и историческое сужденіе страдаетъ чрезвычайнымъ пристрастіемъ.

Ф. Смитъ: «Суворовъ и паденіе Польши». («Suworow und Polens Untergang». 2 B. Leipzig 1885).

«Фридрихъ, Екатерина и первый раздѣлъ». («Frédéric, Catherine et le premier partage». Paris 1861).

«Раздѣлы Польши» («Teilungen Polens». Berlin 1864).

Соловьевъ: «Исторія Паденія Польши». Москва 1863.

Янсенъ: «Къ происхожденію перваго раздѣла Польши». («Janssen: «Zur Genesis der ersten Theilung Polens». Freiburg 1865).

Востомаровъ: «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой». Петербургъ 1870.

Иловайскій: «Третье мая 1791 года» (Русскій Вѣстникъ 1864).

«Гродненскій сеймъ 1793 г., послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой». Москва 1870. Переведена на польскій языкъ: «Sejm grodzieński 1793». Poznań 1871.

Бееръ: «Первый раздѣлъ Польши» (Beer: «Die erste Theilung Polens» 3 B. Wien. 1873).

Альбертъ Сорель: «Восточный вопросъ въ XVIII вѣкѣ» (Albert Sorel: «La question d'Orient au XVIII siècle». Paris 1878. Второе изданіе 1889).

Кромѣ того сочиненія, заключающія въ себѣ тогдашнюю исторію государствъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ,—Дройзена, Зибеля, Арнета, Ранке и т. п.

Критическій обзоръ этой литературы даетъ проф. Н. Карѣевъ въ книгѣ подъ названіемъ «Паденіе Польши въ исторической литературѣ». Петербургъ. 1888. (Переведено на польскій языкъ).

§ 102. *Постоянный советъ.*

Составивъ изъ польскихъ провинцій такой большой выкупъ въ пользу Австріи и Пруссіи, Россія предоставила себѣ полную власть надъ оставшеюся Рѣчью Посполитой и продиктовала ей такую форму правленія, которая должна была лучше всего послужить для этой цѣли. Сеймовая делегачія, которая подъ предсѣдательствомъ Понинскаго утвердила раздѣлъ, не оказала ей сопротивленія въ этомъ направленіи, и такимъ образомъ, послѣ продолжительныхъ совѣщаній, 15 марта 1775 г. состоялся «особый актъ» между Россіей и Польшей, гарантировавшій этой послѣдней новую конституцію. Это произведеніе вмѣстѣ съ договорами о раздѣлахъ получило и формальную санкцію на засѣданіи сейма 11 апрѣля 1775 г. Желая опредѣлить и оцѣнить его, мы должны помнить о двухъ до извѣстной степени противоположныхъ побужденіяхъ, которымъ оно было обязано своимъ происхожденіемъ.

Для Россіи прежде всего было важно то, чтобы удержать Польшу въ зависимости отъ себя, поэтому она должна была предотвратить въ будущемъ всякую болѣе смѣлую, рѣшительную реформу. Поэтому-то, возобновляя гарантирующій договоръ 1768 г., признали всю, до тѣхъ поръ существовавшую анархическую организацію Рѣчи Посполитой съ свободнымъ избраніемъ, *liberum veto*, и съ правомъ отказа королю въ повиновеніи, въ ка-

чествъ основнаго закона, не подлежащаго отмянѣ даже по единогласному рѣшенію и находящагося подъ гарантіей Россіи. Поэтому,—что выходило одно и то же,—былъ удержанъ принципъ единогласнаго рѣшенія въ вопросѣ объ увеличеніи войска (сверхъ 30.000 человекъ) и налоговъ. Поэтому, наконецъ, въ видѣ «постояннаго Совѣта» (Rada nieustająca) была создана исполнительная власть, такая сложная и слабая, что русскій посолъ въ Варшавѣ имѣлъ надъ нею обезпеченное вліяніе и превосходство.

И однако это была настоящая исполнительная власть, это было правительство, котораго не доставало съ столь давняго времени. Ибо Россія, обезпечивъ себя отъ реформы, которая могла бы обратиться противъ нея, должна была приложить стараніи, чтобы предохранить страну отъ анархіи и дальнѣйшаго раздѣла; обезпечивъ себѣ власть надъ нею, она должна была для себя создать въ Польшѣ постоянный органъ и орудіе этой власти, должна была снабдить его извѣстной силой.

При такомъ освѣщеніи мы будемъ оцѣнивать постоянный Совѣтъ. Это была тяжелая машина, многоголовая, составленная изъ сенаторовъ и шляхты (по 18 человекъ), исполнительная власть, избираемая сеймомъ и представляющая ему отчеты. Король, теряя остатокъ своихъ атрибутовъ, понизился до простаго президента Совѣта и долженъ былъ подчиняться постановленіямъ его, утвержденнымъ большинствомъ голосовъ. Важнѣйшихъ функцій,—военныхъ и финансовыхъ,—Совѣтъ не имѣлъ непосредственно въ своихъ рукахъ: были оставлены военныя комиссіи, отдѣльныя для короны, отдѣльныя для Литвы, до такой степени самостоятельныя, что только сеймъ 1776 г. долженъ былъ тѣснѣе подчинить ихъ власти Совѣта.

Зато, въ сравненіи съ предшествовавшимъ положеніемъ дѣлъ, постоянный Совѣтъ былъ шагомъ впередъ; какъ постепенный переходъ отъ полной анархіи къ сильному правительству, онъ былъ самымъ выдающимся учрежденіемъ изъ всѣхъ мѣръ. Многочисленные органы власти, которые до тѣхъ поръ связывали другъ друга,—король, сенатъ, посольская изба, министры вошли въ составъ Совѣта, но вредная самостоятельность ихъ исчезала въ постановленіяхъ большинства, они должны были сойтись на согласномъ и единообразномъ способѣ дѣйствій. Нашелся органъ верховной власти, которому должны были окончательно подчиниться всѣ должностныя лица, органъ, который простиралъ свою дѣятельность на Корону и на Литву.

Совѣтъ дѣлился на пять департаментовъ: иностранныхъ дѣлъ,

полиціи или администраціи, военный, юстиціи и финансовый. Главныя развѣтвленія правительственной власти, объединяясь въ полномъ Совѣтѣ, въ то же время составляли отдѣльныя организациі съ ясно опредѣленнымъ планомъ веденія дѣлъ. Каждому изъ нихъ была обезпечена постоянная дѣятельность, учреждены для того канцеляріи, соединены по спеціальностямъ, состоявшія на жалованьи и подъ контролемъ чиновничьи силы, насколько ихъ можно было найти.

Значеніе Совѣта увеличилось сверхъ того вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ, которые находились внѣ его организациі. Первою изъ нихъ были полное бездѣйствіе сеймовъ, которыхъ, правда, уже не срывали, но которые не могли вступить на дорогу нормального и успѣшнаго труда вслѣдствіе ограниченной основными законами и единогласнымъ способомъ рѣшенія сферы дѣятельности и вслѣдствіе общаго разстройства умовъ. Отъ этого росло значеніе Совѣта, какъ «постоянной» власти, рѣшающей большинствомъ, единой. Подъ предлогомъ признаннаго за нимъ самостоятельнаго истолкованія законовъ Совѣтъ вступалъ даже въ область законодательства. Другимъ обстоятельствомъ, важнымъ для значенія Совѣта, было присутствіе въ немъ Станислава Августа, который, разъ нашедши скромное, но нравственно удовлетворявшее его поприще дѣятельности, умѣлъ имъ воспользоваться. Усиленно работая, король-президентъ вскорѣ сталъ превосходить отдѣльныхъ членовъ Совѣта знакомствомъ съ дѣлами; вступивъ въ тѣсныя сношенія съ русскимъ посломъ Штапельбергомъ, онъ умѣлъ обратить эти сношенія въ свою пользу, добился преданнаго себѣ большинства въ Совѣтѣ, а элементы, непослушные по отношенію къ собственному правительству и покорные передъ Россіей, онъ усмирялъ русскимъ вліяніемъ.

Впрочемъ въ Польшѣ была такъ сильна потребность въ правительствѣ, что даже такое слабое правительство, какимъ былъ «постоянный Совѣтъ», въ непродолжительномъ уже времени принесло очевидную пользу странѣ. Въ Польшѣ не было недостатка въ силахъ и средствахъ, только они гибли среди анархіи; какой бы то ни было порядокъ долженъ былъ обнаружить ихъ присутствіе и эксплуатировать ихъ.

Незначительные налоги установилъ сеймъ 1755 г.: 1) общій подъемный сборъ (*rodumne generalne*), платимый съ каждой трубы въ селахъ и городахъ по особымъ разрядамъ, заранѣе установленнымъ, въ размѣрѣ отъ 4 до 12 злотыхъ въ годъ; 2) доходы съ коронныхъ имѣній, которыя, по мѣрѣ вымиранія бывшихъ

дотолѣ владѣтелей (старость), должны были быть отданы въ пятидесятилѣтнюю аренду съ аукціона, и независимо отъ этого чинша или старинной квартиры подлежали подымному сбору, въ полтора раза увеличенному: 3) питейный (szorowe) и копеечный (szelężne) сборъ съ горячихъ напитковъ; 4) гербовая пошлина съ юридическихъ актовъ; 5) подать съ торговли курительнымъ табакомъ; 6) поголовная подать (по 3 злотыхъ) съ евреевъ; 7) общія таможенные пошлины (sło generalne); 8) добровольный взносъ (subsidium charitativum) духовенства въ размѣрѣ 600.000 злотыхъ; 9) внутренняя лотерея. Однако эти подати, собираемые регулярно и взыскиваемые съ помощью финансовою милиціи (milicya skarbowa), а въ данномъ случаѣ войска, обезпечили Рѣчи Посполитой постоянный и съ каждымъ годомъ увеличивавшійся доходъ. Предотвращая прежнія вопіющія злоупотребленія, постоянный Совѣтъ, собственно его финансовый департаментъ вмѣстѣ съ коммиссіями, обращалъ этотъ доходъ на покрытіе расходовъ, обозначенныхъ въ бюджетѣ, и во всемъ оборотѣ отдавалъ отчетъ сейму.

Болѣе, чѣмъ половина доходовъ Рѣчи Посполитой была обращена на содержаніе войска, и въ первый разъ составилось, правда, небольшое, но постоянное войско, которое, по крайней мѣрѣ, было въ состояніи поддержать внутренней порядокъ и авторитетъ власти. Участіе въ его организаціи принялъ генераль Кюмаржевскій, котораго король взялъ себѣ въ адъютанты изъ прусскаго войска и, узнавъ его способности, образованіе и трудолюбіе, съумѣлъ найти имъ примѣненіе. Обезпеченіемъ правильной уплаты жалованья скомплектовали полки, до тѣхъ поръ существовавшіе на бумагахъ, снабдили ихъ оружіемъ, завели артиллерию и пѣхоту, изъ кадетской школы и изъ-за границы набирали способныхъ офицеровъ, обучали солдатъ по прусскому образцу, наконецъ тяжелыми усиліями были введены порядокъ и дисциплина. Въ 1786 г. дѣйствительная численность войска доходила до 10.335 чел. пѣхоты и 8.200 чел. кавалеріи. Въ сравненіи съ тѣмъ, что было раньше, это уже очень много.

Новый духъ проникалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ другія отрасли общественной службы. Подъ бдительнымъ контролемъ департамента юстиціи различныя судебныя мѣста съ большимъ прилежаніемъ принимались за дѣло, переставали служить сценою для партійной борьбы, авторитетъ закона увеличивался, постановленія судовъ имѣли возможность быть исполненными благодаря содѣйствію регулярнаго войска, духъ анархіи и страсть къ наѣз-

дамъ (zajazdy), исчезали. Департаментъ полиціи привелъ въ движеніе усыпленную втеченіе вѣковъ администрацію, учреждая во всей странѣ, подъ предѣдательствомъ воеводъ, подчиненныя себѣ комиссіи, названныя комиссіями благочинія (komisye dobrego porzadku). Доставали, пишетъ замѣчательный историкъ этого времени, городскіе капиталы, которые пришли въ забвеніе, исправляли ратуши и костелы, отрывались старинныя мостовыя, была основана медицинская школа, назначеніе которой состояло въ снабженіи всѣхъ мѣстностей врачами, страна была очищена отъ ватагъ нищихъ, странниковъ и, не разъ при помощи войска, отъ разбойничьихъ шаекъ.

Страна медленно, но непрерывно поднималась. Слабая и безспильная еще во внѣшнихъ отношеніяхъ, она принимала видъ современнаго благоустроеннаго государства. Усиливалось земледѣліе, появлялась торговля и промышленность, усиливалось, при посредничествѣ варшавскихъ банкировъ, денежное движеніе, основывались фабрики (Тизенгаузъ въ Литвѣ), разрабатывались рудники (железные), создавалась торговая черноморская компанія, которая на собственныхъ корабляхъ отправляла польскій хлѣбъ на Западъ. Нѣсколько лѣтъ спокойствія и порядка заживили старинныя раны и направили страну на путь матеріальнаго благосостоянія и богатства.

Къ несчастію этотъ прогрессъ представлялся значительнымъ единственно по сравненію съ прежнимъ полнымъ разстройствомъ и упадкомъ, но относительно той великой задачи, которую Польшѣ нужно было исполнить въ то время, былъ безконечно малымъ. Мы видимъ въ этомъ прогрессѣ результатъ учрежденія, навязаннаго странѣ, слѣдствіе труда небольшой кучки людей, которые умѣли воспользоваться этимъ учрежденіемъ для блага страны, но мы нисколько не можемъ усмотрѣть въ немъ возрожденія всего народа. Даже въ предѣлахъ, обозначенныхъ установленнымъ гарантію трактатомъ 1775 г., даже съ такой слабой организаціей, какъ постоянный Совѣтъ, народъ дошелъ бы до совсѣмъ иного положенія. впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, еслибы изъ перваго раздѣла вынесъ для себя большое поученіе, еслибы всѣми силами стремился подняться. Исторія должна съ болью записать слѣдующій фактъ: первый раздѣлъ, совершившійся при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, не потрясъ сильно народа ни въ нравственномъ, ни въ политическомъ отношеніи; съ прошлымъ не сразу было порвано.

Для Польши не было болѣе важнаго вопроса, чѣмъ вопросъ

о войскѣ. Безъ его увеличенія государство не могло мечтать не только уже о самостоятельности, но даже о какомъ-нибудь уваженіи во внѣшнихъ отношеніяхъ. Относительно внутреннихъ реформъ могли господствовать разнообразныя мнѣнія, но въ вопросѣ объ увеличеніи военной силы, послѣ такихъ печальныхъ опытовъ, слѣдовало надѣяться на единогласіе. Народъ, дѣйствительно, выказалъ его, но — прискорбнѣйшій фактъ — въ единогласномъ отрицаніи тѣхъ предложеній, которыя съ успѣхомъ клонились къ этой цѣли. Трактатъ о гарантіи позволялъ имѣть Рѣчи Посполитой тридцатитысячную армію и налоги, доходившіе до тридцати трехъ милліоновъ золотыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заключалъ въ себѣ важное постановленіе, что налоги въ этомъ размѣрѣ могутъ быть установлены простымъ большинствомъ голосовъ. Въ такихъ границахъ можно было сдѣлать очень много. И однако въ польскомъ обществѣ возымѣло перевѣсъ вѣками укоренившееся отвращеніе къ налогамъ, любовь къ родинѣ не была въ состояніи преодолѣть частныя интересы. Бюджетъ Рѣчи Посполитой не достигъ даже двадцати милліоновъ золотыхъ, число войска въ продолженіе тринадцати лѣтъ дошло едва до двадцати тысячъ. Это страшно краснорѣчивыя цифры. Этому злу до известной степени могъ помочь король, если бы онъ свои значительные доходы употреблялъ на увеличеніе войска, но Станиславъ Августъ, во многихъ отношеніяхъ превосходя общество, въ этомъ направленіи не умѣлъ возвыситься надъ нимъ. Онъ вошелъ въ долги, но изъ-за своего распутства и роскоши.

Съ еще большею трудностью приходилось народу избавляться отъ духа равнымъ образомъ вѣковой анархіи, приобрѣтать уваженіе къ собственному правительству, чувство согласія и единенія. Вымирали или удалялись съ арены дѣятельности знаменитѣйшія передъ тѣмъ личности: Михаилъ и Августъ Чарторыйскіе, Янъ Климента Браницкій, Карлъ Радзивиллъ и Вацлавъ Ржевускій: люди, вродѣ Понинскаго, которые сыграли печальную роль во время раздѣла, должны были отстраниться подъ давленіемъ пробуждающагося общественнаго мнѣнія; появлялись новые люди, какъ князь Адамъ Чарторыйскій, генераль-староста подольскихъ земель, Станиславъ Любомірскій, коронный маршалъ, Ксаверій Браницкій, великій коронный гетманъ, Северинъ Ржевускій, Игнатій и Феликсъ Потоцкіе. Въ новомъ поколѣніи, беря въ массѣ, было больше благородныхъ побужденій, но зато большая слабость характера, малыя, — если судить вообще, — или испорченныя способности, и надъ всѣмъ этимъ господствуетъ анархиче-

скій духъ. Глубокое нерасположеніе или ненависть къ королю-выскачкѣ побуждаетъ ихъ къ открытой оппозиціи противъ него и его намѣреній. Темныя личныя дѣла, какъ попечительство надъ слабоумнымъ епископомъ краковскимъ Солтыкомъ (1782 г.) и клеветническія сплетни авантюристки Дугрумовой (1786 г.), служатъ этой оппозиціи средствомъ для произведенія громкихъ скандаловъ и уничтоженія сеймовыхъ проектовъ, клонившихся къ мирной и окончательной реформѣ. Самое худшее обстоятельство во всемъ этомъ, что эти могущественныя паны ищутъ для будущаго времени точки опоры за границей противъ собственнаго правительства, Чарторыйскіе въ Австріи, Браницкій въ Россіи, будучи готовы каждую минуту съ помощью сосѣднихъ государствъ вызвать въ странѣ конфедерацію и уничтожить начатый трудъ. Только рѣшительная воля Екатерины и вліяніе ея посла при польскомъ дворѣ Штакельберга удерживали эти анархическіе порывы, обезпечивая тяжелое и во всемъ зависимое существованіе польскому правительству вопреки большей части его собственныхъ подданныхъ.

§ 103. *Эдукаціонная коммиссія.*

Оцѣнивая въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ дѣятельность постояннаго Совѣта и старательно отмѣчая всѣ его положительные результаты, мы однако приходимъ къ тому убѣжденію, что это учрежденіе не было въ состояніи окончательно обуздать вѣковую анархію. Навязанное сверху, не понятое массою общества, не получивъ поддержки отъ него, оно не могло само по себѣ замѣнить тѣхъ общественныхъ факторовъ, которые еще сохранились невредимыми при анархіи, и изъ которыхъ только и могло выйти настоящее возрожденіе пришедшаго въ упадокъ народа. Такимъ факторомъ было народное стремленіе къ просвѣщенію.

Изображая польскую исторію послѣднихъ двухъ столѣтій, мы неоднократно говорили объ упадкѣ просвѣщенія, о невѣжествѣ, охватившемъ умы, и нисколько не допустили преувеличенія въ этомъ, но этотъ умственный упадокъ народа не могъ измѣряться политическимъ упадкомъ. Политическая анархія господствовала въ Польшѣ уже съ начала XVI вѣка, поляки никогда не достигли правительства по новому образцу, съ концомъ XVIII вѣка заблужденіе «золотой свободы» господствовало въ силу вѣковой традиціи; ему нельзя было противопоставить ни одного воспоминанія изъ прошлаго, нельзя было указать народу ни на одинъ

моментъ въ его новой исторіи, когда бы польское общество выказало покорность своему королю, охотно платило налоги и вслѣдствіе того было великимъ, могущественнымъ, счастливымъ. Самымъ сильнымъ аргументомъ золотой шляхетской свободы былъ собственно тотъ, что, несмотря на нее, а скорѣе даже благодаря ей, Польша въ XVI и XVII вѣкахъ была великой и торжествующей. Итакъ до тѣхъ поръ, пока историческіе труды не показали, насколько призрачнымъ былъ этотъ блескъ, и къ чему онъ долженъ былъ привести,—а до распространенія этого убѣжденія и теперь еще далеко,—каждый государственный человѣкъ, выступавшій въ Польшѣ съ требованіемъ государственной реформы, не только не могъ опереться на лучшую традицію, но, напротивъ того, въ тогдашней традиціи находилъ оружіе противъ себя и падалъ въ борьбѣ съ этой ложной, но могущественной традиціей.

Въ несравненно лучшихъ условіяхъ находился каждый, кто направлялъ свой трудъ на распространеніе народнаго образованія. Традиція не связывала его, а, напротивъ, помогала. Достаточно было обратиться ему къ прошлому, чтобы пробудить воспоминанія о томъ очарованіи и блескѣ, которыми нѣкогда былъ окруженъ народъ благодаря широко распространенному просвѣщенію, достаточно было вывести изъ забвенія знаменитыхъ писателей золотого вѣка, чтобы представить готовый образецъ и пробудить похвальное соперничество съ прошлымъ. Пропаганда невѣжества, выходившая изъ іезуитскихъ школъ въ XVII столѣтіи, была искусственно навязана способностямъ и склонностямъ народа. Въдъ и сама теорія золотой свободы только тѣмъ и оправдывала перешедшую всякія границы вольность, что польская шляхта, въ силу своихъ исключительныхъ добродѣтелей, въ силу своего мужества и *разума*, не нуждается въ принудительной силѣ и въ правительственной власти. Эта теорія, гибельная для государства, поддерживала народное просвѣщеніе и литературу вплоть до половины XVII вѣка, несмотря на другія невыгодныя условія, а впоследствии по крайней мѣрѣ поддерживала сознаніе того, что анархистъ-шляхтичъ обязанъ быть во всякомъ случаѣ образованнымъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ. Шляхта училась плохо и училась мало, потому что школы были плохія, но учиться не переставала. Испортился литературный вкусъ, и понизилась дѣйность литературы, но численность напечатанныхъ произведеній нисколько не уменьшилась. Поэтому реформаторъ просвѣщенія, Станиславъ Конарскій, встрѣтилъ большое сопротивленіе въ

монополіи научныхъ учреждений, которыми были іезуитскій орденъ и краковская академія, но въ польскомъ обществѣ нашель плодородную почву и благосклонный пріемъ. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, которое высказалось за училища піаристовъ и за ихъ систему обученія, даже іезуиты должны были по необходимости подумать объ улучшеніи своихъ школъ. Новыя училища и опять увеличившееся отправленіе молодежи за границу принесли очевидные результаты уже черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, несмотря на безпрестанныя политическія бури и перевороты. Идя за лозунгомъ Лещинскаго и Конарскаго, польское общество, или по крайней мѣрѣ его высшіе слои, привязались всею умомъ и сердцемъ къ современной имъ французской цивилизаціи; съ лихорадочной поспѣшностью усваивая ее себѣ, они развивали на ней свое воображеніе, почерпали изъ нея богатый запасъ знаній, выносили изъ нея болѣе широкій взглядъ на міръ и на существующія въ немъ отношенія. Много способныхъ молодыхъ людей посвятили свои дарованія и силы литературной дѣятельности; а когда на польскій престолъ сѣлъ Станиславъ Августъ, король, питавшій любовь къ наукамъ и искусствамъ, то они встрѣтили съ его стороны поощреніе и дѣятельную поддержку. Появились періодическія изданія, политическія и литературныя, въ 1765 г. возникъ постоянный польскій театръ въ Варшавѣ, Іосифъ Забускій въ 1773 г. отдалъ въ собственность народа громадную бібліотеку. Такимъ образомъ возникла въ Польшѣ литература, названная Станиславовской, характерная по своему направленію, удивительная по своей плодovitости. Въ настоящее время нетрудно указать ея отрицательныя стороны. вмѣсто сжатости и силы выраженія мы слишкомъ часто встрѣчаемъ въ ней декламацію, вмѣсто истиннаго, сердечнаго чувства—уточенное остроуміе, вмѣсто искренняго, открытаго мнѣнія—безцвѣтность, продиктованную придворнымъ обхожденіемъ, вмѣсто основательнаго образованія—энциклопедическое выказываніе свѣдѣній. Это были отрицательныя черты ложно-классической французской литературы, усилившіяся при подражаніи. И все-таки литература, которая, какъ польская Станиславовская, двинула впередъ литературный языкъ народа, подавленный макаронизмами, вновь вызвала къ жизни всѣ роды поэзіи и дала для нихъ опредѣленныя формы, дала начало историческимъ и естественнымъ наукамъ, серьезно понятымъ, присвоила обществу много сокровищъ высоко развитой цивилизаціи, а къ другимъ проложила дорогу,—такая литература, несмотря на всѣ свои недостатки,

исполнила великую задачу по отношенію къ народу, была доказательствомъ, что народъ этотъ пробудился для мышленія. Общество, которое уже читало Хотинскую войну, Мышенду, Сатиры, Монахомахію, Стольника, Досвядчинскаго и столько другихъ произведеній въ прозѣ и въ стихахъ Игнатія Красицкаго, которое рукоплескало драматическимъ произведеніямъ Богомольца, Заблоцкаго, Богуславскаго и Нѣмцевича, которое наперерывъ читало стихотворенія Трембецкаго, Венгерскаго, Карпинскаго, Князнина, которое наконецъ приобрѣло себѣ серьезныя историческія труды Нарушевича, должно было быть уже совсѣмъ инымъ, чѣмъ общество саксонской эпохи. Станиславовская литература совершенно преобразовала народъ, положила первыя основы теперешнему польскому образованію, чувствамъ, воображенію и мысли, и самой лучшей ея чертой была безспорная способность къ дальнѣйшему развитію вглубь и вширь. Во время спокойствія, которое наступило послѣ перваго раздѣла страны, эта литература создавала свои самыя выдающіяся произведенія, какъ зрѣлый плодъ стараній, предпринятыхъ передъ тѣмъ великимъ піаристомъ, но, не довольствуясь тѣмъ, работала въ то же время для дальнѣйшаго будущаго.

Въ 1773 г. случилось происшествіе, которое сдѣлало возможнымъ эту работу: уничтоженіе іезуитскаго ордена папою Климентомъ XIV. Фактъ этотъ имѣлъ неисчислимыя положительныя послѣдствія для польскаго народа. Правда, мы замѣтили, что въ половинѣ XVIII вѣка и іезуиты стали улучшать свои школы; мы должны признать, что, по уничтоженіи ордена, многіе ех-іезуиты, хотя бы только одинъ, Нарушевичъ, заняли почетное положеніе въ литературѣ; но, оцѣнивая дѣятельность іезуитовъ, мы должны имѣть въ виду не единичныя личности, а цѣлую систему. Эта система воспитанія держалась на извѣстной высотѣ лишь до тѣхъ поръ, пока встрѣчала себѣ сильное соперничество, какъ нѣкогда въ иновѣрческихъ школахъ, позже въ піаристскихъ, — пока имѣла откуда, — и должна была, — черпать извѣстный научный матеріалъ, но это было только искусственной и временной гальванизаціей. Іезуитская система не признавала свободной, самостоятельной науки и была создана для того, чтобы бороться съ такою наукою, чтобы охранять челоувѣчество отъ ея воображаемыхъ опасностей. Поэтому она каждый разъ, какъ одерживала побѣду надъ соперниками и захватывала въ свои руки монополію образованія молодежи; — какъ въ Польшѣ, — должна была съ неумолпной послѣдовательностью приводить къ упадку

науки и просвѣщенія, такъ какъ то и другое по ея пониманію не имѣло самостоятельности и, слѣдовательно, не могло въ ея рукахъ развиваться и возрождаться. Поэтому уничтоженіе іезуитскаго ордена было освобожденіемъ просвѣщенія и воспитанія отъ угнетавшихъ ихъ узъ. Сверхъ того, оно отдавало государству громадныя капиталы и имѣнія, принадлежавшіе прежде іезуитамъ, для употребленія на цѣли просвѣщенія и сдѣлало возможнымъ осуществленіе мысли, которую депутаты напрасно представили сейму еще при Сигизмундѣ Августѣ: предоставить дѣло образованія молодежи въдѣлнѣ и контролю государства.

Уничтоженіе іезуитскаго ордена пришлось въ Польшѣ на тотъ печальный моментъ, когда судьбы страны находились въ рукахъ шайки самыхъ дурныхъ людей: полномочной делегаціи, совѣщавшейся въ Варшавѣ подѣ предсѣдательствомъ Адама Понинскаго. Подѣ предлогомъ освидѣтельствованія бывшихъ іезуитскихъ капиталовъ, они бросились расхищать ихъ. Въ то же время однако подѣ давленіемъ общественнаго мнѣнія и по предложенію Іоахима Хребтовича, 14 октября 1773 г. состоялось постановленіе, учреждавшее эдукаціонную комиссію, высшую законодательную и исполнительную власть въ дѣлахъ просвѣщенія. Въ составъ ея вошли люди, отличавшіеся образованіемъ и доброжелательствомъ, какъ Хребтовичъ, Игнатій Потоцкій, Андрей Замойскій, Адамъ Чарторыйскій; дѣятельное участіе въ ея трудахъ принялъ отличный педагогъ Григорій Пирамовичъ, и подѣ ихъ руководствомъ комиссія, втеченіе короткаго времени, развила дѣятельность, сопровождавшуюся благими послѣдствіями. Бывшіе іезуитскіе капиталы бли спасены и приведены въ порядокъ; доходъ съ нихъ былъ назначенъ на цѣли просвѣщенія. Не безъ труда были реформированы виленскій и краковскій университеты, послѣдній—энергичнымъ Гугономъ Коллонтаемъ; имъ были даны новыя программы и направленіе наукъ, въ нихъ были возстановлены находившіяся въ небреженіи занятія юридическія, естественно-историческія и философскія; ихъ обогатили такими учрежденіями, какъ клиники, ботаническіе сады, обсерваторія, и были привлечены къ нимъ молодыя, но уже прославившіяся научныя силы, какъ, напримѣръ, Янъ Снядецкій. Въ болѣе значительныхъ провинціальныхъ городахъ былъ учрежденъ цѣлый рядъ среднихъ училищъ, называвшихся уѣздными и подѣ-уѣздными (*szkoły wudziałowe i podwudziałowe*). Были основаны учительскія семинаріи, женскія и еврейскія школы, обратились наконецъ и къ народнымъ школамъ, такъ наз. приходскимъ (*parafialne*). Отлично составлен-

ныя программы наукъ, превосходная педагогическая система, въ равной мѣрѣ считавшаяся съ требованіями теоріи и практики, образцовыя руководства, составленныя трудами общества для изданія элементарныхъ книгъ, бдительный и просвѣщенный контроль, наконецъ духъ уваженія къ истинному, самостоятельному знанію, — все это, вмѣстѣ взятое, создало школьную систему, которая превосходно соотвѣтствовала потребностямъ народа, упрочивала болѣе глубокое воздѣйствіе науки на литературу ближайшаго поколѣнія, въ короткое время поставила на новые пути образованіе и воспитаніе всей молодежи, просвѣщеніе, сосредоточивавшееся до тѣхъ поръ на вершинахъ общества, распространила въ болѣе широкихъ слояхъ и составляла справедливую гордость Польши передъ современными иностранными государствами.

Полное умственное возрожденіе народа было только уже вопросомъ времени, потому что подъ вліяніемъ новой системы образованія не исключительныя уже личности, какъ прежде, а все молодое воспитывающееся поколѣніе должно было порвать съ тѣми понятіями и чувствами, которыя доводили до гибели государство и общество. Новое умственное движеніе направилось на область общественныхъ и политическихъ отношеній, подвергло ихъ строгому обсужденію и извлекло изъ нихъ глубокое поученіе. Печальныя событія времени перваго раздѣла во всемъ своемъ ужасѣ предстали передъ взоромъ новаго поколѣнія, открылись глаза на отчаянное, идущее къ упадку положеніе отчизны, заблужденіе золотой свободы и анархіи теряло свое призрачное очарованіе, изуродованныя нравственныя понятія народа исправлялись. Уже клеймили именемъ преступленія подкупъ, совершавшійся передъ тѣмъ явно, и узкій эгоизмъ; обычное до тѣхъ поръ раболѣпство передъ иностранными дворами подвергалось презрѣнію; все громче и могущественнѣе раздавался девизъ любви къ родинѣ и обнаруживалось чувство національнаго достоинства. Элементы, отстраненные олигархіей отъ политическаго значенія и вліянія, т. е. шляхта средняго состоянія и горожане, стремясь къ просвѣщенію, почувствовали свои силы и, какъ самостоятельный и прогрессивный политическій факторъ, выступили на борьбу съ олигархіей, опустошавшей страну и опиравшейся на толпы невѣжественной и бѣдной шляхты.

Первымъ выдающимся представителемъ новаго направленія былъ Андрей Замоискій. Онъ не имѣлъ способности къ политической дѣятельности, но, отказавшись въ 1767 г. отъ должности канцлера, которую онъ занималъ, изъ самыхъ печальныхъ обстоя-

тельство вышел незапятаннымъ. Просвѣщенный и думавшій объ общественномъ благѣ гражданинъ, онъ обратилъ вниманіе на гибельныя соціальныя отношенія, подалъ въ своихъ имѣніяхъ примѣръ добровольнаго перевода крестьянъ на оброкъ и, имѣя порученное ему въ 1776 г. составленіе проекта уложенія законовъ, выработалъ его въ направленіи улучшенія участи угнетенныхъ классовъ. Изъ самаго близкаго кружка Андрея Замойскаго вышелъ человекъ большого образованія и таланта, горожанинъ по происхожденію, Станиславъ Сташиць, который въ извѣстномъ сочиненіи: «Примѣчанія къ жизни Яна Замойскаго» (*Uwagi nad życiem Jana Zamojskiego*) въ 1785 г. начертилъ первую программу рѣшительной реформы.

Основывая свое сужденіе на глубокомъ знакомствѣ съ французской политической литературой и почерпая изъ нея множество мыслей для реформы образованія, исполнительной власти, судопроизводства, налоговъ и экономическихъ отношеній, Сташиць умѣлъ однако же уберечься отъ слѣпотаго подражанія французскимъ реформаторамъ и отлично понялъ разницу въ положеніи Польши и Франціи. Если Франція стремится къ свободѣ, потому что падаетъ вслѣдствіе деспотизма своего правительства, то Польша, снѣдаемая избыткомъ свободы и анархіей, должна искать спасенія въ усиленіи своего правительства. Наслѣдственность престола, законодательная власть въ постоянномъ сеймѣ, исполнительная власть въ спеціальныхъ правительственныхъ комиссіяхъ, постоянная армія, соотвѣтствующая чужеземнымъ силамъ, налоги, достаточные для ея содержанія, и рядомъ съ этимъ основательная реформа общества, поднятіе городовъ изъ упадка и освобожденіе крестьянъ,—вотъ главные пункты политической программы Сташица. Прибавимъ еще, что эта программа во всѣхъ подробностяхъ оказалась подкрѣпленною убѣждающей силой философскихъ, политическихъ и экономическихъ доказательствъ, что, будучи свободною отъ всякой личной зависти или сословныхъ обидъ, она на каждой страницѣ дышала патріотическимъ одушевленіемъ, что мѣстами она возвышалась до неподдѣльнаго пафоса и говорила равно какъ уму, такъ и чувству,—и мы поймемъ, что книга Сташица потрясла всѣ здоровые элементы въ народѣ, вызвала къ жизни обильную политическую литературу и послужила группировкѣ партіи, которая уже знала, къ какой цѣли и подъ какимъ девизомъ она должна стремиться.

§ 104. *Четырехлѣтній сеймъ (1788—1791).*

Какъ у кормила государства, такъ равно и въ нѣдрахъ польскаго общества нашлись элементы, ждавшіе только удобной минуты, чтобы приступить къ дѣлу реформы, обеспечивающей здоровое развитіе и народную самодѣятельность. Такая минута наступила въ 1788 г. Упрочивъ за собою при первомъ раздѣлѣ верховную власть въ Польшѣ, Россія обратилась противъ Турціи, съ этою цѣлью заключила союзъ съ Австріей въ 1781 г., въ 1783 заняла Крымъ, а въ 1787 начала вмѣстѣ съ Австріей новую рѣшительную войну, въ которой Турція сверхъ ожиданія выказала большую стойкость и силу. Новый союзъ Россіи очевидно повліялъ на ослабленіе ея связи съ Пруссіей, продолжавшейся уже съ 1764 г. Россія съ Австріей стремились къ увеличенію своихъ владѣній на востокѣ безъ участія Пруссіи,—достаточный поводъ для этой послѣдней, чтобы стать въ непріязненныя отношенія къ нимъ и, вызывая въ Польшѣ новыя волненія, добыть себѣ новый выкупъ въ Польшѣ. Эту жажду къ захватамъ замѣтили Россія и Австрія и поэтому взаимно обязались помогать другъ другу въ отраженіи возможныхъ прусскихъ домогательствъ, имѣющихъ въ виду новый раздѣлъ Польши.

Эта новая опасность для Польши имѣла однако ту выгоду для нея, что, пробуждая несогласіе и соперничество между сосѣдями, уменьшала внѣшнее давленіе и открывала ей поприще для болѣе самостоятельныхъ дѣйствій. Польша имѣла для выбора три дороги: или союзъ съ Россіей, или союзъ съ Пруссіей, или наконецъ полный нейтралитетъ по отношенію къ обоимъ государствамъ. Несомнѣнно самымъ худшимъ и прямо опаснымъ былъ прусскій союзъ, потому что прежде всего Польша могла заключить его только цѣною Гданска, Торна и части Великой Польши, а затѣмъ не имѣла еще никакого обезпеченія въ томъ, что Пруссія, получивъ эти пріобрѣтенія, не натолкнется на жестокою борьбу съ Россіей за удержаніе остальной Польши. Въ случаѣ войны Россія, конечно, могла уступить Пруссіи еще большій кусокъ Рѣчи Посполитой и тѣмъ успокоить ее. Союзъ Польши съ Пруссіей долженъ былъ привести поэтому къ соглашенію между Пруссіей и Россіей на счетъ Рѣчи Посполитой, т. е. къ новому ея раздѣлу. Гораздо выгоднѣе представлялся союзъ Польши съ Россіей, потому что одна Россія имѣла жизненный интересъ въ томъ, чтобы не допускать увеличенія Пруссіи и Австріи на счетъ

Польша. Этотъ союзъ, очевидно соединенный съ полнымъ отреченіемъ отъ самостоятельной иностранной политики со стороны Польши, упрочивалъ ея зависимость отъ Россіи, но зато обезпечивалъ границы и открывалъ поприще для мирной внутренней реформы. Впрочемъ Россія не могла противиться усилению зависимой Польши, потому что такимъ образомъ пріобрѣтала себѣ въ ней стража на западѣ въ тотъ моментъ, когда напрягала всѣ свои силы къ разрѣшенію великаго восточнаго вопроса.

Станиславъ Августъ уже нѣсколько лѣтъ думалъ о союзѣ съ Россіей и съ этою цѣлью даже выѣхалъ въ Каневъ для личнаго свиданія съ Екатериною, но эта встрѣча не привела къ предполагаемому результату. Усилія короля парализовали анархическіе магнаты, именно Ксаверій Браницкій и Феликсъ Потоцкій, которые, надѣясь на связи, соединившія ихъ съ канцлеромъ россійскимъ Потемкинымъ, въ то же время представляли Екатеринѣ проектъ союза съ конфедераціей, которую они намѣривались составить и направить противъ усиленія королевской власти. Россію также удерживало опасеніе, чтобы союзъ ея, заключенный съ Польшою, не подалъ Пруссіи предлога вызвать въ Польшѣ антирусскую конфедерацію и новыя возмущенія. Итакъ королевскіе замыслы кончились ничѣмъ.

Въ этомъ еще не было несчастія. Польшѣ оставалась нейтральная политика по отношенію къ противорѣчивымъ и скрещивавшимся на ея территоріи интересамъ Пруссіи и Россіи и при этомъ напряженная работа надъ внутреннимъ поднятіемъ и усиленіемъ. Относительно того, что нужно приняться за эту работу, господствовало общее согласіе на сеймѣ, который начался въ Варшавѣ 2 октября 1788 г. и, усилившись путемъ образованія конфедераціи, продолжалъ свои занятія, съ короткими перерывами, втеченіе четырехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Первыя засѣданія сейма представляли совершенно новое зрѣлище; подъ напоромъ всеобщаго воодушевленія, передъ рѣшительною и искреннею волею спасти родину анархическіе и ретроградные элементы принуждены были совершенно умолкнуть; однимъ изъ первыхъ рѣшеній, принятыхъ раг аclamation, было постановленіе объ увеличеніи войска до ста тысячъ. И однако дѣятельность сейма въ своихъ непосредственныхъ результатахъ оказалась бесплодною и, что еще прискорбнѣе, во многомъ вредною. Люди, стремившіеся къ одной и той же цѣли, одушевленные однимъ и тѣмъ же желаніемъ, не сумѣли идти вмѣстѣ. Пылкое чувство не умѣло примириться съ политикою и разсуд-

комъ. Болѣ опытные политики соединились вокругъ короля, который несомнѣнно совѣтовалъ самый лучший путь для движенія впередъ. Не отвергая заявленій прусской пріязни, но совсѣмъ имъ не довѣряя, Станиславъ Августъ не хотѣлъ ничѣмъ раздражать Россію и стремился по крайней мѣрѣ формально сохранить гарантированную ею форму правленія, т. е. постоянный Совѣтъ, чтобы въ этихъ предѣлахъ развить энергическую дѣятельность, укрѣпить власть, повысить доходы государства и прежде всего увеличить его вооруженную силу. Эта политика короля и его партіи не сходилась однако съ понятіями болѣе горячихъ, но неопытныхъ патриотовъ, которые своимъ пыломъ и рѣшительнымъ выступленіемъ приобрѣли себѣ перевѣсъ на сеймѣ. Въ это время обнаружилось, что просвѣщеніе подняло народъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, но не дало ему политическаго смысла, который исчезъ въ Польшѣ вѣка тому назадъ, и который вырабатывается только опытностью въ общественныхъ дѣлахъ, передается и укрѣпляется по традиціи. Народъ уже создалъ себѣ идеалы, но не умѣлъ стремиться къ ихъ осуществленію.

Эта патриотическая партія, — такъ она назвала сама себя, — питала впрочемъ справедливое отвращеніе къ тѣмъ людямъ, которые напоминали ей печальное время перваго раздѣла, но не умѣла побѣдить этого отвращенія и вмѣсто того, чтобы воспользоваться подобными людьми, насколько было необходимо, оттолкнула всѣхъ ихъ, или не давая примѣненія ихъ способностямъ и дѣлая напрасными ихъ добрыя усилія или создавая изъ нихъ оппозицію. Первое относилось главнымъ образомъ къ Станиславу Августу. Всѣмъ своимъ прошлымъ онъ не представлялъ поруки въ постоянномъ характерѣ, не умѣлъ сохранить ни своего, ни національнаго достоинства, но, какъ король, онъ представлялъ власть и единственную силу, при помощи которой могли имѣть успѣхъ усилія укрѣпить государство. Точно также смотрѣли патриоты и на постоянный Совѣтъ, видя въ немъ единственно орудіе чужого вліянія. Всѣ свои реформы они старались осуществить гдѣ-то, гдѣ не было ни короля, ни Совѣта, и черезъ это приводили только къ новому замѣшательству и анархіи. Еще болѣе неловкимъ было поведеніе патриотовъ по отношенію къ все еще могущественнымъ магнатамъ, какъ Феликсъ Потоцкій, которыхъ они могли удержать, а вмѣсто того толкнули на самый пагубный путь для страны. Патриотическая партія видѣла передъ собою только одну цѣль, — свергнуть существовавшую до сихъ поръ зависимость отъ Россіи и вернуть полную независимость во внѣш-

нихъ сношеніяхъ, и для немедленнаго, мгновеннаго достиженія этой цѣли она хваталась съ безграничнымъ легкомысліемъ и напвностью за средства, пагубныя по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ. Тѣ, которые не хотѣли сомнительнаго русскаго покровительства, пошли на удочку прусской политики, прямо стремившейся къ другому раздѣлу Рѣчи Посполитой.

Отстраненная отъ австрійско-русскаго союза и его ожидаемыхъ выгодъ, Пруссія, подъ руководствомъ министра Герцберга, обратила все свое вниманіе на Польшу и рѣшила поднять е какъ слѣдуетъ противъ Россіи и тѣмъ самымъ довести до борьбы съ послѣднею. Съ этою цѣлью она черезъ своихъ пословъ, Бухгольца и затѣмъ Люккезини, направила сначала патріотическую партію противъ политики Станислава Августа, а потомъ, подерживая внутреннюю реформу, старалась о томъ, чтобы она какъ можно яснѣе была направлена противъ Россіи и поведла къ полному разрыву съ ней. Къ несчастію для Польши, это превосходно удалось Пруссіи. Станиславъ Августъ, видя, что сопротивленіе съ его стороны было бы напраснымъ, уступилъ патріотической партіи и наконецъ совершенно соединился съ нею.

Подъ вліяніемъ такихъ факторовъ развилась дѣятельность четырехлѣтняго сейма. Первыя его старанія направились главнымъ образомъ на уничтоженіе существовавшей до тѣхъ поръ формы правленія, которая возникла подъ русскимъ вліяніемъ. Поэтому уже 24 октября 1788 г. у постояннаго Совѣта были отобраны военныя дѣла, и ихъ отдали особой войсковою комиссіи; 15 декабря были учреждены избираемыя сеймиками порядковыя гражданско-военныя комиссіи (*komisye porzadkowe suwillo-wojskowe*), какъ административные органы, зависящіе отъ высшихъ властей; 19 декабря были отправлены послы къ европейскимъ дворамъ, и составленіе инструкцій для нихъ было поручено особой сеймовой депутаціи; наконецъ 19 января 1790 г. постоянный Совѣтъ былъ совершенно уничтоженъ.

Постоянный Совѣтъ не былъ совершенной правительственной формой; уничтоженіе его могло бы даже означать прогрессъ, еслибы на его мѣсто была въ то же самое время поставлена новая правительственная власть, энергическая и цѣльная; но объ этомъ не было и рѣчи. Патріотическіе послы, но неопытные политики, республиканцы по убѣжденію, уничтожая Совѣтъ, отстраняя тѣмъ самымъ короля отъ всякой власти, всю исполнительную власть передали въ руки сейма. Они предполагали, что сеймъ, рѣшающій теперь большинствомъ голосовъ, осилить эту

задачу, а не считались съ тѣмъ фактомъ, что такое многочисленное и разнородное собраніе, какъ сеймъ, никоимъ образомъ не въ состояніи успѣшно вести дѣла, требующія непрерывнаго и мелочнаго труда. Правда, сеймъ выручалъ себя коммиссіями, но эти коммиссіи, именно военная и финансовая, выступая, какъ подчиненные, не самостоятельные органы, безъ всякой связи между собою, равнымъ образомъ не могли развить энергической и согласной дѣятельности. Сеймъ постоянно вмѣшивался во всѣ ихъ дѣла, проволакивалъ и затруднялъ рѣшеніе каждаго вопроса, необходимо требовавшаго быстроты.

Печальную картину представляли также совѣщанія сейма о предметахъ, входившихъ въ кругъ дѣйствія исполнительной власти. Рядомъ съ незнаніемъ дѣла, съ обычнымъ въ концѣ XVIII вѣка ораторствомъ и неумѣньемъ помочь себѣ, явно выступило еще одно, совершенно отрицательное явленіе: оппозиція, дѣйствовавшая недобросовѣстно. Кромѣ королевскихъ сторонниковъ и патриотовъ въ сеймѣ засѣдало еще извѣстное число сенаторовъ и депутатовъ, которые или по убѣжденію, или изъ частныхъ интересовъ стремились къ золотой свободѣ и анархіи. Они ревностно поддерживали нападеніе на постоянный Совѣтъ, потому что предпочитали не имѣть никакого правительства и предвидѣли, что на сеймѣ они успѣшнѣе будутъ противиться всѣмъ намѣреніямъ укрѣпленія государства. По уничтоженіи Совѣта, когда сеймъ захватилъ въ свои руки исполнительную власть, они мастерски выполнили свое предпріятіе. Прикрываясь личной патриотизма, весьма шумно сражаясь фразами, они умѣли до безконечности протягивать всякій споръ, дѣлать напраснымъ каждый разсудительный шагъ, прерывать и нарушать реформу войска и налоговъ ничтожными, но чрезвычайно раздутыми вопросами, какъ на примѣръ, опасеніемъ бунтовъ на Украйнѣ и наказаніемъ Адама Понинскаго. Между ними отличался краснорѣчіемъ Суходольскій, но главою ихъ былъ печальной памяти гетманъ Браницкій. Миновалъ уже цѣлый годъ съ открытія сейма. Были установлены налоги съ духовныхъ имѣній и староствъ и подходящий налогъ, названный «пожертвованіемъ десятаго гроша» (*offiara dziesiatego grosza*), было установлено нѣсколько наборовъ, но эти средства, полезныя во время мира, совсѣмъ не соответствовали данному положенію. Недостатокъ исполнительной власти произвелъ то, что налоги не были собраны надлежащимъ образомъ, что малый доходъ не позволилъ собрать, вооружить и обучить установленное число солдатъ. Никогда и нигдѣ недостатокъ

политическаго смысла не губилъ больше доброй воли, самоотверженія и трудовъ. Послѣ открытаго почти вызова Россіи, страна, несмотря на длившіяся цѣлый годъ совѣщанія сейма, очутилась безъ защиты.

Счастье, что эта защита въ то время не понадобилась. Россія и Австрія такъ были озабочены войною, ведшеюся съ Турціей, что не могли выступить въ польскомъ вопросѣ. Онѣ, правда, легко могли произвести другой раздѣлъ, но на невыгодныхъ для себя условіяхъ,—съ очевидной выгодой для Пруссіи и съ превосходствомъ ея, не занятой никакимъ другимъ вопросомъ. При такихъ условіяхъ Екатерина подавила свое раздраженіе противъ Польши и совѣмъ развязала полякамъ руки до тѣхъ поръ, пока сама не рассчитается съ Турціей. Видя, что Пруссія стоитъ за патріотическую партію въ Польшѣ и стремится вызвать раздоры, Россія уступила требованіямъ, смѣло предъявленнымъ Польшею, удалила свое войско и магазины изъ юго-восточныхъ провинцій Рѣчи Посполитой и, слѣдуя совѣту Кауница, сохранила спокойствіе даже по отношенію къ проектамъ союза, который Польша предлагала Пруссія. Взамѣнъ Гданска и Торна Пруссія должна была вмѣстѣ съ Польшею выступить противъ Австріи и помочь Рѣчи Посполитой вернуть Галицію. Однако патріотическая партія не могла провести эти условія. Оппозиція, подъ предводительствомъ Браницкаго, все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе дѣйствуя въ пользу Россіи, подъ предлогомъ патріотизма возбуждала общественное мнѣніе въ Польшѣ противъ какихъ бы то ни было территоріальныхъ уступокъ. Итакъ дѣло кончилось 29 марта 1790 г. соглашеніемъ, по которому Пруссія обѣщалась защищать цѣлость и независимость Польши противъ двухъ другихъ сосѣдей, безъ упоминанія о Торнѣ и Гданскѣ. Этотъ союзъ, не принося Пруссіи никакой выгоды, заключенный недобросовѣстно, долженъ былъ послужить только для большей натянутости отношеній между Польшею и Россіей. Гроза имъ Россіи, Пруссія ждала только, когда Россія обратится противъ Польши, и увѣряла себя, что она безъ соглашенія съ нею не можетъ окончательно этого сдѣлать.

Между тѣмъ въ Польшѣ довѣрились союзу и, видя себя въ первый разъ за сто лѣтъ освобожденными отъ внѣшняго давленія, съ жаромъ ухватились уже не за вопросъ о налогахъ и войскѣ, но за внутреннюю организацію. Недавній опытъ убѣдилъ разумныхъ и просвѣщенныхъ патріотовъ, что правленіе сейма не въ состояніи удовлетворить существеннымъ потребностямъ народа,

что сильная исполнительная власть должна самостоятельно выступить и действовать рядомъ съ сеймомъ. Станиславъ Августъ, человекъ слабого характера, увидѣвъ въ патріотической партіи силу, на которую можно опереться, склонился на ея сторону и присоединился къ ея усиліямъ. Вслѣдствіе этого уменьшилось недобѣріе къ королю, пало великое препятствіе для правительственной реформы. Однако это были второстепенныя обстоятельства. Наибольшую побудительную причину къ дѣлѣ реформы было общее политическое направленіе, которое охватило всѣ болѣе образованные умы, было горячее желаніе исправить зло, загладить безчестіе, которымъ покрыла народъ вѣковая анархія, была глубокая вѣра, что эта общественная и политическая реформа, составленная по самымъ лучшимъ образцамъ, будетъ вѣрною помощью. Примѣръ современной великой французской революціи также подѣйствовалъ потрясающимъ образомъ на умы поляковъ, которые свое политическое образованіе почерпали изъ французскихъ отношеній и французской литературы, хотя нужно признать, что этотъ примѣръ не внушилъ слѣпого подражанія. Подъ такимъ вліяніемъ совершилось дѣло внутренней реформы на четырехлѣтнемъ сеймѣ.

Оно прошло черезъ три фазы, съ каждымъ разомъ принимая болѣе опредѣленный видъ, выигрывая въ практичности и внутренней цѣнности. Уже 23 декабря 1789 г. по представленію Игнаціемъ Потоцкимъ: «Основаній для исправленія формы правленія» сеймъ установилъ общія идеи, согласно которымъ особая депутація должна была во всѣхъ подробностяхъ выработать форму правленія и представить ее на утвержденіе сейма. Эта еще очень незрѣлая вещь, не порывавшая окончательно съ гибельной традиціей, прошла однако только среди упорной оппозиціи ревнителей золотой свободы. «Основанія» признавали верховную власть въ государствѣ за владѣющею имѣніями шляхтою, которая собирается на воеводскихъ сеймикахъ, и съ нихъ высылаетъ на сеймъ своихъ депутатовъ съ обязательными инструкціями. Сеймики рѣшаютъ все, сеймъ служитъ только для собранія и счета сеймиковыхъ голосовъ, представленныхъ въ инструкціяхъ. Единогласіе инструкцій необходимо для установленія основныхъ законовъ (*prawa kardynalne*), большинство трехъ четвертей—для законовъ политическихъ, большинство двухъ третей—для законовъ финансовыхъ, простое большинство—для законовъ гражданскихъ и уголовныхъ. Исполненіе утвержденныхъ законовъ сеймъ поручаетъ особымъ властямъ, которыхъ онъ выбираетъ, именно: королю,

министрамъ, судьямъ и т. п., и надъ которыми послѣдній контроль онъ удерживаетъ за самимъ собою. Несомнѣнно разумнымъ «основаніемъ» было исключеніе изъ сеймиковъ массы безпомѣстной шляхты и обузданіе такимъ способомъ олигархіи, но перенесеніе центра тяжести съ сейма на сеймики посредствомъ стѣснительныхъ инструкцій дѣлало парламентскую машину еще болѣе, чѣмъ дотогѣ, неповоротливой, а сохраненіе единогласія инструкцій при установленіи основныхъ законовъ было уступкою анархической традиціи. Наконецъ все, что относилось въ «Основаніяхъ» къ исполнительной власти, по меньшей мѣрѣ было очень неяснымъ и неопредѣленнымъ. Исполнительная власть была признана за королемъ и его министрами, однако ему не были опредѣленно подчинены исполнительныя комиссіи; былъ сохраненъ непрерывный контроль сейма, черезъ что въ нѣдрахъ правительственной власти должно было возникнуть разложеніе, и всякая энергія въ дѣйствіяхъ становилась невозможною.

«Основанія для исправленія формы правленія» не могли послужить свидѣтельствомъ существеннаго улучшенія этой формы и имѣли только то значеніе, что возбудили въ широкихъ размѣрахъ споръ о предполагаемой реформѣ на сеймѣ и среди общественнаго мнѣнія, въ разговорахъ и въ обширной литературѣ политическихъ брошюръ. Въ такого рода школѣ понятія выяснялись, исправлялись и обращались на болѣе вѣрную дорогу. Большимъ шагомъ впередъ были также «Основные законы», представленные депутаціей почти черезъ полгода, 5 августа 1790 г., послѣ утвержденія «Основаній». Эти законы допускали горожанъ до обладанія поземельными имѣніями и до военныхъ чиновъ, обезпечивали за крестьянами личную свободу и покровительство государственныхъ законовъ, укрѣпляли королевскую власть, предлагая ввести избраніе королевскихъ родовъ вмѣсто выбора отдѣльныхъ королей и возвращая королю право назначенія чиновниковъ. Уже при жизни Станислава Августа и притомъ въ самомъ скоромъ времени должна была быть выбрана царствующая династія въ лицѣ курфирста саксонскаго и его потомковъ. Проектъ, шедшій такъ далеко и состоявшій изъ 89 параграфовъ, вызвалъ упорную оппозицію со стороны приверженцевъ золотой свободы; бесплодно тянулся споръ, а сеймъ, находясь не въ полномъ составѣ вслѣдствіе оппозиціи, не обладалъ мужествомъ для того, чтобы простымъ большинствомъ голосовъ рѣшить такой основной вопросъ, и опасался массы шляхетскаго общества, которое еще не отреклось отъ старинныхъ традицій. Постановлено

было увеличить число депутатов и такимъ образомъ дать силу сейму и одновременно универсаломъ 24 сентября 1790 г. вопросъ объ избраніи былъ отданъ на утверженіе сеймиковъ.

Сеймики, то есть народъ-шляхта, значительнымъ большинствомъ высказались и за реформу и за вступленіе на престолъ курфирста саксонскаго, но только нѣсколько сеймиковъ—за наслѣдственность престола. Новые депутаты усилили партію патріотовъ и ободрили ее къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій. 16 декабря собрался увеличенный сеймъ. Результатомъ новаго направленія былъ законъ о сеймикахъ и важный законъ о городахъ, окончательно утвержденный 18 апрѣля 1791 г. Онъ производилъ большой переворотъ въ тогдашней организаціи Рѣчи Посполитой.

Мы уже говорили выше, что во второй половинѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ вновь возникавшей промышленности и торговли, подъ вліяніемъ распространявшагося просвѣщенія, населеніе главныхъ городовъ, и особенно Варшавы, стало возрастать, богатѣть и болѣе сознавать свою самостоятельность. Снова появился элементъ, который началъ соперничать со шляхтою и въ экономическомъ отношеніи, и въ патріотизмѣ, и въ просвѣщеніи. Отголосокъ великихъ событій французской революціи, въ которыхъ горожане играли главную роль, придавъ мужество этому элементу; среди него нашлись люди выдающагося характера, какъ Янъ Декертъ, варшавскій городской голова, которые склонили горожанъ къ большему единенію и выступили съ требованіемъ возвратити городамъ необходимую для нихъ самостоятельность и политическія права. Эти требованія исполнилъ наконецъ четырехлѣтній сеймъ посредствомъ городского положенія и образовалъ изъ городского элемента новую и сильную опору предложенной реформѣ. На горожанъ было распространено правило «*neminem captivabimus*», города были освобождены отъ всякой исключительной юрисдикціи, имъ было возвращено полное самоуправленіе; шляхта, проживавшая въ городахъ, была подчинена городскимъ законамъ; былъ уничтоженъ обычай, по которому занятіе торговлей или промышленностью влекло за собою потерю шляхетскаго достоинства; горожанамъ былъ открытъ доступъ къ пріобрѣтенію поземельныхъ имѣній, къ офицерскимъ чинамъ въ войскѣ (за исключеніемъ національной кавалеріи), къ судейскому сословію и къ каноничеству, облегчено полученіе шляхетства. За семью болѣе значительными городами въ каждой изъ трехъ «провинцій» Рѣчи Посполитой было признано право отправлять

уполномоченныхъ, которые на сеймѣ имѣли только право заявить свое мнѣніе, но въ извѣстномъ колпчествѣ входили въ составъ фпнансовой и полицейской комиссій и ассессорскаго суда, слѣдовательно въ составъ верховной правительственной власти. Въ сферѣ мѣстнаго управленія городамъ была сдѣлана та же самая уступка: имъ дозволили отправлять комиссаровъ въ составъ порядковыхъ воеводскихъ комиссій.

Но когда со всей свободой вознамѣрились осуществить подобнымъ образомъ дѣло реформы, внезапно началъ омрачаться ясный дотолѣ политическій горизонтъ. Въ Англіи пало непріязненное Россіи министерство Питта, Пруссія увидѣла себя изолированной въ своей антирусской политикѣ и, въ то же время, теряя надежду выторговать что-либо въ Польшѣ, стала сближаться съ Россіей на очевидную гибель поляковъ. Только при видѣ этой опасности патріотическая партія пробудилась къ болѣе поспѣшной дѣятельности. Предводители патріотовъ въ соглашеніи съ королемъ составили проектъ новой конституціи, основанный на предшествовавшихъ подготовительныхъ работахъ, но шедшій гораздо дальше ихъ, потому что онъ заходилъ даже до наследственности трона, — и рѣшили провести его за однимъ разомъ. Намѣреніе удалось весьма хорошо. Пользуясь тѣмъ, что послѣ пасхальныхъ праздниковъ съѣхались еще не всѣ оппозиціонные депутаты, король внесъ проектъ конституціи 3 мая 1791 г. и значительное большинство участвовавшихъ на сеймѣ, обходя предписанныя регламентомъ совѣщанія, приняло его *par acclamation* и немедленно, вмѣстѣ съ королемъ, присягнуло ему, какъ основному закону.

Кромѣ вступительнаго пункта, который признаетъ католическую религію господствующей, но предоставляетъ свободу всѣмъ другимъ религіямъ и вѣроисповѣданіямъ, конституція 3 мая въ одиннадцати обширныхъ пунктахъ заключаетъ главные принципы будущей общественной и политической организаціи.

Существовавшее до тѣхъ поръ устройство польскаго общества, дѣленіе на три сословія: шляхетское, городское и сельское, остается неизмѣненнымъ въ этой конституціи. Города удерживаютъ права, недавно утвержденныя; за крестьянами признано покровительство закона единственно въ договорахъ, которые они стали бы заключать съ своими помѣщиками. Не будемъ однако осуждать руководителей четырехлѣтняго сейма за то, что они такъ мало подражали французскимъ революціонерамъ. «Права чловѣка», провозглашенныя въ польской конституціи, не вы-

звали бы въ Польшѣ тѣхъ послѣдствій, что во Франціи, потому что польское общество еще не было подготовлено къ нимъ; они только пропзвели бы въ немъ волненіе и тѣмъ самымъ затруднили бы дѣло политической реформы, въ которомъ было усмотрѣно самое скорое средство спасенія отчизны.

Въ политической реформѣ заключается все значеніе конституціи. «Узнавъ изъ продолжительнаго опыта старинныя недостатки нашей формы правленія», законодатели четырехлѣтняго сейма окончательно порываютъ съ свободнымъ избраніемъ, *liberum veto*, единогласіемъ, независимостью должностей, конфедераціей, дѣлятъ государственную власть на три отдѣльныя, самостоятельныя вѣтви: законодательную, исполнительную и судебную, точно намѣчаютъ ихъ взаимныя границы и каждую изъ этихъ властей основываютъ на разумныхъ и практическихъ принципахъ.

Законодательная власть составляется изъ посольской избы и избы сенаторской, въ которой совѣщаются епископы, воеводы, кастеляны и министры подъ предсѣдательствомъ короля. Каждая изба совѣщается отдѣльно, но при обыкновенныхъ постановленіяхъ (единовременные налоги, бюджетъ, война, трактаты) голоса обѣихъ палатъ считаются вмѣстѣ; въ законодательствѣ же и въ установленіи постоянныхъ налоговъ сенаторская изба можетъ только отсрочить до ближайшаго сейма постановленіе избы посольской. «Все и всюду должно быть рѣшено большинствомъ голосовъ», но основы конституціи сеймъ можетъ перемѣнять только черезъ каждыя двадцать пять лѣтъ для того, чтобы избѣжать слишкомъ скорыхъ переворотовъ.

Если въ законодательствѣ участіе короля ограничивалось предсѣдательствомъ въ сенатѣ и рѣшающимъ голосомъ въ случаѣ равенства голосовъ, то зато вся исполнительная власть была передана ему. Оставляя свободное избраніе, но соединяя его съ семейнымъ престолонаслѣдствомъ и намѣчая ближайшую династію въ лицѣ курфирста саксонскаго Фридриха Августа и его потомковъ, въ дѣйствительности сдѣлали престоль наслѣдственнымъ и прочнымъ. Функціи исполнительной власти король управляетъ посредствомъ министровъ (такъ наз. стражи — *stráž*), которыхъ назначаетъ самъ, но которые отвѣтственны передъ сеймомъ. Ему, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и министрамъ, подчиняются всѣ другія правительственныя учрежденія: правительственныя и воеводскія комиссіи. Исполнительной власти принадлежало внутреннее управленіе государствомъ въ предѣ-

лахъ, указанныхъ законами и постановленіями сейма, и предварительные переговоры съ иностранными государствами. Какъ далеко простиралась эта реформа, лучше всего можно видѣть изъ того, что она должна была столкнуться даже съ люблинской уніей 1569 г. и выговоренное въ ней отдѣльное правительство для Литвы уничтожить особымъ установленіемъ. Наконецъ конституція предоставляла полную независимость судебному вѣдомству, оставляя подробныя улучшения его послѣдующимъ постановленіямъ, и предлагала потрудиться надъ кодификаціей гражданскихъ и уголовныхъ законовъ.

Эти общіе принципы окончателно рѣшали вопросъ о дальнѣйшемъ внутреннемъ развитіи Рѣчи Посполитой. Ихъ нужно было развитъ въ подробныхъ постановленіяхъ и осуществить. Эту трудную законодательную задачу сеймъ исполнилъ теперь съ удивительнымъ сравнительно успѣхомъ и съ необычайнымъ законодательнымъ смысломъ. Менѣе, чѣмъ въ годъ были готовы пространныя постановленія о сеймѣ и сеймикахъ, о королевской «стражѣ» (министрахъ) и комиссіяхъ, о судахъ и трибуналахъ, а многочисленные проекты указывали на то, что сеймъ, разъ вступивъ на путь реформы, развилъ бы ее и въ направленіи общественной организаціи.

Въ законодательномъ отношеніи четырехлѣтній сеймъ исполнилъ свою задачу замѣчательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ способомъ. Четыре года продолжался его трудъ, время нисколько не продолжительное, если принять во вниманіе, съ какими трудностями приходилось ему бороться въ этой области, и какія постановленія онъ оставилъ по себѣ, если принять во вниманіе, что реформа, которую онъ выполнилъ, не была искусственно навязанною, но вышла изъ нѣдръ самого народа и созрѣла только въ продолженіе сейма. По этому самому она была свидѣтельствомъ возрожденія, исправляла ошибки прошлаго, въ качествѣ программы простиралась въ будущее, вела народъ къ новому развитію и давала ему право жить.

Гдѣ однако шло дѣло о «быть или не быть», тамъ реформа правительственной власти не могла быть достаточной. Нуженъ былъ политическій смыслъ, нужно было сообразоваться съ данными условіями, а до этого не возвысился еще ни польскій народъ, ни его сеймъ. Польша не хотѣла постепенной и мирной реформы путемъ подчиненія Россіи и не пыталась на такую реформу; пользуясь временнымъ случаемъ, она провела рѣшительную реформу, направила ее прямо противъ существовавшего до

сихъ поръ вліянiя Россiи, а силъ своихъ не сосчитала. Суть заключалась, очевидно, не въ сыромъ запасѣ такихъ силъ. И по своему пространству, и по населенiю Польша составляла еще не послѣднее государство. Дѣло шло только о возможности сосредоточенiя этихъ силъ и объ ихъ соответственномъ употребленiи. И вотъ четырехлѣтній сеймъ выполнилъ въ этомъ отношенiи одно изъ условiй, учредилъ правительственную власть, вокругъ которой могли сосредоточиться усилiя, направленные къ защитѣ, но не былъ въ состоянiи или не умѣлъ создать другiя условiя.

Пока дѣло шло о составленiи новыхъ законовъ, масса народа-шляхты легко поддавалась стремленiю просвѣщенныхъ людей, выступавшихъ съ энергiей и искреннимъ воодушевленiемъ; когда же пришлось поддержать эти законы, то оказалось, что въ большинствѣ народа не доставало этого воодушевленiя, а въ отдѣльныхъ личностяхъ проявились анархическія стремленiя, для подавленiя которыхъ не хватало мужества и традиціи. Съ такимъ настроенiемъ долженъ былъ считаться и король, и его правительство, и засѣдавшіе на сеймѣ. Для привлеченiя оппозиціи король составилъ министерство изъ самыхъ противоположныхъ элементовъ, которые не могли стараться дѣйствовать единообразно. Въ составъ его, рядомъ съ Гугономъ Коллонтаемъ и Игнатiемъ Потоцкимъ, предводителями патріотической партіи, вошли извѣстные предводители оппозиціи и сторонники Россiи, канцлеръ Малаховскій и гетманъ Браницкій. Чтобы привлечь меньшинство къ конституціи, большинство на сеймѣ до чрезвычайности считалось съ этимъ меньшинствомъ, въ продолжительныхъ совѣщанiяхъ замедляло или ослабляло важныя постановленiя для привлеченiя массы шляхты; задержано было установленiе чрезвычайныхъ налоговъ, безъ которыхъ не могло быть рѣчи о выставленiи соответственной вооруженной силы. Въ октябрѣ 1791 г. занялись серьезнѣе вопросомъ о войскахъ и финансахъ, однако не прошло радикальное средство немедленной продажи коронныхъ имѣнiй для прiобрѣтенiя капиталовъ на веденiе войны; едва только въ маѣ 1792 г. собрались увеличить подати, но это увеличенiе не могло быть достаточно. Блестящiе, но исключительные примѣры пожертвованiй отдѣльныхъ личностей не могли замѣнить недостатка общественной готовности къ жертвамъ. Распоряжаясь незначительными средствами, военныя власти, несмотря на усердную дѣятельность, не могли выставить въ послѣднюю минуту болѣе 45.000 человекъ, которымъ многого не доставало относительно запасовъ, обученiя и дисциплины. Съ такими средствами

Польша не могла выступить дѣятельно и самостоятельно въ одинъ изъ самыхъ грозныхъ моментовъ, который приближался для всѣхъ государствъ Европы.

§ 105. *Второй и третій раздѣлы Речи Посполитой (1792—1795).*

Этотъ моментъ вызвала французская революція, потрясая прежнія основы государственнаго быта. Для защиты заключеннаго въ тюрьму Людовика XVI и угрожаемыхъ монархическихъ принциповъ императоръ Леопольдъ III составилъ коалицію съ Пруссіей противъ Франціи. Это произошло черезъ два мѣсяца послѣ 3 мая 1791 г. Польская конституція была коалиціи на руку, именно: болѣе самостоятельная Польша, казалось, обезпечивала Австрію отъ возможнаго выступленія Россіи. Поэтому Леопольдъ II, впрочемъ искренно благопріятствуя Польшѣ, предпринялъ вмѣстѣ съ Пруссіей обезпеченіе Польши и ея конституціи отъ Россіи и старался, хотя напрасно, чтобы Россія признала конституцію. Однако эти благопріятныя для Польши условія скоро пзмѣнились. Въ началѣ 1792 г. Екатерина заключила миръ съ Турціей, обратилась къ польскому вопросу, предъявила протестъ противъ наслѣдства саксонской династіи на польскомъ престолѣ и, видя невозможность самостоятельно выступить противъ Польши, защищенной Пруссіей и Австріей, вступила въ переговоры съ Пруссіей, всегда готовой къ этому. Въ эту минуту умираетъ Леопольдъ II, а преемникъ его, Францъ I, занятый исключительно Франціей, упускаетъ Польшу изъ виду. Война коалиціи съ Франціей, начатая въ апрѣлѣ 1792 г., ведется несчастливо; союзники встрѣчаютъ большее, чѣмъ они ожидали, сопротивленіе; Пруссія приходитъ къ убѣжденію, что она мало можетъ выгадать въ этой войнѣ, оставляетъ французскій вопросъ и, вѣроломно нарушая союзъ, заключенный съ Польшей, соединяется съ Россіей противъ нея. Такимъ образомъ Польша отвлекла опасность, грозившую Франціи,—на свою погибель.

Уже 18 мая 1792 г. Россія объявила Польшѣ черезъ своего посла Булгакова о вступленіи войскъ на территорію Речи Посполитой для возстановленія прежней гарантированной формы правленія. Въ то же время Феликсъ Потоцкій, Ксаверій Браницкій и Северинъ Ржевускій, подъ руководствомъ петербургскаго двора, составили конфедерацію въ Тарговицѣ для уничтоженія конституціи 3 мая и для возстановленія прежней свободы, а собственно олигархіи, лучше всего приходившейся имъ по душѣ.

Итакъ Польша увидѣла не только военныя силы Россіи, но, кромѣ того, внутренняго врага, который долженъ былъ губительно противодѣйствовать напряженію ея силъ. Война началась одновременно въ двухъ мѣстахъ. Литовскій корпусъ, находившійся подъ предводительствомъ иностранца, принятаго за ручательствомъ Пруссіи, Людовика, герцога Виртембергскаго, былъ разбитъ почти безъ боя. Польскій корпусъ, подъ предводительствомъ князя Іосифа Понятовскаго и подчиненныхъ ему генераловъ Костюшки и Зайончека, отступалъ, со славою сражаясь съ непріателемъ, превосходившимъ силою, на барушковидцкой плотнѣ, при Зеленцахъ (18 іюня 1792) и подъ Дубенкою. Однако до генеральнаго сраженія дѣло не дошло.

Подъ прикрытіемъ русскихъ войскъ, подвигавшихся въ глубь страны, поддерживая ихъ въ свою очередь, росла тарговицкая конфедерачія. Въ это время обнаружилось, что «возрожденіе» не охватило еще всего народа, что конституція 3 мая не умѣла говорить большинству и втянуть его въ свои интересы. При иныхъ внѣшнихъ условіяхъ она современемъ укрѣпилась бы и искоренила бы элементы анархіи, которые она умѣла преодолевать, пока они были предоставлены самимъ себѣ. Но когда непріатель обратился къ этимъ элементамъ, они откликнулись на его призывъ, а конституція утратила свое могущество и обаяніе. Большое количество шляхты, которая уже поддалась патріотической партіи и присягнула конституціи, переходило теперь на сторону конфедерачіи. Одни дѣлали это въ надеждѣ на поживу имуществами патріотовъ, которыя подлежали конфискаціи или грабежу, другіе шли за старинной, только на время подавленной традиціей ниспроверженія всякой правительственной власти; большинство же, люди близорукіе и слабые, подчинялись обаянію, которое окружаетъ силу. Въ своемъ ослѣпленіи они не предвидѣли, куда это неизбѣжно поведетъ.

Къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ самъ король Станиславъ Августъ. Онъ обманывался, если предполагалъ, что отступленіемъ отъ конституціи спасетъ государство, въ сущности онъ заботился главнымъ образомъ о спасеніи трона, хотя бы и на унижительныхъ условіяхъ; будучи слабъ характеромъ, онъ цѣплялся за болѣе сильную сторону; недостатокъ нравственной силы не позволялъ ему увидать, чѣмъ могло стать въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ спасеніе той народной чести, которая была ввѣрена его попеченію. Король пытался спасти страну назначеніемъ великаго князя Константина своимъ преемникомъ, когда же Россія

отвергла этотъ проектъ, онъ созвалъ министровъ на совѣщаніе 24 іюля 1792 г. и, заручившись на немъ большинствомъ голосовъ, прекратилъ дальнѣйшую оборону и по требованію Россіи приступилъ къ тарговицкой конфедераціи. Самые выдающіеся патріоты и знаменитые предводители войска, не чувствуя себя въ силахъ обороняться противъ воли короля, удалились изъ родины за границу, а народъ, предоставленный себѣ самому, перешелъ подъ управленіе торжествующей тарговицкой конфедераціи. Она уничтожала важнѣйшія постановленія четырехлѣтняго сейма, проектировала новую, республиканскую, — собственно олигархическую, — форму правленія и, конфискуя имущества своихъ противниковъ, обогащала ими своихъ главнѣйшихъ сторонниковъ.

Однако это хозяйничанье не должно было продолжаться долго. Одно уже присоединеніе короля къ конфедераціи было личнымъ ударомъ для ея предводителей, которые составили ее главнымъ образомъ противъ короля и для сверженія его съ престола. Между тѣмъ по настойчивому требованію Пруссіи велись переговоры относительно втораго раздѣла Польши. Прусскія войска вступили въ западныя провинціи Рѣчи Посполитой, а 23 января 1793 г. состоялось соглашеніе относительно раздѣла между Пруссіей и Россіей. Внезапно спало бѣльмо съ глазъ конфедератовъ, которые, несмотря на недавній примѣръ, полагали, что, выступая противъ собственнаго правительства, они не навлекаютъ на самую страну никакой опасности. Противъ прусскихъ войскъ они потребовали помощи отъ Россіи и, не получивъ ея, отвѣтили всеобщимъ ополченіемъ — въ прекрасно написанномъ манифестѣ, который однако не былъ въ состояніи никого подвинуть въ моментъ общаго расслабленія умовъ. Тогда относительно лучшіе элементы удалились изъ конфедераціи, а тѣ, которые остались въ ней, подъ руководствомъ Браницкаго и Коссаковскихъ, согласились созвать сеймъ въ Гроднѣ, который, подъ давленіемъ русскаго посла Сиверса и вооруженной силы, утвердилъ въ іюль и въ августѣ договоры о раздѣлѣ съ Россіей и Пруссіей.

На основаніи этого раздѣла Пруссіи досталась остальная часть королевской Пруссіи и Великой Польши, за исключеніемъ воеводства мазовецкаго, а Россіи вся Бѣлоруссія и южная Русь, за исключеніемъ западной части Волыни. Отъ обширной Рѣчи Посполитой осталась уже только небольшая часть, которой на гродненскомъ сеймѣ Россія возвратила форму правленія 1775 г., т. е. постоянный Совѣтъ, и, держа свои гарнизоны въ важнѣйшихъ

пунктахъ страны, приказала ограничить польское войско до пятнадцати тысячъ.

Однако это ограниченіе сдѣлалось сигналомъ для новаго движенія, которое подготовлялось въ болѣе подвижной и болѣе пылкой части народа подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій. Первымъ выказалъ вооруженное сопротивленіе редукиці генераль Мадалинскій. 24 марта 1794 г., подъ предводительствомъ генераловъ Оаддея Костюшки и Юсифа Водзицкаго и подъ верховнымъ управленіемъ перваго, провозглашено возстаніе въ Краковѣ. Къ нему присоединились, кромѣ войска, городской элементъ и патріотическая часть шляхты; обратились въ первый разъ не безуспѣшно къ сельскому люду. Побѣда подъ Рацлавницами, одержанная Костюшкою 4 апрѣля надъ отрядами генераловъ Торماسова и Денисова, ободрила къ возстанію Варшаву и Вильну. 18 апрѣля удалился изъ Варшавы русскій гарнизонъ послѣ упорной двухдневной борьбы съ войскомъ и городскимъ населеніемъ, 23 апрѣля захватилъ Вильну полковникъ Ясинскій внезапнымъ нападеніемъ на русскій гарнизонъ. Король, отстраненный отъ власти, примкнулъ однако къ возстанію. Вскорѣ впрочемъ начали собираться застигнутыя врасплохъ въ первый моментъ превосходившія поляковъ численностью русскія и прусскія силы, и подъ ихъ натискомъ силы повстанцевъ, среди непрерывныхъ пораженій, отступаютъ къ Варшавѣ. 6 іюня Костюшко далъ несчастную битву при Щекоцинахъ (въ краковскомъ воеводствѣ) русскимъ и прусскимъ войскамъ, 8 іюня русскіе разбили генерала Зайончека подъ Холмомъ (въ люблинскомъ воеводствѣ), 15 іюня пруссаки заняли Краковъ; въ Варшавѣ подъ руководствомъ радикальной партіи, подражавшей французской революціи по инициативѣ Коллонтая, начались грозныя вѣшанія безъ суда и митежи; не безъ труда было возстановлено спокойствіе Костюшкой.

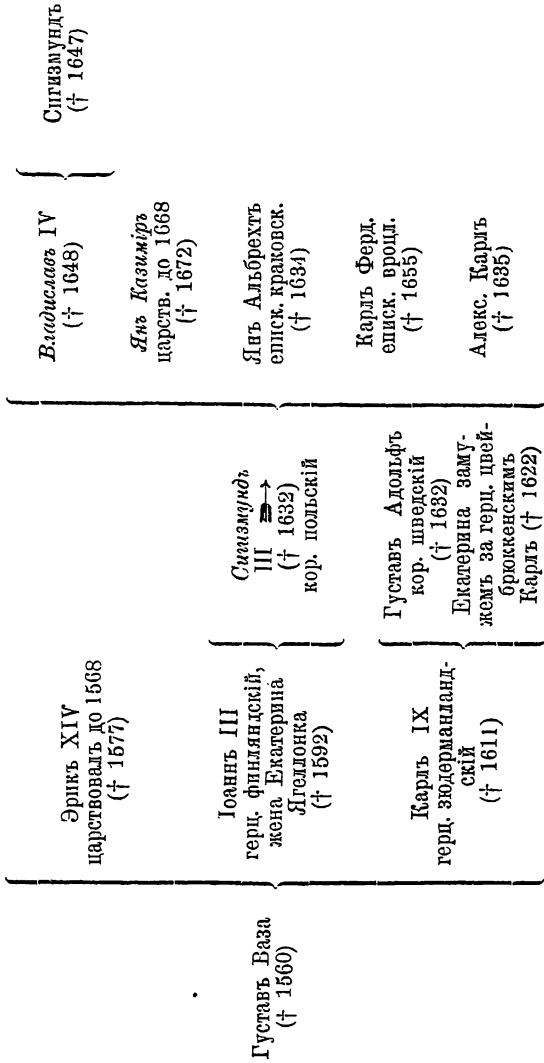
Прусскому королю, правда, не удалась осада Варшавы, потому что, встрѣтивъ сильное сопротивленіе въ ней и угрожаемый съ тыла, онъ долженъ былъ отступить отъ нея. Но между тѣмъ какъ великопольское возстаніе, подъ предводительствомъ Генриха Домбровскаго, успѣшно развивается и наноситъ пруссакамъ чувствительныя пораженія, русскіе справились съ возстаніемъ на Литвѣ, 11 августа заняли Вильну, а 16 сентября послѣ кровопролитной битвы подъ Крупчицами принудила генерала Страковскаго отступить за линію Буга. Наконецъ генераль Ферзенъ въ рѣшительной битвѣ подъ Мацѣвицами разбилъ 10 октября главныя польскія силы и самого ихъ вождя, тяжело раненаго Костюшку,

взялъ въ плѣнъ, а главнокомандующій русской арміи Суворовъ послѣ кровопролитнаго штурма Праги овладѣлъ Варшавою 8 ноября 1794 г.

Побѣдоносная Россія увидѣла однако себя принужденною дать новый выкупъ въ пользу Пруссіи и Австріи. Такимъ образомъ въ 1795 г. трактатами отъ 3 января и 24 октября произведенъ былъ третій раздѣлъ Рѣчи Посполитой. Пруссія пріобрѣла по нему всю страну на западъ отъ Пилицы, Буга и Нѣмана вмѣстѣ съ Варшавою, Австрія — всю страну въ предѣлахъ Пилицы и Буга съ Краковомъ, остальное же съ Вильною — Россія. Польское государство исчезло съ географической карты Европы. Возстаніе достигло только одной изъ своихъ цѣлей, исправило въ исторіи народа тарговицкую конфедерацію, и поэтому обладаетъ большимъ нравственнымъ значеніемъ въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ.

Объ этихъ фактахъ можно или говорить весьма обширно, или ограничиться сухимъ записываніемъ датъ. Желая оцѣнить ихъ, слѣдовало бы привлечь къ обсужденію послѣдующую исторію не только поляковъ, но и всей Европы.

Генеалогическая таблица династїи Ваза.

ОБЩЕ ВЫВОДЫ.

По мѣрѣ силъ и средствъ мы исполнили свою задачу. Картина историческаго развитія Рѣчи Посполитой стоитъ передъ глазами читателей; насколько она отлична отъ тѣхъ изображеній, которыя начертили наши предшественники, это каждый уже рѣшилъ.

Во имя нагой исторической правды намъ приказала дать такую картину та научность, о которой мы говорили, приступая къ сочиненію. Спросимъ теперь, сходитесь ли девизъ науки съ девизомъ польской національной дѣятельности и работы, соответствуютъ ли результаты науки условіямъ и потребности жизни.

*
* *

Главное сомнѣніе въ этомъ отношеніи могло бы возбудить во внимательномъ читателѣ изображенное нами развитіе катастрофы, мѣстомъ дѣйствія которой стала польская исторія въ продолженіе трехъ послѣднихъ столѣтій. Въдъ многіе историки, смотря открытыми глазами на польскіе ошибки и грѣхи, окончательную причину несчастья и потерю политическаго существованія взваливаютъ все-таки на внѣшнее насиліе, на испорченность сосѣдей! Мы представили дѣло иначе. Не оспаривая признанной неправды, не оправдывая совершеннаго беззаконія, мы выступили противъ утвержденія, что польскій народъ палъ только отъ чужого насилія, и причину несчастья искали въ самихъ полякахъ.

Не было государства въ Европѣ, противъ котораго въ новое время, при общей борьбѣ за существованіе, не злоумышляли бы его сосѣди, на которое они не направляли бы грозныхъ войскъ со всѣхъ сторонъ, и однако даже сравнительно небольшія націи съумѣли удержаться и выйти побѣдоносно изъ этой борьбы, потому что физической силѣ опъ противопоставили свою нрав-

ственную силу, силу своей внутренней сосредоточенности, самопожертвованія, порядка и согласія. Поляки, когда ихъ дѣлили сосѣди, не были несоразмѣрно слабѣе ни одного изъ нихъ ни пространствомъ страны, ни числомъ населенія, ни матеріальнымъ благосостояніемъ, ни умственнымъ развитіемъ, даже превышали каждаго если не въ одномъ, то въ другомъ отношеніи, и однако лишь одни поляки пали, и притомъ безъ борьбы, безъ настоящей борьбы, на которую ихъ хватило бы.

Катастрофа раздѣловъ не обрушилась на Польшу неожиданно. Она подготовлялась издавна, со времени примирительнаго сейма 1717 г., который подчинилъ Польшу чужой опеке и зависимости. Соглашеніе сосѣднихъ державъ относительно раздѣла Польши осуществилось не легко и не сразу. Искусная политика и дипломатія со стороны поляковъ была бы, быть можетъ,—какъ это предполагаетъ Калинка,—достаточною для того, чтобы уничтожить это соглашеніе. Тѣ, которые дѣлили Польшу, нерѣдко находились въ грозныхъ раздорахъ между собою; не одинъ помогъ бы полякамъ, еслибы и они въ свою очередь могли и хотѣли оказать ему вѣрную помощь въ борьбѣ съ соперниками. Поляки же оставляли приглашенія безъ послѣдствій, либо не умѣли воспользоваться ими.

Когда, наканунѣ послѣдней катастрофы, дѣло дошло наконецъ до освобожденія отъ вѣковой анархіи, то этотъ поворотъ къ лучшему былъ исключительно частнымъ явленіемъ, не охватилъ собою всего народа, не устранилъ всѣхъ проявленій зла, издавна укоренившагося, не былъ въ состояніи предотвратить и уничтожить всѣ его послѣдствія. Не всѣ польскія силы выступили на арену послѣдней борьбы, и выступили онѣ на нее не такъ организованныя, какъ могли бы выступить, и, что еще хуже, противъ нихъ сталъ внутренній врагъ. Въ тарговицкой конфедерации открылась едва лишь зажившая рана, и только при ея содѣйствіи внѣшнія орудія паденія Польши выполнили свою печальную задачу.

Эти орудія нашлись. Ну, а еслибы ихъ не было, еслибы поляки занимали отдаленный отъ борьбы за существованіе, недоступный островъ? Поляки имѣли, — такъ судятъ многіе историки,—самое невыгодное географическое положеніе, самыя опасныя сосѣдства. Спросимъ сперва: развѣ это такая непреложная истина? Вѣдь отдаленность того и другого народа отъ арены, на которой среди борьбы за существованіе происходитъ развитіе человѣчества, черезъ то самое устраняетъ его отъ плодовъ этого

развитія и затрудняетъ или совершенно отнимаетъ у него средства къ поднятiю. На большой сценѣ можно упасть временно или хотя бы и навсегда, но только на ней можно развиваться и побѣждать. Поэтому чѣмъ лучше географическое положеніе извѣстной страны, чѣмъ выгоднѣе ея условія, тѣмъ труднѣе удержать обладаніе этимъ положеніемъ, потому что тѣмъ больше соперниковъ. Польскія владѣнія не были защищены, но развѣ это самое обстоятельство не побуждало Польшу къ большому напряженію силъ, къ бдительности и къ жизни? Кто же, положа руку на сердце, скажетъ, что отрицательныя стороны географическаго положенія Польши были уже безусловно худшими для поляковъ по сравненію съ его положительными сторонами?

Представимъ однако географическое положеніе Польши въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и въ такомъ случаѣ мы все-таки не признаемъ за нимъ рѣшающаго значенія въ польской исторіи. Развѣ болѣе защищеннымъ было географическое положеніе Пруссіи, которая состояла изъ нѣсколькихъ провинцій, отдѣленныхъ другъ отъ друга чужими государствами и которая все-таки разрослась? Развѣ болѣе выгоднымъ было положеніе Москвы, совершенно забытой среди лѣсныхъ чащъ сѣверной Европы, со всѣхъ сторонъ открытой для нападенія варваровъ-дикарей и только кровопролитными сраженіями прокладывавшей себѣ доступъ къ Лифляндіи, т. е. къ западной цивилизаціи? И такъ развѣ Польша, упиравшаяся въ Судетскія и Карпатскія горы, могшая господствовать и посредничать между двумя морями: Балтійскимъ и Чернымъ, еслибы захотѣла добраться до этихъ своихъ естественныхъ границъ, могла до такой степени жаловаться на свое географическое положеніе, чтобы даже приписать ему свое паденіе? Развѣ наконецъ средневѣковая Польша, заключавшаяся въ менѣе значительныхъ и худшихъ границахъ, окруженная болѣе грозными врагами, но упорядоченная и сильная, не сумѣла удержаться и расширить свои предѣлы?

Не границы и не сосѣди, а только внутренній безпорядокъ довелъ поляковъ до потери политическаго существованія.

* * *

Вынеся это убѣжденіе изъ изслѣдованія прошедшаго Польши, мы далѣе воспротивились искушенію, которому поддавалось много историковъ: извиненію польскихъ ошибокъ, оправданію анархіи причинамъ, отъ поляковъ не зависѣвшими.

Безъ сомнѣнія, такихъ причинъ было не мало. Кто же не видитъ, что поляки такъ поздно вступили въ среду западныхъ народовъ и ихъ цивилизаціи, что, находясь далѣе другихъ отъ центра этой цивилизаціи, только посредственно испытывали ея вліяніе. Итальянцы, французы, испанцы, а отчасти также и англичане развились на почвѣ, уже удобренной вѣковой работой древняго міра, отъ котораго они наслѣдовали многочисленныя и плодоносныя остатки культуры; нѣмцы прошли суровую школу франкскаго государства прежде, чѣмъ выступили самостоятельно; всѣ начали свою историческую жизнь и дѣятельность на цѣлыхъ пяти вѣковъ раньше поляковъ и поэтому имѣли время созрѣть и возмужать втеченіе другихъ пяти вѣковъ, когда поляки, находясь въ тяжелыхъ условіяхъ, только-что дѣлали первые шаги. Итакъ, впродолженіе этихъ пяти вѣковъ полякамъ приходилось выполнить то, что другіе совершили въ десять; поляки безпрестанно догоняли ихъ въ похвальномъ преслѣдованіи, но развѣ можно удивляться, что въ концѣ XV вѣка поляки все еще отстояли отъ нихъ нѣсколько дальше, что они носили на себѣ отпечатокъ юноши, дружащагося съ зрѣлыми мужчинами и принимающаго на себя ихъ утомительный трудъ? Между тѣмъ появились громадныя задачи: вопросъ религіозной реформы и тѣсно связанное съ нимъ дѣло новой государственной организаціи. Поляки лихорадочно бросились къ нимъ, и только тогда ярко обрисовалось ихъ юношеское безсиліе.

Его увеличивали другія, не зависѣвшія отъ поляковъ обстоятельства. Впродолженіе XV столѣтія магометанская туча, занявъ Константинополь, стала господствовать надъ Чернымъ моремъ и загородила торговую дорогу, которая до того времени шла черезъ Польшу и служила для соединенія дальняго Востока съ Западомъ. Эта торговля ушла отъ Польши и, продолживъ себѣ иные пути черезъ океаны, открывъ новый свѣтъ, обогатила западные народы, чрезвычайно подняла ихъ, открыла для ихъ промышленности новыя, неизвѣстныя дотошъ пути, а предприимчивости ихъ мысли новыя, невѣдомыя кругозоры, оставляя Польшу внѣ предѣловъ этого всеобщаго развитія и движенія. Такимъ образомъ въ самую рѣшительную для нея минуту прежнія силы и средства оставили ее, пульсъ ея жизни ослабѣлъ, и ея кровь, нѣкогда такая пылкая и свѣжая, въ то же время была постоянно выпускаема изъ нея.

Остановимся на пятнадцатомъ столѣтіи. Польскій народъ не имѣлъ въ то время достаточно силы, чтобы самому по себѣ удер-

жаться передъ грозной германской тучей; онъ ухватился за литовско-русскую унію, какъ за средство спасенія. Брагъ былъ отраженъ на поляхъ Грюнвальдена, но Польшѣ выпала громадная задача цивилизовать и колонизовать необъятныя пространства Руси и Литвы, задача, превосходившая ея силы до тѣхъ поръ, пока она не разрѣшила своей внутренней задачи, пока не создала себѣ сильной правительственной власти. Она со славою выполнила первую задачу, но эта послѣдняя поглотила самыя жизненные силы ея, разсѣяла ихъ на далекомъ Востокѣ, а вмѣсто того онѣ должны были бы укрѣпиться на болѣе тѣсномъ пространствѣ, объединиться и пробудить болѣе глубокую и кипучую жизнь. При содѣйствіи энергичнаго правительства, окруженныя его бдительнымъ попеченіемъ, эти силы, направленные затѣмъ на Востокъ, скорѣе расплодились и распространились бы тамъ и, безъ сомнѣнія, вознаградились бы въ сто разъ. Предоставленные самимъ себѣ, поддерживаемыя слабо и недостаточно, онѣ непрерывно пропадали безъ пользы. Представимъ себѣ только на минуту, что тѣ милліоны польскаго населенія, тотъ капиталъ и трудъ, которые поляки направили на востокъ, остались въ этнографическихъ границахъ Польши: по какой совершенно иной дорогѣ направилось бы внутреннее развитіе ея! Населеніе, не находя, при большей густотѣ, средствъ къ жизни въ земледѣліи, должно было бы обратиться къ промышленности и торговлѣ, наполнить города и создать въ городскомъ элементѣ противовѣсъ шляхтѣ. Болѣе трудныя условія повседневной жизни, болѣе трудная борьба за существованіе закалили бы польскій народный характеръ, пробудили бы страсть, создали энергію, расширили сферу мысли и облагородили практическую дѣятельность. Толкнутые на путь грозной, но рѣшительной внутренней борьбы, поляки вынесли бы изъ нея сильное правительство и опредѣленное направленіе для дальнѣйшихъ стремленій и дѣятельности. Безъ уніи однако Польша не могла остаться, а унія, не подкрѣпленная сильной правительственной властью, внутренне погирала ее.

Этимъ, слѣдовательно, объясняется, что польское общество *за три послѣднія столѣтія* не имѣло необходимой силы убѣжденій, что въ немъ не бушевала страстность, не было великихъ характеровъ, которые для защиты принциповъ жертвовали бы пріятнымъ спокойствіемъ и готовы были бы поставить на карту самихъ себя. Всѣ самыя выдающіяся личности польской новой исторіи: Тарновскій, Замойскій, Зебржидовскій, Жолкевскій, Лю-

бомірскій, Собѣскій, Потоцкій и Чарторыйскіе,—не говоря о другихъ, менѣе значительныхъ,—разсматриваемыя на фонѣ польскаго общества, имѣютъ свои прекрасныя или выдающіяся стороны, но сравниваемыя съ своими соперниками за границей, поставленныя подъ мѣрку необходимыхъ для каждаго новѣйшаго государства условій, онѣ безспорно являются фигурами, которыя не только въ добрѣ, но и въ злѣ не сзумѣли дорости до мощныхъ размѣровъ, возвыситься до истиннаго драматизма. Не одинъ изъ этихъ людей поднялся высоко надъ своимъ обществомъ, но въ тотъ моментъ, когда судьба народа находилась въ его рукахъ, когда ему приходилось окончательно склонить вѣсы событій въ ту или другую сторону, — онѣ колебался и отступалъ и, обманувъ возложенныя на него надежды, подобно Замойскому и Собѣскому, удалялся совершенно разбитымъ. Вся польская исторія съ XVI вѣка производитъ впечатлѣніе скорѣе юношескихъ порывовъ и опасной игры, чѣмъ зрѣлаго труда и мужественныхъ подвиговъ и это впечатлѣніе нисколько не расходится съ дѣйствительностью.

Еслибы еще, среди такихъ невыгодныхъ условій, на польскій престолъ сѣлъ человекъ великаго таланта и воли! Это было бы чрезвычайно немаловажнымъ обстоятельствомъ. Задачу устройства сильнаго правительства могъ выполнить только государь, который имѣлъ для того готовую основу и, искусно пользуясь благопріятными для этой мысли общественными теченіями, долженъ былъ сокрушить и уничтожить противоположныя стремленія. Новѣйшее государство всюду соединено съ именами великихъ монарховъ, даже у тѣхъ народовъ, которые первенствовали по выработкѣ своего характера и по настоящему политическому смыслу. Насколько же значительнѣе была потребность въ такомъ монархѣ въ новой Польшѣ, сравнительно юной и неразвитой политически! Вѣдь эта Польша была обязана своимъ существованіемъ только великимъ Болеславамъ, Владиславамъ и Казимірамъ! И однако въ то время, когда Франціи обладала Францискомъ I, Генрихомъ IV, Людовикомъ XIV, Англія—Генрихомъ VIII и Елизаветою, Испанія—Карломъ V и Филиппомъ II, Австрія—Фердинандами, Швеція — Густавомъ Вазою, Карломъ Зюдерманландскимъ и Густавомъ Адольфомъ, наконецъ Россія — Иваномъ и Петромъ. — одна Польша имѣла только Сигизмунда Стараго, честнаго, но слабого человека; робѣвшаго передъ каждымъ дѣйствіемъ и убѣжденіемъ Сигизмунда Августа; сговаривавшагося на ея гибель Сигизмунда Вазу. Блеснулъ гений Баторія, но только на минуту, создалъ болѣе мужественныхъ людей, но не

имѣлъ достаточно времени, чтобы создать лучшія учрежденія. Изъ позднѣйшихъ монарховъ Владиславъ IV еще обольщаетъ своими прекрасными намѣреніями, осуществляя ихъ самымъ худшимъ образомъ; о Вишневецкомъ и о короляхъ саксонской династіи не стоитъ и упоминать; воинственный духъ Собѣскаго, кажется, для того только и существовалъ, чтобы служить тѣмъ болѣе яркимъ контрастомъ постояннымъ ошибкамъ его политики. На минуту можно поколебаться передъ Яномъ Казиміромъ и Станиславомъ Понятовскимъ, но единственно для того, чтобы, признавая ихъ достоинства, объявить ихъ обоимъ лишенными постоянного превосходства и энергіи. Это зловѣщій рокъ, котораго нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не показываетъ исторія.

Но однако всѣ эти значительныя причины могутъ служить только объясненіемъ, но не могутъ оправдать поляковъ, потому что, несмотря на всякія невыгодныя событія и вліянія, нельзя согласиться, что анархія была необходимымъ и неизбѣжнымъ обстоятельствомъ, что послѣдовавшее за ней политическое паденіе было событіемъ, которое нельзя было устранить. Легкомысліе и ослѣпленіе дилетантовъ могутъ считать народъ мертвою массою, направляемою только внѣшними вліяніями; но такого положенія не можетъ занять историкъ, который, смотря на свѣтъ нѣсколько шире, видитъ, какъ народъ мыслить и рѣшаетъ, дѣйствуетъ и борется собирательной волей своихъ единицъ, и въ дальнѣйшемъ развитіи отвѣчаетъ за каждый свой поступокъ.

* * *

Это не первый историческій трудъ, который основывается на такомъ убѣжденіи; но и тѣ, которые его раздѣляютъ, готовы, быть можетъ, заподозрить наше сочиненіе въ преувеличеніи при изображеніи самого паденія Польши. Но если картина паденія въ нашей книгѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ, кажется страшною, какая этому причина?

Прежде всего мы не добыли почти никакихъ новыхъ отрывательныхъ фактовъ изъ исторіи XVII и XVIII вѣковъ, которые прибавили бы больше горечи; но, беря факты общезвѣстные и сопоставляя ихъ въ краткомъ очеркѣ, мы, очевидно, опустили множество безразличныхъ подробностей, не останавливались на многихъ событіяхъ, которыя своею внѣшнею цвѣтисостью отвлекаютъ вниманіе читателя. Это чрезвычайно важное обстоятельство, котораго критика совсѣмъ не приняла въ соображеніе, выстукая зато съ болѣе справедливымъ, повидному, упрекомъ,

что въ настоящей книгѣ новая исторія вращается около вопроса о сильной правительственной власти, который, какъ признають всѣ, составлялъ самую слабую сторону Польши. Критики не ошибаются, утверждая, что польская исторія за три послѣднія столѣтія будетъ имѣть совсѣмъ иной видъ, если искать руководящую нить для нея въ другомъ вопросѣ, если преимущественное вниманіе обратить въ ней на положительныя стороны, напр. на выработку индивидуализма въ обществѣ или на задачу распространенія цивилизаціи. Вѣдь вопросъ о сильномъ правительствѣ не рѣшаетъ еще самъ по себѣ хода развитія государствъ и народовъ! Это справедливое разсужденіе, но только выборъ руководящей нити, которою опредѣляется исторія извѣстнаго народа, зависитъ не отъ историка, а отъ этой исторіи. Почти у каждаго народа эта нить заключается въ чемъ-либо иномъ, и собственно на такой разницѣ основывается особенный характеръ его исторіи. Послѣдняя составляется изъ совмѣстнаго дѣйствія различныхъ отдѣльныхъ факторовъ, изъ которыхъ одни проявляются въ положительныхъ слѣдствіяхъ, другіе—въ отрицательныхъ, но совмѣстное дѣйствіе имѣетъ такую тѣсную взаимную связь, что всегда одинъ какой-либо факторъ пріобрѣтаетъ временный перевѣсъ надъ другимъ и по мѣрѣ того, насколько онъ положителенъ или отрицателенъ, рѣшаетъ вопросъ о развитіи или паденіи народа. Поэтому историкъ не можетъ дѣлать произвольнаго выбора между дурными и хорошими факторами, не можетъ выдвигать на первый планъ хорошіе тамъ, гдѣ перевѣшивали злые, и наоборотъ, потому что тогда онъ и съ истинною разошелся бы и не объяснилъ бы результатовъ исторической дѣятельности, развитія или паденія.

Было время, когда внутренній безпорядокъ Польши возвели на степень особой политической теоріи и когда въ ней видѣли почти польское національное назначеніе. Съ этимъ заблужденіемъ, не разъ доходившимъ до мистицизма, теперь покончено безвозвратно; но не всѣ историки, которые назвали фактъ его настоящимъ именемъ, сохранили и въ дальнѣйшемъ одинаковую послѣдовательность, не всѣ указали настоящую причину этого безпорядка и безсилія. Одни съ особенной силой налегали на упадокъ просвѣщенія въ XVII и XVIII вѣкахъ, другіе выставляли на первый планъ упадокъ общественной нравственности, продажность и господство личныхъ интересовъ, третьи обратили вниманіе главнымъ образомъ на упадокъ городовъ и на притѣненіе сельскаго люда. Въ своемъ изображеніи мы не пропустили ни одного

изъ этихъ проявленій, но ни за однимъ изъ нихъ мы не могли признать рѣшающаго значенія. Это были все второстепенныя явленія, которыя въ другихъ мѣстахъ не разъ обнаруживались въ еще худшемъ свѣтѣ, но не довели ни одного народа до потери политическаго существованія, потому что въ другихъ мѣстахъ вездѣ существовало правительство, которое, замѣтивъ зло, рано или поздно исправляло или уменьшало его и которое сосредоточивало народныя силы въ моментъ опасности.

Въ одной Польшѣ недоставало этого врачующаго фактора, недоставало правительства, которое въ рѣшительную минуту собрало бы вокругъ себя хотя и разстроенныя силы и дало бы имъ одинаковое направленіе. Если поэтому, просуществовавъ побѣдно столько вѣковъ, поляки въ концѣ XVIII вѣка не могли оказать сопротивленія опасности, шедшей извнѣ, то единственная непосредственная причина этого заключалась въ недостаткѣ правительства.

Надъ созданіемъ сильной правительственной власти работали другіе современные народы и выполнили эту задачу среди великихъ переворотовъ, среди кровавыхъ религіозныхъ и общественныхъ войнъ. Настолько сильно и всеобще было у нихъ предчувствіе приближающихся опасностей, настолько глубоко было убѣжденіе, что безъ сильнаго правительства нельзя дать имъ опоры,—что народы эти ради созданія власти на много лѣтъ пожертвовали другой основой человѣческаго счастья на землѣ, гражданской свободой. И поляки на мгновеніе, при Сигизмундѣ Августѣ, готовы были сдѣлать то же самое; позже, уже не желая жертвовать свободой, они хотѣли ввести ее въ извѣстные предѣлы и предохранить отъ вырожденія въ произволь. Однако это была задача, превышавшая силы XVI вѣка. Анархія побѣдила и привела Польшу къ паденію.

Поэтому является ошибкою, когда польскіе историки, изображая исторію Польши въ XIV и XV вѣкахъ, останавливаются главнымъ образомъ на промахахъ тогдашней правительственной власти, потому что эти промахи совершенно исчезли передъ могущественной сословной организаціей, которая умѣла такъ сильно развить общественную дѣятельность, что черезъ это самое ей удалось достигнуть развитія народа въ тогдашнихъ условіяхъ. Кто однако пишетъ исторію Польши съ XVI вѣка, тотъ долженъ какъ можно больше налечь на вопросъ о созданіи сильной правительственной власти, потому что около этого первостепеннаго вопроса вращаются *въ это время* всѣ усилія и борьба народа;

безъ его рѣшенія не могло быть рѣчи объ успѣшномъ трудѣ въ какомъ бы то ни было другомъ направленіи, онъ заключаетъ въ себѣ все и все направлено на служеніе ему; даже въ тогдашней польской поэтической и богословской литературѣ политическіе интересы явно господствуютъ ¹⁾). Кто, слѣдовательно, представляетъ всю польскую новѣйшую исторію на фонѣ этого жизненнаго вопроса, тотъ изображаетъ ее такую, какою она дѣйствительно была, тотъ схватилъ ее основную нить, тотъ объяснитъ факты польской исторіи. Тотъ же, кто, отодвигая этотъ вопросъ на второй планъ, будетъ долго распространяться о нравственности общества, о его просвѣщеніи или искусствѣ,—тотъ представитъ намъ хронику произвольно выбранныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ и необъясненныхъ фактовъ, но не представитъ намъ исторіи общества, исторіи никѣмъ не оспариваемаго, болѣзненно развивавшагося паденія.

Представленная такимъ образомъ польская *новѣйшая* исторія, не отвлекая вниманія читателя на предметы второстепенные и безразличные и не позволяя ему отдохнуть на болѣе свѣтлыхъ сторонахъ, можетъ показаться ужасною, но въ сущности даже и не приближается къ той трагичности, которою обладаетъ дѣйствительность. Въдъ трудно уже смотрѣть безъ лихорадочнаго возбужденія и тревоги на прекрасныя, но безплодныя усилія XVI вѣка. Позже, при видѣ все болѣе и болѣе слабѣющей внутренней борьбы, и у насъ также пропадаетъ и исчезаетъ соединенная съ этою борьбою надежда. А когда борьба кончилась, когда все цѣпенѣетъ и сокрушается въ конвульсивныхъ содроганіяхъ, когда во всемъ обществѣ пропадаетъ талантъ, характеръ и политическій смыслъ, когда ошибка слѣдуетъ за ошибкой, а народъ и его властители въ странномъ ослѣпленіи отталкиваютъ всякую внѣшнюю помощь и направляютъ другъ противъ друга убійственные удары, — въ это время нами овладѣваетъ чувство

¹⁾ Былъ высказанъ упрекъ, что Испанія, несмотря на абсолютный образъ правленія, быть можетъ, хуже Польши была раздѣдаема изнутри и пала. Однако это поверхностный упрекъ. Испанія въ XVI вѣкѣ создала абсолютное правленіе, но не разрѣшила вопроса о правительствѣ въ новѣйшемъ духѣ. Если въ Польшѣ недоставало правительства, то въ Испаніи его было уже чересчуръ много. Испанское правительство отняло всякую самостоятельность у общества и пользовалось имъ исключительно для выгодъ государства вмѣсто того, чтобы двигать общество впередъ силою государства и хорошей администраціей и содѣйствовать его труду. Поэтому Испанія пала не въ политическомъ отношеніи, но разложилась внутренно, вслѣдствіе дурного правительства подверглась общественному застою.

ужаса и стыда. Оказывается, что политическая гибель Польши, безпримѣрная, единственная въ исторіи современныхъ народовъ, могла наступить только послѣ цѣлаго ряда ошибокъ, послѣ продолжительнаго нарушенія тѣхъ верховныхъ законовъ, которые Богъ предписалъ народамъ для ихъ жизни и развитія. Не слѣдуетъ обвинять историка, который втеченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ существованія Рѣчи Посполитой не можетъ найти въ ея исторіи ни одного дѣйствительно великаго и разумнаго дѣянія, ни одной дѣйствительно великой исторической личности. Одинъ такой человекъ, одно дѣйствіе, обильное результатами, подняло бы Польшу и спасло, потому что политическая гибель ея была явленіемъ ненормальнымъ. Слѣдовательно, самый предметъ полонъ ужаса, а не его представленіе.

* * *

Съ какою же однако цѣлью мы углубляемся съ факеломъ науки въ изслѣдованія, результаты которыхъ невозможно писать и читать безъ сердечной боли? Развѣ самый девизъ науки, самыя цѣли историческихъ знаній могутъ доставить твердость и силу, необходимыя для такихъ изслѣдованій? Мы отвѣтимъ—нѣтъ! И за это мнѣніе никто не осудитъ насъ, даже и тотъ, кто имѣетъ самое высокое понятіе о научномъ назначеніи знанія. Кто съ девизомъ «во имя правды» спускается въ историческую бездну паденія собственнаго народа, тотъ долженъ имѣть чувство, долженъ имѣть убѣжденіе, что изъ прискорбнаго своего путешествія онъ принесетъ народу непосредственную пользу, что обнаруженіемъ горькой исторической правды онъ удовлетворитъ его неизбѣжной и настоятельной потребности.

Посмотримъ только благоразумно на картину паденія Польши и мы придемъ къ убѣжденію, что то, что въ этомъ паденіи наиболѣе поражаетъ насъ и причиняетъ намъ боль, тѣ именно становится источникомъ наибольшей выгоды и наибольшаго упованія на будущее.

Чего же намъ стоило это, и какъ же должны мы были одолѣть себя, прежде чѣмъ, убѣдившись цѣлымъ рядомъ историческихъ свидѣтельствъ, мы могли откровенно признаться и заявить, что причина паденія заключалась въ самихъ полякахъ! И однако это — результатъ изслѣдованія, сравнительно самый лучший для насъ, самый благоприятный, — если вообще нельзя вычеркнуть со страницъ польской исторіи факта потери политическаго существованія. Дѣйствительно, предположимъ, что из-

слѣдованія источниковъ укажутъ намъ причину упадка или въ невыгодныхъ послѣдствіяхъ географическаго положенія страны, которыя нельзя было предотвратить и уничтожить, или въ ошибочно избранномъ, губившемъ насъ направленіи цивилизаціи; развѣ въ такомъ случаѣ не пришлось бы намъ совершенно усомниться въ самихъ себѣ и въ своей будущности, потому что эти причины, независящія отъ насъ, нельзя было бы отстранить самымъ усерднымъ нашимъ стараніемъ. Чѣмъ болѣе оправдывали бы поляковъ историческія изслѣдованія, чѣмъ одобрительнѣе мы смотрѣли бы на прошедшее, тѣмъ мрачнѣе должны были бы представлять себѣ будущее. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ историки наши, которые, подавляя историческую правду, хотѣли съ самымъ блангимъ намѣреніемъ оправдать прошлое Польши, совершенно усомнились въ настоящемъ. Одни изъ нихъ думали, что уже стоятъ надъ могилой отчизны, что имъ ничего больше не остается, какъ поставить ей памятникъ и начертать на немъ надпись: «Fuius Troes». Они писали только хорошее, потому что полагали, что пишутъ объ умершихъ. Для другихъ дѣло заключалось только въ томъ, чтобы изложить понесенную несправедливость, вызвать состраданіе, пробудить чувство мести. Къ чему это привело? Со слабымъ и разбитымъ никто не считается, только сильный привлекаетъ къ себѣ помощь. Притворно показывая жалость и состраданіе, иностранныя государства пользовались дѣломъ поляковъ ради себялюбивыхъ цѣлей, а поляки тѣмъ временемъ, унижая собственное достоинство, играли роль нищаго, трясли передъ цѣлымъ свѣтомъ свои лохмотья и отворачивались отъ дѣйствительнаго труда, богатаго послѣдствіями. Были наконецъ такіе которые, вполне оправдывая поляковъ, увѣряли, что они—таинственная жертва сверхъестественной силы, которая равнымъ образомъ и подниметъ ихъ чудесно. Они ожидали чуда и, не будучи въ состояніи его дожидаться, пытались время отъ времени вызвать его и ускорить. Чѣмъ это кончилось, излишне вспоминать. Насколько лучше, осуждая самихъ себя, найти причину бѣдствія въ собственной анархіи, во временномъ разстройствѣ польскихъ силъ! Силы были, и онѣ могутъ найтись, если къ нимъ вернется порядокъ. Было худо, но есть возможность поправить дѣло, и тогда мы можемъ быть снова уважаемыми, нужными...

Итакъ, нужно имѣть расслабленные, болѣзненные нервы, чтобы изъ опасенія боли устранять и закрывать отъ взоровъ общества такой высокой, такъ неизбежно подкрѣпляющій результатъ научнаго изслѣдованія. И съ какою цѣлью? Мы понимали бы по

необходимости искусственное и ложное прикрашивание прошлаго, если польское общество грѣшило недостаткомъ пыла, энтузіазма, чувства, еслибы, погрязши въ холодныхъ повседневныхъ расчетахъ, оно отворачивалось отъ болѣе высокихъ цѣлей. Неужели однако, не подвергая себя осмѣянію, возможно отыскать въ польскомъ народномъ настроеніи такіе недостатки, а, слѣдовательно, и лѣчить его отъ такой болѣзни! Полякамъ недоставало, а, можетъ быть, и теперь недостаетъ, чего-то другого, и поэтому имъ нужно другое лѣкарство.

Мы должны сознаться въ ошибкахъ, чтобы покончить съ нею. Мы должны узнать во всѣхъ подробностяхъ проявленія и послѣдствія произвола въ прошломъ, чтобы теперь распознать ихъ и ослабить, чтобы пробудить въ себѣ духъ дисциплины, единенія и согласія. Мы должны узнать во всѣхъ подробностяхъ проявленія и послѣдствія убійственнаго равенства, чтобы въ теперешней общественной работѣ, почитать личностей, первенствующихъ въ силу своихъ традицій, таланта, образованія, заслугъ, чтобы выработать и сохранить разумную іерархію, чтобы одни умѣли вести, а другіе содѣйствовать имъ и слушаться ихъ. Мы должны разоблачить во всемъ ихъ ужасѣ послѣдствія легкомысленныхъ, основывающихся на минутномъ чувствѣ порывовъ, чтобы, сохраняя пылкость, пробудить въ себѣ политическій тактъ, умѣнье пользоваться благоприятными условіями, мужественную, стойкую энергію въ трудѣ.

Изъ исторіи паденія мы выносимъ наконецъ еще одно, самое важное, вѣроятно, поученіе. Поляки пали въ слѣдствіе того, что считали себя выше законовъ, управляющихъ человѣчествомъ. Имъ казалось, что имъ однимъ позволено существовать безъ того, чего другіе народы добиваются кровавымъ трудомъ. Будемъ же знать на будущее, что трудомъ, стойкостью, воодушевленіемъ мы можемъ высоко подняться, но только въ предѣлахъ естественныхъ условій, указанныхъ для этого труда, что въ міровомъ строѣ не творились и не будутъ твориться чудеса для насъ однихъ. Будемъ вѣрить въ трудъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ помнить, что мы ведемъ борьбу за существованіе по одинаковымъ съ другими народами законамъ.

* * *

Такъ мы пытаемся разрѣшить эту самую трудную загадку польской исторіи. Впрочемъ мы не признаемъ ее ни за единственную, ни за единственно поучительную. Мы не принадлежимъ къ

числу тѣхъ, которые, раскрывая наши ошибки и недостатки, полагаютъ, что все уже сдѣлано. Извлекая выгоду изъ печальнаго опыта и собственнаго вреда, не будемъ забывать ни на мнунту, что намъ слѣдуетъ извлечь гораздо больше выгоды изъ великихъ примѣровъ, сіяющихъ въ нашей собственной исторіи.

На нихъ уже неоднократно обращали вниманіе, искали примѣровъ и образцовъ въ нашей исторіи для дальнѣйшей дѣятельности; но какъ же это совершалось вплоть до послѣдняго времени? Пользуясь глубокимъ уваженіемъ, которое народъ справедливо сохранилъ къ своему прошлому, старались вывести изъ этого послѣдняго готовую законченную программу для теперешней дѣятельности и работы, и подъ этимъ предлогомъ втискивали въ исторію свои собственные понятія и временныя стремленія. Такимъ образомъ появились тѣ великіе общественные и политическіе принципы, которые мы первые будто бы осуществили въ своей исторіи и представили Европѣ какъ неистощимый образецъ, именно свободу, терпимость, отсутствіе внутренней борьбы и столкновеній. Мы жалѣли Европу, что она не познакомилась съ такими принципами. Притомъ изслѣдовали и узнали наше прошедшее только за XVII и XVIII вѣка, слѣдовательно, въ эпоху наибольшаго упадка; очищая народъ отъ его тогдашнихъ недостатковъ, удержали за нимъ его тогдашнія достоинства и добродѣтели, и такого вычищеннаго поляка представили намъ для того, чтобы подражать ему въ жизни, полюбить его всѣмъ чувствомъ, нѣжить на немъ свое воображеніе. Очевидно, это былъ полякъ съ выбритымъ чубомъ, въ кунтушѣ и съ саблей, мужественно сидящій на боевомъ конѣ, спѣшащій по каждому призыву на помощь отчаяннѣ, сокрушающій длиннымъ прапоромъ сплоченные ряды враговъ, католикъ, записанный въ братство св. Дѣвы (szkaplerz) и усердно творящій молитву ей (коронка), добродѣтельный и примѣрный въ домашней жизни, хотя готовый схватить палашъ изъ-за обиднаго слова, но топившій сосѣдскіе раздоры въ бокалѣ венгерскаго, гордый своимъ шляхетскимъ гербомъ и шляхетскимъ равенствомъ, воспитанный въ монашеской коллегіи, вылощенный на панскомъ дворѣ, понатершійся въ палестрѣ, гладко говорящій по-латыни, краснорѣчивый при каждомъ торжественномъ случаѣ, въ судѣ и на сеймикѣ, ревностно стремящійся къ общественной жизни, стоворчивый на сеймѣ, Катонъ въ трибуналѣ, уважающій королевское величіе, борющійся для защиты свободы и вѣры, и, наконецъ,—удивительное дѣло,—при этомъ ничего не говорили, аккуратно-ли платитъ подати этотъ идеалъ поляка. Рисуя такую

типичную фигуру, не примѣтили того, что она не имѣетъ истиннаго честолюбія и характера; не обратили вниманія на узость всѣхъ ея общественныхъ и политическихъ взглядовъ, не дали себѣ отчета въ томъ, что народъ, составленный изъ такихъ идеальныхъ личностей, не могъ бы прожить и минуты, потому что не могъ бы двигаться. И однако же этотъ образецъ всего польскаго ставили передъ нашими глазами въ продолженіе ста лѣтъ съ такимъ благоговѣніемъ, что того, кто удалялся отъ него считали отступникомъ отъ отечественнаго дѣла, отъ того, что дѣлали и какъ думали предки. Кто осмѣливался подняться надъ этимъ уровнемъ своимъ талантомъ и здравымъ политическимъ разумомъ, того обтачивали и подгоняли къ этой средней идеальной мѣрѣ.

Изъ такой бездны заблужденія можетъ и должна насъ вывести исторія. Она опрокинетъ тѣ мнимые идеалы, которыхъ единственнымъ слѣдствіемъ было то, что, чрезмѣрно оцѣнивая собственныя силы, мы пренебрегали тѣми, отъ кого могли поучиться. Кто, трезво смотря на исторію, прославленную польскую свободу выводитъ изъ недостатка сильнаго правительства, изъ анархіи и какъ на ея необходимое послѣдствіе указываетъ на паденіе народа, тотъ не осмѣлится утверждать, что Польша первая въ Европѣ осуществила понятіе разумной свободы, то есть свободы, совмѣщающейся съ порядкомъ и закономъ; тотъ не скажетъ, что свобода, или вѣрнѣе, польское своеволіе, было для другихъ народовъ образцомъ и побужденіемъ къ ниспроверженію абсолютнаго правленія. Кто временную польскую религіозную терпимость въ XVI вѣкѣ выводитъ не изъ перевѣса политическихъ и гуманныхъ принциповъ надъ религіознымъ чувствомъ, но вообще изъ недостатка прочныхъ религіозныхъ убѣжденій, тотъ пойметъ, что другіе современные народы, у которыхъ религіозный духъ усиливался до страсти, не послѣдовали за такимъ образцомъ. Кто отсутствіе грозныхъ внутреннихъ переворотовъ и столкновеній въ польской исторіи послѣднихъ столѣтій объяснитъ недостаткомъ великихъ политическихъ принциповъ и характеровъ, тотъ не осудитъ другіе народы и государства, которые кровавымъ крещеніемъ добились высшей жизни и среди страшныхъ потрясеній рѣшали самыя трудныя задачи человѣчества. Однако та же самая исторія, обращая свое вниманіе на эпоху блеска Польши, будѣтъ въ состояніи поставить передъ нашими глазами не одинъ средній искусственно выдуманный типъ, но общество, изобиловавшее множествомъ здравыхъ, мужественныхъ фигуръ, обнимающихъ собою цѣлый кругозоръ знанія, чувствъ и поступковъ.

Это польское общество въ лучшія свои времена не сводилось къ одной средне-шляхетской мѣркѣ. Шляхетство служило только для болѣе тѣсной солидарности одного слоя народа, который начертилъ опредѣленные, болѣе высокія цѣли своей работѣ и дѣятельности, но рядомъ съ шляхтою самостоятельно сталъ горожанинъ; даже поселянинъ стоялъ на собственныхъ основахъ, каждый считалъ себя гражданиномъ въ государствѣ, независимо отъ своего занятія и происхожденія, и каждый занималъ то положеніе, до какого съумѣлъ подняться своимъ образованіемъ, талантомъ, имуществомъ и трудомъ. Интеллигенція пробивала себѣ дорогу на духовномъ поприщѣ, которое самаго послѣдняго бѣдняка могло сдѣлать политической силой и скопить въ его рукахъ и въ рукахъ его родни баснословныя богатства. Достаточно привести въ примѣръ Ястржембцовъ-Рытвянскихъ и Олесницкихъ. Позже и свѣтское поприще, военное и политическое, открыло тѣ же самыя перспективы Замоискимъ, Жолкевскимъ и Конецпольскимъ. Дѣятельный земледѣльческій трудъ, совершавшійся нѣсколькими поколѣніями и соединенный съ колонизаціей обширныхъ пустынь, вывелъ въ люди Тарновскихъ, Мельштынскихъ и Кмитъ, торговля и промышленность подняла Вѣржиновъ, Бетмановъ, Морштыновъ, Бонаровъ. Дѣйствительно государственные люди становились передъ массою гражданъ и, будучи сильны своимъ характеромъ и талантомъ, поддерживаемые даже тогда, когда ихъ цѣлей и плановъ не понимали, вели народъ съ великою мыслью и широкими намѣреніями. Передъ эпохой упадка Польша не знала убійственнаго равенства, знала только общественное равновѣсіе, которое объединяло людей самыхъ различныхъ положеній въ одномъ и томъ же трудѣ на благо общества.

Такое равновѣсіе сохранялось правительствомъ, которое не подавляло убѣжденій и мыслей, но своей желѣзною рукою обуздывало и самыя могущественныя личности, если тѣ осмѣливались преступать законъ и упорнымъ сопротивленіемъ препятствовать политикѣ государства. Это правительство не опасалось непопулярности, но, высоко стоя надъ близорукою толпою, дѣйствовало, созная цѣль, вполне основательно выбирая средства. Какой неистощимый примѣръ для насъ составляетъ правленіе Казимира Великаго, направляющаго мечущійся въ безцѣльныхъ порывахъ народъ къ внутренней работѣ, правленіе пановъ, призывающихъ на престолъ Ягеллу, не Земовита, правленіе Олесницкаго, охраняющаго наше тогдашнее политическое общеніе съ Западомъ и цивилизаціей, правленіе Казимира Ягеллона, уничтожающаго чрез-

мѣрныя привилегіи церкви, и наконецъ правленіе Баторіи, сокрушающаго можновладческую кичливость! Этимъ правленіемъ польская исторія обязана своими самыми блестящими страницами, но эти правленія находили въ народѣ, въ высшихъ личностяхъ хорошее пониманіе и дѣятельную поддержку, въ болѣе широкихъ кругахъ довѣріе и послушаніе; сопротивленіе, продиктованное личною выгодною, оскорбленнымъ самолюбіемъ, ослѣпленіемъ или легкомысліемъ, они сокрушали мечемъ, они основывались на здоровомъ общественномъ неравенствѣ; пресловутый средній идеалъ поляка, предъявляющаго на все претензію и ничего не знающаго, уничтожилъ бы самыя великія намѣренія этихъ правительствъ своимъ контролемъ, недоувѣріемъ и среднею, умѣренной добродѣтелью.

* * *

Народная политика, находившаяся въ такихъ рукахъ, имѣла свои очевидныя цѣли, она умѣла втеченіе полутора ста лѣтъ стремиться къ возвращенію Пруссіи, къ сокрушенію Тевтонскаго ордена не авантюристскими и губительными порывами, но съ хладнокровною разсудительностію, съ непреклонною послѣдовательностію и постоянствомъ. Она умѣла выжидать, умѣла внутренне приспособляться и укрѣпляться, умѣла пользоваться всякими обстоятельствами, а когда подходила рѣшительная минута, въ мигъ хваталась за нее и всѣ силы и средства народа сосредоточивала на одномъ пунктѣ. Тогда открывались кладовыя костеловъ, драгоценныя сосуды переплавляли на деньги, а на полѣ битвы рядомъ съ шляхетскими отрядами становились также ратные люди епископовъ, ряды горожанъ и крестьянскіе отряды, составленные изъ деревенскихъ старостъ (солтысовъ).

Никогда не проявлялся болѣе блестяще жизненный духъ народа, какъ въ моменты неудачи. При Болеславѣ-ли Стыдливомъ, при Казиміръ-ли, или при Ягеллѣ, при Сигизмундѣ, мы видимъ, какъ народъ обѣими руками хватается за тяжелую и суровую внутреннюю работу, которая всегда вознаграждала за самыя тяжкія пораженія.

Скромное мнѣніе о себѣ было наилучшею опорой и рычагомъ для этой работы. Польша вплоть до смерти Сигизмунда Августа не знала этой пустой хвастливости, ставящей себя выше другихъ западныхъ народовъ, идущихъ во главѣ цивилизаціи; она знала, насколько обязана этимъ послѣднимъ, чувствовала, сколько переняла отъ нихъ самыхъ лучшихъ изъ своихъ учреждений, и поэтому со всѣмъ рвеніемъ стремилась къ этой западной цивили-

лизаціи и постоянно усвояла себѣ ея новѣйшія приобрѣтенія, ея общественныя и политическія учрежденія, ея просвѣщеніе и науку, ея церковное развитіе, ея хозяйство, торговлю, промышленность и искусства. Она не колебалась также отворить настежъ ворота чуждымъ элементамъ, которые, будучи недовольны родимою землею, искали въ Польшѣ лучшихъ условій; она доставляла имъ эти условія и привлекала къ себѣ население, приносившее съ собою капиталъ и успѣшный трудъ; достаточно вспомнить о непрерывной нѣмецкой колонизаціи, позже о поселеніи итальянцевъ и наконецъ французовъ. Поляки не опасались этихъ чуждыхъ элементовъ, потому что чувствовали силу своей жизни, которая пользовалась этими элементами для своей выгоды и рано или поздно ассимилировала ихъ. Поляки не имѣли окончательнаго понятія о своей народности; они видѣли, что она непрерывно развивается и крѣпнетъ, что, правда, она постоянно мѣняется вслѣдствіе наплыва чуждыхъ элементовъ, но зато внутренно усиливается, становится болѣе зрѣлой и приобретаетъ новыя средства для тяжелой борьбы за существованіе. Далекіе отъ идеализаціи своего прошедшаго, они не считали его совершенствомъ, не принимали его за единственный образецъ для подражанія, но, смотря на него съ извѣстнымъ чувствомъ превосходства, пользовались сдѣланными на основаніи его выводами и продолжали далѣе переданную имъ работу. Не хвастаясь прошедшимъ, они смотрѣли на будущее, жили будущимъ, какъ каждый человѣкъ, который еще не дошелъ до предѣловъ своего развитія.

У народа были свои великія руководящія мысли, назовемъ ли мы ими оборону славянскаго міра отъ нѣмцевъ или отраженіе магометанскаго полчища, грозившаго христіанской Европѣ или, наконецъ, распространеніе цивилизаціи на широкія пространства Востока; но народъ понималъ это назначеніе не мистическимъ образомъ, не думалъ, что ради него мы освобождены отъ общихъ законовъ существованія и развитія человѣчества. Въ то время умѣли мужественно нести тяжелое бремя этихъ законовъ; знали, что каждое нарушеніе ихъ будетъ строго отомщено; Польша знала, что она обязана своимъ положеніемъ въ Европѣ только собственной силѣ и труду, и отважно вступала въ общую борьбу за существованіе. Вместо того, чтобы зачерствѣть въ своей исключительности, создать изъ себя воробыиное пугало и въ этомъ усматривать свою защиту, прежніе поляки смѣло пускались по зыблющимся волнамъ тѣхъ религіозныхъ, общественныхъ и по-

литическихъ потоковъ, которые потрясали Европу; они на ряду съ другими трудились надъ разрѣшеніемъ великихъ задачъ, которыя появлялись въ порядкѣ развитія народовъ. Отъ противниковъ они научались бороться и запасаться ихъ собственнымъ оружіемъ. Ихъ не связывалъ выдуманнѣйшій кошмаръ прошлаго, они не боялись прогресса, идя впередъ однако съ благоразуміемъ. Покидая язычество и старые порядки, они приняли христіанство и франкскую монархическую организацію. Поднимаясь послѣ татарскаго погрома, они пробудились къ новому общественному труду и переняли патримоніальное средневѣковое устройство, вызвали нѣмецкую колонизацію и, увеличивъ съ ея помощью матеріальныя средства страны, поглотили чуждые элементы силою національности. Впослѣдствіи они отвергли гусситство, правда, привлекательное, но несшее съ собою разстройство, зато смѣло выступали на вселенскихъ соборахъ, защищали церковную реформу и сами ставили новые культурные принципы. Для отраженія германскаго натиска они прежде всего умѣли терпѣливо выжидать втеченіе ста лѣтъ и работать надъ своимъ внутреннимъ развитіемъ; впослѣдствіи, съ помощью Литвы, они сокрушили этотъ натискъ подъ Грюнвальденомъ и впродолженіе слѣдующаго полулѣтѣя ни на минуту не отступили отъ національной идеи, которую увѣнчалъ благоприятнымъ результатомъ торнскій миръ 1466 г. Отплачивая благодарностью Литвѣ и Руси, призывавъ на свой тронъ Ягеллоновъ, они втеченіе четырехъ вѣковъ несли на дальній востокъ западную цивилизацію и свой экономическій трудъ. Въ моментъ наибольшаго своего историческаго разцвѣта они даже стремились идти далѣе по этому пути, дошли до намѣренія призвать на польскій престолъ московскаго царя или посадить на царскій тронъ польскаго королевича; черезъ это они хотѣли укрѣпить принципъ власти, котораго имъ недоставало, государству царей открыть доступъ къ западной цивилизаціи и силою ея сгладить большія противоположности. Когда наступило время, они сокрушили средневѣковыя привилегіи и воздвигли прочныя основы для современнаго государства; всѣмъ сердцемъ и разумомъ они привязались къ пробуждавшемуся гуманизму и къ классическимъ наукамъ. Идя вмѣстѣ съ Западомъ, они бросились въ водоворотъ реформаціи, несшей съ собою новыя средства развитія и условія для правительственной реформы; къ несчастью, они уже не сумѣли воспользоваться ею въ политическомъ отношеніи точно такъ же, какъ впослѣдствіи, бросивъ реформацію,

не смогли извлечь выгоду изъ политическихъ началъ великой католической реакціи.

* * *

Итакъ, польскій умъ обладалъ нѣкогда болѣе широкими взглядами, польская грудь лелѣяла болѣе возвышенныя стремленія, чѣмъ тѣ, въ которыя заковали ихъ и невѣжество и близорукость въ эпоху упадка, и которыя идеализовала болѣзненная политика и ошибочная исторіографія послѣдняго времени. Если въ прошедшемъ есть что-либо, что можно уважать и любить, то это прошедшее нужно изслѣдовать не только съ тою цѣлью, чтобы остерегаться его ошибокъ, но и для того также, чтобы сохранить его здоровое наслѣдіе и успѣшно обладать имъ. Еслибы нашъ общественный трудъ совершался безъ этого глубокаго историческаго основанія, онъ былъ бы легкомысленной растратой дѣйствительныхъ силъ безъ возможности создать новыя. Лишь черезъ изслѣдованіе прошлаго проходить путь къ познанію и оцѣнкѣ тѣхъ матеріаловъ, съ помощью которыхъ мы дѣйствуемъ въ настоящее время и которые однако въ нашемъ историческомъ прошломъ имѣютъ свой источникъ и мѣру.

Кончается уже сто лѣтъ съ того момента, какъ лучшая часть народа явно и открыто порвала связь съ проявленіями зла и, выставивъ новую программу дѣятельности, принялась за тяжелый трудъ для ея осуществленія. Этотъ трудъ взяли на себя послѣдовавшія поколѣнія, втягивая въ него все болѣе и болѣе широкіе круги и слои общества, передавая имъ новые запасы опытности, новые источники мужества и силы. Теперь эта первоначальная программа уже не можетъ насъ удовлетворить. Ее выставили люди, которымъ была доступна и извѣстна только одна часть польской исторіи, эпоха упадка. Они создавали эту программу по принципу контраста, помѣшали въ нее все прямо противоположное тому, что развѣдало Польшу въ то время, вмѣсто грубаго матеріализма ставили идеализмъ, вмѣсто частныхъ интересовъ—самоотверженность, вмѣсто грѣховъ раскаяніе. Но высокая идея, которая ихъ оживотворяла, уже удовлетворена. Теперь мы уже можемъ эпохѣ паденія противопоставить эпоху возрожденія и, основываясь на ней, можемъ требовать и желать болѣе основательной, реальной программы дѣятельности. Эту задачу въ значительной части беретъ на себя новѣйшая исторіографія. Она именно, перекидывая мостъ черезъ эпоху паденія, старается связать нить теперешней работы польской съ великимъ трудомъ въ

эпоху историческаго разцвѣта Польши. Безъ того матеріала и содержанія, которые накопила эта культурная работа, польскій народъ не перенесъ бы временъ мрака и разстройства, не могъ бы возродиться, когда во второй половинѣ XVIII вѣка новое теченіе потрясло и увлекло его. Одно поколѣніе созидаетъ для другого, трудъ и работа каждаго отражаются не только во внѣшнихъ условіяхъ, но также въ характерѣ и темпераментѣ слѣдующаго поколѣнія, въ его запасахъ знанія и энергіи. Поэтому великую задачу исполняетъ исторіографія, которая старается воссоздать передъ глазами общества исторію въ ея цѣломъ, пробудить духъ, который оживлялъ ее, и скрытыя сокровища опытности вывести наружу.

Впрочемъ, обращаясь со всеѣмъ пыломъ къ историческимъ изслѣдованіямъ, не будемъ требовать отъ польской исторіи больше, чѣмъ она можетъ дать, не будемъ искать въ ней цѣлой программы для теперешней дѣятельности и работы, будемъ приравнивать новую программу къ новымъ пзмѣнившимся условіямъ. Прошлое, въ наибольшей своей части, не полагаетъ намъ никакого препятствія въ этомъ направленіи, потому что наибольшее поученіе отъ этого прошлаго несомнѣнно состоитъ въ томъ, что польскій народъ росъ и укрѣплялся только благодаря усвоенію себѣ полезныхъ пріобрѣтеній западной цивилизаціи, только расшпреніемъ кругозора своихъ убѣжденій и чувствъ, только благороднымъ трудомъ надъ самыми возвышенными задачами человечества.

Свѣдѣнія по политической географіи новѣйшей Польши.

Вытѣсненная нѣмецкимъ элементомъ изъ западныхъ своихъ владѣній, Польша уже въ первой половинѣ XIV вѣка начала свое культурное, народное и политическое движеніе на востокъ. Въ 1340 году она заняла Червонную Русь, въ 1385 и 1413 годахъ соединилась личной уніей съ литовскимъ государствомъ, въ 1430 году овладѣла Подоліей и всеѣми силами стремилась къ захвату Волини. Въ XV вѣкѣ мы видимъ еще стремленія возвратить Поморье и Силезію. Первое увѣнчивается благопріятнымъ результатомъ, послѣ продолжительныхъ войнъ съ Тевтонскимъ орденомъ (въ 1466 году устья Вислы возвращаются къ Польшѣ), но послѣднее уже не говоритъ чувству народа и не входитъ въ

сферу дѣятельности его. Съ тѣхъ поръ господствуетъ полное спокойствіе на западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ границахъ Польши. На сѣверѣ это спокойствіе обезпечивается Балтійскимъ моремъ, на западѣ его даетъ внутреннее разстройство Германіи, которое не позволяетъ помышлять ей о дальнѣйшемъ захватѣ славянскихъ земель; на югѣ все занято труднымъ и медленнымъ процессомъ соединенія Чехіи, Венгріи и Австріи съ новой монархіей Габсбурговъ. Польская политика съ XVI вѣка довольствуется этимъ спокойствіемъ, систематически отвергаетъ каждый случай для дѣятельнаго вмѣшательства въ дѣла юга и запада; Сигизмундъ Старый отказывается отъ своихъ претензій на тронъ Чехіи и Венгріи, Вазы даютъ отрицательный отвѣтъ на приглашеніе принять дѣятельное участіе въ тридцатилѣтней войнѣ, потому что польскій народъ видитъ свою миссію уже исключительно на востокѣ.

Этотъ самый выдающійся фактъ въ исторіи новѣйшей Польши мы можемъ въ значительной степени объяснить и растолковать ея географическими условіями.

Линія Карпатъ и линія Балтійскаго моря сходятся подъ острымъ угломъ къ западу. Польша, занимающая пространство между сторонами этого угла при его вершинѣ, распространялась къ востоку на подобіе вѣера. Защищенная съ одной стороны естественной границей Балтійскаго моря и Карпатъ, съ другой стороны она имѣла чрезвычайно обширную и вполне открытую границу, которую невозможно было обезпечить иначе, какъ безпрестанно отодвигая ее и занимая новыя пространства на востокѣ. Политическія отношенія чрезмѣрно облегчали эту задачу, потому что въ то время какъ на западѣ нужно было бороться съ государствами сплѣнѣе организованными, съ болѣе высокою общественной цивилизаціей,—надъ обширнымъ востокомъ Польша безусловно первенствовала и своей политической организаціей, и населенностью, и цивилизаціей. Отсюда движеніе на востокъ составляетъ все содержаніе новѣйшей исторіи Польши.

Это движеніе въ значительной степени зависѣло опять-таки отъ географическихъ условій той сцены, на которой оно совершалось и имѣло вліяніе. Ею служило большое пространство страны, перерѣзанное въ самой серединѣ рѣкою Припетью, которая, стремясь отъ запада къ востоку, впадаетъ въ Днѣпръ. Окруженная большими болотами, она препятствовала соединенію между сѣвромъ и югомъ. Поэтому-то движеніе Польши на востокъ, встрѣтивъ въ прямомъ направленіи болота Припяти, должно было раз-

дѣлиться на два пути, изъ которыхъ одинъ устремился на сѣверо-востокъ, другой же на юго-востокъ. Итакъ, по двумъ отдѣльнымъ дорогамъ поляки подвигались въ глубь Литвы и Малороссіи.

На каждой изъ этихъ дорогъ поляки нашли различныя условія не только политическія, но и географическія, къ которымъ они должны были приспособиться. На сѣверномъ пути они встрѣтили пространство, которое само по себѣ составляло извѣстное цѣлое. То былъ бассейнъ Нѣмана и Двины, въ которомъ давнымъ-давно осѣли литовскія племена и образовали отдѣльное государство. Съ бытомъ этого государства, съ его организаціей Польша должна была считаться. Она заключала съ Литвой, какъ государство съ государствомъ, уніи, сначала личную (городельскую 1413 г.), позже парламентскую (люблинскую въ 1569 г.), но только въ 1791 г. удалось добиться правительственной уніи. Подъ влияніемъ уніи Литва принимала польскую церковь, польскія учрежденія, языкъ и цивилизацію, но дѣлала это сама; польская колонизація на Литвѣ не принимала въ этомъ никакого участія, потому что была рѣдкой. Сѣверный край, наполненный озерами, болотами и лѣсами, не могъ привлекать къ себѣ польскаго земледѣльца. Иначе происходило на югѣ, въ странѣ плодородныхъ и ждавшихъ земледѣльской обработки степей. Тутъ, въ бассейнѣ Днѣстра, Буга и Днѣпра (по его нижнему и среднему теченію) жило малорусское населеніе, которое вслѣдствіе татарскихъ нападений издавна утратило и политическое существованіе, и центръ своего развитія и жизни. Тутъ существовали отдѣльныя, подчинявшіяся разнымъ влияніямъ, опустошенныя области, потому что государства уже не было. Желая занять ихъ, нужно было освободить ихъ изъ-подъ чуждаго господства—татаръ и Литвы, и колонизовать. Путемъ послѣдовательной колонизаціи и обороны, оружіемъ и плугомъ подвигалась Польша въ глубь Малороссіи, занимая въ ней сначала Червонную Русь (1340), потомъ Подолію (1430), наконецъ Волинь съ Кіевомъ (1569) и образуя изъ нихъ воеводства, одинаковыя со всеми другими.

Унія съ Литвою и занятіе Малороссіи отодвинули восточную границу Рѣчи Посполитой за линію Днѣпра и Двины и, чрезмѣрно расширивъ ее, тѣмъ самымъ сдѣлали защиту ея болѣе трудной. Единственной обороной могло стать дальнѣйшее движеніе на востокъ. Если однако этому движенію нужно было совершиться счастливо, то предварительно необходимо было исправить существовавшія до тѣхъ поръ границы. Прежде чѣмъ Польша успѣшно двинулась на Литву и южную Русь, она предварительно

заняла Пруссію и Червонную Русь, т. е. обезпечила себѣ линію Карпатъ и Балтійскаго моря. Теперь, прежде чѣмъ она могла распространить свое вліяніе на Москву, она должна была обезпечить границы Руси и Литвы на дальнѣйшей линіи Карпатъ и Балтики. Литва не могла сдѣлаться исходнымъ пунктомъ для движенія на востокъ до тѣхъ поръ, пока устья ея судоходныхъ рѣкъ, Нѣмана и Двины, пока княжеская Пруссія и Лифляндія не находились въ польскихъ рукахъ, пока съ этой стороны, съ тыла, могъ угрожать непріятель. Равнымъ образомъ и южная Русь не могла успокоиться и послужить исходнымъ пунктомъ, пока устья Днѣстра, Буга и Днѣпра и Черное море на продолженіи линіи Карпатъ не подчинились польской власти. Надъ этой двойною задачею трудится Польша въ новѣйшей исторіи, къ этой двойной цѣли направляются всѣ ея военныя дѣйствія, лифляндскія войны и валашскіе походы. Она не могла достигнуть этой цѣли,—причины этому мы представили въ ея исторіи,—и поэтому не смогла двинуться дальше на востокъ. Ея войны съ Москвою остались безуспѣшны, напротивъ того, московское государство приобрѣло Лифляндію отъ шведовъ, Черное море—отъ татаръ и турокъ и, обошедши такимъ образомъ литовско-русскія провинціи Рѣчи Посполитой, легко могло захватить ихъ.

Намъ слѣдуетъ по порядку отвѣтить на вопросъ: что служило основою для территоріальныхъ подраздѣленій въ новой Польшѣ? Отвѣтъ въ принципѣ нетруденъ. Новое время получило эти основы по наслѣдству отъ среднихъ вѣковъ, но подъ вліяніемъ новыхъ факторовъ измѣнило ихъ и придало имъ новое значеніе.

Эти факторы мы можемъ собрать въ двѣ группы. Къ первой мы причислимъ религію, просвѣщеніе и нравы, обнимая ихъ общимъ именемъ цивилизаціи. Она приобрѣла себѣ въ Польшѣ сильную опору въ итальянскомъ гуманизмѣ, впоследствии она одинаково развивалась благодаря какъ реформаціи, такъ и наступившей за ней католической реакціи, такъ, наконецъ, и подъ французскимъ вліяніемъ и выработалась въ цѣльную польскую цивилизацію, которая обнаружилась въ польскомъ литературномъ языкѣ, въ богатой латинской и польской литературѣ, въ двухъ-обрядной, но все-таки католической церкви, въ польско-шляхетскихъ обычаяхъ. Эта цивилизація стирала всѣ прелія этнографическія различія и разницу въ обычаяхъ и, если не привела къ единству всѣхъ обитателей обширнаго государства, то, по

крайней мѣрѣ, создала полное единство высшихъ общественныхъ слоевъ: шляхты и горожанъ.

Другую группу факторовъ, которымъ мы можемъ дать одно общее названіе политическихъ, мы находимъ въ новыхъ учрежденіяхъ Польши: законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ. Въ началѣ XVI вѣка эти учрежденія сосредоточиваются одинаково какъ во власти монарха, такъ и во власти сейма; вскорѣ однако польскій парламентаризмъ захватываетъ всѣ ихъ въ кругъ своего могущественнаго вліянія и исключительно присвоиваетъ себѣ вѣдѣніе пми. Централистическій при Ягеллонахъ и при Станиславѣ Августѣ, онъ долгое время дѣйствуетъ центробѣжно, разбиваетъ сеймъ на сеймики, не позволяетъ возвыситься нераздѣльной сильной правительственной власти, предоставляетъ отдѣльнымъ территориямъ чрезмѣрную свободу, но, несмотря на эту безграничную свободу, а, быть можетъ, собственно черезъ нее, не позволяетъ имъ идти особымъ путемъ,—какъ это совершалось въ средніе вѣка,—не позволяетъ имъ создавать отдѣльные институты, но своимъ сильнымъ круговращеніемъ стираетъ всѣ ихъ въ общественномъ и политическомъ отношеніи въ рыхлую, рассыпчатую, но однообразную массу.

Слѣдовательно, культурные и политическіе факторы дѣйствовали согласно между собою въ направленіи единообразія, въ духѣ уничтоженія различій, полученныхъ отъ среднихъ вѣковъ. Прежде всего мы видимъ, что поочередно стираются и исчезаютъ всѣ тѣ прежнія подраздѣленія, которымъ не удалось найти себѣ мѣсто въ польскомъ парламентаризмѣ:

1) Повѣты (powiaty), съ упадкомъ всеобщаго ополченія, утрачиваютъ свое значеніе; въ военной организаціи они сохраняютъ его дольше, но только въ земскомъ судопроизводствѣ до половины XVIII вѣка, а до конца удерживаютъ его лишь въ городскомъ судопроизводствѣ; но черезъ это самое всѣ тѣ повѣты, которые принадлежали къ одному городу, сливаются и соединяются другъ съ другомъ.

2) Земли вполне теряютъ *автономію* въ области судопроизводства и закона; и многія земли, принадлежащія къ одному и тому же воеводству, соединяются между собою и поглощаются воеводствомъ.

3) Съ упадкомъ генеральныхъ сеймиковъ въ XVII вѣкѣ падаетъ также дѣленіе на удѣлы (dzielnice), за исключеніемъ королевской Пруссіи, которая, въ качествѣ особаго удѣла, сохраняетъ свою организацію.

4) Вслѣдствіе люблинской уніи 1569 г. еще удерживается понятіе двухъ государствъ, называемыхъ народами и имѣющихъ каждое особое правительство, Короны и Литвы, но четырехлѣтній сеймъ 1791 г., создавая единое правительство, и это понятіе устраняетъ фактически.

5) Удерживается и укрѣпляется единственно дѣленіе на воеводства, какъ парламентскія единицы, имѣющія свои сеймики, и черезъ то самое представляющія единицы въ конфедераціяхъ, военной службѣ, налогахъ, судопроизводствѣ, администраціи. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ вырабатывается однако почти полное сходство между отдѣльными воеводствами; всѣ они объединяются и соединяются въ общемъ сеймовомъ движеніи.

6) Надъ воеводствами создается дѣленіе на провинціи, посредствомъ соединенія удѣловъ: Великую Польшу (съ Мазовіей и Пруссіей), Малую Польшу (со всею южной Русью) и Литву; однако же это дѣленіе удерживается единственно въ трибуналахъ и имѣетъ въ парламентской организаціи только второстепенное значеніе.

По если эти принципы территоріальныхъ подраздѣленій новой Польши можно безъ труда розыскать и объяснить, то подробное ихъ примѣненіе встрѣчаетъ чрезвычайныя трудности. Одна изъ нихъ заключается въ томъ, что прежнія дѣленія уничтожались только медленно и постепенно, и черезъ это дѣленіе непрерывно измѣнялось. Другую трудность мы видимъ въ томъ обстоятельстве, что измѣненія совершались не на основаніи всеобщихъ, заранѣе обдуманыхъ постановленій, но чаще всего или въ силу обычая, или же по частнымъ постановленіямъ, не одновременно въ различныхъ концахъ государства. Третья трудность вытекаетъ изъ второй. Ею является большая неопредѣленность подраздѣленій. Извѣстное дѣленіе исчезаетъ и снова появляется и снова исчезаетъ, прежде чѣмъ окончательно уничтожится или утвердится. Поэтому, желая подробно и вѣрно представить территоріальныя дѣленія новой Польши, нужно было бы предпринять Сизифовъ трудъ не только надъ томами законовъ (*Volumina legum*),—какъ первостепеннымъ источникомъ въ этомъ отношеніи, но также и надъ историческими источниками каждаго въ отдѣльности воеводства и повѣта. Мы ограничиваемся здѣсь слѣдующими указаніями.

Польскую Рѣчь Посполитую составляли два государства:

А) **Корона**, въ свою очередь составлялась изъ двухъ провинцій:

1. **Великая Польша** (*провинція*) заключала воеводства:

1. Познанское съ землею всховскою. Общій сеймикъ съ воеводствомъ кашпшскимъ въ Сродѣ. Чиновники: воевода и каштелянъ познанскіе и каштеляны: мендзыржецкій, рогозинскій, шремскій, пржеменцкій, крживенскій и сантоцкій. Генераль-староста познанскій надъ повѣтами: познанскимъ, косцянскимъ и валецкимъ. Староста ¹⁾ всховскій надъ землею всховскою.

2. Калишское. Чиновники: воевода и каштелянъ калишскіе и каштеляны: гнѣзненскій, нагельскій, лендскій, бѣховскій и каменскій. Генераль-староста познанскій властвовалъ надъ всеми повѣтами калишскаго воеводства: калишскимъ, конинскимъ, пыздрскимъ, нагельскимъ, гнѣзненскимъ и кцынскимъ.

Въ 1758 г. повѣты гнѣзненскій и кцынскій были отдѣлены, и изъ нихъ образовано воеводство гнѣзненское.

3. Сѣрадзское съ землею велюнской. Сеймикъ въ Шадекѣ. Чиновники: воевода и каштелянъ сѣрадзскіе и каштеляны розперскій и конарскій.

Староста сѣрадзскій надъ повѣтами: сѣрадзскимъ, шадковскимъ; петроковскій надъ петроковскимъ и радомскимъ.

Староста и каштелянъ велюнскій и староста остржешовскій надъ повѣтами земли велюнской: велюнскимъ и остржешовскимъ.

4. Лэнчицкое. Сеймикъ въ Лэнчицѣ. Чиновники: воевода и каштелянъ лэнчицкіе и каштеляны: бржезинскій, иновлодзскій, спыцымерскій, конарскій.

Староста лэнчицкій надъ повѣтами: лэнчицкимъ, бржезинскимъ, орловскимъ и иновлодзскимъ.

5. Брестъ-куявское. Сеймикъ въ Радзѣвѣ, общій съ воеводствомъ куювскимъ, исключая добржинскую землю. Чиновники: воевода и каштелянъ брестъ-куявскіе и каштеляны: крушвицкій, ковальскій, конарскій.

Гродскіе старосты въ повѣтахъ: брестскомъ, радзѣвскомъ, крушвицкомъ, ковальскомъ и преждецкомъ.

6. Иновроцлавское съ присоединенной къ нему въ XVIII вѣкѣ добржинской землею. Чиновники: воевода и каштелянъ иновроцлавскіе и каштелянъ быдгощскій.

Старосты: иновроцлавскій и быдгощскій въ повѣтахъ того же названія.

Каштеляны: добржинскій, рыпинскій и слонскій и староста добровицкій надъ повѣтами земли добржинской: добржинскимъ, рыпинскимъ и слонскимъ (липновскимъ).

¹⁾ Мы упоминаемъ конечно лишь гродскихъ старостъ (starostowie grodowi).

7. Плоцкое. Сеймикъ въ Раценжѣ, подъ конецъ въ Плоцкѣ. Чиновники: воевода и каштелянъ плоцкіе и каштеляны раценжскій и серпскій.

Староста плоцкій надъ повѣтами: плоцкимъ, бѣльскимъ, раценжскимъ, серпскимъ, плонскимъ, шренскимъ, недзборскимъ и млавскимъ (три послѣднихъ назывались землею завскржинскою).

8. Равское. Общій сеймикъ лишь съ 1766 г. въ Болимовѣ. Чиновники: воевода равскій. Это воеводство составляетъ изъ трехъ земель:

а) равская; сеймикъ въ Равѣ. Каштелянъ и староста равскіе надъ повѣтами равскимъ и бѣльскимъ;

б) сохачевская; сеймикъ въ Сохачевѣ. Каштелянъ и староста сохачевскіе надъ повѣтами сохачевскимъ и мщановскимъ;

в) гостынская; сеймикъ въ Гостыни. Каштелянъ и староста гостынскіе надъ повѣтами гостынскимъ и гомбинскимъ.

9. Мазовецкое. Общій сеймикъ въ Варшавѣ. Чиновники: воевода мазовецкій. Это воеводство составляетъ изъ земель, отдѣльно отправлявшихъ сеймики:

а) черская; каштелянъ и староста надъ повѣтами: черскимъ, гроецкимъ, варецкимъ и гарволинскимъ;

б) варшавская; каштелянъ и староста надъ повѣтомъ варшавскимъ, блонскимъ и тарчинскимъ;

в) висская; каштелянъ и староста надъ повѣтами: висскимъ, вонсоскимъ и радзивиловскимъ;

г) вышеградская; каштелянъ и староста;

д) закромимская; каштелянъ и староста надъ повѣтами: закромимскимъ, сероцкимъ и корчинскимъ (powomiejski);

е) цѣхановская; каштелянъ и староста надъ повѣтами: цѣхановскимъ, сонхоцинскимъ и праснышскимъ;

ж) ломжинская не имѣла особаго каштеляна. Староста надъ повѣтами: ломжинскимъ, колинскимъ, замбровскимъ и остроленковскимъ.

з) рожанская не имѣла каштеляна. Староста рожанскій надъ повѣтами рожанскимъ и маковскимъ;

и) ливская; каштелянъ ливскій, староста корытницкій;

к) нурская не имѣла каштеляна. Староста нурскій надъ повѣтами: нурскимъ, каменьчиковскимъ и островскимъ.

Въ составъ Великой Польши входила наконецъ, какъ особый удѣлъ, *королевская Пруссія съ Варміей*, отправлявшая особый

сеймикъ, такъ наз. прусскій генеральный въ Грудзіонжѣ (Grudziądzu) или Мальборгѣ, и составлявшаяся изъ воеводствъ:

10. Хелминское съ мпхайловскою землею. Сеймикъ попеременно въ Радзинѣ и Ковалевѣ. Чиновники: воевода хелминскій и каштелянъ хелминскій надъ повѣтами: хелминскимъ, торнскимъ, грудзіонжскимъ, радзинскимъ и ковалевскимъ и надъ повѣтами земли мпхайловской: бродницкимъ и новомѣйскимъ. Судебное мѣсто шляхты (gród) въ Ковалевѣ.

11. Мальборгское. Сеймикъ въ Штумѣ. Чиновники: воевода мальборгскій и каштелянъ эльбингскій надъ повѣтами: мальборгскимъ, штумскимъ, кишпорекскимъ и эльбингскимъ (эльблонгскимъ). Судебное мѣсто въ Штумѣ.

12. Поморское. Сеймикъ въ Старогродѣ. Чиновники: воевода поморскій и каштелянъ гданскій. Повѣты: пуцкій, косцѣржинскій, гданскій, тчевскій, скаршевскій, новскій, свѣцкій, тухольскій, члуховскій, мираховскій. Судебное мѣсто въ Скаршевѣ.

Вармія, епископское княжество, входившее въ составъ Пруссіи, а вмѣстѣ съ нею въ составъ Великой Польши.

II. **Малая Польша** (провинція) состояла изъ воеводствъ:

1. **Краковское**. Сеймикъ въ Прошовицахъ. Актомъ уніи 1564 г. въ его составъ включено княжество освѣнцимское, приобрѣтенное въ 1453 г. Казиміромъ Ягеллономъ, и княжество заторское, приобрѣтенное въ 1494 г. Яномъ Альбрехтомъ. Съ этимъ воеводствомъ, кромѣ того, соединялись: а) княжество сѣверское, приобрѣтенное въ 1446 г. Сбигнѣвомъ Олесницкимъ для краковскихъ епископовъ; б) староство спижское, приобрѣтенное въ залогъ отъ венгерскихъ королей въ 1412 году Владиславомъ Ягеллою.

Чиновники: воевода и каштелянъ краковскій и каштеляны: сондецкій, войшпцкій, бечскій и освѣцимскій.

Староста краковскій надъ повѣтами: краковскимъ, прошовицкимъ, ксенскимъ и делевскимъ.

Староста бечскій надъ повѣтами бечскимъ и чховскимъ.

Староста сондецкій надъ повѣтами сондецкимъ и шаржицкимъ.

Староста освѣцимскій надъ повѣтами освѣцимскимъ и заторскимъ, которые имѣли особый сеймикъ.

2. **Сандомірское**. Сеймикъ въ Опатовѣ. Чиновники: воевода и каштелянъ сандомірскій и каштеляны: вислицкій, радомскій, завихойскій, жарновскій, малопольскій и поланецкій. Старосты: сандомірскій и новокорчипскій.

Составляется изъ трехъ земель: а) сандомірской (повѣты сан-

домірскій, вислицкій и пильзенскій); б) радомской (повѣты радомскій, опочинскій и хенцинскій); с) стенжицкой.

3. Люблинское. Сеймикъ въ Люблинѣ. Чиновники: воевода и каштелянъ люблинскіе.

Староста луковскій надъ землею луковской.

4. Русское. Чиновники: воевода русскій. Составлялось изъ трехъ частей, отдѣльно отправлявшихъ сеймики:

а) земли: львовская съ повѣтомъ жидачовскимъ; перемышльская, дѣлившаяся на повѣты перемышльскій и пржеворскій, и саноцкая. Сеймикъ въ Вишнѣ. Каштеляны: львовскій, перемышльскій, саноцкій. Старосты: львовскій, жидачовскій, перемышльскій, саноцкій;

б) земля галицкая съ повѣтами: галицкимъ, терембовльскимъ и коломыйскимъ. Сеймикъ въ Галичѣ. Каштелянъ галицкій. Староста галицкій и терембовльскій;

с) земля холмская, раздѣленная на повѣты холмскій и красноставскій. Сеймикъ въ Холмѣ. Каштелянъ холмскій. Староста холмскій и красноставскій.

5. Белзское. Сеймикъ въ Бужскѣ. Чиновники: воевода и каштелянъ белзскіе и каштелянъ любачовскій.

Старосты: белзскій, бужскій (надъ бужскою землею), грабовецкій и городельскій.

6. Подольское. Сеймикъ въ Каменцѣ. Чиновники: воевода подольскій и каштелянъ каменецкій. Старосты: каменецкій (надъ повѣтами каменецкимъ и червоноградскимъ) и летичевскій.

7. Подляшское, земля старинныхъ Ятвяговъ (jadzwingów), заселенная польской колонизаціей изъ Мазовіи впродолженіе XV столѣтія, въ политическомъ отношеніи принадлежала къ Литвѣ, но при Сигизмундѣ I перешла подъ польское право и отдѣльнымъ актомъ уніи 1569 г. вошла, въ качествѣ воеводства, въ составъ Короны. Сеймикъ въ Мельникѣ. Чиновники: воевода и каштелянъ подляшскіе.

Староста дрогицкій надъ дрогицкой землей.

Староста мельницкій надъ мельницкой землей.

Староста брянскій надъ бѣльской землей, раздѣленной на повѣты: брянскій, тыкоцинскій, суражскій.

8. Волынское, нѣкогда удѣльное русское княжество, завоеванное Гедиминомъ, принадлежало къ Литвѣ, вошло въ составъ Короны въ 1569 г. особымъ актомъ уніи. Чиновники: воевода волынскій. Старосты: луцкій, владимірскій и кременецкій.

9. Брацлавское, возникло вслѣдствіе распространенія колони-
очеркъ ист. польши. т. II.

заціи изъ Подоліи и Волыни въ глубь степей, организовалось въ особое воеводство въ началѣ XVI вѣка; принадлежа къ Волыни, вмѣстѣ съ нею перешло къ Коронѣ актомъ уніи 1569 г.

Чиновники: воевода и каштелянъ брацлавскіе, староста вилицкій. Повѣты: брацлавскій, винницкій и звенигородскій (zwinogrodzki).

10. **Кіевское**, прежде удѣльное русское княжество, завоеванное Гедиминомъ, принадлежало къ Литвѣ, соединилось съ Короною особымъ актомъ уніи въ 1569 г.; однако его заднѣпровская часть вмѣстѣ съ Кіевомъ отпала отъ Польши по андрусовскому договору 1667 г.

Сеймики попеременно въ Житомирѣ и Овручѣ. Чиновники: воевода и каштелянъ кіевскіе. Старосты: кіевскій, житомирскій и овручскій.

11. **Черниговское**, составляло нѣкогда часть кіевского княжества, послѣ поляновскаго мира организовано въ воеводство въ 1635 г., уступлено Россіи по андрусовскому договору 1667 г. Чиновники: воевода и каштелянъ черниговскіе. Старосты: черниговскій и новгородскій.

В) Литва, государство и провинція, составлялась изъ слѣдующихъ воеводствъ:

1. **Виленское**, прежде княжество литовское, со времени городельской уніи 1413 г. воеводство. Чиновники: воевода и каштелянъ виленскій. Старосты: виленскій, опмянскій, лидскій, вилькомирскій и брацлавскій въ повѣтахъ того же названія.

2. **Троцкое**, прежде княжество литовское, воеводство со времени городельской уніи. Чиновники: воевода и каштелянъ троцкіе. Старосты: троцкій, гродненскій, ковенскій и унитскій въ повѣтахъ того же названія.

3. **Жмудское** староство, прежде княжество литовское, даже послѣ люблинской уніи сохранило многое изъ своей прежней особенной организаціи. Дѣлилось на двадцать восемь такъ называвшихся волостей (wołości), впоследствии переименованныхъ въ повѣты, во главѣ которыхъ стояли тиуны (ciwunowie). Въ судебномъ отношеніи оно составляло два округа, называвшихся репартиціямп (repartycye): росенскій и тельшевскій (впоследствии шавельскій). Во главѣ всей земли стояли староста, который за сѣдалъ въ сенатѣ (воеводы не было), и каштелянъ жмудскіе.

4. **Новогрудское**, земля, занятая литовскими князьями въ половинѣ XIII вѣка, составляла особое княжество, организованное въ

воеводство въ началѣ XVI вѣка. Чиновники: воевода и каштелянъ новогрудскіе.

Старосты новогрудскій, слонимскій и волковышскій въ повѣтахъ того же названія.

Къ новогрудскому повѣту причислялось княжество слудское, которымъ правили потомки Ольгерда, князя слудскіе, вплоть до первой половины XVII вѣка, находясь въ зависимости отъ великихъ князей литовскихъ.

5. Брестъ-Литовское, составляло предметъ споровъ между князьями Литвы и Червонной Руси, окончательно занято Литвою въ 1316 г., принадлежало къ княжеству троцкому, отъ котораго было отдѣлено въ 1569 г., какъ особое воеводство. Чиновники: воевода и каштелянъ брестъ-литовскіе.

Старосты: брестскій и пинскій въ повѣтахъ того же названія:

6. Минское. прежде русское княжество, въ началѣ XIV вѣка присоединенное къ Литвѣ, въ началѣ XVI вѣка организованное въ воеводство. Чиновники; воевода и каштелянъ минскіе.

Старосты: минскій, мозырскій и рѣчицкій въ повѣтахъ того же названія.

7. Полоцкое, нѣкогда русское княжество, присоединенное къ Литвѣ въ половинѣ XIII вѣка, организованное въ воеводство въ началѣ XVI вѣка. Чиновники: воевода и каштелянъ полоцкій. Это воеводство образуетъ только одинъ повѣтъ.

8. Витебское, прежде русское княжество, присоединенное къ Литвѣ Ольгердомъ, организованное въ воеводство въ началѣ XVI вѣка. Чиновники: воевода, каштелянъ и староста витебскіе, въ повѣтахъ витебскомъ и оршанскомъ.

9. Мстиславское, прежде русское княжество, подчиненное Литвѣ подъ управленіемъ отдѣльныхъ князей изъ рода Ольгерда, со времени люблинской уніи воеводство, образующее одинъ повѣтъ. Чиновники: воевода, каштелянъ и староста мстиславскіе.

10. Смоленское, прежде русское княжество, присоединенное къ Литвѣ Витовтомъ въ 1403 году, впоследствии организованное въ воеводство. Смоленскъ, завоеванный Москвою въ 1513 г., опять приобрѣтенъ Сигизмундомъ III въ 1611, уступленъ по андрусовскому перемирію 1667 г. Чиновники: воевода и каштелянъ смоленскіе. Старосты: смоленскій и стародубскій въ повѣтахъ того же названія.

11. Лифляндское, земля Меченосцевъ, подчинилась Польшѣ въ 1561 г., въ 1582 г. раздѣлена Баторіемъ на воеводства: дерптское, венденское и перновское. При Сигизмундѣ III эти воевод-

ства завоевали шведы, отъ которыхъ въ 1660 г. была опять приобрѣтена только часть надъ Двиною. Въ 1667 г. она была организована въ Лифляндское воеводство съ воеводой и каштеляномъ лифляндскимъ и старостой динабургскимъ.

Находились въ вассальной зависимости отъ Польши: княжество прусское до 1657 г., княжество курляндское съ 1561 г. и временно въ XVI вѣкѣ Молдавія.

